947.08
Д 935

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

30/I-39. Цен. 2 с 5 Кур.

~~13 6 до 27/I-39.~~

212-13/X-39

Колич. предыд. выдач

Дневникъ

Елизаветы Дьяконовой

на высшихъ женскихъ курсахъ

1895-1899

376

Лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко Москва.

Ко
в 34 г.
ЭК

ДНЕВНИКЪ

ЕЛИЗАВЕТЫ ДЬЯКОНОВОЙ.

НА ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСАХЪ.

(1895—1899 г.)

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

98986
Центральное книгохранилище
Моск. Обл. библиотека
947.08
Д-935

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1905.

Московская Центральная
Публичная Библиотека

6
14418

Редакція *второго* изданія Дневника Е. Дьяконовой „На Высшихъ Женскихъ Курсахъ“ оставлена безъ измѣненій; въ книгу добавлено нѣсколько записей автора, относящихся къ 1897 г. (15 авг.—5 сент.).

Цѣль этого изданія, какъ и перваго — образованіе капитала для стипендіи имени автора въ Обществѣ для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ въ С.-Петербургѣ.

ДНЕВНИКЪ ЕЛИЗАВЕТЫ ДЬЯКОНОВОЙ.

На Высшихъ Женскихъ Курсахъ.

1895 годъ.

С.-Петербургъ, 22 августа.

Я пишу въ небольшой комнатѣ, которую мы съ сестрой наняли въ какихъ-то номерахъ сегодня утромъ, пріѣхавъ съ вокзала Николаевской ж. д.

Третьяго дня, возвращаясь домой, я увидѣла сестру бѣжавшую ко мнѣ навстрѣчу: „Лиза, иди домой скорѣе, пришла бумага съ курсовъ!"—Ты видѣла конвертъ? спросила я. „Да, пакетъ большой".—Ну, значитъ, бумаги возвращены; меня не приняли,—сказала я и хотѣла бѣжать поскорѣе, но ноги не слушались и подкашивались.

Я вошла прямо въ залу, въ комнату мамы; толстый пакетъ лежалъ на столѣ. „Что это тебѣ прислали?" спросила мама.

Я ничего не отвѣтила и, взявъ пакетъ, побѣжала къ себѣ въ комнату; заперлась... Руки у меня опустились, я сѣла въ кресло... Не надо было и вскрывать конверта, чтобы убѣдиться въ его содержимомъ. Машинально разорвала я его,—мой дипломъ и другіе документы упали ко мнѣ на колѣни; выпала и маленькая бумажка, которой извѣщали меня, что я не принята на курсы „за неразрѣшеніемъ моей матери". Я сидѣла неподвижно. Ударъ грома, молнія, упавшая у моихъ ногъ, не могли бы теперь заставить меня пошевельнуться.

Я встала, легла на постель... Мнѣ вдругъ показалось, что въ комнатѣ стало ужасно тихо: слышно, какъ муха пролетитъ. Я чувствовала, что глаза мои влажны, но слезъ не было... Я лежала неподвижно, точно меня придавили свинцомъ, точно меня кто сильно ударилъ... Что-жъ теперь? Ѣхать заграницу, ѣхать въ Петербургъ?..

А сестры наверху съ тревогой ожидали меня.

Сколько времени—не знаю, но я все-таки встала, пошла къ нимъ и молча подала имъ бумажку. Тѣ прочли и молча опустили головы. Я начала говорить, что сейчасъ пойду къ матери, въ послѣдній разъ просить ея согласія, и сказать ей, что я ѣду въ Петербургъ. Какъ ни старалась я быть спокойной, но голосъ мой дрожалъ и прерывался.—Если она не дастъ согласія, то я поѣду заграницу, тогда... только вы не говорите, что я васъ бросила—не выдержала я и закрыла лицо руками. „Лиза, полно, не плачь“, успокаивали меня сестры.—Нѣтъ, Валя, вѣдь ты еще не замужемъ, а мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты вышла при мнѣ. Тогда я могла бы быть спокойна за тебя и за Надю, — сквозь слезы сказала я. —„Ну, полно: о насъ нечего безпокоиться; надо думать о тебѣ“—утѣшали меня сестры.

Времени терять было нельзя, я пошла къ матери; но развѣ когда-нибудь ея желѣзная воля могла быть сломлена? Холодный отрицательный отвѣтъ; ироническое: „поѣзжай, куда ни сунься, безъ согласія матери тебя не примутъ“... Оставалось рѣшить, когда ѣхать въ Петербургъ. Рѣшила завтра. Весь вечеръ пролежала у себя въ комнатѣ въ какомъ-то полусонномъ состояніи и не могла ни двигаться, ни говорить.

Но вечеромъ, часовъ въ 9, за полчаса до отхода парохода, я вдругъ рѣшила ѣхать; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. У мамы въ это время сидѣлъ чиновникъ изъ Сиротскаго Суда; дѣти убѣжали играть. Мы были втроемъ на антресоляхъ. Минута была самая благопріятная.—Надя, я ѣду! сказала я сестрѣ;—одѣвайся. Наши сборы были не долги. Потихоньку спустились мы съ лѣстницы. чтобы незамѣтно уйти чернымъ ходомъ. Но въ коридорѣ насъ ждала горничная. Мама, очевидно, подозрѣвала что-то и велѣла ей сидѣть внизу у лѣстницы.—„Пожалуйте къ мамашѣ“—сказала мнѣ моя дуэнья. Я быстро и рѣшительно вошла. Мама сидѣла съ чиновникомъ. По моему дорожному костюму, она сразу поняла въ чемъ дѣло.—„Куда ты ѣдешь?“—Въ Петербургъ,—твердо отвѣчала я, сама удивляясь странной звучности своего голоса.—„Какъ,

и не простившись со мной?“—продолжала мама тѣмъ же удивленнымъ тономъ. Я отлично видѣла притворство и ничего не отвѣтила.—„Зачѣмъ ты ѣдешь?“ продолжала мама, какъ будто нарочно, разговаривая при постороннемъ, выставляла передъ нимъ свое семейное дѣло.

— Мнѣ пора...—сказала я и повернулась, чтобы выйти.—„Какъ ты можешь... безъ спросу“... слышала я вслѣдъ... И все это не скрывая, при постороннемъ... О-о! если-бъ этотъ звукъ могъ выразить стонъ души человѣческой, который былъ готовъ вырваться у меня, когда я вышла изъ залы.

Надо было торопиться. Быстро сбѣжали мы по черному ходу внизъ, мимо изумленныхъ горничныхъ; пробѣжали по двору. Луна ярко свѣтила. Мы не шли, а бѣжали по улицѣ, торопясь нанять извозчика. Наконецъ, черезъ полчаса, мы были на пристани; нѣсколько минутъ спустя были уже на пароходѣ и ѣхали въ Рыбинскъ.

Никогда не забуду я этой ясной, холодной августовской ночи. Мы ѣхали болѣе сутокъ... дорога длинная, скучная... Я старалась спать какъ можно больше. Иногда только въ головѣ проносились какіе-то обрывки мыслей: „вотъ пріѣду въ Петербургъ, поговорю съ директоромъ... почему онъ въ мартѣ позволилъ мнѣ подать прошеніе, а затѣмъ вдругъ отказалъ въ пріемѣ за неразрѣшеніемъ матери? Какъ онъ узналъ, что у меня есть мать? Если ничего не удастся, выправлю себѣ заграничный паспортъ“...

... Сюда мы пріѣхали вчера утромъ. Я не обратила ни малѣйшаго вниманія на столицу, которую видѣла въ первый разъ въ жизни. Прямо изъ номера я поѣхала въ Исаакіевскій соборъ; что то подсказывало мнѣ: поѣзжай сначала *туда*, иначе ничего не выйдетъ. Я быстро вошла въ соборъ, упала на колѣни въ темномъ углу и пробормотала горячую, безсвязную молитву; потомъ бросилась на первую попавшуюся конку... Съ непривычки мнѣ было очень неловко пересаживаться съ одной конки на другую; наконецъ, сойдя со второй, съ помощью какого-то добраго человѣка, я пошла на 10-ую линію, д. № 33. Два швейцара въ ливреяхъ стояли у крыльца. Я поднялась по каменной лѣстницѣ въ большую прихожую. Въ домѣ шла передѣлка; всюду виднѣлись столы, вещи, вынесенныя изъ другихъ комнатъ, стояли ведра съ краской и валялись кисти.

Я спросила, можно ли видѣть директора.—„Онъ только что уѣхалъ“,—отвѣтилъ швейцаръ, „пожалуйте въ канцелярію къ его

секретарю". Нечего было дѣлать; надо было хоть что-нибудь узнать, и я отправилась въ канцелярію. Молодой человѣкъ сидѣлъ у письменнаго стола и писалъ. Онъ весело и любезно освѣдомился кто я такая, и узнавъ, какъ меня зовутъ, воскликнулъ: —„а, это вы! Знаете ли, у насъ изъ-за васъ возникло цѣлое дѣло!" Я съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.—„Дѣло въ томъ, что вы были приняты"...—Позвольте, какъ же это? прервала я его:— 20 числа я получила бумагу съ отказомъ.—„Вотъ именно. А между тѣмъ вы были приняты, и вамъ послана повѣстка 9 августа. Но мы получили письмо отъ вашей матери: она перехватила эту повѣстку и написала намъ, чтобы директоръ не принималъ васъ, потому что она, вслѣдствіе разныхъ домашнихъ обстоятельствъ, запрещаетъ вамъ поступать на курсы. Тогда мы выслали вамъ бумаги обратно, съ отказомъ". Я слушала молча... мнѣ нужно было сохранить приличное спокойствіе, надо было собрать всю силу воли, чтобы на лицѣ не было замѣтно того, что происходило у меня на душѣ. А между тѣмъ... о, Боже мой! Страшное негодованіе на низкій поступокъ матери, на ея безсердечіе, казалось, лишило меня способности соображать и думать. А-а! Такъ вотъ какъ! Да! вѣдь это ея манера дѣйствовать изъ-за угла, потихоньку наносить ударъ тогда, когда его меньше всего ожидаютъ. Ну, что же? Вѣдь я знаю свою мать настолько, что должна была ожидать и этого; но все-таки ударъ былъ неожиданъ...

—„Вы могли бы указать въ прошеніи другой адресъ", сказалъ мнѣ секретарь.—Вотъ этого я не догадалась.—„Но вѣдь вы совершеннолѣтняя?"—Да, какъ видите, Сиротскій Судъ мнѣ уже выдалъ свидѣтельство о безбѣдномъ существованіи.—„Эхъ, дѣло-то какое! Вѣдь у васъ серебряная медаль, помилуйте! вы были приняты... Сегодня еще у насъ былъ о васъ разговоръ съ директоромъ. Васъ, пожалуй, придется принять... вотъ только вы переговорите съ директоромъ. Право, такой исключительный случай. Съ одной стороны—письмо вашей матери, съ другой—всѣ права на поступленіе"...—Скажите, можно сегодня видѣть директора?— спросила я.—„Въ виду такихъ исключительныхъ обстоятельствъ, какъ ваши, вы, какъ пріѣзжая можете явиться къ нему на квартиру, и онъ васъ приметъ. Онъ теперь остановился у брата,— Невскій, 163... Вы можете застать его дома часовъ въ 5".

— „Благодарю васъ".—„Не стоитъ, объяснитесь съ директоромъ. Да, вышло цѣлое дѣло"... весело повторялъ секретарь, видимо довольный тѣмъ, что у нихъ, на курсахъ, вышло „цѣлое дѣло".

Я поѣхала домой. Мнѣ вдругъ показалось очень интереснымъ ѣхать по петербургскимъ улицамъ и смотрѣть на все, что попадалось на пути. Я пріѣхала въ свой номеръ въ самомъ оживленномъ, приподнятомъ настроеніи, и наскоро пообѣдавъ въ какой-то кухмистерской, отправилась къ директору. Найти его квартиру было вовсе не трудно. Директоръ обѣдалъ, но все-таки вышелъ ко мнѣ. Это былъ господинъ среднихъ лѣтъ, брюнетъ, съ просѣдью; круглое лицо, прямой проборъ на головѣ, ласковые, темные глаза и модная бородка клиномъ. Узнавъ мою фамилію, онъ слово въ слово повторилъ разсказъ секретаря и, сказавъ то же: „такой рѣдкій, исключительный случай", велѣлъ мнѣ на другой день явиться на курсы къ 12-ти часамъ. Было только 6 час. вечера, когда я вышла отъ директора. Что было дѣлать цѣлый вечеръ? Я пошла по Невскому... Какое мнѣ было дѣло до этой толпы, безпрерывно мелькавшей у меня передъ глазами?..

На другой день, съѣздивъ съ сестрой въ Петропавловскій соборъ, я пріѣхала на курсы. Цѣлый часъ пришлось дожидаться директора: онъ ѣздилъ съ докладомъ къ министру. Двери канцеляріи постоянно отворялись, являлись барышни съ неизмѣннымъ вопросомъ: позвольте узнать, принята я, или нѣтъ,—и секретарь то отвѣчалъ утвердительно, и тогда барышни уходили веселыя и довольныя, то отрицательно—тогда слѣдовалъ печальный вопросъ—почему же? Одной при мнѣ возвратили документы, другой, замужней, директоръ отказалъ потому, что мужъ ея не имѣлъ служебнаго положенія въ Петербургѣ...

Наконецъ, директоръ сказалъ мнѣ:—„Пожалуйте. Все, что я могу для васъ сдѣлать—посовѣтовать обратиться къ попечителю округа съ прошеніемъ, въ которомъ вы изложите всѣ обстоятельства дѣла. Онъ человѣкъ добрый, быть можетъ онъ и сдѣлаетъ для васъ что нибудь". Онъ далъ мнѣ адресъ М. Н. Капустина, и сказалъ, что я могу его застать дома въ 3 часа. Придя въ номеръ, я написала прошеніе и поѣхала. Извозчикъ попался довольно безтолковый, онъ не могъ найти квартиры по данному адресу; пришлось справляться въ участкѣ и городовой проводилъ меня и сестру до дверей квартиры. Намъ отворилъ лакей, чрезвычайно добродушнаго вида. Первымъ его словомъ было:—„сегодня его превосходительство не приказывали никого принимать". —Мнѣ невозможно ждать! воскликнула я. Я пріѣзжая, мнѣ каждый часъ дорогъ, и я не могу ждать до завтра. Добродушный человѣкъ сразу вошелъ въ мое положеніе и рѣшилъ принять меня

на свой рискъ, въ виду того, что я пріѣзжая. Попечитель долженъ былъ пріѣхать не ранѣе 4-хъ час. Мы погуляли въ Лѣтнемъ саду и въ 4 часа я пришла опять. Дверь была отворена; лакей сбѣгалъ наверхъ и черезъ минуту сказалъ:—„пожалуйте. Его превосходительство очень занятъ; у него инспекторъ и еще кто-то"... Я вошла въ небольшую гостиную; лакей понесъ мое прошеніе въ кабинетъ, оттуда слышались голоса; мое прошеніе прочитали вслухъ, и не успѣла я поднять глазъ, какъ высокій и худой старикъ очутился предо мною.—„Видите ли, сударыня, дѣло такого рода... я ничего не могу сдѣлать. Хотя вы и совершеннолѣтняя, но послушаніе родителямъ тоже дѣло необходимое. Все, что я могу для васъ сдѣлать—написать вашей матери письмо, уговорить ее позволить вамъ учиться. Можетъ быть она и послушаетъ меня, старика". И прежде чѣмъ я успѣла что-нибудь сказать, онъ усѣлся за столъ и велѣлъ мнѣ сказать адресъ. Крайне неловко было оторвать его, пока онъ записывалъ, а между тѣмъ я знала, что его превосходительство дѣлаетъ совершенно безполезную попытку. Онъ записалъ адресъ.—„Ну, вотъ теперь я напишу вашей матушкѣ, а вы подождете здѣсь отвѣта. До понедѣльника."—Ваше превосходительство, я не могу жить здѣсь такъ долго; къ тому же это все равно безполезно: въ силу разъ установившихся предразсудковъ, она не сдастся ни на чьи просьбы...—„Г-м... Но все-таки я напишу, а она пусть отвѣтитъ мнѣ телеграммой. Надо ждать до субботы".—Ваше превосходительство, все равно это безполезно, сказала я.—„Если вы не примете меня здѣсь—я уѣду въ Швейцарію, мнѣ ничего болѣе не осталось", говорила я, и голосъ мой зазвенѣлъ, въ немъ слышалась энергія отчаянія: я чувствовала въ себѣ силу, защищая свое право.—„О, какая же вы самостоятельная!" удивился попечитель.—„Позвольте, вдругъ вспомнилъ онъ. Знаете-ли, что и въ медицинскій институтъ должны поступать съ позволенія родителей; я сейчасъ покажу вамъ правила".—Неправда, ваше превосходительство,—достигшія 21 года принимаются безъ позволенія родителей—быстро отвѣтила я, совсѣмъ забывъ, съ кѣмъ я говорю.—„Не можетъ быть, я покажу вамъ правила". Онъ вошелъ въ кабинетъ и вынесъ оттуда книжку. Въ дверяхъ стояли три господина въ синихъ фракахъ, которые вышли изъ кабинета и молча смотрѣли на эту сцену. Его превосходительство быстро прочелъ § и вдругъ запнулся: „лица, недостигшія 21 года, должны предъявлять позволеніе родителей". —„Гм... вы правы... да... до 21 года... Такой рѣдкій, исключитель-

ный случай"... Онъ былъ озадаченъ и, очевидно, самъ растерялся, не зная, что со мною дѣлать. Онъ усадилъ меня у окна въ кресло; самъ сѣлъ напротивъ.—„Разскажите мнѣ, кто вы такая?" Въ краткихъ словахъ разсказала я ему о моей семьѣ. Онъ удивился:—„да откуда же вы такая самостоятельная?"

— У меня есть средства послѣ отца; и поэтому я поѣду заграницу, если меня здѣсь не примутъ.—„Извините, но который вамъ годъ?" — 15 августа мнѣ исполнится 21 г. — „Скажите! Каково нынѣшнее молодое поколѣніе, обратился попечитель къ господамъ, неподвижно стоявшимъ все время у дверей.—Такъ и рвется къ образованію! Намъ, старикамъ, стыдно. Ну, хорошо; я поговорю о васъ съ министромъ; приходите завтра, постараюсь сдѣлать, что могу"... добродушно проговорилъ попечитель, ласково беря меня за руку. — Ваше превосходительство!... Я не могла болѣе сказать ни слова, и слезы такъ и хлынули изъ глазъ.—„Ну, ну, успокойтесь, приходите завтра", проговорилъ онъ, провожая меня въ переднюю.

Дошло до министра! Что можетъ выйти? Дальше идти некуда, надо возвращаться обратно... Но я все-таки не оставлю этого дѣла: если сейчасъ получу отказъ, если мое право на продолженіе образованія не будетъ признано... тогда я прямо отъ Капустина ѣду въ редакцію газеты „Новое Время" и разсказываю тамъ все... Пусть эта исторія будетъ предана гласности; я обращаюсь къ общественному мнѣнію, къ мнѣнію печати, которая, конечно, должна обратить вниманіе на возможное повтореніе такихъ случаевъ.

24 августа.

Сижу въ Лѣтнемъ саду и пишу. Сейчасъ надо идти къ попечителю. Но мнѣ уже все безразлично... Я такъ утомлена этими мытарствами, что мнѣ совершенно все равно, каковъ бы ни былъ отвѣтъ попечителя. Надо собираться ѣхать въ Швейцарію, и я уже думаю о томъ, гдѣ и какъ достать заграничный паспортъ.

24 августа. Вечеромъ.

Я принята! О наконецъ-то, наконецъ я добралась до пристани. Курсы для меня—пристань, съ которой я отправлюсь „въ плава-

ніе по волнамъ моря житейскаго". Когда сегодня я шла къ попечителю, странное дѣло: несмотря на то, что я уже ни на что не надѣялась, я думала: неужели мое случайное знакомство съ Э—номъ, возобновленіе знакомства съ М. Я. П. было напрасно? Знакомство съ одною изъ слушательницъ курсовъ и моя переписка съ нею—неужели и это было напрасно? Тогда, зимой, я сочла это за добрый знакъ, а теперь? Казалось невѣроятнымъ, чтобы это было напрасно. Все это явилось такъ случайно, и именно въ послѣдній годъ, когда мнѣ было особенно нужно. И еще: я замѣтила, что мнѣ ничего въ жизни не дается сразу, а непремѣнно пройдя черезъ нѣсколько препятствій, даже до смѣшного: несмотря на точный адресъ М. Н. Капустина, я и то не могла сразу найти его квартиру...

Размышляя такимъ образомъ, я незамѣтно дошла до квартиры. Попечитель былъ занятъ: въ его кабинетѣ слышался женскій голосъ. Я ждала, стоя у стѣны въ гостиной. Черезъ нѣсколько минутъ нарядная дама промелькнула мимо меня въ прихожую, попечитель вышелъ вслѣдъ за ней въ гостиную.—„А-а, это вы? пожалуйте сюда", проговорилъ онъ, уходя въ кабинетъ. Я вошла вслѣдъ за нимъ въ большую свѣтлую комнату; посрединѣ ея стоялъ письменный столъ, напротивъ него большая, занимавшая почти всю стѣну, горка съ книгами. По стѣнамъ висѣло нѣсколько портретовъ въ золоченныхъ рамахъ; между ними, напротивъ дверей, портретъ самого попечителя въ полной парадной формѣ. На этотъ разъ онъ былъ во фракѣ со звѣздами, но безъ лентъ. Взявъ длинную трубку, онъ усѣлся на софу у дверей и усадилъ меня напротивъ.—„Ну-съ, вы меня извините, что я закурю трубку, вѣдь я человѣкъ старый", и онъ спокойно развалился на креслѣ. —„А я, знаете-ли, все-таки написалъ письмо вашей матушкѣ; быть можетъ, она послушаетъ меня, старика". Я невольно подумала: экій упрямый старичекъ, все-таки сдѣлалъ по своему, вѣдь я уже вчера говорила ему что это безполезно.—Ваше превосходительство, вѣдь это все равно напрасно: чѣмъ выше лицо, которое къ ней обращается, тѣмъ болѣе удовольствіе для нея отказать. —„Ну, знаете-ли, я все-таки написалъ. А если она не согласится, я васъ приму" — какъ-то мелькомъ сказалъ онъ, переходя къ письменному столу.—„Присядьте". Я сѣла въ почтительномъ разстояніи.„—Не здѣсь, не здѣсь, я вѣдь глухъ, садитесь сюда, къ столу". Я сѣла. Его превосходительство взялъ мое прошеніе и началъ что-то писать на немъ.—„Ну, скажите, почему же вы увѣ-

рены, что она не согласится и послѣ моего письма?“ — Ваше превосходительство, я отвѣчу откровенно, чтобы дать вамъ вполнѣ ясное понятіе о томъ, какъ у насъ смотрятъ на курсы. Когда я просила свою мать дать согласіе, она сказала мнѣ: будь дѣвицей извѣстнаго поведенія—сказала я,—постѣснявшись употребить подлинное ея выраженіе. — Какъ видите, при такомъ предубѣжденіи трудно идти противъ; и при томъ, по мнѣнію моей матери, разъ я имѣю средства, я не должна учиться, а сидѣть дома и ждать жениховъ.— „Ну, замужъ вы всегда успѣете выйти, вы еще молоды. Вы можете на этотъ счетъ успокоить вашу матушку“. — Да, но въ нашемъ сословіи интеллигентный молодой чаловѣкъ, служащій, не считается женихомъ, если не имѣетъ своего состоянія.—„Но я все-таки скажу вамъ, что мы очень обязаны нашимъ родителямъ, что они — неоплатный долгъ. И ваша мать, когда вы были ребенкомъ много дѣлала для васъ; и теперь, быть можетъ, еще дѣлаетъ. Вы будьте къ ней почтительны. Скажите, въ какихъ отношеніяхъ вы съ ней находитесь?“ Этотъ неожиданный вопросъ смутилъ меня. — Какъ вамъ сказать, ваше превосходительство, я не знаю...—„Ну, вотъ, видите, сами не знаете. А вы должны быть все-таки почтительны, не раздражайтесь ея сопротивленіемъ, Вы, такъ сказать, не будируйте противъ вашей матушки“. — Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, ваше превосходительство.— —„Ну вотъ. Постарайтесь. А я вамъ скажу, что ваше желаніе учиться мнѣ очень симпатично. Я попечитель округа, и очень радъ видѣть стремленіе молодежи къ образованію. Это очень, очень симпатичное желаніе“. Онъ всталъ и подалъ мнѣ мое прошеніе, на которомъ во время нашего разговора не переставалъ писать что-то.—„Вотъ ваше прошеніе, можете передать директору“. Я удивилась, развернула бумагу; тамъ было написано: „Г-ну Директору Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Съ согласія его сіятельства, господина министра, разрѣшаю принять въ число слушательницъ, съ помѣщеніемъ въ интернатѣ“.—Такъ меня примутъ? — радостно воскликнула я. — „Да, да, ваше желаніе мнѣ очень симпатично“. — О, ваше превосходительство, какъ я вамъ благодарна! сказала я, и слезы невольно показались на глазахъ.—Боже мой! Какъ я вамъ благодарна! Но (я вспомнила характеръ моей мамы) извините... если моя мать напишетъ вамъ рѣзкое письмо... Вы не разсердитесь на меня и не велите исключить? взволнованно заговорила я. — „Ну мало ли я получалъ въ жизни рѣзкихъ писемъ“, спокойно и добродушно отвѣтилъ прекрасный старикъ.

„Не безпокойтесь, конечно, васъ не исключатъ“. Говоря это, онъ двигался взадъ и впередъ по комнатѣ и разбирался на столѣ, не глядя на меня, точно онъ старался не замѣчать выраженій благодарности, точно онъ не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь зналъ о томъ, что онъ поступилъ хорошо. Онъ подалъ мнѣ руку и прервалъ меня:—„теперь, когда вы приняты, вы должны поддерживать репутацію курсовъ“.—Я буду подчиняться всѣмъ правиламъ, ваше превосходительство.—„Вотъ именно; политикой не занимайтесь и вообще ведите себя такъ, чтобы не уронить достоинства курсовъ“. — Я буду считать за честь учиться на нихъ — сказала я, стоя уже въ передней.—„Да, именно, считайте за честь; слѣдуйте моимъ совѣтамъ“—быстро кончалъ нашъ разговоръ попечитель, хотя давно уже простился со мною. Взволнованная вышла я на улицу; въ прихожей дожидалась меня Надя и тамъ, слыша, что я плачу, и вообразивъ, что меня не приняли, и сама заплакала. Но одного взгляда на мое лицо достаточно было, чтобы убѣдиться въ противномъ.

Сегодня въ 12 часовъ я пришла къ директору и молча подала ему конвертъ съ прошеніемъ попечителю и остальными документами, которые были мнѣ возвращены. Онъ любезно поздравилъ меня съ поступленіемъ.—„Но все-таки вы постарайтесь убѣдить вашу мать; это во всякомъ случаѣ непріятно; вы будьте къ ней почтительны“. Я обѣщала директору исполнить все. Сегодня выѣхала съ сестрою въ Москву.

Интернатъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ,
8 сентября.

Вотъ я и здѣсь. Сидя спокойно за высокими казенными стѣнами, беру моего молчаливаго друга и опять начинаю по старому бесѣдовать съ нимъ. Съ чего же начать? Столько разныхъ впечатлѣній, все такъ не похоже на прежнюю мою жизнь.

Вся недѣля отъ моего пріѣзда въ Ярославль и до отъѣзда въ Петербургъ прошла въ приготовленіяхъ къ отъѣзду; только по пріѣздѣ въ Москву я почувствовала, какъ я устала... Мнѣ необходимо было спокойствіе, безконечное спокойствіе. Мнѣ хотѣлось какъ можно долѣе сохранить его, и я ни о чемъ не говорила мамѣ, такъ что она была увѣрена, что всякія хлопоты были безполезны. Должно быть, я очень измѣнилась за эти дни: хотя и

ничего не говорила, но мое блѣдное лицо выдавало меня и вызывало удивленіе родныхъ и знакомыхъ. За день до отъѣзда я вошла въ комнату мамы, чтобы въ послѣдній разъ говорить съ ней. Вышла сцена; слезы, крики, упреки, брань. Я все время молчала. На другой день надо было ѣхать. Вечеромъ меня позвали прощаться въ первый разъ; мама выбранила меня и выгнала изъ комнаты; черезъ часъ потребовала опять къ себѣ. Я пришла, мама сухо протянула мнѣ руку для поцѣлуя, не сказавъ ни слова. Я уже совсѣмъ одѣлась ѣхать на вокзалъ; горничная пришла въ третій разъ:—„пожалуйте опять къ мамашѣ“. Я вошла въ спальню; мама, уже собиравшаяся ложиться спать, съ распущенными волосами, съ плачемъ обняла меня:—„прощай, прощай, ты уѣзжаешь, мы съ тобой болѣе не увидимся, прощай!“—Полно мама, напрасно ты думаешь, что мы больше не увидимся: я пріѣду на Рождество.—„Нѣтъ, прощай, прощай, прощай! Ты бросаешь мать, Богъ съ тобою!“

Все это казалось мнѣ сценой. Должно быть, я уже отъ всего пережитого напряженія такъ устала, что была неспособна чувствовать что-либо, и отнеслась ко всему спокойно: мама поступала, какъ поступаютъ всѣ нервные люди, и эти быстрые переходы вовсе не имѣли глубины чувства... Но разстаться съ сестрами было не легко. Меня провожали всѣ—и онѣ, и братья. Милые! такъ хотѣла бы я видѣть ихъ всѣхъ теперь возлѣ себя.

Я пріѣхала въ Москву къ тетѣ. Это въ сущности добрая и любящая женщина, встрѣтила меня, по наружности холодно:—„Ты все таки уѣзжаешь?“—но по добротѣ своей она не могла не пожалѣть меня:—„на что ты рѣшаешься? что ты дѣлаешь? Подожди, заведешь ты тамъ разныя знакомства, и непремѣнно, даже противъ воли, впутаешься въ какую-нибудь исторію. Знаемъ мы этихъ студентовъ, и поэтому мнѣ очень, очень жаль тебя, что ты рѣшаешься такъ огорчить свою мать и ѣхать въ Петербургъ“. Скромно опустивъ глаза, слушала я эти рѣчи. Мнѣ было и смѣшно и жалко, и я не возражала теткѣ; да и безполезно было бы возражать: надо доказывать своимъ примѣромъ, а не словомъ несправедливость ихъ воззрѣній. 4-го я пріѣхала сюда.

Днемъ былъ молебенъ; пріѣхалъ и М. Н. Капустинъ и нѣкоторые изъ профессоровъ. Мы всѣ подходили къ кресту мимо директора и попечителя. Я стояла одна въ этой шумной толпѣ. Ни души знакомой кругомъ; я перекинулась двумя-тремя словами съ нѣкоторыми изъ слушательницъ; у всѣхъ ихъ были свои

землячки только что пріѣхавшія, то знакомыя, у меня не было никого.

Въ интернатѣ былъ страшный безпорядокъ: совсѣмъ не ожидали громаднаго наплыва слушательницъ, и комнаты были еще не готовы; но и готовыя предназначались не для слушательницъ I курса, а для II; имъ, какъ жившимъ въ старомъ интернатѣ, отдавалось предпочтеніе передъ новичками. Онѣ еще не съѣзжались, и вотъ временно насъ помѣщали въ эти комнаты.

Весь день прошелъ какъ-то безтолково: невозможно было вынуть свои вещи и разобраться, если помѣщеніе это было временное; книги мои были уложены и заперты, достать ихъ нельзя,— что хочешь, то и дѣлай въ 4-хъ стѣнахъ. Я отправилась осматривать свое помѣщеніе. Интернатъ представляетъ собою большую гостинницу, устроенную просто и удобно, по всѣмъ правиламъ гигіены; вездѣ чистота; нарядныя горничныя снуютъ по корридору. Всѣмъ пріѣзжимъ было предложено жить у родственниковъ и знакомыхъ, буде они найдутся, нѣсколько времени, за недостаткомъ помѣщенія въ интернатѣ. Такъ какъ у меня никого не было, то меня и помѣстили временно; это не совсѣмъ-то рекомендовало дѣятельность комитета, хотя они и оправдывались „неожиданнымъ наплывомъ“, что было довольно наивно съ ихъ стороны; мы должны были подвергнуться всѣмъ прелестямъ неудобствъ неустроенныхъ помѣщеній. Первую ночь я провела въ сырой и нетопленной комнатѣ; было страшно холодно.

На другой день начались лекціи, т. е., собственно говоря, была читана одна по русской исторіи. Я вошла въ аудиторію съ чувствомъ какого-то ожиданія, свободно, безъ всякаго благоговѣнія, но отнеслась ко всему съ спокойнымъ интересомъ. Я усѣлась на скамьѣ повыше; шумъ и крикъ стояли въ аудиторіи. Вдругъ все стихло. На каѳедру вышелъ профессоръ русской исторіи С. Середонинъ. Это еще не старый человѣкъ, очень некрасивый, съ короткими руками и какимъ то скрипучимъ голосомъ. Онъ прочелъ вступительную рѣчь. Едва онъ началъ говорить—я впилась глазами въ его лицо, ловя каждое слово и такъ и застыла въ этомъ положеніи до конца лекціи. Предметъ былъ интересенъ, а читалъ онъ плохо; ему сильно мѣшалъ картавый выговоръ и какой-то страшный звукъ голоса.

Онъ говорилъ о движеніи исторической мысли, начиная съ перваго писаннаго учебника русской исторіи: тутъ впервые услышала я о „Синопсисѣ“, трудахъ Татищева... Но первая же лек-

ція показала мнѣ мое круглое невѣжество: я ничего не читала по русской исторіи, и поэтому вся лекція для меня была новостью.

Въ этотъ день лекцій больше не было. Я пошла въ библіотеку, взяла каталогъ и, при видѣ массы книгъ, пришла въ отчаяніе: никогда во всю жизнь не прочтешь и сотой доли всего, что надо бы прочесть, никогда! И я не знала за что взяться; растерявшись, я начала спрашивать заглавія книгъ—одно другого лучше: увидѣла въ каталогѣ Токвиля—оказалось, не выдаютъ безъ разрѣшенія профессора; я разсердилась и спросила жизнь І. Хр. Ренана... Библіотекарша съ удивленіемъ взглянула на меня. Кончилось тѣмъ, что я взяла какое-то сочиненіе Тьерри и, придя къ себѣ въ комнату, въ отчаяніи бросилась на постель. Ничего я не знаю! ничего! и въ 21 годъ!

9 сентября.

Такъ много новаго; такъ много людей; вся обстановка до такой степени непохожа на ту, въ которой я жила не дольше какъ недѣлю—двѣ тому назадъ,—мнѣ кажется, что я попала въ другой міръ. И вотъ я стараюсь изъ всѣхъ силъ разобраться въ этой массѣ новаго, массѣ новыхъ лицъ, которая меня окружаетъ; выбрать изъ небольшой среды тѣхъ, съ которыми познакомилась, наиболѣе интересныхъ, развитыхъ, общество которыхъ было бы и пріятно и полезно... Я разговариваю, иногда даже вступаю въ споръ (впрочемъ, онъ никогда не бываетъ особенно интересенъ, или значителенъ), стараясь угадывать людей по мнѣніямъ, которыя они высказываютъ... Иногда это оказывается вовсе не трудно; я сразу опредѣляю человѣка (конечно, приблизительно: знать до тонкости—вовсе не каждаго интересно, только нѣкоторые люди заслуживаютъ такого внимательнаго изученія, а масса... зачѣмъ терять время?). Конечно, гимназистки, только что окончившія курсъ, не могутъ представить никакого интереса; я стараюсь знакомиться съ такими, которыя уже не первый годъ кончили гимназію. Правильное чтеніе лекцій еще не началось; и пока есть свободное время, я осматриваюсь и разбираюсь въ людяхъ. Теперь я замѣтила одну особу очень умную, начитанную и развитую, но съ ней трудно сойтись; она хотя слегка и сентиментальна, но не старается знакомиться съ кѣмъ бы то ни было; держится въ сторонѣ и усердно занимается по пособіямъ, указаннымъ профессоромъ. Это: сочиненіе Бестужева-Рюмина: Рус.

Центральная книгохранилище библиотеки
Московская Центральная Публичная библиотека

исторія т. I, Біографіи и характеристики; статьи Милюкова въ Р. М. за послѣдніе 2—3 года; Кояловичъ: изъ исторіи Русскаго самосознанія. Я тоже занимаюсь по этимъ же пособіямъ, но далеко не такъ, какъ она: она и лучше образована, да и среда была очень благопріятная для ея развитія (она дочь инспектора историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ). И поэтому она работаетъ, а я просто занимаюсь, читаю, составляю конспекты. Въ одной изъ этихъ же книгъ читаю: „когда Погодинъ, будучи студентомъ 1-го курса, спросилъ у профессора, что читать ему по русской исторіи, тотъ сказалъ: читайте „Нестора". И я, слѣдуя своей несчастной привычкѣ сравненія, сейчасъ же привожу нашъ примѣръ; а мы что читаемъ? Намъ не рекомендовали „Нестора"...

Жизнь въ интернатѣ идетъ пока очень тихо и однообразно: въ $11^1/_2$ движеніе вездѣ затихаетъ, въ коридорѣ гасятся огни, всѣ, за немногими исключеніями, ложатся спать, и встаютъ часовъ въ 8.

Немудрено, что это время, когда и живешь не на своемъ мѣстѣ, и лекцій нѣтъ, да и знакомство пока мало подходящее, ближе сойтись сразу ни съ кѣмъ нельзя, мы такъ мало другъ друга знаемъ,—такое время, какъ эта недѣля—право представляетъ картину какого-то броженія. Я вспоминаю о своихъ, и мнѣ дѣлается иногда просто скучно безъ нихъ, и тоска одиночества тяжело ложится на душу. Зато, когда подумаешь о лекціяхъ, взглянешь на расписаніе, висящее въ коридорѣ, чувствуешь такое ожиданіе: вотъ-вотъ откроются двери куда-то... и передъ нами раскроется новое, невѣдомое... а что именно? что? и сердце невольно замираетъ и хочется, чтобы все началось скорѣе.

12 сентября.

Сегодня мама прислала свое согласіе, форменное разрѣшеніе на имя директора. Сегодня же я получила отъ сестеръ письмо, въ которомъ онѣ сообщали, почему она согласилась. Оказывается, она все-таки не повѣрила моимъ словамъ, что меня приняли и, пославъ отказъ въ отвѣтъ на письмо попечителя, была увѣрена, что меня не примутъ. Спустя нѣсколько дней она опять получила отъ Капустина письмо (только теперь случайно узнала я, что онъ рѣшилъ добиться согласія мамы такимъ образомъ: время отъ времени писать ей письма и уговаривать ее, несмотря на ея отрицательные отвѣты), и такъ какъ я еще раньше сказала ей, что въ случаѣ чего—уѣду за границу, то она вдругъ испугалась

такой близкой возможности моего отъѣзда; и вотъ, въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, согласіе было написано, подписано и отправлено тогда... когда, въ сущности, уже его и не нужно было. Но все-таки я была рада. И директоръ очень доволенъ. Когда мнѣ разсказали о Капустинѣ, что онъ былъ у насъ на курсахъ, говорилъ съ директоромъ обо мнѣ и рѣшилъ писать мамѣ, — я удивилась благородному характеру и добротѣ этого человѣка. Что я ему? А между тѣмъ онъ столько для меня сдѣлалъ; онъ, человѣкъ занятый, заваленный дѣлами, хотѣлъ писать какой-то неизвѣстной ему дамѣ, мало того, что онъ меня принялъ, онъ хотѣлъ вполнѣ удовлетворить и нравственное чувство. Стою ли я всего, что онъ для меня сдѣлалъ? Въ первый разъ въ жизни встрѣчаю я такого человѣка, въ первый разъ и навѣрно въ послѣдній. Если для меня сдѣлаетъ что-нибудь человѣкъ вполнѣ мнѣ равный, я буду ему благодарна; если такой, для котораго я что-нибудь сдѣлала — неудивительно. Но тутъ Капустинъ и я; сравненіе немыслимо. И еще находятся люди, которые утверждаютъ, что благодарность—тяжелое чувство. Я этого не понимаю. Если бы я была обязана человѣку вполнѣ мнѣ равному, я бы съ нетерпѣніемъ выжидала случая доказать ему свою признательность; теперь—я обязана человѣку, стоящему неизмѣримо выше меня во всѣхъ отношеніяхъ, который никогда не можетъ нуждаться во мнѣ... ну что же остается, какъ не чувствовать благодарность, глубокую, безпредѣльную признательность, почти благоговѣніе? А могутъ развѣ быть тяжелы такія чувства — лучшія движенія души человѣческой?...

Вечеромъ я была у Капустина, благодарила его за участіе. Онъ вышелъ ко мнѣ, поговорилъ немного о письмахъ.—„Ну, вотъ и прекрасно. Все-таки она (т. е. мама) согласилась; гораздо лучше начинать всякое дѣло съ материнскаго благословленія, съ ея согласія“. Онъ спросилъ о лекціяхъ: начались-ли?—„Вѣдь весело, право?“—Еще бы, ваше превосходительство! — „Вотъ теперь все хорошо; ну, учитесь. До свиданія“. Онъ подалъ мнѣ руку, и я отправилась домой очень довольная, что видѣла попечителя.

16 сентября.

Я была въ гостяхъ у одной дамы, съ которой познакомилась, когда ѣхала въ Петербургъ въ первый разъ; у нея дочь очень

образованная и интересная особа, курсистка 70-хъ годовъ. Она мнѣ много разсказывала о курсахъ. Оказалось, что много изъ того, что я слыхала въ провинціи и отъ родныхъ, и чему не вѣрила, считая это или сплетнями, или же пережитками 60-хъ годовъ, — оказалось, что все это имѣетъ свое основаніе. Она мнѣ разсказала и о случаѣ на балу въ пользу недостаточныхъ слушательницъ: какіе-то господа стали говорить рѣчи, а распорядительницу бала потребовали къ градоначальнику. И это меня возмутило: я вообще противъ тѣхъ, которые только говорятъ. А тутъ они, зная прекрасно, что курсы могутъ закрыть изъ-за всякаго пустяка, захотѣли скомпрометировать балъ, который доставляетъ средства нуждающимся!

На-дняхъ, послѣ лекціи, насъ собралось человѣкъ 10, 12, и разговоръ зашелъ о курсовыхъ порядкахъ: въ большинствѣ было замѣтно недовольное, будирующее настроеніе,—директора бранили, интернатъ тоже. Относясь ко всему хладнокровно, я спросила: за что же, господа, вы недовольны директоромъ? Что онъ вамъ сдѣлалъ? На этотъ вопросъ никто не могъ дать яснаго отвѣта, но недовольны были всѣ изъ-за небольшого безпорядка въ пріемной: не было вывѣшено правилъ, и часы пріема не обозначены, о нихъ заявлялъ устно швейцаръ всѣмъ приходящимъ. Но изъ-за этого еще не стоило волноваться... Слово-за-слово, мнѣ стали возражать; я хотѣла доказать, что нѣкоторые интернатскіе порядки имѣютъ свое основаніе, и разсказала имъ случай съ слушательницей. Это ихъ не убѣдило, и симпатіи оказались на сторонѣ студента. Тогда я увлеклась; говоря противъ такихъ господъ, я сказала, что они больше говорятъ, чѣмъ дѣлаютъ, и... сдуру разсказала имъ и о балѣ. Я вспылила, и невольно у меня вырвалось восклицаніе объ этихъ ораторахъ: подлецы, дурачье! сами не знаютъ, что говорятъ, лишь бы только говорить! и о тѣхъ, кому они могутъ повредить своими рѣчами, не думаютъ! Имъ-то хорошо, университетъ не закроютъ, а къ курсамъ-то придерутся изъ-за пустяка. И кромѣ того, они развѣ не знаютъ, что балъ дается съ благотворительною цѣлью?!

Поднялся страшный крикъ; всѣ стали съ мѣстъ и дружно напали на меня. Трудно было разобрать возраженія, но весь этотъ крикъ былъ протестомъ противъ моихъ рѣзкихъ словъ.

— Какъ вы можете такъ говорить! Вы не имѣете права называть такъ лучшихъ людей! Да знаете, если бы вы были студентомъ и вы бы сказали это, вамъ бы дали пощечину.

— А я бы дала ему двѣ! рѣзко возразила я.—Чѣмъ это они являются лучшими людьми? Они говорятъ, и только говорятъ, и больше ничего, презрительно замѣтила я.

— Ну и пусть говорятъ! Иной разъ рѣчью больше сдѣлаешь! Пусть даже невинные страдаютъ—въ такомъ дѣлѣ простительно и забыть о другихъ! Вотъ у васъ какія убѣжденія!

— Для чего же вы ѣхали въ Петербургъ? накинулась на меня одна изъ самыхъ юныхъ курсистокъ.—Вотъ мы ѣхали не только для того, чтобы ходить на лекціи да заниматься наукой, это слишкомъ мало; надо узнавать людей, жизнь, слушать и сходиться съ такими людьми...

— Да, спокойно отвѣтила я И—вой,—я ѣхала въ Петербургъ учиться, заниматься; также и узнавать людей, но не для того, чтобы слушать эти рѣчи, слегка презрительно докончила я.

Опять поднялся шумъ. Вся эта молодежь оказалась такою идеальною, такою вѣрующей въ прекрасныя слова и жаркія рѣчи, что мнѣ оставалось съ честью ретироваться.—„Г-да, очень пріятно видѣть, что вы всѣ такіе идеальные; что вы такъ горячо относитесь ко всему тому, о чемъ я говорила. Но я и не гонюсь за тѣмъ, чтобы итти впередъ; я скромно пойду позади. Что-жъ дѣлать: вы идеалистки, я — нѣтъ. Во всякомъ случаѣ пріятно видѣть, что вы всѣ въ этомъ отношеніи очень идеальны“...

Всѣ притихли... на мои слова имъ было нечего возражать: я сразу понявъ ихъ, и чтобы прекратить безполезный споръ, нарочно повернула разговоръ, какъ будто бы беря всю вину на себя.

Мы разошлись. Но я сдѣлала большую глупость, сразу высказавъ имъ свои убѣжденія именно на этотъ счетъ: лучше бы молчать; впрочемъ, объ этомъ не стоитъ жалѣть. Что за бѣда, если и высказалось? по крайней мѣрѣ пусть знаютъ...

26 сентября.

Наконецъ-то я слышала Гревса—этого любимаго профессора нашихъ слушательницъ, котораго ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ, и который, наконецъ, пріѣхалъ и вчера читалъ вступительную лекцію. За полчаса до начала аудиторія уже переполнилась народомъ: всюду, гдѣ только можно было встать и сѣсть,

даже на каѳедрѣ, такъ что профессоръ вошелъ, съ трудомъ пробираясь между слушательницами. Онъ среднихъ лѣтъ; худощавый брюнетъ съ длиннымъ и тонкимъ лицомъ, съ темными глазами, очень болѣзненный на видъ. Войдя на каѳедру, онъ закашлялся и долго не могъ начать; форточка была отворена—ее затворили; онъ оправился и обратился къ намъ:—„Возвращаясь, послѣ годичнаго перерыва (онъ прожилъ цѣлый годъ за границей), къ обычнымъ занятіямъ въ дорогой для меня средѣ, я обращаюсь съ привѣтствіемъ къ вамъ, съ пожеланіемъ успѣха въ вашихъ занятіяхъ. Но прежде чѣмъ приступить къ чтенію лекцій, мнѣ хотѣлось бы выяснить вамъ вашу задачу, которую вы будете выполнять въ общественной дѣятельности, или въ семейной обстановкѣ,—вы—интеллигентныя представительницы русскаго общества будущаго 20 столѣтія“...—такими словами началъ И. М. Гревсъ свою прекрасную рѣчь. И онъ выяснилъ намъ эту задачу; запишу приблизительно содержаніе его рѣчи. Роль интеллигентной личности въ обществѣ. Общество какъ сумма факторовъ интеллигентныхъ, имѣющихъ свое развивающее вліяніе. Интеллигентный человѣкъ для своего развитія долженъ заниматься наукой. Можетъ-ли масса дѣйствительно служить обществу какъ свѣтъ? (сумма интеллигентныхъ факторовъ въ обществѣ,—то, что по-франц. наз. свѣточами—les lumières). Современный взглядъ на науку Брюнетьера въ Revue des deux mondes, „Банкротство науки“,—который отвергаетъ значеніе наукъ, потому что онѣ не даютъ отвѣта на вопросы филологическіе о происхожденіи религій и др.; онъ признаетъ и несостоятельность когда-либо отвѣтить на эти вопросы, и за разрѣшеніемъ ихъ совѣтуетъ обратиться къ религіи: мистическое настроеніе общества. Два теченія въ современномъ взглядѣ на науку: отрицаніе умственнаго труда (Левъ Толстой: сказка о трудѣ головою) и экономическій матеріализмъ въ исторіи.

О значеніи идеи въ исторіи; ея призванія къ работѣ прогресса. Идейное начало въ исторіи общества. „Будемъ стремиться хорошо мыслить“—вотъ основной принципъ нашей морали, медленный прогрессъ общественнаго строя. Прогрессъ проникаетъ туда, гдѣ съ нимъ соединяется мысль. Надо работать надъ устраненіемъ препятствій для развитія прогресса въ обществѣ; эти препятствія состоятъ въ косности общества, фанатизмѣ религіи, деспотизмѣ государства. Мысль—руководитель прогресса. Изученіе исторіи. Что нужно знать человѣку? Человѣкъ—существо обще-

ственное и религіозное (въ философскомъ смыслѣ слова). Вопросы о сущности міра, безсмертіи души и т. д. Наука безпредѣльна: надо надѣяться, что когда-нибудь она будетъ въ состояніи отвѣтить и на эти вопросы, когда-нибудь она перешагнетъ за предѣлы, которые ей ставятъ теперь, какъ непреодолимыя преграды. То, что древнимъ казалось недоступнымъ въ области науки—вполнѣ возможно въ наше время; такъ надо надѣяться, что всѣ вопросы, кажущіеся неразрѣшенными теперь, будутъ разрѣшены впослѣдствіи. Могущество мысли и величіе человѣка, какъ мыслящаго существа (изреченіе Паскаля: человѣкъ, какъ слабый тростникъ: капля воды, порывъ вѣтра могутъ убить его; но даже умирая онъ все-таки будетъ царить надъ природой, потому что умирая, онъ будетъ сознавать, что умираетъ). Стремленіе человѣка къ идеалу; Zum höchsten Dasein immer nachzustreben. Человѣческій и общественный прогрессъ; чтобы осуществить первый, надо работать для послѣдняго. Свѣтъ нуженъ для прогресса. „Въ наукѣ мы найдемъ общечеловѣческіе и общественные идеалы". Громкіе апплодисменты покрыли послѣднія слова профессора. Онъ поклонился и поскорѣе вышелъ, а то мы, конечно, продолжали бы шумѣть и хлопать.

Я вышла изъ курсовъ и нѣкоторое время шла ничего не видя передъ собой. Вотъ мы услышали впервые съ каѳедры голосъ не профессора только, но и человѣка, который обращался къ намъ съ тѣми прекрасными словами, услышать которыя мы смутно надѣялись, поступая сюда; самъ выяснилъ намъ нашу задачу жизни, которую большинство изъ насъ еще не ясно видитъ предъ собой... Какой прекрасный человѣкъ! Съ какимъ участіемъ говорилъ онъ съ нами; съ какой готовностью онъ предлагалъ намъ свою помощь—всѣмъ желающимъ заниматься. Онъ не ораторъ, говоритъ очень нервно по листочкамъ съ замѣтками, перебирая ихъ одинъ за другимъ, иногда заминается, поправляется; но голосъ его звучный и самая нервность его чтенія придаетъ его рѣчи выразительность. Я была не совсѣмъ согласна съ его мнѣніемъ о томъ, что наука можетъ дать отвѣтъ даже на высшіе запросы человѣческаго духа, но все-таки эта была прекрасная рѣчь, такая, съ которой надо было бы начинать всѣмъ профессорамъ. Такія рѣчи болѣе всего могутъ возбудить въ молодежи всѣ лучшія чувства и мысли, которыя часто спятъ въ ней до тѣхъ поръ, пока ихъ не разбудитъ хорошее слово или дѣло.

28 сентября.

Вчера внезапно скончалась Над. Вас. Стасова. Она выѣхала изъ дома по дѣламъ нашихъ курсовъ; и, поднимаясь по лѣстницѣ къ одной изъ своихъ знакомыхъ, за которой должна была заѣхать, упала, пораженная ударомъ. Швейцаръ, не зная, кто она и къ кому шла, посадилъ ее на извозчика и отправилъ въ Маріинскую больницу. Знакомая Н. В. дама ждала ее; наконецъ, вышла и спросила у швейцара, не заѣзжала ли за ней дама? Швейцаръ отвѣтилъ, что никто не заѣзжалъ, только съ полчаса тому назадъ онъ поднялъ какую-то даму на лѣстницѣ. Знакомая Н. В. по описанію узнала ее, и тотчасъ же поѣхала въ Маріинскую больницу, откуда и дали знать братьямъ покойной. Они ее очень любили, и, говорятъ, просто убиты горемъ. Намъ объявилъ о ея смерти директоръ послѣ лекціи логики, на которую собираются всѣ 4 курса словесницъ, и еще математички, всего—болѣе 400 человѣкъ. Большинство первокурсницъ, въ особенности пріѣзжихъ, очень мало, или совсѣмъ почти не знали Н. В. Стасовой; поэтому рѣчь одной изъ старшихъ слушательницъ о ея жизни и дѣятельности явилась какъ нельзя болѣе кстати.

Директоръ выразилъ скромное желаніе, что мы изберемъ отъ себя депутатокъ для присутствія на похоронахъ; но мы, какъ только онъ ушелъ, рѣшили, что пойдемъ всѣ. Начались приготовленія: пока въ залѣ собрался хоръ пѣвчихъ репетировать панихиду, въ IV аудиторіи считали и собирали деньги на вѣнокъ. Времени было очень немного: скоро лекція Гревса. Онъ пріѣхалъ прямо съ панихиды и сказалъ краткую рѣчь, посвященную памяти покойной, въ которой охарактеризовалъ ея энергичную дѣятельность на пользу высшаго женскаго образованія. Какъ распорядительница высшихъ женскихъ курсовъ, Н. В. въ теченіе 10 лѣтъ ежедневно являлась на курсы въ 10 ч. утра и бывала до 4-хъ. Когда курсы были преобразованы и Н. В. должна была устраниться отъ роли распорядительницы, она все-таки продолжала дѣятельное участіе, какъ членъ комитета общества доставленія средствъ В. Ж. Курсамъ. Всегда и вездѣ она проявляла свою необыкновенную дѣятельность и горячее участіе къ слушательницамъ курсовъ; ничто не удерживало ее отъ участія въ общественной дѣятельности, и такъ какъ у нея не было семьи, то она посвящала всю свою жизнь на служеніе дѣлу высшаго женскаго и

народнаго образованія (она была одна изъ первыхъ организаторовъ воскресныхъ школъ, которыя возникли въ 60-хъ годахъ). Гревсъ закончилъ свою рѣчь предложеніемъ почтить память покойной вставаніемъ. Только послѣ этого онъ началъ свою лекцію...

А послѣ началась бѣготня... Насъ собралось человѣкъ 20—30; однѣ сочиняли надпись къ вѣнку, другія записывались и записывали желающихъ дежурить, спорили, кричали, шумѣли. Я записалась на дежурство у гроба. Пришла членъ комитета О. К. Нечаева, предметъ нашей общей симпатіи, и начались разговоры о Стасовой, о ея смерти и т. д. Совсѣмъ усталая за день, я вернулась домой и черезъ часъ отправилась на панихиду, на которой быть все-таки не пришлось: опоздала.

29 сентября.

Сегодня была панихида у насъ; пришли члены комитета, профессора. Предсѣдательница комитета Е. І. Лихачева сказала небольшую рѣчь, въ которой опять говорилось то же, что вчера мы слышали отъ Гревса. Я не слыхала среди слушательницъ ни выраженій сожалѣнія, ни безполезныхъ восклицаній. Мы всѣ отнеслись къ этому извѣстію просто и серьезно, тотчасъ же постарались сдѣлать все, чтобы почтить ея память. Эта смерть носитъ точно какой-то дѣловой отпечатокъ.

Прямо съ панихиды я поѣхала на дежурство. Въ первый разъ въ жизни пришлось исполнять мнѣ эту должность (я одѣлась въ черное платье; собрала свои длинные волосы въ косу, подогнула ее и прикрыла чернымъ бантомъ). Ровно въ три часа я встала у изголовья гроба, въ числѣ другихъ 6 дежурныхъ изъ бывшихъ и настоящихъ слушательницъ. Мертвая тишина царила въ небольшой комнатѣ. Всѣ зеркала и картины, за исключеніемъ прекраснаго портрета покойной, работы Рѣпина, были завѣшены бѣлымъ. Бѣлыя стѣны залы, серебряный глазетовый гробъ, бѣлыя свѣчи, перевязанныя бѣлыми съ черной полосой бантами, бѣлое платье покойной, серебряный покровъ, поразившій насъ массой вѣнковъ, и среди этой торжественной тишины и спокойствія— шесть черныхъ, неподвижно стоящихъ фигуръ.

Съ нами поочередно дежурили члены комитета Общества доставленія средствъ В. Ж. Курсамъ; въ нашей очереди была баронесса Икскуль — одна изъ петербургскихъ красавицъ, въ придворномъ траурѣ.

Я стояла и думала: зачѣмъ это? Къ чему это дежурство? Какой смыслъ въ томъ, что мы стоимъ здѣсь, у гроба? Это — несомнѣнно знакъ нашего уваженія къ покойной. Но это только внѣшнее выраженіе, ей оно не нужно.

Что нужно ей? Вѣдь если мы хотимъ выразить свою благодарность кому-либо, мы постараемся сдѣлать что-нибудь нужное для него. А развѣ нужны ей эти неподвижныя черныя фигуры у гроба, смѣняющіяся черезъ часъ, черезъ два? Это—красивая декорація, и ничего больше.

Если бы среди насъ нашелся человѣкъ вѣрующій, или если бы похороны носили всецѣло церковный, исключительно религіозный характеръ, то намъ предложили бы не дежурство,—а тѣ же два часа молиться у гроба. И какъ же мало охотницъ нашлось бы! Что дѣйствительно было бы полезно для покойной, то никакъ не встрѣтило бы сочувствія.

Съ непривычки стоять, да еще неподвижно, и въ такой обстановкѣ — первые полчаса мнѣ показались безконечно долгими. Вотъ можно было бы составить цѣлое разсужденіе о внезапности смерти, о томъ, что человѣкъ еще въ понедѣльникъ не могъ никакъ предположить, что въ пятницу онъ будетъ въ гробу, и все для него кончено, и навсегда, и куда онъ уйдетъ, что ожидаетъ его „тамъ“, — но это было бы повтореніемъ общихъ мѣстъ. Но несмотря на то, что эти общія мѣста всѣмъ и каждому извѣстны, всегда повторяешь и слышишь повторенія тѣхъ же размышленій. Видно, про любовь и про смерть одинаково можно сказать: Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu.

Братья покойной—три высокихъ старика, сѣдые, съ особымъ величавымъ „стасовскимъ“ типомъ, очень симпатичны. Трогательно было смотрѣть на одного изъ братьевъ, какъ онъ убитъ горемъ. Бѣдный старикъ! Онъ навѣрно думалъ: когда моя очередь?

30 сентября.

Были похороны. Масса народа. Мы вставали въ 6 часовъ, чтобы поспѣть притти на выносъ. Отъ насъ былъ большой фарфоровый вѣнокъ на бѣломъ бархатномъ щитѣ, съ надписью: „Незабвенной Над. Вас. послѣднее спасибо слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ“. И надпись и вѣнокъ — хороши. Народу собралось въ небольшой квартирѣ столько, что повернуться негдѣ. Вчера и се-

годня въ числѣ посѣтителей я видѣла Лесгафта, Веселовскаго, Петрова, Трачевскаго, дамъ нашего комитета. Мы просили позволенія нести гробъ до Александро-Невской Лавры, и семья покойной ничего не имѣла противъ этого; но полиціей запрещены подобныя проявленія уваженія и желанія отдать послѣдній долгъ человѣку, такъ много потрудившемуся для общества. Поэтому всѣ пошли за колесницей, нашихъ болѣе 100 человѣкъ, толпа народа, масса вѣнковъ. Всю дорогу пѣлъ хоръ слушательницъ. Послѣ отпѣванія намъ позволили нести гробъ до могилы на рукахъ. Я быстро пробралась впередъ и, несмотря на то, что тутъ были бывшія слушательницы, все-таки взялась за ручку гроба,—и потомъ пожалѣла, что такъ поторопилась: мнѣ было рѣшительно не по себѣ стоять почти рядомъ съ родственниками, которые прощались съ покойной, видѣть это горе... въ такія минуты постороннія лица кажутся лишними. Мы вынесли гробъ и на рукахъ донесли его до могилы; впереди слушательницы выстроились вереницею съ вѣнками. Я уступила мое мѣсто нести гробъ товаркѣ, а сама попала въ такую давку, что никакъ не могла близко пробраться къ могилѣ, и слышала не всѣ рѣчи. Но объ этомъ не стоитъ жалѣть. Мнѣ не нравятся рѣчи на могилахъ: это какъ-то не идетъ. Все-таки я сначала слушала съ любопытствомъ; говорили дамы, интересно было знать, что онѣ скажутъ? Первой выступила г-жа Гарднеръ; плачущимъ голосомъ и невнятно она говорила, что то объ общественныхъ заслугахъ Н. В. Послѣ нея Е. Н. Щепкина тихо и безцвѣтно произнесла рѣчь, довольно таки гимназическаго характера, о лишеніи правъ учиться (Н. В. Стасова была одна изъ участницъ движенія 60-хъ годовъ). Тема заслуживала бы болѣе тщательной обработки, меньшаго числа общихъ мѣстъ, вродѣ: „мы подходили къ жизни (кончившія гимназію 25 лѣтъ тому назадъ) съ горькимъ вопросомъ, на который намъ не было отвѣта: что мы такое?“, „ужасное положеніе — лишеніе права учиться“ (послѣднее положеніе не совсѣмъ даже вѣрно: женщинъ въ то время не лишали права учиться, но этотъ вопросъ просто не поднимался ни въ жизни, ни въ печати. Запросъ былъ *созданъ*, тогда стали обсуждать его. Вотъ теперь, когда высшіе курсы есть, то закрытіе ихъ было бы въ буквальномъ смыслѣ „лишеніе права учиться“). А главное ораторша говорила очень тихо, безъ всякаго выраженія, такъ что общій тонъ получился до-нельзя безцвѣтный. Зато г-жа Калмыкова превзошла всѣхъ. Громкимъ, энергичнымъ тономъ, даже съ завываніемъ, перечисляла она заслуги Н. В.

передъ русскимъ обществомъ (Н. В. была одна изъ первыхъ участниковъ въ дѣлѣ открытія воскресныхъ школъ), ея энергію, ея самоотверженный трудъ на пользу народнаго образованія; она выкрикивала слова сожалѣнія, и театрально, охрипшимъ и уставшимъ голосомъ (рѣчь была очень длинная) воскликнула: „свѣта, больше свѣта! вотъ что должны мы сказать на могилѣ Н. В.“... Это вышло совсѣмъ некрасиво; и безъ того было очень длинно и не особенно хорошо, но крикливый голосъ и послѣднее театральное неумѣлое восклицаніе испортило все. Послѣ этого я не старалась слушать двухъ рѣчей (и не влѣзала на рѣшетку памятника, чтобы лучше слышно было); но, какъ оказалось потомъ, одна изъ нихъ была нашей слушательницы Виноградовой съ 3-го курса, это было бы интересно послушать. Всѣ говорятъ, рѣчь была коротка и содержательна, значитъ не дурна.

Я много требую отъ рѣчи на могилѣ: чтобы она была хороша и умѣстна. Ее нужно говорить только въ крайнихъ случаяхъ, когда уже дѣйствительно настроеніе общества ищетъ выраженія въ словахъ, тогда можно допустить только одну рѣчь. Эта рѣчь должна въ немногихъ краткихъ, но стильныхъ выраженіяхъ выразить взглядъ общества и напомнить передъ нимъ заслуги умершаго; а такъ какъ въ большинствѣ случаевъ эти заслуги извѣстны всѣмъ собравшимся, то гораздо лучше въ рѣчи выразить настроеніе, пожеланія, или что нибудь вродѣ этого, но въ очень и очень краткихъ и содержательныхъ выраженіяхъ. Поэтому мнѣ болѣе понравилась рѣчь г. Ольхина, который выступилъ послѣ Виноградовой съ обращеніемъ къ молодежи, коротко, но очень ясно высказалъ пожеланія, что этотъ хорошій примѣръ не останется безъ подражанія. Онъ сказалъ всего нѣсколько словъ сильнымъ и звучнымъ голосомъ—и этого было вполнѣ достаточно.

Наконецъ, стали задѣлывать могилу, но мы долго не расходились, ожидая минуты, когда можно будетъ украсить могилу вѣнками.

Я вынесла изъ этихъ похоронъ какое-то смутное впечатлѣніе... Когда говорились тѣ двѣ рѣчи, которыхъ я не слушала, то, чтобы отдохнуть немного, я вышла изъ толпы на помостки. Кругомъ стояла масса народу: здѣсь, конечно, ничего не было слышно. — и всѣ разбились на группы. Знакомые подходили къ знакомымъ, весело разговаривая; временами слышался сдержанный смѣхъ; передавали другъ другу разныя новости... Кто толковалъ о своихъ дѣлахъ, кто о томъ, что профессора не присутствовали на похоронахъ... Я смотрѣла на равнодушныя и веселыя лица этой пуб-

лики. Около меня стоялъ старикъ; онъ разсказывалъ, сколько лѣтъ былъ знакомъ съ Н. В. самымъ равнодушнымъ тономъ, точно онъ пришелъ на похороны совершенно незнакомаго ему человѣка. Онъ говорилъ очень оживленно, и около него собралась кучка знакомыхъ. Кто-то опять заговорилъ о профессорахъ. Старикъ подхватилъ:—„да, да, конечно, можно сказать: гдѣ же вы наши учители, гдѣ вы? что васъ нѣтъ около этой могилы?—да только что изъ этого выйдетъ?“ и онъ и знакомые его сдержанно разсмѣялись. Я взглянула въ сторону могилы. Ее окружала сплошная стѣна публики; на нѣкоторыхъ лицахъ видно самое напряженное вниманіе... тамъ было тихо, какіе-то отрывочные звуки долетали до меня: говорились рѣчи. Мало-по-малу группы расходились по кладбищу...

Невольно думалось: вотъ тамъ, за этой живой стѣной, у могилы стоятъ тѣ, которымъ смерть дѣйствительно причинила утрату; они поражены горемъ... Ихъ окружаетъ толпа любопытныхъ, которая жадно слушаетъ рѣчи, а за этой толпой другая, которой за недостаткомъ мѣста невозможно ничего слышать, и вотъ эти люди собрались сюда, точно въ какое-нибудь общественное мѣсто и, исполнивъ свою обязанность, отдыхаютъ и болтаютъ, и всѣмъ весело, и всѣ такъ равнодушны, и не слыхать искреннихъ словъ сожалѣнія...

Что же это? Для чего же собралось сюда столько народу? Скажутъ, конечно, Н. В. была видный общественный дѣятель, надо почтить ея память... И вотъ они „чтятъ“... вѣнки, рѣчи такія, которыя не могутъ понравиться ни со стороны слога, ни со стороны содержанія, ораторы—должно быть женщины—плохіе ораторы, а немного далѣе могилы—равнодушная толпа, которая собралась сюда только для того, чтобы исполнить обязанность „почтить своимъ присутствіемъ“... а на самомъ дѣлѣ погулять и поболтать. Тѣ, которые стояли близко, слышали, конечно, всѣ рѣчи... тѣ вынесли изъ нихъ что-нибудь, воспоминаніе объ этой замѣчательной женщинѣ; слушая эти рѣчи, они, быть можетъ, еще разъ прониклись уваженіемъ къ ней, и, можетъ быть, одинъ изъ десяти даже помолился за нее... Ну, а остальные-то? Что они дѣлали, и зачѣмъ они приходили?

И я сама была тоже очень равнодушна. Конечно, я не разговаривала, не гуляла по кладбищу; я стояла, смотрѣла, слушала, но никакого особеннаго сожалѣнія не испытывала, въ особенности, когда говорились рѣчи. Въ нихъ какъ разъ выражалось сожалѣ-

ніе о потерѣ такого общественнаго дѣятеля, но само-то общество, его отдѣльныя лица, за немногими исключеніями, нисколько о ней не сожалѣли. Я размышляла о томъ, что такая дѣятельность можетъ служить намъ примѣромъ; я чувствовала глубокое уваженіе къ ней, но не сожалѣніе. Вся эта парадная обстановка, всѣ эти вѣнки, рѣчи придавали похоронамъ какой-то гражданскій характеръ, который мнѣ, привычной къ исключительно церковному и семейному характеру похоронъ, рѣзко бросился въ глаза. Этотъ гражданскій характеръ не носилъ въ себѣ ничего печальнаго, напротивъ, онъ придавалъ похоронамъ праздничный и парадный оттѣнокъ. По крайней мѣрѣ я ушла съ этихъ похоронъ точно изъ какого-либо общественнаго собранія.

Нѣтъ, не хотѣла бы я такихъ похоронъ, ни за что, никогда не хотѣла бы! Стать полезнымъ членомъ общества я желаю не менѣе кого-либо другого, но только не такого изъявленія общественной благодарности. Не хотѣла бы я ни вѣнковъ, ни рѣчей, ни этой толпы...

Я вспоминаю скромныя, чисто семейныя похороны, вспоминаю наше маленькое провинціальное кладбище, вспоминаю искреннія молитвы и слезы, простыя, безыскусственныя, но часто трогательныя проповѣди нашихъ немудреныхъ священниковъ, всю эту простую обстановку; нашу провинціальную толпу, которая идетъ чуть ли не на всѣ похороны изъ наивнаго любопытства, изъ желанія поплакать и поахать, изъ желанія помолиться... но вѣдь и толпа эта, можно сказать, еще некультурная; съ нея и спрашивать нѣчего. Недавно я читала въ какомъ-то романѣ описаніе похоронъ извѣстнаго литератора. Оно произвело на меня тяжелое впечатлѣніе. А теперь—я сама была на подобныхъ же похоронахъ.

8 октября.

Я каждый день бываю на лекціяхъ... только... ахъ, какое мучительное чувство сознанія собственнаго безконечнаго невѣжества! Когда я встрѣчаю одну изъ нашихъ слушательницъ—Д.—становится больно, стыдно за себя самое. Она полный контрастъ со мною: она ровесница мнѣ, въ одинъ годъ со мною кончила гимназію съ золотою медалью; и всѣ четыре года, потерянные для меня,—для нея были прекрасною научною подготовкою къ поступленію на курсы. Она занималась русской исторіей, грече-

скимъ языкомъ, математикой, переводила Сентъ-Бева, много читала, знакома съ славяновѣдѣніемъ, однимъ словомъ—между нами она сразу выдѣлялась своими знаніями и такою, навѣрно, пойдетъ до конца. У нея было все: и прекрасная библіотека, и ученая среда, въ которой она выросла, а у меня-то что было? Мнѣ очень бы хотѣлось сойтись съ ней, но она, кажется, не симпатизируетъ мнѣ. Почему? Должно быть оттого, что мы расходимся въ нѣкоторыхъ взглядахъ. А жаль: она человѣкъ симпатичный и умный.

Вообще я здѣсь ни съ кѣмъ особенно не сблизилась. У меня есть знакомыя, есть „хорошія отношенія", но не больше; я собственно довольна курсами, лекціи, профессора, вся обстановка—нравятся мнѣ, но иногда чувство какой-то тайной неудовлетворенности охватываетъ меня. Я чувствую, что мнѣ не хватаетъ, и не хватаетъ чего-то... По привычкѣ, я ищу отвѣта на этотъ вопросъ...

Мнѣ не хватаетъ... людей такихъ, которые знали бы меня, мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ людьми очень умными, интересными, которые, несмотря на свое умственное и нравственное превосходство, не избѣгали бы знакомства съ такими, какъ я... мнѣ хотѣлось бы сойтись ближе съ такими людьми, вмѣстѣ читать, вмѣстѣ думать, вмѣстѣ интересоваться, вмѣстѣ изучать разные вопросы... Но гдѣ же все это? Меня мало удовлетворяетъ общее развитіе тѣхъ, которыхъ я знаю... такихъ, какъ Д., у насъ почти нѣтъ, она—исключеніе, но вотъ именно это-то исключеніе, очевидно, не имѣетъ ни малѣйшаго желанія обратить свое вниманіе на мою скромную особу. А посмотришь—вѣдь всѣ хорошіе люди, или такъ называемыя славныя дѣвочки (которыя только что окончили гимназію), или славныя дѣвушки; попадаются и такія, у которыхъ уже свой установившійся взглядъ на жизнь, хорошія стремленія, всѣ взгляды хорошіе, честные... жаль только, что мнѣ—мало того, чтобы человѣкъ былъ только „славнымъ" человѣкомъ... такихъ я и раньше много видала (конечно здѣсь, на курсахъ, это люди гораздо лучше). Я пробую отнестись строже къ себѣ самой, думаю, что должно быть я сама неразвита, и поэтому не имѣю права... впрочемъ, нѣтъ, именно вслѣдствіе того, что я неразвита, я имѣю большее право желать, чтобы окружающіе люди способствовали моему умственному развитію.

15 октября, 1-й часъ ночи.

Я была сегодня у одной изъ нашихъ слушательницъ, С-вой. Когда она на-дняхъ сказала мнѣ, что у нея въ это воскресенье соберутся барышни, мнѣ почему-то захотѣлось, чтобы она пригласила меня... Было ли это простое любопытство, или же мнѣ не хотѣлось просидѣть все воскресенье дома—не знаю... вѣрнѣе и то и другое. Потомъ была недовольна собой: зачѣмъ я въ субботу, послѣ лекціи логики, подошла къ С-вой и заговорила съ ней, точно зная, что если она меня увидитъ, то непремѣнно пригласитъ къ себѣ въ воскресенье. Такъ и случилось: я обѣщала быть непремѣнно, и сегодня, оторвавшись отъ сочиненій Кавелина, отправилась къ ней.

Кромѣ меня было двое мужчинъ: офицеръ и какой-то нѣмецъ, статскій; какая-то иностранка и княжна А—дзе, мать которой завѣдуетъ мастерской Человѣколюбиваго Общества. С-вы богатыя сестры, круглыя сироты, живутъ почти постоянно въ Петербургѣ, имѣютъ свой кругъ знакомыхъ, и вотъ я сегодня очутилась въ этомъ небольшомъ кружкѣ петербургскаго общества. Начался оживленный разговоръ; офицеръ, видимо ухаживавшій за княжной, говорилъ съ ней безъ умолку все время, штатскій подсѣлъ къ нимъ и внимательно, безмолвно, слушалъ... Скачки, театръ, балетъ, воспоминанія о Ниццѣ, Парижѣ, Италіи, имена теноровъ, балеринъ и пѣвицъ... техническіе термины скачекъ... восторженное оханье и аханье по поводу предстоящихъ симфоническихъ концертовъ... мимоходомъ брошенныя замѣчанія по поводу пріѣзда знакомыхъ, смѣхъ, восклицанія...—словомъ, передо мною въ какой-нибудь часъ развернулась незнакомая мнѣ страничка свѣтской жизни людей, у которыхъ и времени дѣвать некуда, да и средства есть.

На меня, конечно, никто изъ этихъ лицъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Я сѣла въ сторонѣ и молча слушала свѣтскій разговоръ, для котораго свѣтская жизнь, очевидно, представляетъ богатый матеріалъ, неисчерпаемый источникъ. Все, о чемъ они говорили, было для меня почти terra incognita. Я заграницей не бывала, а всѣ воспоминанія ограничивались одними охами и вопросами: вы были тамъ-то? и опять: ахъ, вы не видали и т. д. На симфоническихъ концертахъ я не бывала; въ театрѣ—тоже;

о скачкахъ и балетѣ понятія не имѣю... всѣхъ этихъ теноровъ, балеринъ—не видывала и именъ не слыхивала.

А на другомъ концѣ салона С-ва старалась занимать иностранку. До меня долетали французскія фразы, и содержаніе разговора было такое же, какъ и тотъ, который я слушала. Я вспомнила барона Ondit, остроумнаго фельетониста „Новаго Времени", который такъ мѣтко рисуетъ салонные великосвѣтскіе разговоры въ своихъ фельетонахъ. Я никогда вполнѣ не довѣряла имъ и думала, что онъ склоненъ къ преувеличеніямъ. Но сегодня—право, каждое слово, каждая фраза, словомъ, весь разговоръ такъ и просился подъ перо этого остроумнаго и блестящаго фельетониста. Я сидѣла и спрашивала себя: ну, довольно? видѣла петербурженъ? слышала свѣтскіе разговоры? ну, что же, что же ты могла вынести, что можетъ дать тебѣ эта болтовня? Два часа просидѣла я, не зная, какъ уйти и стѣсняясь встать прощаться съ незнакомыми людьми. Офицеръ говорилъ одну банальность за другою; невольно думалось: ну, что же? къ чему же весь этотъ разговоръ? что вынесутъ эти люди отъ подобно проведеннаго вечера? И мнѣ становилось жаль моей комнаты, письменнаго стола и Кавелина, который былъ такъ брошенъ (я пошла къ С-вой не дочитавъ начатой статьи), а... ради чего? подумаешь—стыдно становится... Между тѣмъ С-ва очень симпатичная дѣвушка, и, разъ познакомившись, нельзя не бывать у нея. Надо будетъ выбрать для посѣщеній тѣ дни, когда не бываетъ такихъ свѣтскихъ людей.

21 октября.

Въ понедѣльникъ вечеромъ я совершенно для себя неожиданно уѣхала въ Гельсингфорсъ съ Витей. Мнѣ рѣшительно безразлично: спать въ вагонѣ, или у себя въ комнатѣ, и поэтому я проснулась только за полчаса до прихода поѣзда въ Гельсингфорсъ. Было очень холодно, и густой туманъ стоялъ надъ городомъ, когда поѣздъ подошелъ къ вокзалу. Стали выходить изъ вагоновъ; на платформѣ послышались восклицанія, разговоры на незнакомомъ языкѣ... формы городовыхъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ рѣзко отличались отъ нашихъ своимъ щеголеватымъ фасономъ... фуражки съ маленькимъ круглымъ верхомъ—очень изящныя—и тоже совсѣмъ заграничныя... Мы отправились бродить по городу. Зашли въ первую попавшуюся булочную—тамъ хозяйка ни полслова не

понимала ни по-русски, ни по-нѣмецки. Она вызвала свою дочь; молодая дѣвушка сдѣлала книксенъ и начала кое-какъ по-нѣмецки объясняться съ нами, такъ что мы въ концѣ-концовъ могли напиться кофе, купить разныхъ мелочей и справиться, что можно осмотрѣть въ Гельсингфорсѣ въ праздникъ и въ какіе часы. Оказалось, что Атенеумъ и др. музеи были открыты. Мы рѣшили отправиться въ Атенеумъ, но такъ какъ было еще рано, то продолжали прогулку по городу. Мнѣ хотѣлось увидѣть памятникъ Рунебергу. Я подошла къ первому попавшемуся извозчику и совершенно позабывъ, что онъ меня не пойметъ, спросила: „скажите пожалуйста, какъ пройти къ памятнику Рунеберга?“ При звукѣ незнакомыхъ словъ извозчикъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня, но услыхавъ послѣднее, онъ сразу понялъ и оживился: Рунебергъ, Рунебергъ? вопросительно произнесъ онъ. Я утвердительно кивала головой. Извозчикъ привсталъ на сидѣньѣ и молча протянулъ руку: вдали, въ туманѣ неясно вырисовывалась фигура статуи. Съ непривычки, мы сразу и не замѣтили, что были такъ близко отъ нея. Мы вышли на Эспланаду, посмотрѣли величественный памятникъ, скверъ, который имѣлъ весьма печальный видъ, какъ и всѣ вообще сады осенью... Народу на Эспланадѣ была масса. Я съ любопытствомъ присматривалась къ новымъ типамъ лицъ, совершенно не русскихъ, прислушиваясь къ незнакомому говору. Все кругомъ было такъ ново и интересно. Пройдя Эспланаду, мы направились къ рынку, и тутъ я остановилась въ изумленіи: живая картина, открывшаяся передо мною, казалось, была мнѣ знакома и раньше: гдѣ-то я видѣла и эти столы, и этихъ торговокъ въ темныхъ кофтахъ, фартукахъ и опоркахъ, и эту толпу, которая такъ рѣзко отличалась отъ русской, и этихъ мальчугановъ въ своеобразныхъ костюмахъ, шныряющихъ между столовъ... Я видѣла все это на картинахъ; даже это сѣренькое небо и густой туманъ, поднимавшійся съ моря, казались знакомыми мнѣ: такъ хорошо они гармонировали съ общимъ, немного блѣднымъ колоритомъ всей картины. Рынокъ очень близко отъ моря, но его за туманомъ невозможно было видѣть.

Такъ какъ былъ царскій день, и въ русской церкви должна была быть обѣдня, то мы вздумали опять поговорить съ извозчиками. На этотъ разъ попробовали по-нѣмецки: „die russiche Kirche?“ Извозчики переглядывались между собой и бормотали совсѣмъ что-то непонятное...—Svenska, finska, повторяли они, глядя на насъ. Наконецъ я догадалась: они говорили намъ, что

говорятъ только на этихъ языкахъ и другихъ не понимаютъ. Положеніе было затруднительное: мы, конечно, не знали дороги, чтобы итти пѣшкомъ, а разспрашивать было невозможно: окружающее простонародье тоже ничего не поняло бы. И вотъ, мы уже хотѣли отказаться отъ этой мысли, какъ вдругъ одинъ изъ извозчиковъ очевидно сообразилъ, куда намъ нужно и подъѣхалъ къ намъ, утвердительно кивая головой на слово „Kirche?“ Финляндскія власти начали прибывать въ соборъ, когда мы пріѣхали. Огромная, простая новая церковь и хорошій хоръ пѣвчихъ вседостойнымъ образомъ представляли нашу церковь въ чужой странѣ... Въ тотъ же день, поздно ночью, мы вернулись обратно.

25 октября.

Середонинъ образовалъ практическія занятія на нашемъ курсѣ такимъ образомъ: онъ желаетъ привлечь къ участію въ нихъ возможно большее число слушательницъ, поэтому не далъ сразу темъ для рефератовъ, а предложилъ читать группами сочиненія извѣстныхъ авторовъ по школамъ, начиная со школы родового быта, а потомъ излагать вкратцѣ содержаніе этихъ сочиненій. На первый разъ онъ далъ 11 книгъ, изъ нихъ—семь относящихся къ школѣ родового быта—Эверсъ, Рейцъ, Кавелинъ, Соловьевъ, Тюринъ, Хлѣбниковъ и Сикорскій, и 4—къ школѣ общиннаго. Нѣкоторыя, желающія излагать эти сочиненія,—тутъ же заявили объ этомъ профессору. Я не могла удержаться, подошла къ каѳедрѣ и хотѣла было просить себѣ Эверса „Древнѣйшее русское право“, но, къ счастью, меня предупредила Д.,—она рѣшительно заявила, что хотѣла бы излагать эту книгу, и я конечно уступила ей, какъ человѣку несравненно болѣе меня знающему. Пока я соображала, какую же мнѣ взять другую книгу (вѣдь всѣ названія этихъ сочиненій и почти всѣ имена авторовъ, за исключеніемъ Соловьева и Кавелина, были мнѣ вовсе неизвѣстны), меня позвала Иса-ва. —„Вы хотите излагать Кавелина? Я его взяла, да мнѣ некогда писать; хотите, я вамъ отдамъ?“—Давайте, сказала я, соображая, что Кавелинъ—точно бы былъ юристъ, и что это имя весьма извѣстное, и подошла въ каѳедрѣ взять книгу у профессора. Статья, которую предстояло мнѣ изложить, называлась „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“; въ связи съ ней нужно было излагать и другую: „Разборъ сочиненій Терещенки“, въ VI т.

сочиненій того же автора. С-нъ ушелъ, кончивъ свои объясненія по поводу занятій. Мы оживленно толковали, всѣ торопились высказать свое мнѣніе по поводу такихъ занятій, основанныхъ на совершенно новыхъ началахъ и казавшихся всѣмъ такими интересными, а главное не трудными. (С-нъ имѣлъ въ виду и это: онъ прямо сказалъ, что начинать съ рефератовъ было бы для насъ затруднительно).

Я пришла домой, положила Кавелина на столъ и, занявшись другими книгами, совершенно забыла о немъ. Я хотѣла сначала, прежде чѣмъ браться за него, прочесть какое-либо сочиненіе по теоріи родового быта, чтобы потомъ, подготовясь, начать читать и Кавелина. Но я искала сочиненій и не находила; и вотъ, какъ разъ во время этихъ поисковъ, ко мнѣ подошла Д. и попросила... приготовить все къ 25-му. Положимъ, что времени до 25-го было больше недѣли, но вѣдь за это время я должна была не только написать, но также дать книгу профессора прочесть и другимъ, желавшимъ ознакомиться съ ученіемъ Кавелина. А такихъ набралось масса. Эверсъ и Рейцъ—для всѣхъ оказались скучными и сухими ораторами, всѣ интересовались статьей К-на, набросились на нее: кто имѣлъ возможность достать книгу на сторонѣ—доставалъ, моя же должна была послужить чуть ли не для всего нашего интерната. Такъ какъ я и безъ того пропустила много времени, то надо было торопиться; статья К-на оказалась такой интересной, такъ прекрасно написанной и, главное,—въ ней была изложена вся теорія родового быта, что я безъ предварительныхъ свѣдѣній, по одной этой статьѣ, могла составить ясное представленіе объ этой теоріи. Я живо прочла ее, оставалось... изложить. Только усѣвшись за письменный столъ, я сообразила, какую глупость я дѣлаю, и растерялась. За что я бралась? И могла ли такъ самоувѣренно поступать? Сумѣю ли я написать хоть строчку? если я не сумѣю изложить какъ слѣдуетъ содержаніе этой статьи, которой такъ заинтересованъ чуть ли не весь курсъ, то что же будетъ? Это значитъ осрамиться передъ всѣми... Я чувствовала, что струсила не хуже послѣдняго школьника передъ экзаменомъ. И въ то же время я возмутилась своей глупостью. Если я не сумѣю—то вѣдь это будетъ такъ глупо! Боже мой, неужели же я не могу, не способна даже и на это? Вѣдь здѣсь я только излагаю, не вношу ничего своего... Неужели я такъ отупѣла за эти четыре года, что не напишу ничего? Я съ ужасомъ чувствовала, что стою на краю какой-то пропасти и вотъ-вотъ упаду... Я му-

чилась и въ то же время усердно писала: времени терять было нечего... Чѣмъ больше читаютъ К-на, тѣмъ болѣе о немъ говорятъ, и я съ тоской и страхомъ слушала эти разговоры: мнѣ кажется, что всѣ онѣ знаютъ, какъ плохо у меня изложена эта статья, и заранѣе приготовляются возражать мнѣ, а потомъ будутъ съ насмѣшкой указывать на такую самоувѣренную выскочку. А отказаться отъ Кавелина было невозможно... и поздно!... Д. своимъ спокойнымъ, самоувѣреннымъ тономъ замѣтила, что статью Кавелина изложить очень легко. Я спросила, читала ли она эту статью. Оказалось, что читала. Я смутилась еще болѣе. Я боюсь критики Д. болѣе, чѣмъ всѣхъ остальныхъ вмѣстѣ взятыхъ, потому что другого такого развитія, начитанности и памяти—у насъ врядъ ли найдешь. Ахъ, Боже мой! Что-то будетъ завтра? Сердце такъ и замираетъ, какъ подумаешь. И добро бы я взялась излагать малоизвѣстнаго автора,—тогда все пошло бы ладно. А то вѣдь—Кавелинъ! съ нимъ всякая знакома, у многихъ есть конспекты и вотъ онѣ будутъ провѣрять...

И вѣдь вышло же такъ, что я, помимо всякаго желанія, случайно взяла именно Кавелина! Кабы я знала... такъ теперь у меня не лежали бы исписанные листы въ ящикѣ письменнаго стола, я спала бы спокойно и, не торопясь, сидѣла бы надъ какимъ-нибудь Тюринымъ. Главное: я никому и виду не показываю, что боюсь, хуже гимназистки боюсь... я сохраняю вполнѣ спокойствіе и отдѣлываюсь неопредѣленными отвѣтами на вопросы...—„А вамъ не страшно будетъ читать съ каѳедры?“—Эхъ, дѣло не въ каѳедрѣ, а въ томъ, *что* я буду читать съ каѳедры. Какъ разъ объ этомъ-то никто и не спрашиваетъ; всѣ полагаютъ совершенно резонно, что разъ взялся, такъ значитъ успѣешь... Анъ—не тутъ-то было...

О, завтра, завтра! Единственная надежда—что времени—одинъ часъ—не хватитъ для трехъ изложеній. С-нъ сказалъ, что изложеніе должно быть кратко, не болѣе 10 минутъ. Но при всемъ моемъ желаніи я никакъ не могла изложить такъ кратко. Всѣ мысли Кавелина такъ вѣрны, имѣютъ такое существенное значеніе, что почти невозможно излагать статью такъ, чтобы все чтеніе заняло не болѣе 10 м., въ такомъ случаѣ пришлось бы выпустить половину.

И такъ: съ одной стороны мое изложеніе противорѣчитъ желанію профессора, съ другой—неизвѣстно, согласно ли оно будетъ съ мнѣніемъ большинства, съ третьей—оно противорѣчитъ моему искреннему желанію—не читать его (разъ оно написано, volens-nolens—надо прочесть).

1 ноября.

А съ четвертой стороны—все обошлось благополучно. Я волновалась, входя на каѳедру (аудиторія была полна), и руки мои задрожали такъ сильно, что я разозлилась сама на себя... но чѣмъ больше я читала, тѣмъ становилась спокойнѣе: начала—такъ надо же кончить. Я читала громко и ясно, но очень быстро и нервно сначала, и совсѣмъ хорошо подъ конецъ, когда вполнѣ овладѣла собою. Профессоръ стоялъ рядомъ со мной, и дѣлалъ помѣтки. На первый разъ всѣ наши чтенія не вызвали никакихъ замѣчаній; зато на второй—завязалось нѣчто вродѣ оживленной бесѣды: спрашивали, толковали по поводу прочитанныхъ теорій, отыскивали ихъ слабыя стороны. Дѣло, очевидно, начинаетъ налаживаться; хорошо, если бы продолжали и далѣе такъ же усердно интересоваться, какъ теперь.

3 ноября, 1-й ч. н.

Жизнь на курсахъ идетъ своимъ чередомъ... нѣсколько однообразно, тихо, но зато такъ спокойно! Временами меня охватываетъ это прекрасное чувство тишины и покоя, я чувствую его, какъ только можетъ чувствовать путешественникъ, послѣ многихъ препятствій добравшійся до цѣли своего путешествія. И тогда, какъ милы кажутся мнѣ стѣны моей высокой комнаты, за которыми я сижу, и до которыхъ не доходятъ тѣ дрязги житейскія, среди которыхъ я жила эти годы... Временами кажутся онѣ мнѣ сномъ... Да, полно, были ли онѣ? неужели были? и прошли? и неужели я въ прошломъ году была въ это время дома? неужели я жила?—не вѣрится... кажется, что это былъ тяжелый сонъ, отъ котораго я, наконецъ, проснулась...

Все тихо; въ интернатѣ, въ нашихъ комнатахъ одна за другою тушатся лампы; всѣ ложатся спать...

Gute Nacht! Schlafet bis das neue Morgen,
Bringet euch die neuen Sorgen—

хочется мнѣ сказать всѣмъ этимъ молодымъ дѣвушкамъ.

4 ноября.

Въ видахъ облегченія сближенія курсистокъ между собою, у насъ организовалась цѣлая сѣть небольшихъ такъ называемыхъ кружковъ общенія. Цѣль ихъ, по теоріи, весьма похвальная: каждый кружокъ ставитъ себѣ задачей объединить и сблизить курсистокъ разныхъ курсовъ (назначено по три съ каждаго курса) на почвѣ изученія какого-либо вопроса. Это, конечно, представляетъ большой интересъ для первокурсницъ, потому что мы ѣдемъ сюда именно затѣмъ, чтобы учиться, большинство неопытныхъ мечтаетъ встрѣтить ту интересную, умственную атмосферу, которую я пока не нашла, и не находя ея, въ большинствѣ случаевъ, разочаровываются чуть ли не во всемъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, я слышала отъ слушательницъ старшихъ курсовъ, которыя выставляли желаніе именно въ этомъ отношеніи помочь намъ, какъ одинъ изъ мотивовъ для учрежденія кружковъ. Меня тоже приписали къ одному изъ нихъ. На двухъ первыхъ собраніяхъ я не была, за что получила два замѣчанія отъ предсѣдательницы (4 к.), на третье отправилась. Такъ какъ каждый кружокъ собирался для совмѣстнаго изученія какого-нибудь вопроса, то, конечно, каждый задается разными цѣлями; мой кружокъ (въ немъ тоже назначено было 12 человѣкъ—по 3 съ каждаго курса), пожелалъ заняться изученіемъ государственнаго строя западно-европейскихъ державъ, для того, чтобы свободно читать и понимать газетныя извѣстія и вообще имѣть понятіе о томъ, какъ живутъ, какія партіи и учрежденія „тамъ“... Программа занятій была выработана на первомъ засѣданіи; о ней я получила нѣкоторыя указанія отъ предсѣдательницы кружка; на второмъ собраніи уже приступили къ изученію международнаго права (мы занимаемся подъ руководствомъ Семевскаго).

Когда я, наконецъ, явилась на третье собраніе, то уже нѣсколько членовъ кружка собрались. Съ моего курса—кромѣ меня никого не было, и я очутилась какъ въ лѣсу, среди совершенно незнакомыхъ лицъ. Я поклонилась, назвавъ свою фамилію и ожидала, что каждая, въ свою очередь, сдѣлаетъ то же. Не тутъ-то было: всѣ остались на своихъ мѣстахъ, ограничившись однимъ наклоненіемъ головы; никто не шевельнулся, и единственный знакомый мнѣ человѣкъ — предсѣдательница сама очутилась въ

затруднительномъ положеніи: она не знала всѣхъ собравшихся, и никого не могла познакомить со мною. Дѣлать было нечего: рѣшивъ, что надо же знать хоть одного человѣка въ лицо и по фамиліи изъ своего же кружка, я попросила представить меня, и назвать хоть нѣкоторыхъ по фамиліямъ; предсѣдательница представила меня двумъ—тремъ, тѣ поклонились, говоря: „что за церемоніи". Я сѣла на диванъ и осмотрѣлась: небольшая чистенькая комнатка, простая обстановка; всѣ сидѣли у большого стола; передъ предсѣдательницей лежала книга Коркунова „Основы международнаго права". Дверь то и дѣло отворялась: входили незнакомыя курсистки, молча дѣлая общій поклонъ, и садились поодаль. Наконецъ, всѣ собрались; не было только одной изъ устроительницъ кружка, самой интересной личности — Г—ой. Я много слышала о ней, и понятно была не прочь познакомиться. Передъ началомъ чтенія М — ки сообщила кружку результатъ своихъ переговоровъ съ В. И. Семевскимъ о занятіяхъ международнымъ правомъ. В. И. отнесся къ этой попыткѣ критически, и прямо сказалъ: я сомнѣваюсь, чтобы вышелъ какой-нибудь толкъ, потому что для такихъ занятій требуется основательное знаніе иностранныхъ языковъ.—„А мы, продолжала М — ки, какъ разъ ихъ не знаемъ... почти никто. Ну еще по-французски туда сюда, а по-нѣмецки... „Ну, да, впрочемъ, какъ нибудь справимся. Давайте, господа, распредѣлять, кто о чемъ будетъ писать... И начались разговоры: кому писать о государственномъ устройствѣ западныхъ державъ, кому о партіяхъ... Я молча слушала, наконецъ, рѣшила спросить: какія же державы будемъ мы изучать?—„Германію, Францію, Америку, Швейцарію, Англію"... — А Россія? развѣ ея государственное устройство...

— Если вы интересуетесь этимъ, то сами можете прочесть, замѣтилъ кто-то.

Этого было достаточно... даже слишкомъ. Я не знала, сердиться ли мнѣ, возмущаться ли, или презрительно улыбнуться. *Такъ* разсуждать могли гимназистки V класса. Я сочла совершенно безполезнымъ тратить слова на возраженія: для меня достаточно было и того, что я услыхала.

Предсѣдательница начала чтеніе главы „Законы о печати". Я слушала разсѣянно, такъ меня поразило подобное равнодушіе къ своему; ужъ если „необходимо" изучать, то во всякомъ случаѣ начать надо съ своего, а никакъ не съ чужого. И потомъ—такой пренебрежительный тонъ, такая нетерпимость чужихъ мнѣній...

Читали очень недолго. Подали чай. Всѣ сидѣли молча, разговоръ не клеился... Наконецъ, черезъ полчаса всѣ разошлись.

Я ушла домой съ намѣреніемъ при первой же возможности выйти изъ этого кружка. Оставлять его послѣ перваго же раза мнѣ не хотѣлось, я все-таки рѣшила не спѣшить и сначала присмотрѣться ближе къ ходу занятій. Отношенія членовъ къ предполагаемымъ рефератамъ обозначились на первомъ же собраніи: ихъ брали лѣниво, отговариваясь неимѣніемъ времени, словомъ, что называется, „спустя рукава"...

22 ноября.

О, какъ давно я не писала! Рѣшительно не было возможности остаться наединѣ сама съ собою, некогда углубиться въ себя, некогда думать... словомъ, жизнь захватила меня. Днемъ на лекціяхъ, вечеромъ—или занимаешься, или идешь въ театръ, или на публичную лекцію; поздно вернешься домой, усталая отъ дальней ходьбы, и валишься на постель спать, съ массою интересныхъ мыслей и впечатлѣній... Сколько новаго! Безконечная панорама жизни развертывается передъ тобою, приглашая тебя принять участіе въ этомъ безпрерывномъ движеніи впередъ и впередъ...

Я была на трехъ публичныхъ лекціяхъ Исаева: „Настоящее и вѣроятное будущее нашего народнаго хозяйства"; эти лекціи дали мнѣ понятіе о современномъ неудовлетворительномъ состояніи народнаго хозяйства. Къ сожалѣнію, конецъ ихъ не соотвѣтствовалъ моимъ ожиданіямъ: вмѣсто того, чтобы нарисовать картину положенія, къ какому мы придемъ, если будемъ вести свое хозяйство, какъ теперь оно ведется, профессоръ очень осторожно коснулся вопроса о томъ, какъ *надо* измѣнить его, и что изъ этого выйдетъ. А вѣдь это „надо" такъ легко можетъ остаться только словомъ.

Засѣданіе Комитета Грамотности, на которомъ я была, было очень бурное: все время были пренія. Разбирался вопросъ объ ассигновкѣ 2.000 руб. ежегодно на предпринятое Комитетомъ статистическое изслѣдованіе положенія школьнаго дѣла въ Россіи. Нашелся одинъ оппонентъ, недавно вступившій въ члены Комитета, который доказывалъ, что подобная трата денегъ совершенно излишняя, что у Комитета Грамотности есть болѣе прямыя задачи—это грамотность. Изъ всего собранія нашелся только одинъ,

который возразилъ этому ярому стороннику исключительно грамотности настолько дѣльно и мѣтко, что его привѣтствовали громкими апплодисментами. Въ залѣ была масса публики, преимущественно изъ учащейся молодежи—студентовъ всѣхъ заведеній и насъ тоже со всевозможныхъ курсовъ; замѣчательно, что среди судентовъ я не встрѣтила ни одного мундира лицеиста или правовѣда, или вообще изящно одѣтаго студента: молодежь была въ старенькихъ мундирахъ, у иныхъ даже рубашки простыя и волосы лохматые и вообще внѣшность не привлекательная, но съ какою жадностью прислушивались они къ каждому слову каждой рѣчи! Какое напряженное вниманіе читалось на ихъ лицахъ, въ ихъ глазахъ! Какъ жарко они апплодировали удачнымъ возраженіямъ, хорошей рѣчи или докладу!

Да, въ этой залѣ дѣлалось хорошее дѣло... неотложная, необходимая работа. И мои убѣжденія здѣсь, въ столицѣ, получаютъ все болѣе и болѣе подтвержденій de facto. Въ настоящее время, при такомъ положеніе вещей, наиболѣе симпатичная и, главное, плодотворная, необходимая дѣятельность въ деревнѣ, въ селѣ, въ городѣ—для народа. И теперь я вижу, что это на самомъ дѣлѣ такъ.

28 ноября.

За послѣднее время я замѣчаю, что нѣкоторыя вещи на меня производятъ сильное впечатлѣніе... Я даже не ожидала ничего подобнаго... Я прочла недавно статью Семевскаго въ сборникѣ для самообразованія по крестьянскому вопросу, и такъ какъ я по этому предмету еще ничего не читала, то была такъ поражена, мнѣ вдругъ съ такою поразительною ясностью представилась картина „сыновей несправедливости“, какъ называю я крѣпостное право, что я, какъ уничтоженная, бросилась на постель и долго не могла заснуть, чувствуя сильное возбужденіе. Мнѣ хотѣлось сейчасъ же итти къ народу, сдѣлать для него, хоть что-нибудь сдѣлать... Я чувствовала, что на мнѣ точно долгъ какой-то лежитъ по отношенію къ несчастному, вѣками угнетенному народу, которому, наконецъ-то, дали свободу... Да, за то, что онъ былъ вѣками угнетенъ, закрѣпощенъ, за эту возмутительную несправедливость,—какая только могла существовать,—всѣ должны послужить ему теперь, въ свою очередь...

29 ноября.

Въ нашей временной квартирѣ постоянный шумъ и движеніе, несмотря на то, что насъ живетъ всего 8 человѣкъ; живя въ небольшомъ обществѣ, конечно, легче ближе познакомиться, чѣмъ въ большомъ интернатѣ. Все это хорошіе люди; всѣ болѣе или менѣе усердно занимаются, интересуются предметами, читаютъ... Но... почему же ихъ общество опять-таки не можетъ удовлетворить меня? Я со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ, но и только; стараюсь искать въ нихъ чего-нибудь, что бы они могли дать мнѣ,—а они ничего не даютъ. Несмотря на то, что занятія всюду—и справа и слѣва (я живу въ средней комнатѣ, вдвоемъ)—все-таки нѣтъ той освѣжающей умственной атмосферы, которая, казалось, должна бы создаться. Мелочность и чисто-женская придирчивость развиты здѣсь ничуть не меньше, чѣмъ въ любой необразованной женщинѣ. Не слыхать ни одного интереснаго разговора или спора; меня поражаетъ отсутствіе какихъ-либо высшихъ жизненныхъ запросовъ или научныхъ интересовъ, когда мы сходимся всѣ вмѣстѣ за чайнымъ столомъ. Такъ себѣ, болтаемъ пустячки, а иногда даже несносный вздоръ; со стороны послушать—даже тошно станетъ. Ведутся самые обыкновенные житейскіе разговоры о погодѣ, о томъ, кто гдѣ былъ, что гдѣ случилось; тогда кто-нибудь придерется къ другому; завяжется споръ, невинный но шумный; крикливые голоса двухъ сестрицъ П-рь рѣзко выдѣляются на общемъ фонѣ; шумъ, гвалтъ, а изъ-за чего, подумаешь? Часто предлагаются вопросы уже совсѣмъ институтскаго характера, вродѣ того: кто всѣхъ красивѣе? или какъ вамъ нравится такая-то? (впрочемъ, слово „нравится“ конечно относится къ наружности). Подобные интересные вопросы возбуждаютъ соотвѣтственные разговоры... А о нетерпимости—и говорить нечего. Она здѣсь такъ сильно развита, что я буквально отвыкла выражать искренно свое мнѣніе о чемъ-либо. Мнѣ столько разъ возражали, и такъ грубо, такъ рѣзко, что я уже не рискую заводить разговоры о чемъ-либо, тѣмъ менѣе о томъ, что меня интересуетъ. Словомъ, я, оставаясь со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ, ушла въ свою раковину... Тяжелѣе всего то, что всегда приходится быть на виду, и какъ бы ни была разстроена, все-таки должна сдерживать себя, чтобы, Боже упаси! не отвѣтить кому-либо на навязчивые вопросы (буде ихъ предложатъ) слишкомъ односложно, или нервно,

или съ явнымъ нежеланіемъ продолжать разговоръ. Сейчасъ-же обидятся, придерутся; найдутся охотники поддержать; и вотъ мнѣ, вскорѣ послѣ того реферата, который меня такъ разстроилъ, что я на назойливые вопросы: какъ, ну, что, разскажите,—односложно отвѣтила: нечего разсказывать,—уже пришлось выдержать цѣлую бурю негодованія, которая поднялась послѣ этого краткаго отвѣта: —„Какъ, вы не хотите отвѣчать? Какъ это не любезно съ вашей стороны!“

— Да, чего отъ Д-вой ожидать! Вѣдь уже про нее давно извѣстно, что она на курсахъ всѣхъ обрываетъ!—Ее даже боятся я знаю нѣсколькихъ, которыя жаловались мнѣ на ея грубость...— Немудрено, если съ вами никто не захочетъ сойтись... вы оттолкнете своею грубостью... щедро сыпались обвиненія изъ устъ „развитыхъ“ дѣвицъ, которыя никакъ не могли сообразить самой простой вещи, что я такъ была разстроена, что человѣку прямо не по себѣ, что онъ не можетъ же быть всегда, во всякую минуту готовъ къ ихъ услугамъ. Тогда, за мною вслѣдъ пришла въ нашу общую квартиру одна сестра П-рь,—и крикливо, какъ торговка, размахивая руками, начала разсказъ о рефератѣ; всѣ слушали съ любопытствомъ...—„Вотъ, г-да, кто разскажетъ, такъ ужъ разскажетъ“—и всѣ, какъ стадо барановъ, повернулись въ ея сторону;—я слышала похвалу П-рь, которая очевидно предназначалась какъ шпилька по моему адресу.

Чтобы прекратить всѣ подобчыя заявленія, я, скрѣпя сердце, сказала, когда П-рь кончила:—Господа, какъ видите, рефератъ былъ настолько плохъ, что мнѣ прямо было непріятно о немъ разсказывать!.. Никто не слыхалъ моихъ словъ, потому что уже начался другой споръ...

И вотъ сегодня, когда я, наконецъ, опять увидѣлась съ М. Е., придя въ ея тихую, милую комнатку, когда я опять могла видѣть и говорить съ близкимъ человѣкомъ, я не выдержала и невольно у меня вырвались рыданія и, упавъ головой на колѣни М. Е., я расплакалась, какъ ребенокъ.

Она испугалась:—„Да развѣ можно быть такой нервной, Лиза? Здѣсь, въ Петербургѣ—это невозможно; вамъ надо лѣчиться“...

— Нѣтъ! увѣряю васъ, что я вовсе не нервная. Это я только такъ... потому что у себя, въ интернатѣ, никогда не показываю имъ ничего, и меня никто не считаетъ нервной,—съ трудомъ говорила я, стараясь овладѣть собой.

Это и въ самомъ дѣлѣ глупо. Что за вздоръ—нервы. Эхъ,

если бы была возможность, я вылѣчилась бы своимъ способомъ: холодная ванна каждый день; потомъ гимнастика... Жаль, что здѣсь нѣтъ ни того, ни другого. А то это—лучше всякихъ лѣкарствъ. Но самое лучшее—умѣть владѣть собой. Что за глупыя созданія мы, женщины! Неисправимы! слезы и нервы—очевидно прирожденныя средства нашего пола.

30 ноября.

Недавно у насъ была вечеринка. Я и раньше весьма скептически относилась къ ней; мнѣ, когда я присмотрѣлась къ своимъ интернаткамъ, казалось, что на ней не можетъ быть весело, что непремѣнно будетъ чего-то недоставать... Но то, что я услышала, то, что было преподнесено собравшимися въ видѣ „литературно-музыкально-вокальнаго отдѣленія“,—превзошло всѣ мои ожиданія: нельзя было хуже пѣть, читать и играть, чѣмъ это сдѣлали шестеро изъ 9 исполнительницъ. Стыдно было за нихъ, смѣшно и стыдно передъ собравшимися профессорами, которыхъ мы приглашаемъ на эти вечеринки (это единственный мужской элементъ, который допускается): первые два ряда заняты ими, и рѣдко когда на долю такой достойной публики выпадало такое недостойное исполненіе. Но хуже всего были сами слушательницы: послѣ каждаго номера, не разбирая, онѣ хлопали изо всѣхъ силъ, кричали: бисъ... Толпа и на этотъ разъ показала себя тѣмъ, что она есть: недисциплинированная, обрадовавшаяся случаю пошумѣть,—топать начали всему, что слышали съ эстрады, не отдавая себѣ отчета, хорошо ли, нѣтъ ли, и тѣмъ еще болѣе поощряя беззастѣнчивую смѣлость бездарностей, которыя терзали слухъ то завываніемъ, читая стихи, то играя на роялѣ, то пѣніемъ. Зато тѣмъ рѣзче среди ничтожностей выдѣлялись трое исполнительницъ одна изъ нихъ обладаетъ почти опернымъ голосомъ и я, стоя за роялемъ, ясно читала на лицахъ профессоровъ восхищеніе, когда она пѣла. У насъ, конечно, есть и такія, которыя хорошо играютъ, поютъ, но именно всѣ наиболѣе способныя и отказались... Изъ скромности, должно быть? Въ такомъ случаѣ очень жаль...

Концертное отдѣленіе кончилось; профессора и мы перешли въ нижнюю залу, гдѣ были приготовлены столы съ чаемъ. (Эти вечеринки устраиваются въ пользу кассъ, которыя существуютъ на каждомъ курсѣ; билетъ стоитъ 25 коп., чай 3 коп.). Распоря-

дительницы-кассирши встрѣчали профессоровъ при входѣ въ залъ; онѣ же съ своими помощницами продавали чай, булки. Конечно, для профессоровъ это угощеніе было безплатно... Что же будетъ дальше? спросила я себя, видя, какъ зала постепенно наполняется народомъ, что мало-по-малу образуются группы и расходятся къ столамъ.—„Давайте занимать Середонина", раздалось вдругъ надъ моимъ ухомъ. Я обернулась—передо мной стояла Д—ва, очевидно знакомая съ Середонинымъ. Мнѣ было рѣшительно безразлично: скучать ли весь вечеръ одной, или итти „занимать" профессора. Я предпочла послѣднее, надѣясь поближе познакомиться хоть съ однимъ изъ нашихъ профессоровъ. Мы вмѣстѣ подошли къ Середонину: она, дѣвица чрезмѣрно бойкая и юркая, смѣло аттаковала его сразу массою вопросовъ, на которые онъ не успѣвалъ отвѣчать.—„Г-нъ профессоръ, а вы почему такъ поздно пришли? Это не хорошо, не годится",—говорила курсистка.—Извините, я опоздалъ, но я не могъ иначе... въ другой разъ—буду раньше, непремѣнно,—вѣжливо извинялся Середонинъ.—„Ну, смотрите, не извольте же", капризно-фамильярнымъ тономъ барышни продолжала Д—ва... Разговоръ грозилъ принять чисто свѣтскій безсодержательный характеръ гостинной болтовни, потому что она говорила безъ умолку, не давая сказать ни слова профессору, который изъ вѣжливости не рѣшался оставить насъ. Надо было это прекратить. Я тихо спросила С—на о какомъ-то вопросѣ по исторіи; заговорили о ней, о лекціяхъ; мы подошли къ столу, предложили ему чаю, и усѣлись тутъ же. Другія первокурсницы, привлеченныя любопытствомъ, подошли къ намъ, за ними—другія, около нашей группы образовался тѣсный кружокъ, который точно отрѣзалъ насъ отъ залы, такъ что ни видѣть, ни наблюдать уже не было возможности. С—нъ, очевидно, чувствовалъ себя очень непринужденно въ нашемъ кружкѣ; разговоръ носилъ то отчасти научный характеръ,—и тогда становился наиболѣе интереснымъ, то свѣтской болтовни,—какъ только новыя лица вступали въ разговоръ. Въ общемъ—онъ плохо рекомендовалъ первокурсницъ, потому что часто, очень часто разговоръ принималъ совсѣмъ гимназическій характеръ; съ С—нымъ говорили такимъ тономъ, какимъ гимназистки обращаются къ своему учителю, когда встрѣчаются съ нимъ не на правахъ ученицы, но „барышни". Ахъ, какой вздоръ говорили мы! Какіе глупые вопросы задавали! Наконецъ, когда Д-вой опять удалось заговорить съ С—нымъ, то все пропало: пришлось поддерживать до такой степени ненужную и неинтересную

болтовню, что я въ глубинѣ души была рада, когда къ С—ну подошла его невѣста (одна изъ слушательницъ IV курса) и велѣла ему ѣхать домой. Среди насъ послышался недовольный ропотъ, но невѣста—на то и невѣста, чтобы женихъ находился въ ея распоряженіи. Послѣ ухода Середонина я посмотрѣла на часы: былъ уже 1-ый часъ—пора была домой. Многія уже расходились. Я прошла еще разъ по залѣ: наши бродили по комнатѣ, разбившись на группы; въ одномъ углу толпа окружала Гревса. Многіе профессора уже уѣхали. Больше нечего было смотрѣть, нечего дѣлать. Я отправилась домой и долго сидѣла на постели, раздумывая надъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ... Даже какъ-то не вѣрилось: да полно, неужели все это было у насъ, здѣсь, на курсахъ?..

6 декабря.

Завтра въ Дворянскомъ Собраніи вечеръ въ пользу Общества доставленія средствъ нашимъ курсамъ. Приглашены извѣстные артисты: Фигнеръ, Тартаковъ еще кто-то и артистки. Заранѣе предвидя, какая скука меня ожидаетъ на вечерѣ, когда, по окончаніи концерта, начнутся танцы, я рѣшила быть дѣйствующимъ лицомъ, т. е. что-нибудь „дѣлать"—по хозяйственной части, продавать, помогать кому-нибудь; это, мнѣ кажется, все же лучше, чѣмъ, не имѣя ни души знакомыхъ (а курсистокъ — навѣрно потеряешь въ толпѣ, да у нихъ есть свои знакомые) слоняться безцѣльно по залѣ или подпирать ея стѣны, когда передъ твоими глазами будутъ кружиться пара за парой. Впрочемъ, говорятъ, въ третьемъ году вечеръ былъ очень интересенъ: профессора говорили рѣчи, между ними — Гревсъ, Семевскій... было хорошо и интересно...

Вмѣсто того, чтобы слушать прекрасныя, увлекательныя, пылкія рѣчи, я буду продавать прохладительные напитки въ качествѣ помощницы распорядительницы. У насъ распорядительницъ выбирали баллотировкой. Подумаешь, невѣсть какое важное дѣло! Стòитъ для того, чтобы выбрать трехъ человѣкъ поизящнѣе, порасторопнѣе,—писать билетики съ фамиліями, потомъ ихъ раскладывать, потомъ—считать, потомъ—объявлять результаты голосованія... Хотѣли даже выбирать и помощницъ (по двѣ у каждой распорядительницы), да вò время спохватились, что это было бы уже совсѣмъ пустая потеря времени...

Я чувствую, что буду недовольна собой... Къ чему я взялась за это дѣло?—Вѣдь я могла бы уѣхать тотчасъ послѣ концерта. А нѣтъ,—вѣдь я же знаю, что не уѣду: странное свойство человѣческой натуры—противорѣчить самой себѣ.

Меня увѣрили, что продавщицамъ надо быть одѣтыми въ свѣтлыя платья; я выписала изъ дому свой единственный вечерній туалетъ, къ слову сказать, очень нарядный и изящный, и завтра—къ своему собственному удивленію—обращусь изъ скромной, просто одѣтой и гладко причесанной курсистки, въ изящную барышню. Да, я буду зла на себя... и тѣмъ болѣе, что заранѣе знаю, какъ наши интернатки щедры на комплименты, чисто институтскія аханья и восклицанія по поводу платьевъ...—„Господа, Д-ва будетъ очень интересна на вечерѣ... она будетъ въ розовомъ платьѣ,—вы не видали? какая прелесть!“—слышу я еще и теперь. Но въ общемъ все-таки очень мало слышишь разговоровъ о вечерѣ и туалетахъ (и то, слава Богу, а то бы просто, кажется, сбѣжалъ бы), и въ этомъ проявляется характерная черточка: у насъ если и занимаются тряпками, то именно en passant, въ крайней необходимости, не дѣлая изъ этого событія жизни, или предмета разговора на цѣлый вечеръ. Мнѣ даже стало смѣшно на самое себя: почему-то, многія уже и теперь даютъ мнѣ совѣты на счетъ прически, завивки, такъ что я пресерьезно раздумывала, стоитъ ли завиваться на вечеръ, не будетъ ли это съ моей стороны излишнее,—настолько заниматься собой, тратить много времени... не лучше ли, не болѣе ли соотвѣтствуетъ моему теперешнему положенію—скромная и простая гладкая прическа?—„Къ такому платью — ваша всегдашняя прическа не идетъ“, рѣшила за меня одна изъ нашихъ интернатокъ.

Однако, завтра ботаника, вставать надо въ 9 часовъ утра, и потомъ придется рано ѣхать на вечеръ къ своему посту... пожалуй, устану до послѣдней степени.

10 декабря.

Былъ вечеръ, сошелъ весьма удачно, какъ это, впрочемъ, и всегда бываетъ; нашъ вечеръ даетъ Обществу для доставленія средствъ В. Ж. К. около 4-хъ тысячъ чистаго дохоту. Я пріѣхала рано и уѣхала поздно... Впервые увидѣла я всю, такъ сказать подкладку этихъ благотворительныхъ вечеровъ, всѣ приготовленія, хлопоты по устройству столовъ, ихъ украшеній и т. д., однимъ

словомъ—какъ дѣлается все то, на что публика менѣе всего обращаетъ вниманія... Сколько разъ, напр., пила я чай на какихъ-нибудь вечерахъ и никогда, конечно, не думала о томъ, что этотъ стаканъ былъ кѣмъ-нибудь налитъ; а на другой день послѣ бала, блѣдная, утомленная экономка, раздавая завтракъ въ столовой разсказывала:— „Вернулась я, барышни, домой въ $6^1/_2$ час... дѣла-то сколько было! Однихъ лимоновъ 500 штукъ разрѣзали... устала—страшно, а сегодня въ $8^1/_2$ час. встала“...

Ровно въ 4 часа окончился вечеръ; лакей, важный и бритый торжественнымъ шагомъ прошелъ по всѣмъ заламъ молча, звоня въ колокольчикъ; мнѣ онъ показался тѣнью отца Гамлета среди этой пестрой, нарядной, веселой толпы. Въ залѣ погасло электричество: полутемныя опустѣвшія комнаты, за нѣсколько минутъ еще ярко освѣщенныя, полныя народа—казались теперь такими мрачными, неуютными... публика вся исчезла внизъ въ раздѣвальныя; распорядительницы за своими столами торопливо пересчитывали вырученныя деньги, и потомъ вереницей потянулись къ кому-то сдавать свои счеты: за контрольнымъ словомъ „комитетская“ дама въ кокетливомъ туалетѣ принимала деньги и записывала... Мы, помощницы распорядительницъ, зѣвали, стоя тутъ же, и собирались уѣзжать... Прислуга суетилась, убирая посуду; полусонные лакеи бродили какъ тѣни... и мнѣ вдругъ бросился въ глаза весь безпорядокъ, въ которомъ стояли стулья, облитыя скатерти на столахъ, грязные стаканы изъ-подъ чаю...

У меня нѣтъ никого знакомыхъ; даже ни одного студента, хотя почти у всякой курсистки ихъ наберется нѣсколько человѣкъ. Сидя за столомъ, машинально наливая стаканы оршада, лимонада и получая деньги, я думала: нельзя сказать, чтобы это было весело... вотъ у другихъ продавщицъ знакомые помощники-студенты, они разговариваютъ очень оживленно, видно сейчасъ, что имъ весело... А тѣхъ, которыя продаютъ цвѣты (для этого нарочно выбрали трехъ самыхъ изящныхъ блондинокъ), навѣрно окружали знакомые... Хотѣла ли я быть на ихъ мѣстѣ, сидѣть въ первой комнатѣ, въ зеленой бесѣдкѣ?—Нѣтъ; потому что и меня тогда окружали бы, какъ окружаютъ ихъ теперь, путейцы, техники, студенты, артисты—пришлось бы и мнѣ также мило улыбаться, вести ту же пустую, незначительную болтовню о погодѣ, о театрахъ, о вечерахъ,—однимъ словомъ „свѣтскій“ разговоръ... И тогда была бы я недовольна, и теперь нельзя было сказать, что я была очень довольна. Я, наконецъ, разозлилась

на себя за свою требовательность: что же лучше? Сидѣть въ зеленой клѣткѣ и продавать цвѣты и свои улыбки, или же просто продавать питье за своимъ небольшимъ столикомъ, вовсе не будучи окруженной, но зато и не ведя утомительной болтовни? вѣдь послѣднее все же было лучше. Итакъ, вечеръ прошелъ для меня—ни весело, ни скучно, какъ я и думала.

Въ самый разгаръ нашей торговли, къ нашему столику подошелъ студентъ и попросилъ позволенія присѣсть на свободный стулъ. Я, конечно, позволила; онъ усѣлся и задумался... я сидѣла рядомъ съ нимъ: мнѣ то и дѣло приходилось продавать, получать деньги, передавать стаканы помощникамъ-студентамъ, говорить съ ними и съ своими товарками... и все въ присутствіи совершенно посторонняго человѣка, который откуда-то взялся, сидитъ, молчитъ... Это меня стѣсняло; мнѣ становилось неловко, что въ нашу дружную компанію попалъ чужой человѣкъ, и я мысленно пожелала, чтобы онъ или скорѣе ушелъ, или хоть заговорилъ изъ приличія. И онъ, дѣйствительно, задалъ какой-то вопросъ относительно вечера.. мы разговорились; потомъ онъ всталъ и предложилъ мнѣ оставить на нѣсколько времени мою обязанность и пойти отдохнуть. Я пошла съ нимъ бродить по заламъ... мы ходили, разговаривали, и ничего: разговоръ клеился. Наконецъ, онъ представился и, въ свою очередь, спросилъ у меня мое имя и фамилію. Такъ мы познакомились, и онъ даже попросилъ позволенія навѣстить меня въ интернатѣ. Я согласилась, удивляясь въ душѣ такому быстрому ходу знакомства съ человѣкомъ, о которомъ полчаса тому назадъ и понятія не имѣла; но въ то же время сообразила, что ничего не потеряно: или это знакомство не состоится, если онъ придетъ и не застанетъ меня дома, и не осмѣлится притти въ другой разъ,—или просто забудетъ о моемъ существованіи и его просьба о позволеніи бывать у меня окажется пустыми словами—тѣмъ лучше, я буду покойнѣе и впредь буду осторожнѣе относительно подобныхъ субъектовъ; если же, паче чаянія, онъ и вправду придетъ и дома застанетъ,—тогда я буду имѣть возможность доставать черезъ него книги изъ университетской библіотеки. Какъ я теперь присмотрѣлась къ нашей жизни, то вижу, что студентъ въ сущности необходимъ, именно для книгъ, для того, чтобы онъ доставалъ билеты, вообще—для услугъ. Говорю такъ потому, что къ нашимъ интернаткамъ постоянно ходятъ студенты, люди очень интересные, и наши тяготятся ихъ посѣщеніями, которыя у нихъ отнимаютъ время для

занятій, но все-таки поддерживаютъ знакомство именно ради „услугъ“. А такъ какъ я тоже сомнѣваюсь въ томъ, чтобы была возможность познакомиться съ интересными людьми, то надо желать болѣе доступнаго, ну, хоть кого-нибудь для „услугъ“, и главное—ради книгъ! Какъ онѣ мнѣ нужны! И какъ трудно ихъ достать...

13 декабря.

Была у завѣдующей интернатомъ, члена комитета О. К. Н-вой. Это—очень симпатичная молодая женщина. Ей, какъ принимающей живое участіе въ дѣлахъ курсовъ, конечно извѣстна моя исторія, единственная въ своемъ родѣ, которая такъ ярко освѣщаетъ благородную и гуманную личность М. Н. Капустина. О. К., познакомившись со мной, отнеслась ко мнѣ въ высшей степени симпатично, и мнѣ довольно часто приходилось разговаривать съ нею на курсахъ. Она пригласила меня бывать у нея, и я собралась только сегодня. О. К. живо интересуется нашей жизнью, занятіями и моей предстоящей поѣздкой домой на праздникъ. Этотъ мой пріѣздъ, по ея мнѣнію, да и по мнѣнію многихъ, долженъ доказать моей матери всю неосновательность ея предразсудковъ, ея предубѣжденія противъ курсовъ. О. К. начала меня разспрашивать о моей семьѣ, и достаточно было немногихъ словъ, чтобы она задала мнѣ вопросъ, который я слышу уже во второй разъ:—„Скажите, да откуда же въ васъ явилось такое желаніе учиться? Какъ, при такихъ обстоятельствахъ, въ васъ явилась мысль поступить на курсы?“... Вопросъ лестный для меня, но въ то же время онъ меня и удивлялъ.—„Можетъ быть, изъ вашей гимназіи кто-нибудь былъ на курсахъ?“—Нѣтъ; изъ 2-ой гимназіи гдѣ я воспитывалась, никто не поступаетъ на высшіе курсы; я—первая, поступившая оттуда.—„Такъ значитъ и не изъ гимназіи вы вынесли подобную мысль?“ удивлялась О. К. Я до такой степени сроднилась со своимъ стремленіемъ, съ мыслью о необходимости продолжать свое образованіе, что подобный вопросъ даже приводитъ меня въ недоумѣніе... И въ самомъ дѣлѣ? Какъ мнѣ отвѣтить на вопросъ, какъ при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ могло во мнѣ зародиться подобное желаніе? Съ какихъ поръ? Я въ точности не помню... помню только, что я уже будучи 14-ти лѣтней дѣвочкой рѣшила, что въ 21 годъ буду на курсахъ. А какъ пришла мнѣ въ голову мысль о высшемъ

образованіи—я никогда не задавала себѣ подобнаго вопроса; я считала, что это такъ естественно, такъ просто, что тутъ и спрашивать нечего и удивляться нечему... Приблизительно только я могла отвѣтить О. К., что меня всегда поражала узкость взглядовъ женщинъ, недостатокъ умственнаго развитія, а главное и единственное, что я могла изрѣдка наблюдать—разговоры мужчинъ и женщинъ. Первые--меня всегда болѣе интересовали тѣмъ, что были интереснѣе и содержательнѣе пустой женской болтовни, переливанья изъ пустого въ порожнее. Я стала сравнивать тѣхъ и другихъ: читая книги, изучая литературу, біографіи писателей, а главное—образованіе мужчинъ и женщинъ, я увидѣла, что образованіе необходимо для умственнаго развитія, что мужчина по окончаніи гимназіи идетъ въ университетъ, а для женщины—три дороги на выборъ: или мѣсто учительницы въ селѣ или городѣ, или безцѣльное сидѣнье дома до замужества, или же бѣготня по грошевымъ урокамъ. И все это начинается для нихъ въ такое время нашей юности, когда передъ мужчинами открываются двери университета, когда онъ учится, читаетъ, думаетъ... идетъ впередъ, масса новыхъ идей возбуждается въ немъ, а мы обречены довольствоваться скудными обрывками гимназическихъ знаній, элементарныхъ понятій, почерпнутыхъ изъ учебниковъ. Я всегда склонна была критически относиться къ своему образованію, къ гимназическому преподаванію... Само собою разумѣется, что въ разговорѣ съ О. К. я не такъ подробно развила свою мысль; я ограничилась только очень краткими словами... и не успѣла я кончить, какъ раздался звонокъ, затѣмъ другой,—въ комнату вошли обычные посѣтители средъ О. К.

Зявязался общій разговоръ о курсахъ, о недавнемъ вечерѣ, о томъ, сколько получено доходу, о петербургскомъ женскомъ клубѣ и т. д. Этотъ женскій клубъ разрѣшенъ не какъ клубъ, но подъ именемъ Русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества; но очевидно, судя по началу,—это первая попытка женщинъ создать свой клубъ на манеръ американокъ. Какъ взаимное благотвореніе, общество намѣтило нѣсколько задачъ, между прочимъ—учрежденіе дешевыхъ квартиръ для бѣдныхъ интеллигентныхъ женщинъ, доставленіе имъ занятій, организацію дешевой столовой, чтеніе лекцій по разнымъ спеціальностямъ—для желающихъ. Общество будетъ имѣть свою читальню; входъ въ собраніе ежедневный для всѣхъ членовъ. Однимъ словомъ—очень и очень похоже на клубъ, даже съ избраніемъ старшинъ,

дежурныхъ. Мужской элементъ не допускается, несмотря на то, что ему страшно хочется, и онъ употребляетъ всѣ старанія, чтобы попасть туда. О. К. была разъ въ собраніи членовъ этого общества и говоритъ, что тамъ очень весело и оживленно... Говорили и о женскомъ медицинскомъ институтѣ. Боже мой! врядъ ли когда-нибудь настолько полезное и необходимое учрежденіе встрѣчало столько препятствій для своего возникновенія: до сихъ поръ не рѣшено окончательно, гдѣ же строить институтъ?—Отводятъ гдѣ-то мѣсто, но это пока еще только слухъ.

14 декабря.

На-дняхъ утромъ я пошла на лекцію богословія. Добрый батюшка вошелъ, смиренно самъ прочелъ молитву: Царю Небесный (онъ сначала было просилъ насъ самихъ читать ее передъ каждой лекціей, но видя, какъ два или три раза произошло замѣшательство, вслѣдствіе того, что никто не рѣшался читать, теперь всегда самъ читаетъ, войдя въ аудиторію), и началъ защищать ученіе Библіи отъ взглядовъ разныхъ ученыхъ, и ихъ теорій.. Онъ старался доказать, что Библія не противорѣчитъ наукѣ, что сами ученые, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ отрицаютъ существованіе Бога, необходимость религіи, все-таки должны признать, должны вывести изъ изученія исторіи человѣчества, что въ человѣкѣ всегда жила могущественная потребность—въ религіи, въ стремленіи—узнать Бога, объяснить себѣ явленія природы, ея возникновеніе; человѣку всегда была присуща мысль о вѣчности, о томъ, что со смертью не все въ насъ исчезнетъ, а останется нѣчто. Человѣкъ всегда ссарался проникнуть въ тайны неизвѣстнаго, за гробомъ... Батюшка говорилъ заикаясь, путаясь въ словахъ, и поэтому... какъ слаба казалась его защита вѣры! Я слушала внимательно и съ интересомъ, но для тѣхъ, кто и вообще неособенно симпатично относится къ религіи, для тѣхъ убѣжденія и доводы батюшки—были, конечно, очень слабы, тѣмъ болѣе, что изложеніе вовсе не отличалось краснорѣчіемъ, а физическій недостатокъ еще болѣе портилъ всю лекцію.

Черезъ два часа, въ той же аудиторіи Гревсъ читалъ интересную лекцію о христіанствѣ, какъ историческомъ явленіи, имѣющемъ огромное значеніе въ исторіи народовъ; и здѣсь впервые я услышала рѣчь о христіанствѣ не съ той обычной строго-религіозной точки зрѣнія, съ какой я обыкновенно привыкла смотрѣть

на него. Не касаясь вопросовъ религіи, Гревсъ разбиралъ вопросъ объ изученіи этого историческаго явленія. Этимъ вопросомъ стали заниматься сравнительно очень недавно, начиная съ 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія; само собою разумѣется, что въ числѣ писателей, занимавшихся этимъ вопросомъ,—Гревсъ выше всѣхъ поставилъ Ренана... Профессоръ закончилъ лекцію, высказавъ убѣжденіе, что все прогрессируетъ, и человѣку необходимо когда-нибудь притти къ познанію истиннаго Бога.

А вечеромъ я читала лекціи Милюкова, введеніе въ курсъ русской исторіи. Тамъ мнѣ бросилось въ глаза то обстоятельство, что наша церковь—оказывается вовсе не такъ тѣсно связанной съ государствомъ, если разсмотрѣть историческій процессъ.

15 декабря.

Завтра уѣзжаю домой. Устала до послѣдней невозможности; почти сплю за тетрадкой. Домой! Какъ-то меня встрѣтитъ мама? Говорю—неизвѣстно, настолько мало ее знаю. А меня всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ... О, какъ я буду рада видѣть ихъ всѣхъ, сестеръ, братьевъ! Сколько я могу имъ разсказать, сколько надо сообщить...

Уже глаза слипаются... не могу писать больше...

Ярославль, 25 декабря.

Вотъ уже цѣлая недѣля, какъ я дома, и не вижу, какъ время идетъ... Первыя радостныя минуты встрѣчи со своими, потомъ—безконечные разговоры и разсказы. Дома, конечно, ничего не измѣнилось. Но мама удивила меня своимъ отношеніемъ ко мнѣ: она встрѣтила меня очень ласково и, кажется, была очень успокоена, видя, что я нисколько не перемѣнилась, что ничего ужаснаго со мною не случилось, и что курсы не оказали на меня никакого „вреднаго“ вліянія. Вполнѣ игнорируя курсы, она, тѣмъ не менѣе, съ любопытствомъ разспрашивала меня о моемъ житьѣ въ интернатѣ, и такъ какъ то, что я разсказывала, было вполнѣ успокоительнаго характера, то ей не къ чему было придраться, и она была спокойна. Но зато она съ необыкновенной для меня щедростью принялась заботиться о моихъ туалетахъ, находя ихъ слишкомъ плохими. Разсчитывая существовать въ Петербургѣ

исключительно на собственныя средства, я, конечно, не могу теперь одѣваться такъ, какъ одѣвалась прежде... И вотъ мамѣ надо было найти хотя бы одну, по ея мнѣнію, неприглядную сторону моего существованія; не находя ея въ моихъ разсказахъ, но найдя ее въ моемъ туалетѣ (къ слову сказать—вполнѣ приличномъ), она обратила теперь на нее всѣ свои заботы, и къ великому моему удивленію, заботится о моихъ платьяхъ совершенно такъ, какъ будто бы у насъ не было отдѣльнаго имущества, а она обязана намъ все дѣлать. Я прихожу въ ужасъ отъ такой безпощадной траты денегъ, но маму убѣдить—невозможно. Съ непривычки, мнѣ кажется обиднымъ принимать отъ нея столько подарковъ, даже невозможнымъ, неестественнымъ, смѣшнымъ быть одѣтой на „чужой счетъ", какъ я выражаюсь. А главное—мнѣ ничего не надо; я неустанно твержу это мамѣ, и повидимому, только больше подливаю масла въ огонь тотчасъ же.

Она тратитъ на меня деньги... и я, не привыкнувъ брать ихъ когда бы то ни было, чувствовала себя неловко, когда она не захотѣла принять деньги за мое содержаніе... Родные, конечно, будутъ порицать меня за подобное отношеніе; для нихъ какъ нельзя болѣе естественно, что мать даетъ деньги дочери, тѣмъ болѣе, что она даетъ не урѣзывая себя, а прямо оттого, что у нея есть лишнія. А мнѣ—стыдно. И въ то же время, если не надѣть сшитаго ею платья—я знаю, что для нея это будетъ большою обидой... Фу, какое глупое положеніе!

Странная женщина моя мать! Или—стоитъ поставить себя разъ вполнѣ самостоятельно, то она въ свою очередь начнетъ относиться по-человѣчески? Удивляюсь. Когда подумаешь обо всемъ, что пришлось вынести изъ-за нея въ эти годы,—горечь и злоба подымаются въ душѣ; когда же видишь передъ собой ее теперь, по отношенію ко мнѣ—добрую и ласковую, по отношенію къ сестрамъ и младшему брату—по прежнему строгую, по отношенію къ старшему брату—слѣпо любящую и подчиняющуюся,—то чувствуешь къ ней какую-то жалость...

Я была такъ рада видѣться съ сестрами; мнѣ такъ хотѣлось передать имъ все, что я узнала, все, что видѣла и слышала, въ особенности Валѣ, которую я заранѣе считаю будущей слушательницей... Мнѣ хотѣлось, чтобы она, поступая, была бы уже au courant относительно всего, съ чѣмъ мнѣ неожиданно пришлось столкнуться, и я посвящала ее во всѣ тѣ стороны нашей жизни, какія мнѣ приходилось наблюдать. А между тѣмъ—въ ней про-

изошла перемѣна, которой я никакъ не ожидала: она стала какъ-то уже черезчуръ благоразумно смотрѣть на жизнь; говоритъ, что всѣ клятвы В. относительно ихъ фиктивнаго брака—наивный вздоръ, одни слова, и теперь, собираясь выходить за него, уже твердо увѣрена, что ей придется сдѣлаться женою своего мужа, и печально поникнувъ головой, прибавила:—„Можетъ быть и на курсы мнѣ не удастся поступить".—Ну, ужъ этого не можетъ быть! Ты поступишь! вскричала я.—Мы съ тобой будемъ вмѣстѣ... Но сестра неотразима. Отчего же это? Или мы обѣ были такъ наивны нынче весною, что вѣрили въ возможность осуществленія фиктивнаго брака? Но для меня и теперь,—при сильной волѣ, это можно сдѣлать; всѣ же утверждаютъ, что невозможно, немыслимо... никто не вѣритъ въ возможность идеальныхъ отношеній...

1896 годъ.

1-ое января.

Новый годъ! Въ первый разъ въ жизни встрѣчаю я его, какъ самостоятельный человѣкъ, болѣе или менѣе свободный; въ первый разъ въ жизни прошлый „новый годъ" внесъ въ мою жизнь новое, то „счастье", о которомъ я столько лѣтъ мечтала, къ чему я такъ стремилась, надеждой на которое жила... Новый годъ застаетъ меня уже какъ слушательницу курсовъ... и отчасти—новымъ человѣкомъ. О, если бы я могла дѣйствительно сдѣлаться новымъ человѣкомъ, человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова!

7 января.

Въ концѣ декабря В. пріѣхалъ сюда, и теперь проводитъ всѣ дни со своей невѣстой. Свадьба его и сестры предполагается въ апрѣлѣ. Онъ—счастливъ; сестра же напоминаетъ мнѣ ребенка, которому дали интересную и замысловатую игрушку, подъ названіемъ „женихъ" и онъ не можетъ натѣшиться ею. Со всѣмъ тѣмъ она прелестна, наша Валя, полу-ребенокъ, полу-женщина. Рядомъ съ нимъ она кажется такой пассивной... несмотря на всѣ увѣренія В., что онъ будетъ исполнять всѣ ея желанія, что онъ будетъ ея „подъ башмакомъ",—думается мнѣ, что наоборотъ: Валя

будетъ слушать его... Какъ подумаешь, что во всемъ этомъ дѣлѣ она была, въ сущности, пассивнымъ лицомъ, что она больше плакала, чѣмъ дѣйствовала, мнѣ становится ея жаль. Но, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сестра привыкаетъ къ В. и къ своему положенію невѣсты. Ее начинаетъ интересовать предстоящая жизнь; домашняя обстановка съ каждымъ годомъ становится все тяжелѣе и невозможнѣе... до совершеннолѣтія ей еще долго ждать, и перспектива въ недалекомъ будущемъ получить свободу, стать самостоятельнымъ человѣкомъ—начинаетъ ей улыбаться. В. она начинаетъ называть всякими уменьшительными именами... Меня удивляетъ его сдержанность: въ нашемъ присутствіи онъ обращается съ сестрою какъ и съ нами, церемонно называя ее по имени и отчеству, и ничѣмъ не выдавая своего чувства. А между тѣмъ—стоитъ мнѣ уйти, и онъ, по словамъ Вали, сейчасъ же переходитъ на „ты“, цѣлуетъ ея ручки... Я стараюсь, чтобы они какъ можно больше бывали наединѣ, ухожу въ свою комнату, читаю...

9 января.

Я никогда не забуду своего проступка... которому нѣтъ извиненія, и за который совѣсть постоянно будетъ упрекать меня. Дня за три до Рождества я получила письмо отъ Ю. П. Щ-ной, которая просила меня разузнать о здоровьи ея внучка—кадета здѣшняго корпуса. Я отправилась туда,—встрѣтила въ пріемной воспитателя, который и сообщилъ мнѣ, что мальчикъ боленъ воспаленіемъ въ легкихъ, но теперь поправляется, такъ какъ кризисъ уже былъ и кончился благополучно.—„Да вы не хотите ли сами видѣть мальчика?“ спросилъ онъ меня. Я почему то думаю, что мальчикъ навѣрно будетъ стѣсняться незнакомой дѣвушки, вдобавокъ посѣщающей его въ лазаретѣ: кромѣ взаимной неловкости ничего не выйдетъ изъ этого свиданія, а между тѣмъ воспитатель далъ о немъ самое успокоительное извѣстіе.—Зачѣмъ же я пойду въ лазаретъ? рѣшила я, и отказалась, попросила передать ему коробку конфектъ и уѣхала. Написала обо всемъ Ю. П. Въ новый годъ получаю отъ нея письмо. Опять проситъ сходить узнать о мальчикѣ, отпустятъ ли его къ роднымъ для поправленія здоровья (мальчикъ кавказецъ и плохо переносилъ нашъ климатъ). На другой день я пошла въ корпусъ. На этотъ разъ нужно было видѣть директора. Не успѣла я договорить своего вопроса, какъ онъ прервалъ меня:—„Евфорицкій скончался

сегодня".—Какъ?—я была поражена.—Да вѣдь я же недавно была здѣсь, справлялась о немъ, и мнѣ сказали, что ему лучше? —„Да, и было лучше; но мальчикъ былъ очень слабый, у него не хватило силъ поправляться и онъ умеръ просто отъ истощенія. Вообще нашъ климатъ южане трудно переносятъ. У меня на рукахъ еще 5 или 6 такихъ мальчиковъ, и я за нихъ не ручаюсь"...—Когда же онъ умеръ?—„Сегодня въ 3 часа". Я взглянула на часы: было половина пятаго. Приди я двумя часами раньше, или вчера же, я застала бы мальчика въ живыхъ.—Можно его видѣть? спросила я.—„Пожалуйста; пройдите въ лазаретъ... тѣло не тронутъ до пріѣзда доктора".

Мы прошли по длинному коридору въ небольшую, слабо освѣщенную палату, въ которой стояли всего двѣ постели. На одной изъ нихъ лежалъ мальчикъ, прикрытый одѣяломъ, въ спокойной позѣ спящаго человѣка. Это и былъ маленькій покойникъ. Я подошла къ постели. Лица его не было видно; онъ лежалъ спиною ко мнѣ... Черная, гладко остриженная дѣтская головка... Ничего ему больше было не нужно, бѣдному маленькому человѣчку, оторванному отъ семьи, отъ родного юга, и случайно брошенному на нашъ сѣверъ (какъ сынъ военнаго, онъ учился на казенный счетъ). Не нужно было безполезныхъ сожалѣній... не нуженъ былъ ему и мой приходъ... *Мнѣ надо было притти къ нему раньше,* мнѣ надо было принять участіе въ бѣдномъ ребенкѣ, который такъ тосковалъ по родинѣ, и у котораго здѣсь не было ни родныхъ, ни знакомыхъ. А я? Повѣривъ словамъ воспитателя, и не справившись у доктора, не побывавъ въ лазаретѣ, я преспокойно уѣхала домой, какъ будто бы и впрямь исполнила долгъ свой... А потомъ? Да вѣдь первые дни праздника я не подумала о немъ; затѣмъ поѣхала въ Нерехту на два дня... Я проводила время среди своихъ, а мальчикъ—всѣ эти дни угасалъ тихо, медленно и одинокій. Если-бъ я стала навѣщать его... почемъ знать? Вѣдь это была бы единственная свѣтлая сторона его жизни въ казенныхъ стѣнахъ лазарета... если бы я приняла въ немъ участіе—я была бы единственнымъ болѣе близкимъ ему человѣкомъ, замѣнивъ ему хоть отчасти родныхъ.

Но я *ничего* для него не сдѣлала. Умѣя сочувствовать гуманности, и горячо принимать къ сердцу всѣ вопросы, касающіеся ея, я, какъ только на практикѣ представился случай для примѣненія человѣчности и сочувствія—сама пропустила его. Вотъ что значитъ мало любить людей! Если бы я была добра, то въ этомъ

случаѣ поступила бы какъ должно, по влеченію сердца... А я... нѣтъ, вѣрно нѣтъ во мнѣ этой доброты?.. И вспоминать теперь не могу, какъ возмутительно равнодушно, безразлично было мое поведеніе въ этомъ случаѣ.

Мнѣ кажется, что я никогда не забуду этого лазарета, кровати и лежащаго на ней мальчика. Пусть эта картина будетъ моя живая совѣсть... Ахъ, нѣтъ ничего тяжелѣе, нѣтъ ничего хуже упрековъ совѣсти! Вотъ уже недѣля прошла съ тѣхъ поръ, а я ихъ чувствую такъ же живо, какъ будто это было вчера!

Нѣтъ, правы, пожалуй, всѣ, которые меня не любятъ (по моему мнѣнію), правы всѣ, которые видятъ во мнѣ одни недостатки и строго судятъ меня. Правы они! Ничего лучшаго я не стою! Ничтожная, мелкая, дрянная душонка! Скверная натуришка! Эхъ! туда же, говорю о развитіи, учусь... а коснулось дѣло самаго простого житейскаго случая, въ которомъ представлялась возможность сердечнаго отношенія къ человѣку—и я спасовала... да еще какъ! вотъ вамъ и развитіе! Я чувствую себя страшно виноватой и мнѣ нѣтъ извиненія; я должна просить прощенія у Ю. П., разсказать ей обо всемъ. Но... что же изъ того?—получу прощеніе, да отъ этого мнѣ будетъ не легче...

Спб. 25 января.

Началась моя обычная жизнь, отъ которой я оторвалась больше чѣмъ на мѣсяцъ; все это время я ровно ничего не дѣлала, ничѣмъ не занималась, почти ничего, относящагося къ курсу не читала. Какъ это случилось? я и сама не знаю: домашняя ли обстановка имѣла на меня такое вліяніе, или безтолковое распредѣленіе дня, отъ какого я было совсѣмъ отвыкла, или позднее вставаніе, или безконечные разговоры, или же, вѣрнѣе, моя любовь (въ данномъ случаѣ оказавшаяся излишней) къ литературѣ, которая заставила меня читать нѣкоторыя произведенія, которыя я не могла прочесть здѣсь,—но во всякомъ случаѣ я виновата, и никто больше.

Слѣдствіемъ такого времяпровожденія было то, что я, хотя и чувствовала себя прекрасно въ своемъ семейномъ кругу, но въ головѣ сдѣлалась какая-то пустота, которую, казалось, ничѣмъ не заполнишь: ни мысли въ головѣ!—какое скверное сознаніе... Чувствуешь, что вотъ пусто до того, что хоть шаромъ покати.

И я дошла до того, что могла цѣлые дни просиживать, сшивая себѣ воротнички и рукавчики (стыдъ!)... Только въ разговорахъ съ сестрами время шло такъ хорошо, что иногда жаль ихъ становилось, и мнѣ хотѣлось еще остаться. Но съ другой стороны, когда праздники кончились, началась наша будничная, томительно-однообразная, монотонная жизнь: сегодня какъ вчера, а завтра—какъ и въ прошломъ, какъ и въ третьемъ году... Когда, проснувшись утромъ, я уже не видѣла брата, ушедшаго въ гимназію, а на антресоляхъ у сестеръ сидѣла ученица, я почувствовала, что мнѣ пора, пора ѣхать, что надо приняться за дѣло. Туда, туда! скорѣе выбраться изъ этой стоячей воды! Я рѣшила не дожидаться конца отпуска и выѣхала раньше. И хорошо сдѣлала: лекціи уже начались. Но вмѣсто занятій научныхъ, пришлось все время заниматься дѣлами В. Съ той минуты, когда онъ пришелъ ко мнѣ на курсы, всю свою личную жизнь я совершенно забыла, мое время мнѣ уже не принадлежало: состояніе духа В. въ первый день, какъ я его увидѣла, было очень тревожное.

Незадолго до пріѣзда В. у сестры явился еще влюбленный и писалъ ей трогательныя посланія, прося ее повременить свадьбой, если она выходитъ безъ любви и дать и ему, быть можетъ, надѣяться на счастье... Бѣдная Валя! она плакала, читая это письмо такъ же какъ и въ прошломъ году, читая письмо В., и, ни слова не говоря намъ, не находя опоры въ самой себѣ, она написала своему жениху такое посланіе, что онъ, себя не помня, пріѣхалъ въ Ярославль. Они объяснились. В. говорилъ мнѣ, что онъ готовъ былъ порвать все, узнавъ, что сестра колеблется, едва только появился другой претендентъ на ея руку и увидя ея полную безхарактерность въ данномъ отношеніи. Грустно и смѣшно подумать: сестра поступала совершенно по-дѣтски,—и невольно становилось жаль ее. Свиданіе съ В. поправило дѣло: она увидѣла его около себя, опять начались длинныя прогулки, разговоры, все это настолько укрѣпило ея симпатію и привычку къ В., что она совершенно забыла о своемъ другомъ поклонникѣ. Дитя, дитя! милое, хорошее дитя! и при всемъ этомъ—она наша сестра вполнѣ. Она вовсе не влюблена въ В., не увлечена имъ, и нельзя сказать, что его любитъ, нѣтъ: она такая, какъ и мы, и это чувство незнакомо ей. Но между ею и В. есть столько общаго, онъ такъ близокъ къ нашей семьѣ, эта исторія его любви, которая продолжается вотъ уже около двухъ лѣтъ,—все это настолько возбудило ея симпатію, привязало ее къ В., что теперь она только

ему и довѣряется вполнѣ, привыкнувъ къ нему... И вотъ, передо мною постепенно раскрывается состояніе души человѣка, который отъ равнодушнаго отношенія постепенно переходитъ къ хорошему, спокойному чувству симпатіи, довѣрія, привязанности: скоро она готова будетъ сдѣлаться „его“... Такова теперь Валя, выходя за В. Отъ него будетъ зависѣть дальнѣйшее его счастіе: если онъ сумѣетъ воспользоваться этимъ хорошимъ къ нему отношеніемъ и еще болѣе привлечетъ сестру къ себѣ,—тогда счастіе его упрочено. За сестру нечего бояться: она не принадлежитъ къ числу тѣхъ героинь романовъ, которыя, выйдя замужъ по спокойной привязанности, вдругъ, ни съ того ни съ сего, влюблялись въ первыхъ попавшихся людей, сумѣвшихъ возбудить въ нихъ страсть. Она—не изъ такихъ; допустимъ, что подобныя натуры не такъ поэтичны, но что дѣлать: вѣдь мы всѣ въ подобномъ случаѣ прозаики, и весьма обыкновенныя, дюжинныя женщины.

В. пріѣхалъ сюда искать мѣста, не имѣя хотя бы рекомендательныхъ писемъ; бѣдный мальчикъ, конечно, не получилъ мѣста, и вдобавокъ его продолжало мучить поведеніе сестры, которая послѣ его отъѣзда вновь видѣлась со своимъ поклонникомъ; она не хотѣла такъ поступать, но у нея не хватило духу отказать ему разговаривать съ нею (тотъ, къ счастью, опомнился, понялъ всю невозможность своего поведенія и болѣе не говорилъ съ нею о своей любви). В. чуть было не надѣлалъ глупостей—хотѣлъ ѣхать обратно въ Ярославль. Мнѣ нужно было его удержать, успокоить, уговорить и утѣшить, если можно, что я и дѣлала, какъ умѣла. Иногда мы проводили время въ воспоминаніяхъ прошлаго, и всѣ перипетіи этой исторіи какъ бы вновь вставали передъ нами; говорили о сестрѣ, о Малороссіи, о немъ самомъ, или же оба молчали: онъ, погруженный въ свои вѣчныя мечты о Валѣ, я—о нихъ обоихъ, и о нашемъ положеніи, изъ котораго Валя можетъ выйти сейчасъ только посредствомъ замужества... и тогда мнѣ хотѣлось еще съ большей увѣренностью довести это дѣло до благополучнаго конца; сестрѣ теперь нечего колебаться: пусть сначала выйдетъ замужъ, а потомъ—поступитъ на курсы.

Въ первое время, когда я пріѣхала сюда, когда я наслаждалась, такъ сказать, своимъ положеніемъ свободнаго человѣка, мнѣ становилось мучительно жаль Валю, когда я раздумывала надъ ея положеніемъ. Она не увидитъ такой жизни; ей не придется

жить такъ, какъ мнѣ, независимо... ей не жить тою свободною, чисто студенческою жизнью, какою мы живемъ: она будетъ на курсахъ уже замужней женщиной. И въ эти минуты мнѣ становилось ее до боли жалко, и хотѣлось мнѣ порвать все, или же сдѣлать такъ, чтобы отложить свадьбу на нѣсколько лѣтъ... Мнѣ становилось какъ-то больно при одной мысли, что сестра уже не будетъ носить одну фамилію съ нами, что она уже не будетъ принадлежать намъ. Поступи я годомъ раньше на курсы, испытай сначала эту жизнь—быть можетъ, я не стала бы устраивать брака сестры съ В.; я сказала бы: подожди, пока кончишь курсы. Но я понятія не имѣла о курсахъ и о здѣшней жизни; я дала начало... потомъ, когда все постепенно улаживалось и устраивалось, потомъ—мнѣ ли было разрушать все? А между тѣмъ сознаю, что если бы по пріѣздѣ на Рождество я поддалась такому сожалѣнію, повѣрила своему чувству, то, пожалуй, могла бы отговорить сестру выйти за В.; могла бы сдѣлать такъ, что она дожидалась бы 21 года и потомъ поѣхала сюда... Я убѣдила бы сестру, потому что знала то настроеніе, съ которымъ меня ждали дома. Но... мнѣ ли было разрушать? И почемъ знать: быть можетъ, она въ обществѣ В. скорѣе найдетъ удовлетвореніе, быть можетъ, жизнь ея съ нимъ будетъ для нея болѣе интересной...

Только однажды, осенью, я повѣрила этому чувству, написавъ Валѣ такое письмо, изъ котораго она не могла ничего понять; потомъ, на ея вопросы я отвѣчала, что писала подъ вліяніемъ минуты, а пріѣхавъ домой, видя ее веселою и довольною съ В., я какъ-то сразу успокоилась. О, если бы только „все кончилось благополучно“...

В. уѣхалъ. Принимаясь за занятія, я чувствовала, что отупѣла до такой степени, что боялась взяться за что-нибудь: мнѣ все казалось, что я уже не могу ничѣмъ заниматься, что у меня такая плохая память...

11 февраля.

Была на студенческомъ „чаепитіи“, которое ежегодно устраивается въ день университетскаго праздника. Бѣдная молодежь! Разъ въ годъ ей разрѣшаютъ собираться въ неограниченномъ числѣ, приглашать профессоровъ, литераторовъ, слушать и говорить рѣчи. Разъ въ годъ! Это немного. Я думала, что на этомъ вечерѣ никто изъ постороннихъ, за исключеніемъ гостей, не бываетъ; но

оказалось, что нѣсколько билетовъ даются распорядителямъ для передачи знакомымъ курсисткамъ нашихъ и иныхъ курсовъ. Я не бывала еще ни на одной студенческой вечеринкѣ, о всѣхъ ихъ слыша такіе отзывы, которые отбивали всякую охоту пойти и посмотрѣть на нихъ.—„Не интересно... ни рѣчей, ни разговоровъ, танцы и пѣніе“... говорили наши и уходили неудовлетворенныя. Но это „чаепитіе“ было такимъ собраніемъ учащейся молодежи, на которое дѣйствительно интересно было пойти и посмотрѣть и послушать.

8-го, утромъ, я получила небольшой оранжевый билетикъ, на которомъ была написана фамилія распорядителя и адресъ: Бассейная, кухмистерская Вишнякова, 4. Подходя къ дому, я замѣтила что подъѣздъ былъ украшенъ какою-то драпировкой... молодежь прибывала: то въ одиночку, то группами. Поднимаясь по лѣстницѣ, я уже слышала шумъ и гвалтъ. Отворивъ дверь въ прихожую, я чуть не остановилась на порогѣ: передо мною была такая масса студенческихъ мундировъ, что въ глазахъ зарябило... но для дамъ была приготовлена отдѣльная раздѣвальная. Тамъ былъ уже полный безпорядокъ: шубы лежали кучами на полу, калоши, шляпы, муфты,—все это складывалось вмѣстѣ, гдѣ и какъ попало. Трюмо, казалось, смотрѣло на насъ съ насмѣшкой, точно удивляясь: какъ оно попало въ эту заваленную платьемъ комнату, гдѣ царствовалъ полнѣйшій безпорядокъ, и гдѣ въ немъ отражались не изящные бальные наряды, а темныя, строго закрытыя, простыя платья и гладкія прически...

Я вошла въ первую комнату: студенты толпились у входа, и проводили въ залъ. На насъ, курсистокъ, они не обратили ни малѣйшаго вниманія. Я пошла дальше. Въ залѣ толпа медленно двигалась взадъ и впередъ; легкое облачко табачнаго дыма стояло надъ нею. Я нашла двухъ знакомыхъ курсистокъ и присоединилась къ нимъ, чувствуя себя какъ въ лѣсу среди этой огромной, чуждой толпы. Сѣсть было некуда, всѣ чайные столы были уже заняты; груды сухарей и буттербродовъ, стоявшія на столахъ, быстро таяли; изъ сосѣдней чайной, въ которой разливали чай, барышни то и дѣло сновали со стаканами въ залу. Мы стали у стѣны и начали... ждать. Кто будетъ говорить рѣчи и гдѣ, на какомъ мѣстѣ,—мои спутницы, тоже въ первый разъ бывшія на вечерѣ, не могли отвѣтить. Но вотъ толпа мало-по-малу начала останавливаться, собираться въ кучки, точно въ ожиданіи чего-то. Раздались голоса: слова, слова!—шш!.. пронеслось въ толпѣ, и всѣ

мгновенно притихли. Никто не говоритъ. Шумъ вновь поднимается, снова крики: слова, шиканье, молчаніе... Я пробралась къ центру комнаты, и слѣдуя примѣру предусмотрительныхъ людей, влѣзла на столъ, чтобы лучше видѣть и слышать ораторовъ. Едва только я успѣла занять такую удобную позицію, какъ кто-то провозгласилъ:—„Л. Е. О—нскій проситъ слова“.—„Слова! слова!“ было отвѣтомъ. На стулѣ появился человѣкъ среднихъ лѣтъ, средняго роста, съ окладистой бородой, лысой головой и умнымъ, симпатичнымъ лицомъ. Онъ говорилъ твердымъ, звучнымъ голосомъ:—„Господа, то, что я хочу сказать сегодня, будетъ какъ бы продолженіе той бесѣды, которую многіе изъ васъ слышали“... (онъ намекалъ на засѣданіе Историческаго Общества, бывшее незадолго до Рождества, на которомъ поднялись горячіе споры, и на которомъ я не была), „но на этотъ разъ я взгляну на вопросъ съ другой точки зрѣнія“... продолжалъ онъ, и заговорилъ о примиреніи между марксистами и народниками на почвѣ практической дѣятельности, оставляя спорную почву—теоретическія убѣжденія. Онъ говорилъ горячо и умно, его рѣчь была совсѣмъ чужда узкой партійности, въ ней была видна широта взгляда, гуманность,—однимъ словомъ, она имѣла идеалистическій оттѣнокъ, и по всему этому не могла не понравиться мнѣ. Слушая эту рѣчь, я чуть не съ отчаяніемъ чувствовала, что ничего не понимаю. Увы! я ничего не знала ни объ ученіи Маркса, ни о народникахъ, не читала новыхъ работъ нашихъ молодыхъ писателей экономистовъ; имена Струве, В. Г. Яроцкаго были мнѣ знакомы только понаслышкѣ; я даже не читала журналовъ за послѣднее время, и надо было стараться понять, что возможно, о сущности этихъ направленій изъ рѣчей. Кончилъ первый ораторъ; рукоплесканія. На его мѣстѣ появился проф. Я. Не успѣлъ онъ сказать нѣсколькихъ словъ о роли интеллигенціи въ обществѣ, какъ съ другой стороны, почти рядомъ со мной, поднялся высокій рыжеватый господинъ въ очкахъ С—ве, и, отчаянно заикаясь и останавливаясь на каждомъ словѣ, сталъ возражать первому...

„Вы говорите о примиреніи... вы совѣтуете соединиться для совмѣстной работы, какъ будто говоря о томъ, что человѣкъ руководствуется теоретическими убѣжденіями. Какова же должна быть практическая дѣятельность, если человѣкъ не будетъ руководиться своими убѣжденіями, и каковы же будутъ его убѣжденія, если онъ не будетъ проводить ихъ въ жизнь?.. Ни о какомъ, примиреніи не можетъ быть и рѣчи“...—вотъ та основная мысль

которую я могла уловить изъ этой безпорядочной, полной перерывовъ и заминокъ, рѣчи. С—ве, быть можетъ, хорошій писатель, но какъ ораторъ онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы не говорилъ вовсе.

Это было началомъ спора между народниками и марксистами. Заговорили какіе-то студенты, возражая то народникамъ, то марксистамъ. Главнымъ пунктомъ споровъ была рѣчь О—нскаго: кто хотѣлъ итти на „примиреніе", кто не хотѣлъ. Слышались слова: народъ... его благо, его польза... всѣ тѣ слова, о которыхъ столько разъ читала въ книгахъ. Спорили горячо, но убѣдить другъ друга все-таки не могли, и каждый остался при своемъ; молопежь жадно слушала, награждая ораторовъ шумными аплодисментами.

А народъ, изъ-за котораго шли здѣсь такіе горячіе споры,— онъ навѣрно спалъ теперь крѣпкимъ сномъ, послѣ тяжелаго трудового дня, въ своихъ маленькихъ деревушкахъ, затерянныхъ среди необозримой снѣжной равнины... и навѣрно ему и не грезилось, да и въ голову притти не могло, что въ эту ночь, тамъ, далеко, „господа" судятъ и рядятъ о его положеніи, и говорятъ мудреными, учеными словами. Любопытно, что сказалъ бы намъ деревенскій мужикъ, если бы онъ могъ попасть на это собраніе? Почесалъ бы онъ въ затылкѣ и ушелъ, или, уловивъ слово „помочь", понялъ бы его въ смыслѣ денежномъ?

Еще интереснѣе было бы привести на это собраніе заводчика или фабриканта-милліонера, который послушалъ бы марксистовъ: усиленіе капитализаціи, рабочій пролетаріатъ...—Что бы онъ стѣлалъ? Или, увѣренный въ своей силѣ, онъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на людей, толковавшихъ на разные лады о капиталѣ, не имѣя ни его, ни фабрикъ и заводовъ, а между тѣмъ хотѣвшихъ произвести какую-то эволюцію? или же онъ струсилъ бы и ушелъ поскорѣе, со злобой въ душѣ? Во всякомъ случаѣ отъ него въ 9 случаяхъ изъ 10 нельзя было бы ожидать сочувствія...

Но вотъ какой-то студентъ вскочилъ на столъ и, обращаясь къ присутствовавшимъ, просилъ сказать рѣчь другого характера, не исключительно экономическаго, потому что человѣкъ живетъ не однимъ тѣломъ, но и душою,—и нельзя сосредоточить все вниманіе на одной матеріальной сторонѣ жизненныхъ вопросовъ. Это было какъ бы началомъ другой половины рѣчей: идейнаго содержанія. Послышались голоса, вызывавшіе популярнаго профессора К—ва, но вдругъ раздались оглушительные апплодисменты, и на столѣ появилась сухощавая фигура старика съ вдумчивымъ

выраженіемъ глазъ и длинною сѣдою бородою. Это былъ профессоръ Л., извѣстный всей здѣшней учащейся молодежи. Онъ сказалъ коротенькую рѣчь о житейской философіи, которую всякій человѣкъ создаетъ себѣ, и совѣтовалъ обратиться къ философіи мужика, которому всѣ такъ хотѣли помочь, и котораго всѣ такъ мало знаютъ. Его проводили гораздо меньшими апплодисментами,— явное доказательство, что рѣчь почтеннаго профессора оказалась ниже ожиданій. Потомъ появилась львиная голова К—ва; говоритъ онъ хорошо, хотя и пишетъ черезчуръ „размазывая". На этотъ разъ онъ сказалъ всего нѣсколько словъ о значеніи науки, не желая никому возражать, потому что, по его словамъ, атмосфера была и безъ того „насыщена электричествомъ". Да, правда, нельзя сказать, чтобы настроеніе было мирное...

Но всѣ эти рѣчи, всѣ споры, всѣ обращенія къ молодежи наводили на мысль: къ нашей молодежи обращаются теперь, съ такими же словами обращались и 10 и 20 лѣтъ и 30 тому назадъ; тѣ же слова, тѣ же идеалы... почему же, однако, обо всѣхъ этихъ прекрасныхъ идеяхъ говорятъ и до сихъ поръ, какъ будто онѣ въ жизнь не проводятся? Вѣдь прежняя молодежь, по выходѣ изъ университета, должна была бы дружно стремиться къ ихъ осуществленію? или молодежь такъ скоро отказывается отъ юношескихъ убѣжденій по окончаніи курса? Вѣдь въ большинствѣ случаевъ люди въ зрѣлые годы сожалѣютъ о годахъ молодости, объ утраченныхъ идеалахъ, твердятъ о разочарованіи...

Вотъ на эту мою мысль и отвѣтилъ одинъ симпатичный ораторъ, который напомнилъ молодежи, чтобы она увлекалась этими идеями не только въ стѣнахъ заведенія, но и въ жизни проводила ихъ, не страшась страданій,

Послѣднюю рѣчь говорилъ М—инъ. Это была самая лучшая изъ всѣхъ слышанныхъ; она была хороша тѣмъ, что и расширяла и объединяла все сказанное предшествующими ораторами: пусть марксисты и народники, сходясь въ практическомъ отношеніи, работаютъ вмѣстѣ на пользу народа, руководясь наукой, и не пренебрегая изученіемъ жизни, въ то же время для болѣе полнаго изученія своихъ теоретическихъ убѣжденій они могутъ, они должны спорить, стараться научно выяснить себѣ основные вопросы... Никому такъ много не апплодировали, какъ этому оратору.

Я уѣхала тотчасъ послѣ этой рѣчи, рѣшивъ, что болѣе никто говорить не будетъ, потому что никто ничего лучше не скажетъ,—

такъ и было. Я вынесла хорошее впечатлѣніе отъ этого вечера въ умственномъ отношеніи: слышанныя рѣчи мнѣ многое дали, но никакъ нельзя было быть довольной отношеніемъ студентовъ къ намъ, слушательницамъ. Хорошо было тѣмъ, которыя пришли со знакомыми, но я, да и другія, у которыхъ ихъ не было, чувствовали себя какъ будто совсѣмъ чужими въ этой огромной толпѣ. Не только не было замѣтно товарищескаго, предупредительнаго вниманія, но даже не было оказано никакой вѣжливости; наше присутствіе они точно игнорировали: рядомъ съ нами стоялъ большой столъ, за которымъ сидѣло много студентовъ, и ни одинъ изъ нихъ не предложилъ намъ стула, хотя они должны были видѣть насъ, такъ какъ мы стояли неподалеку у стѣны. Если бы я не встрѣтила знакомыхъ курсистокъ, я такъ и провела бы весь вечеръ одна... никто не подошелъ бы ко мнѣ, какъ это обыкновенно дѣлается на тѣхъ вечеринкахъ и вечерахъ, гдѣ хозяевами бываетъ молодежь, которая заботится о гостяхъ, на этотъ же разъ хорошее товарищеское отношеніе было бы какъ нельзя болѣе умѣстно. Не было также и такихъ рѣчей, которыя вызвали бы восторгъ молодежи, придали ей тотъ энтузіазмъ, который такъ къ ней идетъ; рѣчамъ апплодировали, но нельзя сказать, чтобы очень много и долго; или никто изъ ораторовъ не сумѣлъ такъ затронуть старыя темы о наукѣ, о благѣ народа, о значеніи интеллигенціи въ обществѣ, чтобы дѣйствительно зажечь сердца молодежи? Должно быть въ наше прозаическое время не можетъ быть ничего подобнаго...

18 февраля, воскресенье.

Всѣ ушли... какъ тихо!.. я дорожу этими рѣдкими минутами тишины и спокойствія; когда остаешься наединѣ сама съ собою.

19 февраля, вечеромъ.

Сейчасъ вернулась съ засѣданія, устроеннаго въ память 19 февраля 1861 года въ большомъ интернатѣ. Такъ какъ, несмотря на всѣ старанія молодежи, праздникъ въ этотъ день до сихъ поръ еще не установленъ, то мы рѣшили отпраздновать его по своему: для чтенія было приготовлено нѣсколько книгъ, и одна изъ слушательницъ IV курса обѣщала прочесть рефератъ о крестьянской

реформѣ. Въ 8 часовъ вечера въ верхнемъ залѣ интерната было уже довольно много курсистокъ: онѣ сидѣли за длиннымъ столомъ, уставленнымъ казенными лампами подъ зелеными колпаками; все имѣло очень дѣловой видъ; такъ и хотѣлось положить по бѣлому листу бумаги около каждой изъ насъ и поставить колокольчикъ, чтобы засѣданіе вышло настоящимъ, и мнѣ вдругъ страшно захотѣлось встать, говорить, вести засѣданіе такъ, какъ я видала въ Комитетѣ Грамотности. Но вездѣсущая Д—ашъ первая сказала нѣсколько словъ по поводу цѣли нашего собранія и прочла нѣсколько страницъ изъ „Эпохи великихъ реформъ". Вслѣдъ за этимъ были прочитаны два стихотворенія, и оба довольно скверно — по поводу освобожденія крестьянъ. Наконецъ, пришла Г—ва и прочла свой рефератъ, который по своему содержанію нисколько не могъ привести насъ въ болѣе веселое настроеніе: она указывала всю оборотную сторону медали, всѣ недостатки реформы и нарисовала картину современнаго печальнаго экономическаго положенія крестьянъ. Для меня въ общихъ чертахъ это, конечно, было не ново, но о подробностяхъ я не имѣла ни малѣйшаго понятія и слушала чтеніе съ интересомъ. Этимъ рефератомъ собственно и закончилось все, относящееся къ этому дню. Г—ва предложила прочесть, какъ дополненіе, статью изъ какого-то журнала о впечатлѣніи, произведенномъ на крестьянъ манифестомъ объ освобожденіи,—всѣ заговорили: „читать, читать!" Но вмѣсто журнала появилась крошечная интересная брошюрка, и этого было достаточно, чтобы забыть о статьѣ... Всѣ притихли, слушая чтеніе, точно замерли въ позахъ напряженнаго вниманія. Въ эту минуту мы, безъ сомнѣнія, представляли очень характерную картину: слабо освѣщенная комната (лампы на столѣ уже давно были потушены), и мы всѣ, разбросанныя группами около большого стола, у дверей, у камина, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, слушающія съ напряженнымъ вниманіемъ. Все такъ и просилось, если не на картину, то на фотографію. Брошюрка была довольно длинная, и когда ее кончили, то о статьѣ никто уже и не заикнулся... Стали пѣть. Я въ первый разъ услышала студенческія пѣсни, и была пріятно удивлена прекрасными голосами нашихъ хохлушекъ. Небольшой хоръ (насъ всѣхъ было человѣкъ 50—60) пѣлъ очень стройно и съ увлеченіемъ: свѣжіе, звонкіе голоса невольно захватывали и настраивали какъ-то возбужденно. Сначала пѣли конечно: „Изъ страны — страны далекой", потомъ Я—ва затянула шутливую пѣсенку, съ залихватскимъ припѣвомъ, изъ котораго я

могла только разобрать: „черная галка, чистая полянка, ты Марусенька черноброва, чего не ночуешь дома?!“ Каждый куплетъ этой безконечной веселой пѣсни возбуждалъ общее одушевленіе и смѣхъ, а хоръ послѣ этого еще веселѣе подхватывалъ свое: „черная галка“ и т. д. Мнѣ даже весело стало: слова пѣсни звучали такъ задорно-весело, припѣвъ положительно захватывалъ. Но кончилась эта пѣсня, — и понеслись широкіе грустные звуки: „Укажи мнѣ такую обитель“...

Наконецъ, хохлушки запѣли свои родныя пѣсни... есть что-то невообразимо грустное въ ихъ напѣвахъ, меланхолически-нѣжное; не знаю, какъ назвать это, но оно дѣйствуетъ неотразимо. Мнѣ вдругъ стало такъ грустно, такъ живо вспомнилось все прошлое, и вся жизнь нашей семьи.....

25 февраля.

Я такъ рѣдко пишу... теперь, когда моя жизнь измѣнилась, когда я добралась до пристани. Казалось—тутъ-то бы и писать, писать безъ конца, обо всемъ, и всю свою внутреннюю жизнь раскрывать въ молчаливыхъ бесѣдахъ со своимъ неизмѣннымъ молчаливымъ другомъ. Но выходитъ наоборотъ: я беру его все рѣже и рѣже, случайныя записи принимаютъ чисто-внѣшній характеръ. Я живу, жизнь захватываетъ меня; дни летятъ за днями, а тетрадка лежитъ себѣ въ портфелѣ, точно забытая, ненужная... даже затрудняюсь, какъ писать. Я занимаюсь цѣлыми днями, и все недовольна собою, и все мнѣ кажется, что я дѣлаю мало; иногда меня охватываетъ безумное сожалѣніе о прошломъ, объ этихъ четырехъ годахъ,—и это хуже всего. Положимъ, они — въ смыслѣ житейскомъ—не совсѣмъ потерянные: за это время я могу сказать—окрѣпла духомъ, развилась, хоть немного, узнала жизнь и людей; на курсы я поступила не юной, неопытной дѣвушкой, а человѣкомъ съ сложившимися уже убѣжденіями, со своими выработанными взглядами, но зато мое умственное развитіе, мое круглое невѣжество во всѣхъ отрасляхъ знанія,—приводитъ меня въ отчаяніе.—Читаю ли я исторію, занимаюсь ли славяновѣдѣніемъ или логикой,—внутренній голосъ твердитъ мнѣ: ты могла бы это все узнать раньше, — тогда у тебя были средства на книги, ты могла бы учиться по нимъ, а ты — предпочитала истратить ихъ на тряпки и брать ненужные уроки. Возможно было знать! надо было только пріобрѣсти нужныя книги. А что дѣлала я?—и опять

передо мною мучительное заключеніе: тѣ 4 года—*потерянное время*. Съ какою завистью смотрю я на Маню Пр—ву, которой едва 18 лѣтъ и которая въ такіе годы—уже столько знаетъ, столько работаетъ... а я? въ 18 лѣтъ влачила базцѣльно праздное существованіе обезпеченной барышни, терзаясь своимъ бездѣйствіемъ, не видя ни откуда ни помощи, ни утѣшенія и, можно сказать,—блуждая во тьмѣ собственнаго невѣжества,—читала безъ разбору все, что имѣла возможность прочесть... И вотъ результатъ: я — на курсахъ; на первыхъ уже порахъ написала совершенно не вѣрно, чисто по-дѣтски, изложеніе данной профессоромъ статьи, ясно узнавъ въ этомъ всю свою неразвитость и неспособность.

О, Боже мой, да что же я такое? Я стремилась къ образованію, будучи совершенно неспособна, ниже всякой посредственности? Вѣдь мои способности, о которыхъ мнѣ столько твердили въ дѣтствѣ (я положительно могу одобрить себя за то, что всегда относилась крайне критически ко всѣмъ выражавшимся мнѣ похваламъ, искренно считая себя вполнѣ недостойной ихъ), моя память—онѣ должно быть ослабѣли, притупились во время моего тяжелаго 4-хъ-лѣтняго домашняго плѣна,—въ продолженіе котораго имъ, къ несчастью, было такъ мало пищи и слишкомъ много такихъ житейскихъ дрязгъ, что онѣ могли только систематически притупляться. О, бѣдная Лиза! несчастное, жалкое существо! Какъ я подумаю... о, нечеловѣческій стонъ готовъ вырваться изъ груди и хочется упасть на землю и ничего не видѣть, не слышать, не чувствовать, не понимать... Ахъ! воспоминаніями и упреками не поможешь дѣлу, не вернешь прошлаго... Мама! если-бъ только она могла и хотѣла знать, каковъ ея деспотизмъ, каковы ея предразсудки!

Ну, впрочемъ, что-жъ я? Безвозвратно прошлое, непоправимо сдѣланное. Къ чему терзать себя еще, теперь? или мало было мнѣ мученія и раньше?

Да, первое время я была такъ счастлива, такъ спокойна, мое прошлое точно заслонилось настоящимъ настолько, что и не видать его было; но теперь, когда занятій стало больше, нѣтъ-нѣтъ, да невольно и вспомнишь прошлое.

27 февраля.

Я теперь обращаю вниманіе на одну сторону своей жизни, о которой прежде никогда не думала, но разговоры о прошломъ

лицъ, встрѣчавшихся мнѣ здѣсь, невольно заставили меня обратить на нее вниманіе. Это—то, что я совсѣмъ не вращалась въ обществѣ, не приходила никогда въ близкое соприкосновеніе съ нимъ, что у меня не было знакомыхъ молодыхъ людей, которые бывали бы у насъ. Слушая разсказы нѣкоторыхъ изъ нашихъ слушательницъ, такихъ же молодыхъ дѣвушекъ, какъ и я, ихъ воспоминанія о прошлой жизни, объ ихъ знакомыхъ, иногда даже объ ихъ увлеченіяхъ, я какъ-то невольно думаю: а вѣдь въ моей жизни ничего подобнаго не было... вотъ вся она передо мною однообразная, монотонная, бѣдная внѣшними событіями, богатая—горемъ однимъ, но зато постояннымъ, и непріятностями, мелкими, неизмѣримыми для глазъ, но портившими всю жизнь, и лишь съ одною хорошею стороною—совмѣстною жизнью сестеръ и братьевъ.

Какъ-то разъ одна изъ нашихъ интернатокъ, въ минуту откровенности, разговорившись о своей жизни, довольно ясно намекнула, что ей пришлось уже многое пережить, и потомъ спросила меня:—„а вамъ пришлось испытать что нибудь подобное?“ Я отвѣтила отрицательно. Она удивилась:—„значитъ, вы всю жизнь прожили какъ подъ колпакомъ, не встрѣчаясь съ людьми?“ спросила она.—Да, въ данномъ случаѣ—не пришлось,—невольно усмѣхнулась я и мысленно добавила: „да и не придется“, потому что здѣсь моя однообразная студенческая жизнь, съ ограниченнымъ кругомъ знакомства, опять-таки своихъ же товарокъ-курсистокъ, пройдетъ такъ же однообразно и спокойно и даже, пожалуй, безъ всякихъ сближеній со студентами, какъ и въ этотъ годъ, а пройдетъ это время, и если мнѣ удастся осуществить свое намѣреніе—получить мѣсто въ деревнѣ,—такъ будетъ еще менѣе случаевъ для какихъ бы то ни было знакомствъ.

Это—немножко скучно, но что же дѣлать? Если жизнь такъ складывается... не всѣмъ же все дается. Читая всевозможные разсказы, романы, этюды, гдѣ говорится о печальномъ положеніи женщины, которую никто никогда не любилъ, я отношусь къ этому какъ нельзя болѣе хладнокровно. Что-жъ? Вѣдь не всѣмъ же; а если я не принадлежу къ этому избранному числу,—значитъ такъ и надо, такъ и лучше... Но жизнь никогда не можетъ оказаться скучной и печальной, если ее пополнить разумною, интересною дѣятельностью и руководиться при этомъ любовью къ людямъ вообще. Однако, вотъ что дѣйствительно было бы хорошо и удобно—имѣть хоть одного знакомаго студента, только человѣка интереснаго, съ которымъ можно было бы обо всемъ поговорить,

и котораго можно было бы приспособить для доставки книгъ, а иначе—не стоитъ; но я увѣрена, что это и не случится, именно потому, что мнѣ такъ хочется,—моя судьба такая. Ну, что-жъ! велика важность, и безъ него можно обойтись... нельзя же черезчуръ много требовать отъ жизни, въ особенности мнѣ,—которой ничего не дается сразу.

Скоро экзамены, въ половинѣ марта. Такъ какъ свадьба Вали предполагается въ самый разгаръ экзаменовъ, то я разсчитала, что мнѣ было бы выгоднѣе сдать сначала возможно большее число ихъ; я намѣтила два, по латинскому и русскому языкамъ, и теперь отчаянно боюсь, хуже послѣдняго семинариста: а если не приготовилась, а если не сдамъ? (такъ какъ я совсѣмъ не посѣщала этихъ лекцій...)

1 марта, веч.

Интересно, что сказали бы наши интернатки, если бы знали, что я сегодня исповѣдывалась и завтра буду пріобщаться...

Въ прошломъ году, въ Ростовѣ я случайно встрѣтилась съ молодымъ и симпатичнымъ священникомъ, который на мой вопросъ: что же надо дѣлать для того, чтобы правильно вѣровать, чтобы отличать религію истинную отъ ложной,—отвѣтилъ:—„надо изучать свою вѣру“... Эти слова меня поразили своею неожиданностью, и, однако, этотъ отвѣтъ былъ какъ нельзя болѣе естественнымъ. Правда, какъ же такое простое соображеніе не пришло мнѣ раньше въ голову? Вѣдь изучаемъ же мы музыку, языки, тьму всякихъ ненужныхъ предметовъ по окончаніи гимназіи, а о вѣрѣ не думаемъ? На школьной скамьѣ мы заучивали машинально то, что намъ даютъ учебники и толкуютъ учителя; Законъ Божій—мы считали учебнымъ предметомъ наравнѣ съ ариѳметикой и прочими, съ нимъ представленіе о религіи даже какъ-то не связывается; по окончаніи средняго учебнаго заведенія кто выходитъ замужъ, кто такъ себѣ живетъ, ничего не дѣлая, кто трудится, кто учится, но никто не думаетъ о вѣрѣ; то, что мы вынесли изъ гимназіи, у однихъ обращается въ простую, немудреную вѣру безъ разсужденія, у другихъ она исчезаетъ подъ вліяніемъ обстановки, или вслѣдствіе собственныхъ убѣжденій.

Поступивъ сюда, я съ интересомъ ожидала лекцій богословія, надъ которыми слышала столько насмѣшекъ. Я думала, что такъ можно разсуждать только съ предвзятой точки зрѣнія, что въ бого-

словіи нѣтъ ничего достойнаго насмѣшки, и когда о. Р — скій взошелъ на кафедру—я вся обратилась въ слухъ и ожиданіе. Но, увы! лекціи богословія съ внѣшней стороны были прямо невозможны: батюшка до того заикался, что трудно слушать при всемъ желаніи, приходится напрягать все вниманіе, и въ концѣ концовъ, кромѣ утомленія ничего не выносишь. Къ тому же батюшка часто пропускалъ лекціи. Я бросила ходить на богословіе, но теперь читаю его предъ экзаменомъ, читаю, стараясь найти въ немъ все, о чемъ мнѣ твердили раньше: что это просто чепуха, которую учить не стоитъ, что лекціи никуда не годны, что богословіе заставитъ скорѣе потерять вѣру (какъ говорилъ намъ В—енскій), чѣмъ укрѣпитъ ее. Я читаю и дѣйствительно нахожу нѣкоторыя мѣста, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ убѣдить человѣка съ пошатнувшейся вѣрой, не могутъ ничего доказать; но я не могу смѣяться надъ этими страницами, потому что нахожу и такія, которыя мнѣ кажутся совершенно истинными. Таковы тѣ, гдѣ говорится о религіи, какъ о необходимой потребности человѣческаго духа, тѣ страницы, гдѣ разсматривается, хотя отчасти, исторія религій. Но со всѣмъ тѣмъ все богословіе строитъ свои главнѣйшія основанія такъ, что они доступны только вѣрѣ, и невѣрующаго убѣдить не могутъ. — Доказательствъ, доказательствъ! требуютъ многіе, когда имъ начинаютъ говорить о Богѣ, безсмертіи души и т. д. Доказательства же богословія основываются на формѣ всеобщаго существованія религій, изъ этого оно выводитъ заключеніе о божественномъ происхожденіи человѣка, о прежнихъ непосредственныхъ отношеніяхъ съ Богомъ. Интересны, далѣе, разборы доказательствъ Декарта, Лейбница; лучшимъ же и наиболѣе убѣдительнымъ изъ всѣхъ является Кантовское доказательство, основанное на категорическомъ императивѣ; оно такъ ясно, такъ убѣдительно говоритъ человѣку о бытіи Высшаго Существа, такъ возвышенно... но вѣдь самъ Кантъ отрицалъ религію во всѣхъ ея внѣшнихъ проявленіяхъ и, слѣдовательно, съ точки зрѣнія богослова, въ этомъ отношеніи авторъ не правъ.

Когда мнѣ говорили, что на курсахъ въ Бога не вѣрятъ, и предсказывали, что я непремѣнно сдѣлаюсь невѣрующей,—я всегда была увѣрена, что этого со мною не будетъ, что мои религіозныя убѣжденія тверды, и ихъ не такъ легко поколебать не только курсисткамъ, но даже самимъ курсамъ, даже лекціямъ профессоровъ. Когда я оборачиваюсь назадъ, то вижу, что я вѣрила прежде какъ-то не разсуждая, не вдумываясь хорошенько, на что соб-

ственно я опираюсь, и что меня руководитъ въ моей вѣрѣ: вѣрила — ну и вѣрила, совершенно машинально, въ силу, должно быть, безсознательно отразившейся на мнѣ вѣры предшествовавшихъ поколѣній, которыя вѣровали такъ же просто, какъ и сами жили. И вотъ теперь я читаю эти лекціи серьезно, внимательно слѣдя за каждымъ словомъ, стараюсь поставить себя на мѣсто невѣрующихъ, спрашиваю себя: а это доказало бы мнѣ? произвело бы на меня впечатлѣніе? Но стать всецѣло на ихъ точку зрѣнія мнѣ не удается. Я не могу отказаться отъ вѣры. Я чувствую, что что-то есть во мнѣ, которое составляетъ часть меня самой, что отбросить я не въ силахъ, что живетъ во мнѣ съ дѣтства. Или во мнѣ есть та мистическая жилка, которая заставляла меня въ дѣтствѣ зачитываться житіями святыхъ въ огромныхъ Четьи-Минеяхъ, которыя брала моя бабушка у о. Петра „почитать“, которыя увлекали меня мечтать о пустыняхъ, гдѣ спасались святые подвижники, о путешествіи туда, о келіи гдѣ-нибудь на скалѣ, въ которой я непремѣнно хотѣла жить послѣ, „когда выросту большая“.

Теперь я поняла, *что* надо выдѣлять при словѣ „вѣра“. Вѣдь если во всемъ слѣдовать ученію церкви, то мало еще просто признавать существованіе Бога. За нимъ идетъ цѣлый рядъ догматовъ, Библія — въ ней ученіе о происхожденіи міра, человѣка. Но вотъ въ этомъ-то наука и сталкивается съ религіей и противорѣчитъ ей. Развѣ современная естественная наука не утверждаетъ теоріи постепеннаго развитія? Геологія — та считаетъ существованіе земли десятками тысячъ лѣтъ; сравнительное языкознаніе не станетъ руководствоваться въ своихъ изысканіяхъ сказаніемъ о строеніи Вавилонской башни и смѣшеніи языковъ. Религія же въ Библіи даетъ намъ отвѣты на всѣ эти вопросы въ строго-религіозномъ духѣ. Наконецъ, намъ извѣстно и ученіе о Божественной личности Іисуса Христа и ученіе о Немъ, какъ объ исторической личности, отрицающее его божественное происхожденіе, и которое нашъ батюшка навѣрное опровергнулъ бы по пунктамъ. Вотъ тѣ самыя рѣзкія, въ глаза бросающія противорѣчія, съ которыми мнѣ пришлось столкнуться...

Итакъ, мало одного основного вопроса: вѣрить или не вѣрить въ Бога? Если вѣрить, то какъ? Слѣдовать ли ученію церкви, или создавать себѣ свои выработанныя теоріи? Если слѣдовать ученію церкви, то принимать ли и внѣшнее выраженіе этой вѣры въ религіозныхъ обрядахъ? Если принимать, то всѣ ли обряды, какіе изъ нихъ намъ кажутся болѣе важными, имѣющими внутренній

смыслъ, и какіе кажутся излишними, а иногда и устарѣвшими, непригодными при современномъ уровнѣ умственнаго развитія общества? Вотъ тѣ вопросы, на которые наталкиваешься при видѣ всѣхъ вышеприведенныхъ противорѣчій и взглядовъ, высказываемыхъ мнѣ нѣкоторыми изъ знакомыхъ курсистокъ. Хотя у меня ихъ и очень немного, но какое разнообразіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ! Отъ убѣжденной матеріалистки всѣ ступеньки до наивно дѣтски-вѣрующей. И здѣсь я на дѣлѣ вижу справедливость мнѣнія, которое не разъ приходилось читать: что интеллигентная часть общества отличается, если не полнымъ невѣріемъ, то полнѣйшимъ религіознымъ индифферентизмомъ. Это очень печально. Вотъ мнѣ и нужно отвѣтить себѣ на эти вопросы, если я признаю Бога... Впрочемъ—есть еще одинъ: почему я вѣрю? И вотъ я отвѣчаю... не сразу. Почему? — должно быть для меня, какъ и для всего человѣчества вообще, во всѣ времена, это составляетъ необходимую потребность духа, существенную часть меня самой моего „я“. Сознательно я признаю существованіе Высшаго Существа, Творца всего сущаго; я не сомнѣваюсь...

Ярославль, 30 апрѣля.

Совершилось... Вчера состоялась свадьба сестры... Она стояла подъ вѣнцомъ прелестная въ своемъ бѣломъ атласномъ платьѣ, длинной бѣлой вуали и вѣнцѣ изъ флеръ-д'оранжа, тоненькая и стройная; рядомъ съ ней стоялъ В., такой высокій и эффектный при яркомъ свѣтѣ свѣчей; оба они такъ похожи другъ на друга и составляли красивую пару. Вечеромъ проводили ихъ на вокзалъ. Поѣздъ тронулся; молодые вышли на платформу; Валя махнула платкомъ разъ-другой... и поѣздъ медленно исчезъ въ темной дали... Съ этого момента для нея началась новая жизнь.

Новая жизнь! Наша Валя — и замужемъ! Такъ дико, такъ странно звучитъ это слово...

Увы! это правда, правда,—ея нѣтъ и изъ каждаго угла антресолей, кажется, смотритъ ея отсутствіе... Какъ мнѣ тяжело! Сегодня съ утра встала и бродила весь день. Я испытывала такое ощущеніе, точно потеряла близкаго человѣка, и именно потеряла (не въ смыслѣ смерти), человѣкъ этотъ исчезъ...

Боже! какъ мучилась я въ послѣднее время!..

В. далъ Валѣ слово, что она будетъ на курсахъ, что онъ получитъ мѣсто въ Петербургѣ — такъ было въ прошломъ году,

когда Валя дала ему свое согласіе подъ этимъ условіемъ. Мѣсто онъ не получилъ; что же оставалось дѣлать Валѣ? — отказывать ему наканунѣ свадьбы она считала нечестнымъ. Теперь я начинала жалѣть сестру: взвѣшивая всѣ обстоятельства, я находила, что сестра жертвовала слишкомъ многимъ: вѣдь до свободы ей оставалось всего полтора года. В. бралъ слишкомъ много, едва ли сознавая это. Сравнивая ихъ, я находила даже, что онъ ея не стоитъ, что она слишкомъ хороша для него: красивая съ небольшимъ, но независимымъ состояніемъ, очень не глупая отъ природы и съ сильнымъ стремленіемъ къ умственному развитію, съ хорошимъ характеромъ, моя сестра представляла собою очень интересную дѣвушку. В. выбралъ именно ее, лучшую изъ насъ. Глухое озлобленіе поднималось во мнѣ противъ него и я чувствовала, что какъ-то враждебно отношусь къ нему. И въ то же время я не могла и не смѣла ничѣмъ выражать своего горя; я разстроила-бы сестру, только разбередила бы больное мѣсто.

Ахъ, зачѣмъ я годомъ раньше не попала на курсы! Тогда я разсуждала бы иначе, и если бы свадьба и состоялась, то позднѣе. Я упрекаю себя, зачѣмъ, не имѣя понятія о томъ, что меня тамъ ожидаетъ, я разсуждала въ прошломъ году такъ, что слѣдствіемъ всѣхъ этихъ переговоровъ является свадьба Вали. О, если бы я только могла знать! Если бы предо мной хоть на мгновеніе мелькнула эта курсовая жизнь—Валя не была бы теперь замужемъ...

Послѣдній мѣсяцъ я жила полною умственною жизнью, пользуясь всѣмъ, чѣмъ имѣла возможность, занималась, сдавала экзамены, посѣщала публичныя лекціи, засѣданія Вольно-Экономическаго Общества, школу Техническаго Общества; — передо мной вдругъ распахнулась такая интересная страничка жизни, что я читала ее безпрерывно до конца, не замѣчая ничего окружающаго... Я дышала полною грудью, время летѣло съ ужасающей быстротою, иногда мнѣ бывало безумно весело; но потомъ еще хуже, еще ужаснѣе бывали минуты, когда я вспоминала, что я лишила всего этого Валю, что не жить ей никогда такою жизнью, беззаботной съ одной стороны, захватывающей интересомъ съ другой... Не жить никогда мнѣ съ нею одною и тою же жизнью, не ходить на лекціи, не слушать вмѣстѣ любимыхъ профессоровъ... Въ такія минуты я не знала, куда дѣться, куда уйти отъ себя самой...

И теперь уже я была лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью. Я сознавала, что мое личное чувство противъ него смѣшивалось

съ чувствомъ горечи и сожалѣнія о сестрѣ, и все вмѣстѣ дѣлало то, что у меня становилось какъ-то легче на душѣ, когда я смотрѣла на него враждебно... Я холодно поздоровалась съ нимъ по пріѣздѣ и не говорила почти ни слова; — онъ въ свою очередь вовсе не былъ расположенъ объясняться, считая себя во всемъ правымъ... Наконецъ, я не выдержала... Поздно вечеромъ, когда мы молча сидѣли втроемъ въ комнатѣ сестры, я заговорила о лекціяхъ, которыя хотѣла дать ей; я говорила ободряющимъ тономъ, чтобы не разстраивать Валю, но не выдержала, и слезы навернулись у меня на глазахъ. Я отвернулась, не желая, чтобы В. видѣлъ мое волненіе. Онъ тихо всталъ и вышелъ въ другую комнату. Пользуясь его отсутствіемъ, я сѣла рядомъ съ Валей, и тихо-тихо, едва слышнымъ шепотомъ начала ее утѣшать, говоря, что пока я на курсахъ, пока у меня есть лекціи и книги, я все буду давать ей, чтобы и она имѣла возможность заниматься такъ же, какъ и я.

Валя слушала молча... Слезы были у нея на глазахъ... Совсѣмъ потерявъ всякое самообладаніе, я плакала такъ же, какъ и Валя, и невольно въ словахъ моихъ звучало сожалѣніе... Вдругъ громкое, какое-то судорожное рыданіе вырвалось у Вали, и она упала головою на столъ... В. вбѣжалъ въ комнату: тутъ только я сообразила, что сдѣлала, — и сердце такъ и остановилось... Онъ нѣжно ее успокоилъ и началъ что-то тихо говорить ей; — я вышла... Отвратительное малодушіе! Развѣ можно было такъ поступать...

Когда В. уходилъ, я переговорила съ нимъ одна, въ прихожей; онъ выразилъ сомнѣніе, что она могла плакать о томъ, что не попадетъ на курсы.—„Ей нѣтъ запрета; хочетъ—пусть идетъ,— я переведусь въ Петербургъ, прикомандируюсь кандидатомъ при Окружномъ судѣ: безъ жалованья, конечно, не смѣютъ отказать въ прикомандировкѣ“... Я могла только покачать головой,—ужъ который разъ надѣется онъ попасть въ Петербургъ. Конечно, сестра могла бы ѣхать учиться и одна, но я настолько знаю ея натуру, что могла заранѣе поручиться: она не оставитъ В., хотя бы изъ жалости къ нему, такъ какъ знаетъ, какъ тяжела будетъ для него разлука съ нею... В., повидимому, не могъ стать на мѣсто Вали, чтобы вполнѣ представить себѣ все ея горе; а мои мечты о совмѣстной жизни съ сестрой, о дружныхъ занятіяхъ, о всемъ томъ, что мы будемъ вмѣстѣ изучать,—моя радость при мысли о томъ, что буду не одна, а съ сестрою, съ близкимъ мнѣ

человѣкомъ—все рушилось, какъ карточный домикъ отъ легкаго вѣтра...

Я не говорила съ сестрой ничего болѣе... да и она сама точно избѣгала разговоровъ со мною... Оставался только день до свадьбы; онъ, какъ и всѣ предыдущіе, былъ посвященъ бѣготнѣ и суетѣ. Всѣ хлопоты по свадьбѣ взяла на себя Надя съ какою-то ревнивою отвѣтственностью, не желая уступить мнѣ изъ нихъ и сотой доли. Мама относилась ко всему съ холодной сухостью, не измѣняя себѣ даже и для такого событія. Она сдѣлала Валѣ все приданое бѣлье,—она принимала и угощала гостей, но по отношенію къ сестрѣ нисколько не измѣнялась. Хоть я и знаю ея отношеніе къ намъ, и знаю, что она не измѣнитъ себѣ ни въ чемъ, но все же мнѣ было тяжело видѣть подобное отношеніе къ сестрѣ. Кажется, я легко перенесла, если бы она относилась такъ ко мнѣ, но къ Валѣ...—все это только прибавляло горя...

И когда, на другой день, сестра стояла подъ вѣнцомъ такая тоненькая, такая прелестная, дѣтски-милая, съ задумчивымъ выраженіемъ темныхъ глазъ, устремленныхъ куда-то вдаль, я находилась среди подругъ барышень, стараясь спрятаться отъ взоровъ любопытныхъ, и слезы неудержимо катились изъ глазъ. Я плакала какъ ребенокъ, давъ себѣ волю, забывъ, гдѣ я нахожусь, и видя только одно: благодаря моему участію, на моихъ глазахъ совершается то непоправимое, вслѣдствіе чего Валя теряетъ возможность быть со мною *тамъ*... Я плакала о ней въ послѣдній разъ, потому что больше я не могла бы плакать... да больше я и не смѣла бы... Конечно, было бы лучшее владѣть собою, но видно и моимъ нервамъ есть предѣлы. Я даже не думала, что любопытные изъ публики могутъ это замѣтить и потомъ разсказывать всѣмъ...

В. держался хорошо, со своей обычно-лѣнивою манерой. Онъ далъ Валѣ первой вступить на атласъ... Послѣ окончанія вѣнчанія о. Владиміръ сказалъ рѣчь новобрачнымъ, въ которой меня поразили слова: „если вы предстали здѣсь, предъ алтаремъ,—значитъ здѣсь ваша доля, и не въ какомъ другомъ мѣстѣ". Что это? Вѣдь точно нарочно онъ давалъ отвѣтъ на мой безмолвный вопросъ судьбѣ.

Потомъ былъ семейный обѣдъ у бабушки... Вскорѣ мы переодѣли Валю въ дорожное платье и проводили молодыхъ на вокзалъ... Для Вали началась новая жизнь...

9 мая.

На-дняхъ получила первое письмо отъ Вали, сегодня—второе. Она въ восторгѣ отъ Кіева; изъ перваго письма видно, какъ ее все занимаетъ — и путешествіе, и ея новое положеніе, и мужъ, услужливый и нѣжный, ухаживающій за ней, какъ за ребенкомъ. Читая это письмо, такое веселое, счастливое, я испытала невольно радостное чувство. Слава Богу, она счастлива, лишь бы она была счастлива... Надо, чтобы первые дни ея новой жизни не омрачались никакими тучами... Я не скажу ей ничего больше о Петербургѣ, время—залѣчитъ ея горе; средства къ образованію всегда у нея будутъ, а пока пусть живетъ радостно, забывъ о прошломъ и не думая о будущемъ...

Во второмъ письмѣ Валя пишетъ объ отъѣздѣ въ городъ П., а оттуда въ имѣніе мужа, и ей невольно приходитъ на мысль, что она должна будетъ жить въ провинціи, а не тамъ, гдѣ мечтали мы обѣ... Такъ грустно и покорно говоритъ она, что старается себя утѣшить тѣмъ, что ея горе—ничтожно въ сравненіи съ массою страданій всего человѣчества: „въ этомъ все мое спасеніе, чтобы не плакать отъ отчаянія по тому, что такъ еще недавно похоронила. А плакать мнѣ теперь уже нельзя, чтобы не мучить его".

Что же мнѣ было дѣлать, прочтя эти строки? Плакать опять? слезъ уже не было... а то, что тяжело лежитъ на сердцѣ—останется, и дольше, чѣмъ будетъ печалиться Валя. Ея новая жизнь—унесетъ ее, а я, которая испытала жизнь тамъ,—чувствую острѣе, чѣмъ она всю ея потерю, хотя никогда не скажу ей этого; чувствую еще больше и потому, что я такъ же ждала возможности жить съ нею вмѣстѣ, столько же мечтала о ней, сколько и она, а между тѣмъ, невольно видишь себя виновницей того, что она лишена этой возможности...

В. долженъ искать мѣсто гдѣ-нибудь не въ глуши, а то провинціальное общество вовсе не представляетъ собою подходящей среды для самообразованія и развитія; если бы Валя попала въ хорошую интеллигентную среду—другое дѣло,—я могла бы только радоваться, и сама уговаривала бы ее не падать духомъ и не отчаиваться при мысли о томъ, что она не будетъ жить въ Петербургѣ. Но вѣдь еще неизвѣстно, въ какомъ провинціальномъ городкѣ они будутъ жить: если они останутся въ П., или пере-

ведутся въ какой-нибудь городокъ еще похуже? если Валѣ придется знакомится съ провинціальными дамами, у которыхъ интересы—послѣднія сплетни, кухня и моды? У насъ въ Ярославлѣ, и то можно пожаловаться на неинтеллигентность общества,— что же сказать о глухой южной провинціи? И вдругъ Валѣ придется тамъ жить... можетъ быть, это было бы и хорошо, но не въ ея годы, не съ ея пристрастіемъ къ столицѣ... Впрочемъ... вотъ что значитъ русскій человѣкъ: чуть было не сказала: „авось какънибудь все устроится“... магическое „авось!“

В. самъ пишетъ мнѣ, что не хотѣлъ бы переводиться въ провинціальную глушь; какъ честный человѣкъ, онъ жалѣетъ, что запрячетъ туда Валю... и это его сознаніе меня немного утѣшаетъ...

13 мая.

Сегодня я перечитывала свои замѣтки, начиная съ августа мѣсяца; я не писала дневника за послѣднее время своей жизни въ Петербургѣ... Я жила, особенно въ послѣдній мѣсяцъ—что называется „во всю“, насколько это можно сказать о нашей жизни; иногда хотѣлось взять тетрадку, написать о видѣнномъ и слышанномъ, но приходилось заниматься до 2—3 часовъ ночи, сдавая ускоренные экзамены, а тамъ — пойдешь къ сосѣдкамъ по комнатѣ, выйдешь съ ними на балконъ, засидишься, наконецъ— ляжешь спать, когда уже совсѣмъ свѣтло, и спишь какъ убитая, до 10 часовъ, а потомъ — опять заниматься... Гдѣ тутъ писать? А между тѣмъ, сколько можно было бы написать...

Въ апрѣлѣ мнѣ удалось побывать на засѣданіи Вольно-Экономическаго Общества, на лекціи А. И. Введенскаго—„Объ условіи допустимости вѣры въ смыслъ жизни“, въ школѣ Техническаго Общества для взрослыхъ рабочихъ, на лекціяхъ Е. И. Ламанскаго: „О значеніи денегъ въ народно-государственномъ хозяйствѣ“... Изъ всѣхъ этихъ лекцій, засѣданій, посѣщенія школы я вынесла столько впечатлѣній, передо мною снова развернулась такая интересная картина жизни, возбудившая во мнѣ столько новыхъ мыслей, — что я чувствовала себя точно въ иномъ мірѣ, гдѣ я плавала, какъ рыба въ водѣ; я дышала полною грудью, а напряженная жизнь, которую мы всѣ вели во время экзаменовъ, то беззаботное веселье, которое невольно охватывало послѣ каждаго сданнаго экзамена, длинные разговоры, научные споры, ко-

торые наконецъ-то стали завязываться у насъ подъ вліяніемъ экзаменовъ и изученныхъ предметовъ,—вся эта жизнь такъ соотвѣтствовала моему настроенію.

Изъ одного посѣщенія школы Техническаго Общества я вынесла не меньше, чѣмъ если бы слушала полгода лекціи какого-нибудь предмета: могу сказать, что я въ первый разъ въ жизни видѣла съ такою ясностью силу просвѣщенія. Эта школа принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ школъ Техническаго Общества, въ которыхъ на вечернихъ занятіяхъ проходится въ 3 года гимназическій курсъ (безъ древнихъ языковъ) взрослыми рабочими. Ихъ принимаютъ по окончаніи сельской школы, требуется только умѣнье грамотно писать и считать. Въ этой школѣ Е. Н. Щ—на читаетъ исторію; я давно просила у нея позволенія пріѣхать посѣтить школу, но она сначала не позволяла, очевидно не желая допустить туда мало-знакомаго человѣка. Наконецъ, она позволила мнѣ, и я пріѣхала по Шлиссельбургскому тракту въ с. Смоленское. Я вызвала завѣдующаго школой, П—ую, которая и провела меня въ классъ. Шелъ урокъ химіи. Въ низенькой комнатѣ, съ грязными стѣнами и потолками, на старыхъ-старыхъ партахъ сидѣло человѣкъ 25 взрослыхъ учениковъ, одѣтыхъ очень прилично. Молодой человѣкъ (преподаватель—горный инженеръ) вызвалъ къ доскѣ одного изъ взрослыхъ мужчинъ и началъ его спрашивать урокъ; тотъ отвѣчалъ тихо и робко, осторожно выводя на доскѣ химическія формулы...

Я сидѣла и только удивлялась, никакъ не предполагая, чтобы подобныя вещи могли быть у насъ, въ Россіи. А между тѣмъ ученикъ за ученикомъ выходили къ доскѣ, отвѣчали и писали формулы, изъ которыхъ я, увы! ничего не понимала... По окончаніи урока я подошла къ группѣ учениковъ и заговорила съ ними; они отвѣчали на мои вопросы вполнѣ свободно и непринужденно и, замѣтивъ, что я интересуюсь ихъ школой и ими самими, съ охотой давали объясненія, и разсказывали, гдѣ кто изъ нихъ работаетъ, на какихъ фабрикахъ и заводахъ. Когда я сказала имъ, что въ Ярославлѣ есть тоже большая фабрика, они прежде всего освѣдомились:—„а великъ ли рабочій день?“ Я, къ сожалѣнію, не могла хорошенько отвѣтить имъ на этотъ вопросъ, но кто-то изъ группы отвѣтилъ:—„извѣстно, какъ и вездѣ, часовъ 12“. Все это были ученики 2-го класса, соотвѣтствующаго 5—6 классамъ гимназіи. Слушая эти отвѣты, глядя на простыя, но серьозныя лица этой молодежи, совсѣмъ какъ-то забывалось,

что говоришь съ простыми рабочими; я была точно среди интеллигентовъ, студентовъ, кого хотите, только не среди простого народа, не среди мужиковъ. Послѣ химіи былъ урокъ русской исторіи. Преподавательница Ек. Ник. Щ—на читаетъ отлично, живо и ярко обрисовывая событія эпохи (время Екатерины II-ой, ея учрежденія); такое преподаваніе не вездѣ встрѣтишь и въ гимназіяхъ; но и аудиторія показала себя вполнѣ достойной преподаванія: нужно было видѣть, какъ горѣли глаза слушателей и съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ они ловили каждое слово, слѣдя за нитью мысли, жадно вслушиваясь особенно во все, что касалось крестьянства. Послѣ урока они окружили Е. Н. и засыпали вопросами; кто изъ царей и что сдѣлали для пользы крѣпостныхъ? кто первый облегчилъ ихъ положеніе? и т. п. Е. Н. обѣщала имъ все разсказать потомъ, не желая забѣгать впередъ.—„Ну, а я знаю, кто больше всѣхъ сдѣлалъ: Александръ II-ой, вотъ это молодецъ!“—сказалъ одинъ изъ самыхъ взрослыхъ рабочихъ, съ умнымъ и тонкимъ лицомъ.

Чего бы я не дала, чтобы быть на мѣстѣ Е. Н., читать также, пробуждать сознаніе хотя у небольшой группы, развивать умъ рабочихъ, эту силу, дарованную всякому, но которая вѣками спитъ у народа, придавленнаго сначала рабствомъ, а теперь привиллегированнымъ положеніемъ высшихъ классовъ,—и, пробудивъ эту чудную силу, наконецъ, увидѣть передъ собою въ простыхъ рабочихъ *людей*, вполнѣ сознательно смотрящихъ на міръ, думающихъ, понимающихъ, а не только грамотныхъ, но все-таки сильно неразвитыхъ „заводскихъ“ и „фабричныхъ“;— это ли не прекрасная задача и награда за трудъ...

Невольно думалось, глядя на эти симпатичныя честныя лица: вотъ они не будутъ пьянствовать, не найдутъ удовольствія въ кабакѣ, или пьяной бесѣдѣ, для нихъ доступно пониманіе Пушкина, Гоголя, Жуковскаго, всей русской литературы, для нихъ интересна исторія отечества; они—будущіе, можетъ быть, лучшіе отцы семействъ, чѣмъ простые рабочіе, не посѣщавшіе школъ общества, они лучшіе рабочіе, которые уже не позволяютъ обращаться съ собою, какъ съ безгласными существами, но зато и работа ихъ, съ помощью пріобрѣтенныхъ познаній по механикѣ, физикѣ, химіи, лучше другихъ.

Я уѣхала изъ школы съ самымъ отраднымъ, хорошимъ чувствомъ въ душѣ. По дорогѣ со мной ѣхалъ въ городъ одинъ изъ учениковъ—слесарь съ чьего-то завода; все время разговаривая

съ нимъ, я опять получила то же впечатлѣніе: въ живомъ, интересномъ разговорѣ не чувствовалось совсѣмъ различія положеній и образованія. Онъ разсказывалъ мнѣ о школѣ, о своей жизни, о преподаваніи, которымъ былъ, видимо, очень доволенъ, и, въ свою очередь, разспрашивалъ меня о томъ, гдѣ я училась, зачѣмъ пріѣхала въ Петербургъ... Я совсѣмъ не замѣтила, какъ доѣхала до Невскаго; прощаясь, съ невольнымъ уваженіемъ я протянула руку этому молодому человѣку.

22 мая.

День за днемъ тянутся какъ вѣчность... Мнѣ кажется, что я живу здѣсь не мѣсяцъ, а нѣсколько мѣсяцевъ... Иногда мнѣ становится невыносимо тяжело. Когда мы жили втроемъ—еще коекакъ сносно было, но теперь наша жизнь производитъ на меня самое скверное, угнетающее вліяніе: здѣсь нѣтъ ни одной курсистки съ нашего курса, нѣтъ ни одного интеллигентнаго знакомства и наша домашняя обстановка, живя въ которой, можно не видѣть ни одного посторонняго лица, кромѣ доктора и бабушки весь порядокъ дня, безтолковое и неудобное его расположеніе, съ обязательнымъ ужиномъ въ 8 часовъ, послѣ котораго всѣ, кромѣ насъ и братьевъ ложатся спать, а вся остальная часть квартиры погружается въ полный мракъ и тишину—все это, послѣ моей петербургской жизни въ интернатѣ среди людей—кажется вдвое тяжелѣе...

Я теперь ясно вижу, до чего вредно вліяла эта обстановка на мой, въ сущности, не такой дурной, какъ это думаютъ, характеръ. Отъ природы я не зла, и съ дѣтства была необыкновенно чутка ко всему, но этой чуткостью почти всегда пренебрегали, обращаясь со мной не въ мѣру рѣзко и строго... Въ результатѣ получилась масса мученій, и я обратилась точно въ mimosa sensitiva: робко и застѣнчиво, но доброжелательно относясь къ людямъ, я не сторонилась отъ нихъ, и съ тѣми, которые мнѣ симпатичны, не прочь сойтись... но... стоитъ не понять меня, стоитъ въ отвѣтъ на первые шаги съ моей стороны—не сдѣлать шагу со своей стороны,—и я моментально перемѣняюсь, становлюсь сдержанна, равнодушна, холодна, какъ камень; или же, наоборотъ: на первыхъ порахъ знакомства, когда я еще не успѣла разсмотрѣть человѣка, и поэтому не желаю сходиться съ нимъ ближе, я держу себя очень сухо, такъ что это даже замѣчаютъ... но, если человѣкъ, при болѣе близкомъ знакомствѣ, окажется симпа-

тичнымъ, то потомъ онъ же меня не узнаетъ—такъ измѣняется мое прежнее холодное обращеніе. Я вспыльчива: разсердившись, могу иногда говорить рѣзко, а потомъ, въ глубинѣ души, мнѣ всегда бываетъ очень стыдно, и я готова прійти просить прощенія.

Я могла бы вынести всякую жизнь, если бы были нормальныя семейныя отношенія, но у насъ нѣтъ и этого утѣшенія. Грубый и рѣзкій характеръ мамы, ея страшная раздражительность, при помощи которой она „воспитывала“ насъ, не обращая вниманія ни на нашу молодость, ни на то, что мы тоже люди,—какъ я теперь вижу,—повліялъ и на характеры ея дѣтей: наполненная заботами о своемъ „я“, вѣчной злобой на насъ и чуть не на весь міръ,—ея жизнь, можно сказать, изуродовала нашу, положивъ на нее свою деспотическую руку...

Да, мы прошли жестокую школу воспитанія, не зная ни ласки, ни любви, ни нѣжности материнскаго сердца, которыя имѣютъ такое могучее вліяніе на ребенка. Говорятъ, что мама—больной человѣкъ, ей простительно; нѣтъ, непростительно даже и больной матери терзать своего ребенка... Ахъ, вспоминать тяжело эти прошлые дни нашей жизни, если смотрѣть со стороны отношеній мамы къ намъ. Въ то время у меня была гимназія, которая занимала большую часть моего времени, а потомъ... ужъ лучше прогнать отъ себя эти воспоминанія.

16 іюня.

Вотъ уже половина іюня! Май тянулся съ ужасающей медленностью, іюнь бѣжитъ изо всѣхъ силъ. Потерянное время! я ничего почти не дѣлала, а между тѣмъ мучусь сознаніемъ своего невѣжества и сожалѣніемъ объ этихъ несчастныхъ 4-хъ годахъ, которые прошли даромъ; теперь, казалось бы, надо вознаграждать потерянное время, читать, учиться... И вотъ я начинаю... читаю Страхова „Міръ, какъ цѣлое“, Джаншіева „Эпоха великихъ реформъ“, но распредѣленіе моего дня таково, что для систематическихъ занятій какъ-то не находится времени: утромъ — я занимаюсь со своей маленькой ученицей, а остальное время уходитъ на чтеніе журналовъ, прогулки и катанье въ лодкѣ. По временамъ дѣлается такъ тяжело, такъ тяжело на душѣ, точно какой то гнетъ положили на нее, и я чувствую его почти физически...

М. Е. П—ва пріѣхала, и я на-дняхъ была у нихъ... Съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что она отозвалась обо мнѣ своей сестрѣ—

„мы разные люди“, я чувствую, что этими словами мнѣ нанесена тяжелая обида. Какое горькое чувство подымается во мнѣ, когда я вспоминаю, *какъ* я смотрѣла на М. Е., поступая на курсы, съ какимъ восторгомъ и уваженіемъ относилась къ ней: смотря на нее снизу вверхъ, знавшая все ея превосходство,—я была готова учиться у нея, слушать ее, говорить съ ней обо всемъ, словомъ, найти въ ней, на курсахъ, старшаго товарища, который помогъ бы мнѣ разобраться въ новой жизни и обстановкѣ, меня окружавшей. Не тутъ-то было! М. Е. прежде всего была занята своею жизнью, своими дѣлами, и какъ пріѣхала, такъ и погрузилась въ нихъ, только разъ побывавъ у меня: противъ ожиданій я была предоставлена себѣ самой. Мнѣ никогда не удавалось даже поговорить съ ней объ интересовавшихъ меня научныхъ вопросахъ и я, хотя и чувствовала необходимость помощи человѣка, болѣе меня знающаго, все-таки должна была справляться съ затрудненіями—какъ умѣю сама, или сообща со своими однокурсницами, не многимъ болѣе меня знающими; я также никогда не говорила съ ней о моихъ убѣжденіяхъ, но нѣкоторые изъ ея взглядовъ я знала, и изъ моихъ возраженій она могла вывести заключеніе, въ чемъ я съ ней не согласна. Это политическія и религіозныя убѣжденія.

Я прямо заявила ей, что не люблю либеральничанія на словахъ, а это-то какъ разъ и развито у насъ; такое либеральничаніе заходитъ очень далеко... въ словахъ и мечтаніяхъ нашихъ слушательницъ: послушать ихъ—весь міръ перевернуть надо,—и на мѣсто всѣхъ „отжившихъ“ формъ правленія водрузить знамя соціалъ-демократической республики. Все это можетъ быть и очень благородно и возвышенно, но, къ сожалѣнію, мыслимо только на словахъ, а не на дѣлѣ; притомъ, подобныя, очень быстрыя разсужденія грѣшатъ отсутствіемъ серьезности, основательности, знанія народной жизни и исторіи вообще. Видно, что говорятъ люди со всѣмъ пыломъ молодости; зная, что вотъ это плохо, предполагаютъ тотчасъ же радикальную мѣру для исцѣленія, не справляясь, подходитъ ли она по характеру къ народу, его развитію, его исторіи, или нѣтъ. Мнѣ до сихъ поръ смѣшно вспомнить одинъ разговоръ двухъ нашихъ курсистокъ „изъ крайнихъ“ съ юнымъ горнякомъ: какъ постепенно, шагъ за шагомъ, критикуя все и вся, коснувшись даже французской республики, которую обѣ признали негодной, онѣ закончили разговоръ выразительнымъ жестомъ, выражавшимъ, что надо все переустроить на новый

ладъ—соціалъ-демократическій! Это было такъ дѣтски-наивно, до курьеза; обѣ говорившія такъ молоды, и весь разговоръ такъ ясно показалъ мнѣ всю неосновательность, поверхностность ихъ сужденій, даже легкомысліе, съ которымъ онѣ говорили о такихъ вещахъ, чтобы имѣть сужденія о которыхъ нужно было быть пообразованнѣе и мыслить болѣе философски.

Второе—убѣжденія религіозныя; М. Е., конечно,—невѣрующая, насколько я могла понять изъ тѣхъ немногихъ словъ, которыя она высказала мнѣ о религіи... мы различно понимали ея сущность. И все-таки М. Е. была мнѣ очень симпатична, деликатно относясь къ моимъ убѣжденіямъ, такъ же, какъ и я; мнѣ казалось, что все это—ничуть не помѣшаетъ сдѣлаться намъ добрыми знакомыми, тѣмъ болѣе, что во всемъ остальномъ мы одинаковы: вмѣстѣ сочувствуемъ хорошему, вмѣстѣ учимся, любимъ науку, самое горячее наше желаніе—принести въ жизни посильную пользу другимъ...

Но оказалось не то... М. Е. сразу рѣшила, что мы — разные люди. Вѣдь это было больно мнѣ слышать! Вся моя гордость была возмущена... Такъ вотъ какъ? вотъ почему М. Е. такъ мало видалась со мною, заходя ко мнѣ только „по дѣлу“, которое заключалось въ передачѣ мнѣ двухъ-трехъ десятковъ экземпляровъ книжекъ.

Да! „разные люди!..“ Съ тѣхъ поръ, какъ я узнала объ этомъ, я не могу держать себя съ М. Е. вполнѣ свободно, чувствую себя мучительно-неловко, какое-то тяжелое чувство лежитъ на душѣ... Когда я встрѣчаюсь съ ней, мнѣ хочется уйти отъ нея подальше... мнѣ обидно за себя самое, за воспоминаніе о томъ, какъ я смотрѣла на нее, о моемъ отношеніи къ ней... и еще больнѣе, когда видишь, какъ она со мной поступала. Эхъ! вотъ еще урокъ, полученный мною отъ жизни. Долго ли придется мнѣ получать ихъ? Не даромъ говорится: вѣкъ живи, вѣкъ учись.

5 іюля.

Я никогда не забуду коротенькаго разговора съ близкой знакомой нынче зимою. Собираясь ѣхать на елку, она попросила меня причесать ее; я замѣтила, что у нея волосы, вопреки большинству женщинъ послѣ родовъ не вылѣзли, а поправились, и мы перешли на болѣе интимный разговоръ... Я спросила Аню, очень ли было ей страшно, въ этотъ первый разъ?—„О, это были такія страшныя мученія, я молила Бога, чтобы мнѣ умереть по-

скорѣе".—А долго? съ невольнымъ состраданіемъ спросила я.—„Я мучалась пять часовъ; и то это считается еще хорошо; бываетъ гораздо дольше..."—А теперь ты опять? Аня вздохнула.—„Что же дѣлать, милая. Я вотъ хотѣла сына кормить... да и не пришлось Отчего же я такъ и похудѣла: я кормила его, не зная, что уже мѣсяцъ, какъ беременна. Пришлось оставить. Вѣдь мы выходимъ замужъ, значитъ уже не можемъ свободно располагать собой; у насъ есть мужья... а что касается насъ женщинъ, то увѣряю тебя, что почти всѣ мы относимся равнодушно *къ этому*, хоть бы и вовсе не было, это уже не такая необходимость". Она опять вздохнула, какъ бы не договоривъ своей мысли: „а между тѣмъ приходится".

Да, этотъ разговоръ остался у меня въ памяти. Вѣдь онъ такъ ясно показалъ положеніе женщины въ данномъ случаѣ, положеніе узаконенное, признанное всѣми за вполнѣ естественное, а съ нравственной точки зрѣнія—очень печальное, тѣмъ болѣе, что очевидно никому и въ голову не приходитъ задуматься поглубже надъ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ: женщина рождаетъ ребенка среди страшныхъ страданій, жизнь ея виситъ на волоскѣ, она находится въ прямой зависимости отъ искусства акушерки, а потомъ—отъ ухода. Живое существо явилось на свѣтъ, цѣль брака—поддержаніе рода—исполнено; природа сама назначила женщину быть кормилицей собственнаго ребенка: надо кормить это существо. Женщина готова исполнить свои обязанности... но... является мужъ со своими правами: жена не имѣетъ права отказаться Слѣдствіе: новая беременность, новый ребенокъ въ перспективѣ, и надо бросать кормить перваго, не докончивъ. Значитъ, самая первоначальная цѣль, самый смыслъ брака забывается и онъ является только узаконеннымъ способомъ для удовлетворенія животныхъ чувственныхъ инстинктовъ. А вѣдь извѣстно, что частые роды истощаютъ женщину, обезображиваютъ ея станъ и вліяютъ на здоровье; какая масса разныхъ женскихъ болѣзней, какая масса страдающихъ ими женщинъ во всѣхъ слояхъ общества. А сколько смертей отъ родовъ! Я читала гдѣ-то, что у одного дикаго племени существуетъ обычай послѣ рожденія каждаго ребенка отдѣлять жену отъ мужа въ теченіе двухъ лѣтъ, во время которыхъ она кормитъ ребенка; поэтому женщины и дѣти этого племени отличаются прекраснымъ здоровьемъ. Вотъ поучительный примѣръ просвѣщеннымъ европейцамъ. Уже не говоря о двухъ годахъ, — хотя бы на годъ, необходимый для кормленія

ребенка, наши мужчины воздерживались отъ сожительства съ женами, ради блага ихъ собственныхъ дѣтей, ради здоровья своихъ женъ! Но вотъ этотъ вопросъ не затрагивается никогда... Сильная половина рода человѣческаго, какъ власть имѣющая, не желаетъ поднимать его, хотя бы потому, что у нихъ самихъ есть жены... А женщины? онѣ молчатъ и, подчиняясь, родятъ ребятъ одного за другимъ, всякихъ: и больныхъ и здоровыхъ, и сами хвораютъ и умираютъ. И прекрасная первоначальная цѣль забыта давнымъ давно; ея мѣсто заняла другая: удовлетвореніе чувственныхъ инстинктовъ, а рожденіе дѣтей является уже *слѣдствіемъ* этой цѣли. И на это не обращаютъ вниманія, объ этомъ не говорятъ и не пишутъ.

Мужчины удивительно мало цѣнятъ, или какъ-то совсѣмъ не цѣнятъ, чего стоитъ женщинѣ произвести хотя бы одного ребенка. Мнѣ такъ и вспоминается фраза Медеи изъ древней трагедіи, гдѣ она, опровергая общее мнѣніе мужчинъ о „тихой жизни“ женщинъ у мужей, восклицаетъ:

. . . . . хотѣла бъ лучше трижды
Я подъ щитомъ стоять, чѣмъ въ мукахъ разъ
Дитя родить...

Древняя героиня, пожалуй, права: интересно, что бы сказалъ мужчина, если бы ему предложили 5—6 разъ въ жизни испытывать страшныя мученія, быть на краю гроба въ теченіе нѣсколькихъ дней, и потомъ, какъ слѣдствіе этихъ болѣзней, нести въ нѣкоторыхъ случаяхъ тяжелыя послѣдствія. Кто согласился бы? А вѣдь подобное приходится испытывать каждой замужней женщинѣ; беря среднее число рождаемыхъ дѣтей, не нужно забывать и исключеній,—напримѣръ ихъ было 11: значитъ — 99 м. „положенія“, т. е. болѣе 8 лѣтъ и 3 м. (конечно, съ промежутками), 66 недѣль, т. е. 1 годъ 3 мѣсяца и 2 недѣли — на положеніи больной и выздоравливающей... 11 разъ рисковать жизнью! Это что-нибудь да значитъ.

А мужчины, записывая въ лѣтописи свои самые мелкіе подвиги на войнѣ, никогда не забываютъ прибавлять: „безъ счету разъ рисковалъ жизнію“. Нѣтъ, гг., вы рискуете жизнью далеко не всѣ и не всегда (потому что не всегда же бываетъ война, и не каждый день представляются опасные подвиги), а женщины—гдѣ бы и кто бы онѣ ни были,—всѣ подвержены неизбѣжному закону природы, очень тяжелому, подчиняясь которому, онѣ рискуютъ

жизнью, и умираютъ, но никому и въ голову не приходитъ прославлять ихъ геройство и мужество и т. п.

Смотря такъ легко на бракъ, такъ же смотрятъ и на дѣтей: многіе ли отцы занимаются воспитаніемъ своихъ дѣтей? Они заняты всѣмъ, чѣмъ угодно, только не этимъ важнымъ дѣломъ, только не тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ своего потомства такихъ дѣтей, глядя на которыхъ матери могли бы сказать, что такія страшныя страданія, по крайней мѣрѣ, не пропали даромъ: родился человѣкъ, выросъ „родителямъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу", какъ говоримъ мы въ школьной молитвѣ, — и выходитъ то, что теперь, куда ни посмотри,—родители недовольны дѣтьми. Какая масса причинъ этого недовольства, какая сложная путаница психологическихъ тонкостей, разныхъ отношеній, мученій и т. п.

По временамъ пріѣзжая въ семью и отлично зная по разспросамъ и разсказамъ первое поколѣніе—бабушекъ съ обѣихъ сторонъ, материнской и отцовской,—я могла возстановить въ своемъ воображеніи ихъ жизнь, и теперь наблюдаю интересные переходы жизни, волны которой все несутъ впередъ... Мы происходимъ съ обѣихъ сторонъ изъ купеческихъ семействъ, гдѣ искони вѣковъ жили по традиціямъ, несложнымъ, но которыя держались такъ крѣпко, что задавили бы своею тяжестью всякаго, кто рискнетъ сдвинуть ихъ съ мѣста; много было патріархальнаго въ этой жизни, много своеобразнаго въ высшей степени... Но время идетъ впередъ, оно уже кое-гдѣ сломало старинные устои этой жизни, но зато тамъ, гдѣ они еще держатся,— жутко и тяжело приходится жить современному молодому поколѣнію.

9 августа, на Волгѣ.

Я возвращаюсь съ выставки; пробыла въ Нижнемъ 11 дней, и за все это время, къ великому моему сожалѣнію, не могла, не имѣла никакой возможности записывать день за днемъ все видѣнное и слышанное. Теперь придется разбираться въ этомъ хаосѣ впечатлѣній, а вѣдь человѣческая природа такъ устроена, что утомляется отъ слишкомъ частыхъ и новыхъ впечатлѣній. Для чего человѣкъ такъ ограниченъ? Отчего онъ не устроенъ такъ, чтобы имѣть возможность сразу видѣть и усваивать все?— Попавъ на выставку, невольно выскажешь такое сожалѣніе. Я ѣду усталая, и съ отраднымъ чувствомъ чего-то, что можно опредѣлить словами: ну вотъ, побывала, видѣла...

Да, побывала и видѣла... всю нашу Русь-матушку, собранную тутъ со всего необъятнаго ея пространства, со всѣми ея богатствами, со всею ея бѣдностью, со всею ея ученостью и со всѣмъ ея невѣжествомъ; ея жизнь—со всѣми новѣйшими приспособленіями гигіены и комфорта и со всей прелестью первобытнаго состоянія. Все это видишь тутъ на небольшомъ пространствѣ, за ярмаркой, посѣщая красивые и изящные павильоны,—ходишь и учишься. Я осматривала выставку не систематически по какому-нибудь отдѣлу, а тѣ отдѣлы ея, которые представляли наибольшій интересъ, или же чисто спеціальные, какъ, напримѣръ, машинный, военный, военно-морской; такая система была, конечно, не совсѣмъ удобна, потому что объясненія давались въ разные часы, иногда и одновременно въ нѣсколькихъ отдѣлахъ, вдобавокъ „Извѣстія“ врали на каждомъ шагу, обозначая невѣрно часы объясненій то въ томъ, то въ другомъ отдѣлѣ. Все это невыгодно отзывалось на распредѣленіи времени, въ теченіе котораго мы должны были осматривать выставку. Съ перваго же дня я увидѣла, что хорошо осмотрѣть въ недѣлю—немыслимо; можно пробѣжать по всѣмъ отдѣламъ, но осмотрѣть кое-какъ—значитъ не видать ничего. Поэтому, несмотря на то, что вниманіе задерживалось на каждомъ шагу,—не было возможности видѣть все такъ, какъ хотѣлось, дольше останавливаться и чаще приходить.

Когда я пришла въ горный отдѣлъ, около студента горнаго института уже собралась группа посѣтителей, которые и слушали объясненія „добычи платины“, какъ выговаривалъ студентъ. Я не буду описывать подробно способы добыванія золота, серебра, такъ какъ память моя, въ послѣднее время передъ поступленіемъ на курсы, какъ нарочно, стала никуда негодной; довольно часто я даже не могла хорошо усвоить объясненія выставленныхъ машинъ; мнѣ, какъ не-спеціалисту, было весьма затруднительно слышать незнакомые термины, а такъ какъ большая часть машинъ стояла безъ движенія, то, конечно, при всемъ желаніи понять то или другое усовершенствованіе,—мнѣ не всегда удавалось. Зато, присматриваясь къ таблицамъ, вывѣшеннымъ очень многими экспонентами, можно было выводить заключенія объ огромномъ развитіи горной промышленности за послѣднія 14 лѣтъ; нѣкоторыя отрасли явились впервые на выставкѣ, какъ, напримѣръ, добыча ртути, марганца; карты ясно показываютъ, какія подземныя богатства хранятся у насъ на югѣ Россіи, Кавказѣ, Уралѣ, Алтаѣ... У насъ есть даже брилліанты,—этого я уже никакъ не ожидала,

и съ удивленіемъ смотрѣла на роскошное колье, выставленное въ одной изъ витринъ (если не ошибаюсь—гр. Строганова, или вообще какого-то аристократа). То и дѣло попадались на глаза фотографическіе снимки недавно построенныхъ заводовъ, или же діаграммы, показывавшія быстрый ростъ промышленности какой-либо изъ отраслей горнаго дѣла. Пора взяться за умъ! и русскіе, кажется, понемногу берутся: не все предоставлять иностранцамъ пользованіе нашими природными богатствами... Заводъ Юза основанъ англичаниномъ, бр. Нобель—тоже не русскіе...—долго ли мы будемъ итти позади? Вотъ уже 200 лѣтъ, какъ мы все учимся и учимся у иностранцевъ; не даромъ, впрочемъ, сложилась русская пословица: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Объясненія студента меня очень заинтересовали, и я осталась довольна этимъ посѣщеніемъ.

Въ павильонѣ Каспійско-Черноморскаго нефтепромышленнаго общества скоро должно было демонстрироваться буреніе нефтяной скважины. Я туда. Тамъ было уже довольно много народа, машина приведена въ движеніе, и съ потолка медленно спускался въ скважину продолговатый цилиндръ, края котораго внизу были разрѣзаны винтообразно; цилиндръ опускался въ яму все ниже и ниже, скоро опустился совсѣмъ,—и два восточные человѣка стали посредствомъ палки, продѣтой въ рукоять этого цилиндра, вращать его внутри ямы: съ каждымъ разомъ заворачиваніе дѣлалось труднѣе и труднѣе, видно было, что цилиндръ уходитъ глубоко въ землю. Наконецъ, вращеніе прекратилось, машина снова приведена въ движеніе, и цилиндръ поднимается на поверхность, весь облѣпленный жидкою грязью, съ него ручьями течетъ вода; рядомъ съ этой ямой тотчасъ открываютъ другую, и цилиндръ опускаютъ туда, чтобы очистить отъ грязи... Я пересмотрѣла разставленные по стѣнамъ этого павильона калейдоскопы, съ 4-мя фотографіями каждый: были снимки заводовъ, разныхъ помѣщеній, перевозки нефти, ея нагрузки и проч.

Скоро я была уже на спасательной станціи, гдѣ давалъ объясненія матросъ. Онъ говорилъ очень гладко и хорошо, видно было, что онъ все это знаетъ наизусть; переходя отъ одного экспоната къ другому, надѣвая на себя одинъ за другимъ пробковые нагрудники и объясняя ихъ достоинство, сравнительно со спасательными кругами, онъ ни разу не запнулся, точно читалъ по книгѣ, только изрѣдка прорывались у него выраженія, указывавшія въ немъ простолюдина: „евонный“, „эфтотъ“. Это было даже оригинально:

онъ говорилъ очень толково о приборѣ, употребляющемся на дежурныхъ крейсерахъ около шхеръ Балтійскаго моря, въ случаѣ тумана, для предупрежденія объ опасномъ мѣстѣ кораблей, которые за туманомъ не могутъ видѣть сигналовъ; „тогда берутъ ручку прибора, поднимаютъ, опускаютъ внизъ и, вслѣдствіе напора воздуха, производится звукъ; и евонный звукъ настолько громокъ, что слышенъ за 12 верстъ". Для наглядности онъ поднимаетъ и опускаетъ ручку довольно большого прибора и раздается ужасающій ревъ, заставляющій невольно вздрагивать публику. Интересны въ этомъ павильонѣ экспонаты различныхъ спасательныхъ принадлежностей, — пробковые нагрудники, пробковыя койки, между прочимъ — небольшой приборъ, состоящій изъ тонкаго, плотноскрученнаго шнурка и привязаннаго къ нему небольшого якоря съ четырьмя загнутыми концами, вершка въ $1^1/_2$ длиною; такая вещичка очень невелика и помѣщается въ картонѣ, а между тѣмъ, ею очень удобно спасать утопающихъ; стоитъ бросить этотъ якорь въ воду и острые концы его зацѣпятся или за волосы, или за одежду, обувь, и тогда, притягивая къ себѣ шнурокъ, можно легко вытащить утопленника. Лодки, разставленныя тутъ же, конечно, не могли меня очень интересовать; слушая непонятныя для меня техническія морскія названія — я только смотрѣла на нихъ, любуясь ихъ стройностью и изящнымъ видомъ.

Красивый и чистый перезвонъ иногда раздавался на выставкѣ, собирая толпу любопытныхъ около колокольныхъ павильоновъ, среди которыхъ выдавался по красотѣ и изяществу весь бѣлый, съ посеребренными колоколами павильонъ моего дяди И. П. О—ова.

Въ первый же день я почувствовала усталость послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы и напряженнаго вниманія...

10 августа.

Наиболѣе интересовавшій меня отдѣлъ на нашей выставкѣ былъ, конечно,—отдѣлъ народнаго образованія; я была въ немъ часовъ 5 подрядъ, и все-таки осмотрѣла только половину: не было физической возможности разобраться, хотя бы отчасти, въ этой массѣ тетрадей, альбомовъ, а справа, слѣва, спереди и сзади— всюду окружали меня діаграммы, карты, фотографіи, кучи работъ ученицъ и учениковъ...

Изъ всѣхъ мужскихъ гимназій я ранѣе была знакома съ дѣятельностью 1-ой Тифлисской, директоромъ которой состоитъ

братъ извѣстнаго писателя Л. Л. Марковъ и, судя по описанію его брата, гимназія дѣйствительно стоитъ на высотѣ, немногимъ доступной: я убѣдилась въ этомъ, разсматривая альбомы гимназіи, читая отчеты директора и сочиненія воспитанниковъ объ ихъ экскурсіяхъ, напечатанныхъ въ этихъ отчетахъ. Мнѣ кажется, что Тифлисская одна изъ самыхъ первыхъ, если не первая гимназія въ Россіи; не въ примѣръ массѣ прочихъ гимназій, подавляющихъ своимъ классицизмомъ и строгостью всякое развитіе учениковъ (чѣмъ, напр., отличается наша Ярославская), она старается развить mens sana in corpore sano: на ряду съ изученіемъ классиковъ, школа пріучаетъ учениковъ къ ручному труду, а для внѣкласснаго чтенія при гимназіи есть прекрасная библіотека, при пансіонѣ — и читальня; для развлеченія воспитанниковъ, устраиваются музыкально-вокальные и литературные вечера, гимнастическія утра, прогулки. Все это представлено на выставкѣ въ фотографіяхъ, наглядно показывающихъ образъ жизни гимназіи и типы ея воспитанниковъ различныхъ народностей...

Наши Ярославскія гимназіи, кажется, не были представлены; да и хорошо, впрочемъ, сдѣлали,—о нихъ ничего нельзя сказать хорошаго: одинаково плохи какъ мужская, такъ и обѣ женскія: въ первой царитъ классицизмъ, во вторыхъ—сухой педантизмъ и формализмъ, а полное отсутствіе мало-мальски развитыхъ и преданныхъ своему дѣлу воспитательницъ дѣлаетъ наши женскія гимназіи учрежденіемъ чисто-казеннымъ, но отнюдь не воспитательнымъ и развивающимъ; изъ гимназіи выходятъ то тупицы, то въ высшей степени ограниченныя и неразвитыя дѣвушки, кокорыя, пройдя курсъ, черезъ годъ его забываютъ, а такъ какъ развитіе не можетъ стоять неподвижно на одной точкѣ, то слѣдовательно—онѣ пятятся назадъ; обезпеченныя дѣвушки выходятъ замужъ, изъ нихъ выходятъ хорошія хозяйки и провинціальныя дамы, а иногда и плохія матери; если онѣ небогаты,—ведутъ трудовую жизнь, изъ нихъ выходятъ учительницы, весьма ограниченнаго ума и относящіяся только формально къ своимъ обязанностямъ; если же онѣ берутся за гувернантство, то тогда не надо хуже: я лично испытала всю прелесть рутиннаго воспитанія дѣвушками неразвитыми и понятія не имѣющими о воспитаніи. Неудивительно, что исключенія рѣдки, и то еще хорошо, что они есть, это значитъ, что гимназіи еще не совсѣмъ забиваютъ; впрочемъ, наиболѣе развитыя развиваются уже внѣ вліянія гимназіи.

Наконецъ, я отыскала наши курсы. Скромная витринка съ

фотографіями нашего интерната и аудиторій; небольшая полочка съ книгами отчетовъ общества для доставленія средствъ В. Ж. К., сверху—планъ зданія курсовъ, — вотъ и все, чѣмъ представлено единственное въ Россіи высшее женское учебное заведеніе. Ни научныхъ работъ слушательницъ, ни модели зданія... все выставлено такъ скромно, точно старается спрятаться отъ взоровъ любопытныхъ. Около витрины сидѣла дѣвушка, что называется, сѣренькой наружности, съ виду немолодая, съ темными, гладко-гладко причесанными волосами, положенными въ маленькую косу на затылкѣ, въ очкахъ, въ черномъ поношенномъ платьѣ, сшитой блузой съ юбкой и опоясанная темнымъ ремешкомъ. По внѣшности она соотвѣтствовала именно тому классическому, если можно такъ выразиться, типу курсистки, представленіе о которомъ коренится еще въ 60-хъ годахъ, и который приводитъ въ ужасъ провинціальныхъ дамъ, вызываетъ гримасу неудовольствія у гг. мужчинъ, которые навѣрно воспользовались этимъ случаемъ, чтобы наглядно убѣдиться, что ихъ шаблонныя представленія объ учащейся женщинѣ, какъ о существѣ „неженственномъ"—оправдались блистательно. Она до того подходила подъ это, у большинства укоренившееся, представленіе о внѣшнемъ видѣ курсистокъ, что мнѣ даже досадно стало: неужели не могли посадить никого другого? если уже побѣждать общественные предразсудки, то доказывая при возможности наглядно всю ихъ неосновательность. Такъ и тутъ: можно было выбрать кого-нибудь изъ насъ, по наружности хотя и бы и не красивой, но уже и не такую шаблонно-типичную,— безъ очковъ, и не въ этомъ костюмѣ... Можетъ быть эта дѣвушка и мила, и умна,—словъ нѣтъ, и мы, т. е. слушательницы, на наружность, конечно, не обращаемъ вниманія; но тутъ дѣло касается публики, пріѣхавшей сюда изъ всѣхъ краевъ нашего отечества, изъ далекой провинціальной глуши, гдѣ господствуютъ подчасъ самые невозможные взгляды на женщинъ. Теперь поспорь кто-нибудь съ провинціальными дамами, попробуй доказать, что ихъ опасенія измѣненія наружности дочери, въ случаѣ ея поступленія на курсы, неосновательно... онѣ всѣ возразятъ, и по своему будутъ правы: „нѣтъ, молъ, сами видѣли, каковы онѣ, курсистки"... И досадно, что приходится обращать вниманіе на такія мелочи, но съ общественными предразсудками ничего не подѣлаешь: отголоски 60-хъ годовъ, когда русскія женщины, по несчастью увлекшись эмансипаціоннымъ движеніемъ, впали въ крайности, хотя и ненадолго, живы и до сихъ поръ.

Въ павильонѣ Церкви-Школы меня очень заинтересовалъ миссіонерскій отдѣлъ, противъ сектантовъ и раскольниковъ. Я съ интересомъ разсматривала карты мѣстностей южной Россіи, сплошь зараженныя штундой, слушала объясненія г. Скворцова (ред. журнала „Миссіонерскаго Обозрѣнія") и разсматривала фотографіи выдающихся вождей сектантства. Какія умныя, вдохновенныя лица! Каждое изъ нихъ поражаетъ своимъ энергическимъ выраженіемъ: глаза такъ ясно говорятъ о благѣ душевной жизни, лицо—сама мысль... Невыразимая жалость къ этимъ людямъ наполняетъ сердце, когда посмотришь на фотографіи. Сколько усилій ума, работы мысли, сколько дарованія нашло себѣ такой исходъ! Сколько бы принесли эти люди пользы, если бы въ моментъ зарожденія самостоятельной работы мысли были поставлены подъ твердое руководство, и нашли бы себѣ удовлетвореніе у своихъ руководителей. Но въ томъ-то и дѣло, когда пастухъ дремлетъ—стадо можетъ разойтись въ разныя стороны. Наше духовенство—прямой по положенію нравственный руководитель народа,—по своему тяжелому матеріальному положенію само такъ забито и придавлено, что осуждать его за то, что оно во-время не замѣтило такого движенія въ своихъ приходахъ,—какъ-то языкъ не поворачивается, хотя прежде всего обвиняютъ его. Я поговорила объ этомъ съ г. Скворцовымъ, и онъ далъ мнѣ свою книжку „Существенные признаки и степень вредности мистическихъ и раціоналистическихъ сектъ"... и даже предложилъ заняться миссіонерствомъ, такъ какъ онъ хочетъ устроить теперь нѣчто подобное изъ сельскихъ учителей и учительницъ.

Отдѣлъ церковно-приходскихъ школъ... Но что сказать о немъ? Конечно, видно было, какъ устроители постарались показать ихъ на высотѣ задачи. Отчасти имъ это удалось, хотя я и не нашла, читая интересные отчеты, сколько ихъ существуетъ. Жаль, что съ церковно-приходской школой связывается извѣстная тенденція,—школы, въ сущности, должны быть только школой, а не служить еще и мѣстомъ распри за названіе... Приходская библіотека... вотъ самая простая, какую навѣрно позволено будетъ имѣть при каждой школѣ.

Даже бѣглый обзоръ научно-учебнаго отдѣла ясно показываетъ, какое движеніе въ пользу народнаго образованія происходитъ теперь... Мы все-таки идемъ впередъ... quand même!..

За недостаткомъ времени—прекращаю описаніе видѣннаго. Выставка производитъ сильное впечатлѣніе: она, такъ сказать,

представляетъ Россію въ миніатюрѣ, всю ея работу, всѣ ея успѣхи и недостатки. И то и другое есть и ясно видно; но еще виднѣе то, что мы работаемъ, что Россія развивается... хотя бы и не такъ благополучно, какъ хотѣлось бы всякому, не такъ быстро, а все же она движется... Иногда, смотря на бѣдный отдѣлъ народныхъ школъ, невольно вспоминалась богатая обстановка и научныя пособія американской школы; но я вспомнила весь ходъ нашей исторіи, стараясь доказать себѣ всю непослѣдовательность моихъ разсужденій.

Петербургъ, 9 октября.

Вотъ уже девятый день, какъ я не знаю, что со мною дѣлается.

Какъ это случилось? Я помню, что въ Покровъ, вечеромъ, сидѣла по обыкновенію надъ книгой, потомъ—задумалась... Мнѣ вспомнилась послѣдняя лекція геологіи Мушкетова, въ которой онъ излагалъ Канто-Лапласовскую гипотезу происхожденія міра, и его предстоящую погибель по этой же гипотезѣ,—вслѣдствіе охлажденія солнца...

Вдругъ, какъ молнія, въ головѣ мелькнула мысль: „къ чему же, зачѣмъ же въ такомъ случаѣ созданъ міръ? Вѣдь все равно, рано или поздно, онъ долженъ погибнуть? Зачѣмъ же онъ созданъ?“

Я вздрогнула и вскочила съ мѣста... вся моя жизнь, жизнь всего міра вдругъ показалась мнѣ такою величайшей безсмыслицей, такою жалкою, такою ничтожною.. Что же мы-то представляемъ на этой планетѣ? въ силу чего мы существуемъ на ней?

Голова пошла кругомъ... Это ужасное:—зачѣмъ?—выросло до колоссальныхъ размѣровъ, все закрыло предо мною и придавило меня своею тяжестью... На землѣ столько страданія... рано или поздно—оно все равно погибнетъ... весь міръ погибнетъ...

О, если бы я была матеріалистка! еслибъ я не вѣрила въ безсмертіе души! Съ какою бы радостью, однимъ выстрѣломъ изъ револьвера разрѣшила бы я задачу жизни!

Я бы умерла со спокойной и гордой улыбкой, въ твердой увѣренности, что я—часть природы, исчезну безслѣдно, сольюсь съ ней, и что я вправѣ это сдѣлать, если хочу.

А теперь? разъ я вѣрю въ безсмертіе души—что мое собственное „я“ никогда не уничтожится, что мнѣ отъ смерти? вѣдь я же знаю, что я и послѣ нея буду существовать... изъ земной

жизни, которая мнѣ все-таки извѣстна, я перейду... въ худшее ли, лучшее ли—все равно, неизвѣстно. Душа моя безсмертна. Въ силу чего же явились мы на землѣ и для чего?

Я пробовала разобрать вопросъ съ этической и религіозной точекъ зрѣнія.

Я вспомнила лекцію Введенскаго „Условіе допустимости вѣры въ смыслъ жизни", гдѣ онъ доказывалъ, что смыслъ жизни заключается въ исполненіи нравственнаго долга, который предписываетъ намъ служеніе всеобщему счастію. Но такъ какъ всеобщее счастіе на землѣ неосуществимо, что доказывается сочиненіями философовъ и поэтовъ всѣхъ временъ и всего міра, то мы вправѣ вѣрить, что оно осуществится въ посмертной жизни, что „исполненіе мною нравственнаго долга искупляетъ всякое зло, испытываемое не мною, а другими... что это зло превратится даже въ добро, и что оно примиритъ съ испытаннымъ зломъ не только того, кто самъ претерпѣлъ, его, но и всѣхъ тѣхъ, кто, служа нравственному долгу, велъ какъ бы безплодную борьбу для освобожденія міра отъ зла". Такимъ образомъ онъ доказалъ, что при пониманіи смысла жизни въ служеніи нравственному долгу, а этого долга—какъ служенія всеобщему счастію,—вѣра въ смыслъ жизни оказывается логически непозволительной безъ вѣры въ безсмертіе, ибо всеобщее счастіе неосуществимо, если нѣтъ безсмертія. Онъ доказалъ такъ ясно и логически правильно возможность вѣры въ безсмертіе души, что я, всегда вѣрившая въ него, но считавшая это областью вѣры, почти невозможной для доказательства какимъ бы то ни было путемъ, пришла въ восторгъ отъ такого яснаго, простого доказательства *съ логической точки зрѣнія*.

Я вѣрю и въ нравственный законъ. Но все-таки это не разрѣшало вопроса: становясь на точку зрѣнія Введенскаго, принимая во вниманіе исполненіе нравственнаго долга съ вѣрою въ искупленіе этимъ исполненіемъ зла земной жизни въ посмертной,—я не могла отвѣтить себѣ на свое „зачѣмъ?" почему вся жизнь устроена такъ...

Развѣ нельзя было бы обойтись безъ земной жизни?—вѣдь въ силу этого мы должны жить на землѣ цѣлую жизнь, зная, что въ концѣ-концовъ весь этотъ міръ, въ которомъ мы живемъ, въ которомъ преслѣдуемъ столько цѣлей, плановъ, испытываемъ столько горя и страданій,—разрушится? Неужели-же *такая наша жизнь* такъ необходима для осуществленія всеобщаго счастія, въ

томъ видѣ, какъ говоритъ Введенскій? Въ силу какой случайности явились мы на землѣ—существа, одаренныя разумомъ и безсмертною душою? Не говорю уже о вопросѣ о происхожденіи зла на землѣ...

Съ религіозной точки зрѣнія... мнѣ было еще тяжелѣе. Въ самомъ дѣлѣ: насъ ожидаетъ безсмертіе, но какое?—Праведникамъ обѣщается *вѣчная блаженная жизнь*, грѣшникамъ—*вѣчное мученіе*; и въ Писаніи сказано: „много званныхъ, но мало избранныхъ“... Ученіе Церкви раздѣляетъ такимъ образомъ всѣхъ на праведныхъ и грѣшныхъ, и въ результатѣ выходитъ опять то, что счастливы будутъ только немногіе; а масса, испытавшая столько и здѣсь, на землѣ,—окажется обреченной на вѣчныя муки въ будущей жизни...

И мнѣ невольно вспомнилась статуя Залемана, изображающая усталое, вѣчно стремящееся впередъ человѣчество, съ надписью:

Il tanto affaticar che giova?

(*Данте*).

Помню, какъ меня охватила безконечная усталость, когда я остановилась передъ этой статуей... и мнѣ захотѣлось самой сейчасъ же уничтожиться, съ закрытыми глазами медленно погрузиться въ Нирвану... исчезнуть, слиться съ природой, какъ часть ея.

И опять это ужасное: почему же все это устроено такъ, а не иначе? вставало предо мною;—забытый вопросъ, который занималъ меня одно время, когда я была еще подросткомъ и размышляла о будущей жизни: почему же все-таки немногіе будутъ счастливы, отчего Богъ устроилъ все такъ,—этотъ старый вопросъ всталъ опять вновь предо мною во всей своей ужасной ясности.

Я чувствовала себя подавленной, уничтоженной... Часы шли—я ихъ не замѣчала...

Поздно вечеромъ я подняла голову, посмотрѣла на икону, хотѣла было опуститься на колѣни, и... не могла: ни словъ, ни мыслей, ни настроенія—ничего у меня не было на сердцѣ для молитвы въ эти минуты.

Я легла спать. Рука не сдѣлала обычнаго движенія—крестнаго знаменія... Все точно замерло во мнѣ...

На другой день я встала съ тѣмъ же вопросомъ, за что бы я ни бралась,—всюду меня онъ преслѣдовалъ, и мнѣ казалось еще безсмысленнѣе какъ свое, такъ и существованіе другихъ.

И такъ всѣ эти дни. Я почти не могу ничѣмъ заниматься, на сердцѣ такъ тяжело... Теперь передо мной лежала раскрытая книга—„Боярская дума"—и какое мнѣ было дѣло до всѣхъ этихъ бояръ, окольничихъ, думныхъ дьяковъ?...

И упавъ головой на столъ, я плакала горькими, неудержимыми слезами... не стыдясь своихъ слезъ... Я была одна со своимъ отчаяніемъ, никто меня не видѣлъ, да и кто бы могъ мнѣ помочь?

Какъ завидовала я всѣмъ матеріалистамъ! Какъ счастливы они своимъ сознаніемъ, что нѣтъ никакого безсмертія, что они могутъ умереть съ полнымъ сознаніемъ того, что уже не будутъ жить послѣ смерти!

Я рѣшила обратиться къ Введенскому; можетъ быть онъ хоть что-нибудь сумѣетъ отвѣтить на мой вопросъ...

13 октября.

Прошло уже нѣсколько дней... Я спрашивала Введенскаго; конечно, онъ ничего не могъ отвѣтить мнѣ на такой вопросъ, прямо сказавъ, что я спрашиваю его, въ сущности, о невозможномъ. Я почувствовала, что сдѣлала большую глупость, тѣмъ болѣе, что за эти дни я уже и не ожидала отъ него никакого отвѣта... Но думаю, воспользуюсь случаемъ и спрошу его, нѣтъ ли такого сочиненія въ духѣ матеріалистовъ, которое могло бы разбить всякую вѣру въ безсмертіе. Онъ засмѣялся.—„Такого сочиненія нѣтъ... вѣдь вы уже слышали, что матеріализмъ, какъ и дуализмъ, не доказуемъ, слѣдовательно теперь, послѣ моихъ лекцій, никакое матеріалистическое сочиненіе не докажетъ вамъ, что не существуетъ возможность вѣры въ безсмертіе".—Но мнѣ хотѣлось бы отдѣлаться отъ этой точки зрѣнія, потому что въ такомъ случаѣ гораздо легче жить, и легче умереть...—„Попробуйте... прочтите „Stoff und Kraft" Büchner, или „Wissenschaft und Völkerglaube". Въ первомъ—вы найдете, такъ сказать, всю суть матеріализма; книга очень распространенная, ея вышло уже 19 изданій. Только она вамъ теперь ничего не докажетъ... Попробуйте, прочтите"... сказалъ онъ спокойнымъ и увѣреннымъ тономъ. Рѣшивъ воспользоваться случаемъ до конца, я спросила его, почему при мысли о вѣчности, при одной попыткѣ представить себѣ ее, которая мнѣ никакъ не удается, меня охватываетъ ужасъ... отчего это? Или оттого, что мы не

можемъ вообразить себѣ вѣчное существованіе, или же просто зависитъ отъ индивидуальности? — „Оттого, что мы дѣйствительно не въ силахъ представить себѣ вѣчность; вы хотите представить себѣ невозможное, вы истощаете себя понапрасну, отъ этого и происходитъ ужасъ. Вѣчность можно мыслить, но представлять себѣ ее нельзя. Попробуйте вообразить круглый квадратъ, т. е. невозможное. Будете стараться вообразить и тоже въ концѣ-концовъ придете въ ужасъ". (Я потомъ сообразила, что если бы возразить ему, что круглый квадратъ, въ сущности, безсмыслица, и что его нельзя сравнивать съ вопросомъ о вѣчности; но изъ-за выраженія—не стоило спорить, результатъ былъ все тотъ же).— Это былъ единственный, вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ, и я осталась довольна, что спросила его объ этомъ, такъ какъ вопросъ о вѣчности тоже мучитъ меня. Мы говорили наединѣ и весь нашъ разговоръ продолжался лишь нѣсколько минутъ, потомъ я поклонилась и ушла...

Вчера я слушала вступительную лекцію по естествознанію у одного молодого лектора, нынѣшней весною кончившаго курсъ въ университетѣ; онъ знакомый нашей В—ой, и предложилъ устроить чтеніе лекцій у себя на дому для желающихъ, которыхъ собралось человѣкъ 25. Не скажу, чтобы лекція меня заинтересовала; штука давно извѣстная: начинается съ изложенія теоріи матеріи, затѣмъ переходъ къ атомизму, словомъ — матеріализмъ чистой воды. Мнѣ эта увѣренность въ существованіи матеріи и невообразимо-мелкихъ атомовъ казалась почти-что смѣшной: привыкнувъ къ строгимъ логическимъ выводамъ Введенскаго, я находила страннымъ изложеніе, начинающееся съ понятія матеріи, и не доказывающее научно, строго логически, ея существованіе.

18 октября.

Я спрашивала невозможное.

Недавно, въ воскресенье, я занималась, снова усердно читая „Боярскую думу", и въ концѣ-концовъ, я все-таки отодвинула книгу въ сторону... Тогда я услышала звонъ къ обѣднѣ; — это напомнило мнѣ время, когда я сама ходила въ церковь.

Вернуться къ вѣрѣ?... принять опять то христіанское міросозерцаніе, которое даютъ намъ съ дѣтства, даютъ готовымъ, со всѣми его высокими нравственными идеалами. Но что мы потомъ изъ него дѣлаемъ? Развѣ вся та масса, которая извѣстна подъ

названіемъ „христіанъ“ и „вѣрующихъ“, дѣйствительно христіане и вѣрующіе? Развѣ многіе вдумываются въ истинный смыслъ религіи, въ тѣ высокіе нравственные идеалы, которые она представляетъ намъ, и которые были такъ живы въ первыя времена христіанства?

Прошли вѣка; Святая Церковь оффиціально признана со всѣми ея уставами, обрядами, ученіями, всѣ цивилизованныя націи—христіанскаго вѣроисповѣданія; какъ же она понимается въ различныхъ слояхъ общества? Низшій классъ, масса, вѣруетъ, чувствуя, что есть что-то Высшее, что не вѣрить—нельзя, что это такъ надо, они усваиваютъ себѣ всѣ обряды... вѣруютъ немудро, но твердо. Если и пробуждается самостоятельная мысль, она никакъ не можетъ найти удовлетворенія въ окружающей средѣ; но мысль, разъ пробужденная, требуетъ исхода, возникшіе вопросы требуютъ отвѣта... И кто скорѣе отвѣтитъ, къ тому пойдетъ простой человѣкъ... Далѣе,—какъ живетъ общество, „интеллигенція“ всякаго рода, обладая средствами образованія? — Мы, люди „развитые“, въ большинствѣ—„всѣ вѣрующіе“ --ходимъ въ церковь, вздыхаемъ о своихъ грѣхахъ, даже сокрушаемся о нихъ и... продолжаемъ все-таки жить „какъ всѣ“, т. е. по установленному шаблону, отъ котораго далеки нравственные идеалы... Родятся у насъ дѣти, по церковному обряду ихъ крестятъ; затѣмъ „воспитываютъ“ опять-таки по разъ установленному шаблону: тамъ учительницы, гимназія, университетъ и служба для мужчинъ, гимназія и замужество для дѣвушки. Послѣ „устройства“ молодого поколѣнія мы съ радостью смотримъ на ихъ счастье, если они имъ пользуются, и печалимся, когда ихъ постигаютъ неудачи. Затѣмъ—мы продолжаемъ жить своею личною жизнью, занятою дѣлами удовольствіями, общественными отношеніями... И такъ—все время до конца жизни. Иногда—мы умираемъ, насъ хоронятъ по обряду Церкви, за насъ молятся... и все... и это все? — да. И во всей этой жизни, которою живетъ масса общества, нѣтъ ни искорки пониманія истиннаго смысла той религіи, которую они, по собственнымъ словамъ, исповѣдуютъ. Тотъ высшій идеалъ, который она проповѣдуетъ—стремленіе къ нравственному совершенствованію—совершенно игнорируется всѣми, а между тѣмъ въ этомъ-то и весь смыслъ. Кто задумывается въ наше время надъ этимъ вопросомъ при вступленіи въ жизнь, при вступленіи въ бракъ, при воспитаніи дѣтей, при прохожденіи всего жизненнаго пути, кто руководствуется этимъ принципомъ?—Да рѣшительно никто,

всѣ точно забываютъ о его существованіи. И что же выходитъ? Дѣти выростаютъ нравственно чуждыя родителямъ, не связанныя съ ними этою самою прочною связью, какая только можетъ быть: они идутъ своей дорогой, взгляды двухъ поколѣній расходятся; родители бываютъ недовольны молодымъ поколѣніемъ, говоря, что „нынѣшняя молодежь хуже прежней", чувствуютъ, какъ пропасть между ними становится все глубже; и хорошо еще, если дѣло не дошло до борьбы. Многіе ли родители понимаютъ своихъ дѣтей, знаютъ ихъ душу, входятъ въ ихъ внутренній міръ? Многіе ли мужья живутъ со своими женами вполнѣ общею жизнью, не только внѣшнею, но и внутреннею: умственною и нравственною? Въ большинствѣ случаевъ, вступая въ бракъ, не думаютъ ни о какой жизни, ни о дѣтяхъ, ни о своей нравственности, даже когда любятъ свою жену. Вступаютъ въ бракъ—опять подчиняясь внѣшней обрядности, необходимости и только. Въ результатѣ — прожитая жизнь современнаго интеллигента, когда она направлена даже къ высшимъ этическимъ цѣлямъ служенія ближнему на разныхъ поприщахъ — все-же является лишенной самаго важнаго — *этого* внутренняго содержанія. А сколько такихъ у насъ, на Руси. И не счесть... И вотъ, въ результатѣ всѣ мы „православные христіане", числимся исповѣдующими православную вѣру, подчиняясь преимущественно обрядамъ; мы въ данномъ случаѣ ничѣмъ не отличаемся отъ лишенныхъ образованія низшихъ классовъ, но существенно хуже ихъ . . . . .

На словахъ и по внѣшности мы признаемъ религію, но внутренняго смысла ея не понимаемъ, вѣрнѣе — не вдумываемся, и знать не хотимъ.

Жестокой ироніей звучитъ это слово: „вѣрующій". Ищите ихъ! Развѣ въ монастыряхъ найдешь нѣсколько, да въ нѣкоторыхъ семьяхъ, гдѣ есть старыя бабушки, да нѣкоторыхъ изъ тѣхъ „униженныхъ и оскорбленныхъ", вся жизнь которыхъ представляетъ одно бѣдствіе или горе, и единственнымъ утѣшеніемъ которыхъ можетъ служить религія. Когда намъ говорятъ о любви— мы выслушиваемъ, но тотчасъ же забываемъ,—такъ у насъ много дѣлъ и заботъ, что едва-едва хватаетъ времени со всѣмъ управиться. Таковы мы, называющіе себя „вѣрующими". Мы очень удобно чувствуемъ себя въ окружающей насъ обстановкѣ, и спокойно проходимъ нашъ жизненный путь; лишь предъ смертью, можетъ быть, у нѣкоторыхъ мелькаетъ сознаніе того, что жизнь, пожалуй, прожита не такъ, какъ слѣдуетъ, но на порогѣ вѣчности уже поздно размышлять объ этомъ.

И выходитъ—Смерть Ивана Ильича, Толстого.

Когда я думала о жизни, которая, куда ни посмотри, всюду такъ складывается, все казалось мнѣ такъ безотрадно, точно все подернулось траурнымъ флеромъ. Я думала даже о любви, о томъ чувствѣ, которое, какъ говорятъ, доставляетъ столько радости, но и тутъ мнѣ представились сейчасъ же дѣти, какъ слѣдствіе брака, и ихъ современное воспитаніе; возникло сомнѣніе: сумѣю ли я ихъ воспитать, какъ должно? И вся прелесть любви, о которой я столько читала, разсѣялась, какъ дымъ...

И меня вдругъ неудержимо потянуло вдаль отъ этого міра куда-то далеко, а куда—и сама не знаю...

Это было уже знакомое чувство. Я вспомнила, какъ въ дѣтствѣ оно охватывало меня, когда я увлекалась чтеніемъ Житій Святыхъ, когда чтеніе исторіи о Страданіяхъ Спасителя и Его послѣдней бесѣдѣ съ учениками въ моемъ маленькомъ учебникѣ, волновало меня до слезъ... тогда я мечтала уйти въ Египетъ, или куда-нибудь въ пустыню, поселиться въ пещерахъ... Конечно, ребенкомъ, я представляла себѣ лишь внѣшнія обстоятельства жизни, но теперь,—то, что неудержимо тянуло меня невѣдомо куда, только прочь отъ этого міра—теперь оно встало предо мной съ изумительною ясностью. Кажется, случись тутъ подлѣ меня монашеское платье, я, не колеблясь, тотчасъ же надѣла бы его и пошла въ какой-нибудь монастырь.

Что же это со мною дѣлается? Я упала головой на книгу, и опять заплакала, какъ и тогда.

Что же со мною?... И я сама не могу отвѣтить на этотъ вопросъ... и въ отчаяніи снова думаю о томъ, что чѣмъ жить лучше было бы вовсе не существовать, если бы Stoff und Kraft могли убѣдить меня! Ни минуты не стала бы жить дольше.

Я старалась овладѣть собою... Такое состояніе немыслимо, надо какъ-нибудь, что-нибудь...

„Таковъ печальный конецъ земли. Мы можемъ утѣшиться только тѣмъ, что онъ является дѣломъ неопредѣленно-далекаго будущаго“... раздается въ моихъ ушахъ мѣрный и спокойный голосъ Мушкетова, въ которомъ чуть-чуть слышался дѣйствительно печальный оттѣнокъ...

29 октября.

Занимаюсь, посѣщаю лекціи, въ результатѣ на провѣрку является то же: дѣлаю слишкомъ мало, способности слишкомъ невелики, память—о, несчастье!...

Вернусь къ прошлому, чтобы постепенно разсмотрѣть причину всѣхъ причинъ.

Еще когда я жила дома, года три тому назадъ, или немного даже раньше, я начала замѣчать, что моя память, прежде такая хорошая, понемножку начинаетъ мнѣ измѣнять; я тогда уже не училась и тогда провѣрять свою память, такъ сказать, оффиціально, по степени усвоенія уроковъ, мнѣ не было возможности, но все-таки я замѣчала, что помню гораздо хуже прежняго. Потомъ стала еще хуже: иногда, сначала очень рѣдко, почти незамѣтно, чуть-чуть я чувствовала странное ощущеніе сжатія головы въ вискахъ; душевное настроеніе сдѣлалось особенно чуткимъ ко всему непріятному; малѣйшая непріятность, слово, пустякъ—производили на меня такое тяжелое впечатлѣніе, повергали меня въ такое угнетенное состояніе, отъ котораго отдѣлаться было крайне трудно; наконецъ, мое стремленіе учиться и та несчастная жизнь, которую я принуждена была вести противъ воли, то страданіе, которое причиняла мнѣ вѣчная неудовлетворенность всѣмъ окружающимъ, постоянное нравственное мученіе, сознаніе пустоты и пошлости окружающей среды, безсмысленности своей жизни, жестокость матери, когда грудь готова была разорваться отъ рыданій, а мать, вмѣсто утѣшенія, смѣясь уходила въ другую комнату... О, это уже слишкомъ!... при одномъ воспоминаніи такая буря готова подняться въ груди... Я постоянно чувствовала не то страшную нравственную усталость, не то—не знаю что, но все меня разстраивало; занимаясь эти годы нѣмецкимъ языкомъ, я замѣчала, что даже самое легкое изученіе подвигалось довольно плохо... я все забывала... и чѣмъ далѣе—тѣмъ труднѣе становилось помнить правила, литературу. За послѣднее время, передъ отъѣздомъ на курсы, я сблизилась съ Валей, читала съ нею вмѣстѣ Милля, не чувствуя уже себя такой одинокой въ семьѣ, какъ прежде, но, увы! самое чтеніе, изученіе политической экономіи не принесло уже мнѣ пользы: я отлично помню, что прочтемъ, бывало, главу изъ Милля, но передать ее я не могу, *не помню* и готова хоть снова начинать. Книги, которыя приходилось читать, я скоро позабывала; въ 19 лѣтъ я начала замѣчать, что мнѣ иногда даже трудно ясно выразить свою мысль: въ разговорѣ я не вдругъ могла подыскать нужныя выраженія, въ письмѣ—тѣмъ болѣе. И вотъ въ дневникѣ моемъ и въ письмахъ чаще и чаще начинаютъ попадаться помарки... я хочу написать, а фраза никакъ не выходитъ и чѣмъ дальше—

тѣмъ хуже. Не передать того ужаса, который иногда охватывалъ меня; когда я начинала всматриваться въ свое, такъ сказать, умственное состояніе: временами мнѣ казалось, что я начинаю сходить съ ума... Я боялась даже въ дневникѣ признаться себѣ самой въ этой мысли,—и въ то же время я чувствовала себя физически здоровой, мои поступки, мысли—все было вполнѣ нормально, за исключеніемъ того страннаго ощущенія сжиманія головы, которое время отъ времени повторялось, иногда доходя до боли. Это меня и сбивало съ толку; тогда я начинала думать: значитъ, можетъ быть, это *только начало*, а потомъ неизвѣстно что будетъ? И дикій, почти паническій ужасъ доводилъ меня до невозможнаго нервнаго состоянія...

И такъ шло время.—Никто не замѣчалъ ничего, такъ какъ надо было хоть немного понимать душу человѣческую, хоть немного болѣе любить близкаго человѣка, чтобы замѣтить во мнѣ что-нибудь; никто изъ нашей семьи не былъ на это способенъ. Жизнь дома была такъ невыносимо-тяжела, и, несмотря на все стараніе, непріятности были неизбѣжны; сношеній съ матерью, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ, я избѣгала, и даже съ сестрами не говорила никогда и ничего о своемъ будущемъ, о курсахъ,—напоминаніе о нихъ было бы только мученіемъ для меня... онѣ тоже молчали. Словомъ, годы страданія взяли свое... Оттого-то мнѣ все такъ трудно и давалось за послѣднее время... И я была уже не та: мои прежнія способности, я чувствовала, измѣнили мнѣ, память была потеряна, нервы, вся я—все было уже не то... Наконецъ—этотъ ужасный день 20 августа, адски хитрый и жестокій поступокъ матери со мной, эта поѣздка въ Петербургъ... Зная, что я *живу только надеждою на свободу и предстоящую возможность учиться*,—исподтишка мнѣ нанесли такой ударъ, неожиданность и послѣдствіе котораго могли бы сломить другую натуру...

И вотъ послѣ всего пережитаго, послѣ всѣхъ испытаній, я, наконецъ, достигла своей „земли обѣтованной“—поступила на курсы. Я чувствовала, что нервное мое состояніе было прямо ужасно: я была точно разбитое фортепіано, до котораго нельзя было дотронуться, оно издавало фальшивый, дребезжащій звукъ. Я не была зла, но мнѣ было очень стыдно, когда лица, знавшія меня ближе и симпатизировавшія мнѣ, дружески уговаривали меня не быть такою рѣзкою въ обращеніи съ посторонними;—такое раздраженіе являлось невольно: болѣзненное состояніе не давало возможности владѣть собою...

Лекціи... наука!.. Все, къ чему я такъ стремилась, наконецъ было достигнуто! Я—на курсахъ... профессора, книги,—все теперь было у меня. Я дышала полною грудью, первое время была точно въ чаду; но зато и сознаніе своего невѣжества встало предо мною съ поразительною ясностью, причиняя мнѣ большое страданіе, такимъ тяжелымъ камнемъ ложилось въ душу, дѣйствуя на меня самымъ угнетающимъ образомъ. Я схватилась за книги, не сообразивъ одного,—хватитъ ли моихъ силъ на такія занятія?—мнѣ хотѣлось обнять все сразу, изучить и описать... Не забыть мнѣ никогда того ужаса, который охватилъ меня, когда я взялась за перо для реферата по русской исторіи... Я, оказалось, *не могла* ничего писать! Читала-читала — и никакъ не могла передать словами прочитаннаго... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого. Что же? Вѣдь, такимъ образомъ, я и заниматься-то не могу. Но отказаться было поздно... Помню, какъ я еле-еле могла написать изложеніе статьи... страшнаго труда стоило это... 6 часовъ употребила я на изложеніе того, на что въ прежнее время у меня ушло бы втрое меньше. Но худшее было впереди: когда я, вся дрожа отъ волненія, взошла на каѳедру и прочла свое изложеніе, то услышала потомъ замѣчанія отъ тѣхъ изъ первокурсницъ, кто мало-мальски могъ критически отнестись къ читанному:—„да вы, Д—ва, только сократили статью Кавелина и изложили ея содержаніе. Это простое переложеніе“ — говорили мнѣ онѣ разочарованнымъ тономъ. Недовольныя были совершенно правы, и я, вернувшись въ свою комнату, сообразивъ все, поняла, какую громадную ошибку сдѣлала, взявшись не за свое, въ сущности дѣло... О, какъ мнѣ было стыдно! какъ мучительно было сознавать мнѣ въ 21 годъ всю бездну своего невѣжества и неспособности... А тутъ еще неудачныя знакомства, не менѣе неудачное вступленіе въ „кружокъ“,—заставили меня смотрѣть на курсистокъ такимъ мрачнымъ взглядомъ, такъ критически относиться къ нимъ, что я не могла поневолѣ ни съ кѣмъ сойтись ближе, и недовольство окружающими росло еще съ большей силою...

1 ноября.

Продолжаю воспоминанія.

Вскорѣ наступили экзамены. Я чувствовала себя день ото дня хуже: сдавливаніе головы, какъ въ тискахъ, стало сильнѣе давать себя знать, память отказывалась служить, я, тѣмъ не менѣе, не

обращаюсь къ доктору; временами я безъ силъ бросалась на постель и лежала долго, неподвижно: мой внѣшній видъ начиналъ обращать на себя вниманіе... Мнѣ совѣтывали беречься. До этого ли было мнѣ, когда я рѣшила сдать ускоренно всѣ экзамены, чтобы уѣхать на свадьбу сестры? И вотъ началось...

Мое критическое отношеніе къ своимъ познаніямъ, подготовка къ экзамену древней исторіи—такъ ясно показала мнѣ необходимость знанія древнихъ языковъ для занятія древней исторіей, что изученіе двухъ учебниковъ для экзамена по исторіи Греціи, казалось мнѣ просто кукольной комедіей, позоромъ, а я сама, изучавшая ихъ, недостойна званія курсистки. Въ 21 годъ быть такой жалкой полу-ученицей! — когда многія въ мои годы бывали уже или на 4-мъ курсѣ, или, по меньшей мѣрѣ, на 3-мъ! — когда въ прежніе годы въ этотъ возрастъ получали уже каѳедры!

Вспоминая теперь себя, я могу сказать, что была похожа въ это время на несчастную, сверхъ мѣры нагруженную лошадь, которая еле-еле держится на ногахъ, но все-таки везетъ возъ къ дому, подгоняемая кнутомъ возницы... Послѣдній мѣсяцъ — это было что-то невозможное,—я не жила, а „горѣла", по выраженію нашихъ интернатокъ: переживая массу разныхъ впечатлѣній, съ восторгомъ занося ихъ въ свой дневникъ, я въ то же время сдавала все время по два экзамена сразу... Но, чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе давалось мнѣ все, силы начинали мнѣ измѣнять. Часто, пробившись нѣсколько часовъ кряду надъ однимъ билетомъ, и все-таки ничего не запоминая, я въ отчаяніи бросалась на постель, ломая руки, и не понимая, что со мною дѣлается. О, если бы могли меня видѣть въ эти минуты всѣ тѣ, которыя удивлялись и завидовали мнѣ!—„Д—ва, да вы сколько сдали? Опять два сразу? Ну, это удивительно! Да, сколько же вамъ еще осталось? только два? Вотъ, счастливица-то! вотъ способности-то!" — слышала я... и уже не пробовала разувѣрять ихъ. Что сказали бы онѣ о моихъ способностяхъ, если бы сквозь запертую дверь моей комнаты могли видѣть, какъ я въ безсильномъ отчаяніи падала на кровать, закрывъ глаза, не понимая тогда *ни слова* изъ прочитаннаго... Помню я, какъ на экзаменѣ русскаго языка вынула совсѣмъ нечитанный билетъ; какъ по славяновѣдѣнію не могла отвѣтить на простѣйшій вопросъ; на экзаменѣ древней исторіи я вдругъ забыла моментально все, что слѣдовало сказать о философіи до Сократа, хотя знала этотъ отдѣлъ довольно хорошо. Самоувѣренность, съ какою я отвѣчала профессору (котораго у насъ считаютъ полнымъ

ничтожествомъ), спасла меня отъ его придирокъ и провала. Однако, въ общемъ выходило какъ-то такъ, что я знала прочитанный курсъ и выдерживала испытанія... Какъ? я и теперь не знаю и удивляюсь. Но есть предѣлъ всему. Экзаменъ логики, самый трудный, былъ для меня послѣднимъ по числу; я уже не въ силахъ была болѣе заниматься... И лошадь плетется подъ кнутомъ, только пока силъ хватаетъ: рано или поздно упадетъ же... И я упала. Да еще какъ! Готовясь къ логикѣ, и зная, что въ головѣ моей нѣтъ уже ни на іоту ни соображенія, ни памяти, я рѣшила не спать вовсе послѣднюю ночь, думая, что авось—*лучше повторю* (?!). Въ результатѣ было то, что, когда я сѣла передъ профессоромъ, чтобы отвѣчать, я къ ужасу своему чувствовала, что не помню почти ничего изъ билета. Логику читалъ намъ Введенскій совершенно новую,—въ аналитическомъ изложеніи; мы всѣ цѣнили его, какъ талантливаго профессора, и сильно боялись этого экзамена. Страхъ и стыдъ передъ нимъ за свое незнаніе заставили меня потерять всякое самообладаніе: я закрыла лицо руками и не могла говорить... Среди курсистокъ есть мнѣніе, что Введенскій хорошій психологъ; по отношенію ко мнѣ, онъ, дѣйствительно, показалъ себя такимъ: видя передъ собой человѣка въ полу-безсознательномъ состояніи, онъ помогъ мнѣ выйти изъ той бездны, въ которую я, казалось мнѣ, погружалась. Смутно помню я, какъ онъ сталъ предлагать какіе-то вопросы; слушая и отвѣчая на нихъ, я испытывала такое ощущеніе, точно кто-то въ головѣ моей приводилъ все въ должный порядокъ. Наконецъ, онъ кончилъ спрашивать несчастный билетъ и повелъ меня по всей программѣ; отчетливо помню, какъ онъ меня спрашивалъ годы жизни Канта и Юма,—я отвѣчала, и въ то же время сама себѣ не могла дать отчета, *вѣрно ли я говорю или нѣтъ*... Отвѣтъ былъ оконченъ; профессоръ взялся за перо и списокъ, и ставя мнѣ 5, громко, во всеуслышаніе, сказалъ:—„а волноваться такъ стыдно“... Я вышла изъ аудиторіи чуть не шатаясь. Въ интернатѣ меня встрѣтили поздравленія съ переходомъ на второй курсъ... Тѣ изъ знавшихъ меня, которыя были въ аудиторіи, удивлялись, слыша мой отвѣтъ, глухимъ, измѣнившимся голосомъ, и недоумѣвали, что со мной сдѣлалось. Всякій опытный врачъ по нервнымъ болѣзнямъ разъяснилъ бы имъ это недоразумѣніе. Въ тотъ же день я уѣхала домой.

3 ноября.

... Послѣ мною овладѣла такая апатія, такое равнодушіе ко всему; это было ужасное нравственное состояніе, доходившее дѣйствительно до болѣзни... Ни души кругомъ.

Я инстинктомъ чувствовала весь годъ страшную потребность имѣть при себѣ близкаго человѣка, друга, который душою понялъ бы меня безъ словъ и нѣжно любилъ бы меня, осторожно отстраняя съ моего пути всѣ препятствія; который всегда могъ бы удовлетворить меня въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, стремясь открыть мнѣ новые горизонты... Я страстно искала такого человѣка, жадно всматриваясь въ лицо каждой первокурсницы, съ надеждой и уваженіемъ смотря на слушательницъ старшихъ курсовъ. Но судьба моя и тутъ сказалась: я осталась одна, а надежда, что буду жить одною умственною жизнью съ сестрою, была разбита безжалостно...

Помню, какое сильное впечатлѣніе произвело на меня чтеніе „Историческихъ монографій и характеристикъ" Бестужева-Рюмина,—то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о своей дружбѣ съ Ешевскимъ, объ ихъ занятіяхъ въ гимназіи и университетѣ. Слѣдуя своей привычкѣ все сравнивать, я тотчасъ же оглянулась на себя самое, на свое развитіе и знанія, и на своихъ интернатокъ. Боже, какія мученія испытывала я, ясно видя весь неутѣшительный результатъ такого сопоставленія!

Поступивъ на курсы, я оказалась круглой невѣждой съ ничтожнымъ гимназическимъ образованіемъ, при полномъ отсутствіи какого бы то ни было систематическаго чтенія, относившагося къ предметамъ не-гимназическаго курса, — тогда какъ Б.-Р. вошелъ въ университетъ прямо съ гимназической скамьи, но... какое развитіе, какія знанія были у него!.. Его другъ Ешевскій... какая это была чудная дружба, основанная на почвѣ умственныхъ интересовъ, взаимнаго пониманія и любви... А у насъ? Каковы были мои товарки-сверстницы по курсу, сосѣди по интернату?

— Увы! несмотря на всѣ старанія, я все-таки не могла найти въ однокурсницахъ ничего такого, что могло бы ихъ поставить въ моихъ глазахъ выше меня: нѣкоторыя изъ нихъ были гораздо-гораздо ниже меня по умственному развитію, а вполнѣ равныя мнѣ—не подходили ко мнѣ потому, что очевидно у нихъ не было такой потребности сходиться на умственной и нравственной почвѣ, т. е. болѣе близко; онѣ довольствовались *только знакомствомъ*,

мнѣ же этого было мало. Поступая на курсы, я сначала думала, что всякіе интересные разговоры будутъ завязываться сами собою, что потребность къ живому обмѣну мыслей по поводу читаннаго и слышаннаго такъ же естественна, какъ пища, питье... И вотъ помню, какъ я первые дни своего житья въ Петербургѣ въ большомъ интернатѣ точно окуналась въ море новыхъ отношеній, знакомствъ съ незнакомыми людьми, жадно въ нихъ всматриваясь, ища человѣка, товарища, одушевленнаго такими же стремленіями, чувствованіями, надеждами... и... увы! Что видѣла я?—Рядъ всевозможныхъ лицъ, то веселыхъ, то дѣтски-юныхъ, то болѣе серьезныхъ и... только. Никогда при первомъ знакомствѣ не завязывалось разговора болѣе или менѣе интереснаго, словно мы, пріѣхавши на курсы со всѣхъ концовъ Россіи, не имѣли между собою ничего общаго...

Удивительно, что въ интернатѣ мы всѣ были воодушевлены однимъ стремленіемъ—къ знанію, всѣ усердно занимались, читали, но отчего же у насъ не завязывалось тѣхъ одушевленныхъ споровъ о научныхъ и разныхъ отвлеченныхъ вопросахъ, тѣхъ интересныхъ разговоровъ, живого обмѣна мыслей, о которыхъ я столько разъ читала въ книгахъ? Отчего? Какъ отвѣтить на этотъ вопросъ? Неужели мы всѣ были неразвиты?—Отнюдь нѣтъ... Мало знали?—И этого нельзя сказать... Такъ отчего же, отчего?—Вотъ тотъ вопросъ, который я безъ счета разъ повторяла про себя со страшною тоскою, сидя за чаемъ и слушая всевозможный вздоръ, о чемъ угодно, но только не о наукѣ... Приходилось заключать, что должно быть мы, женщины, поступая въ высшее учебное заведеніе, куда ограниченнѣе мужчинъ, что у насъ нѣтъ ни широты умственнаго горизонта, ни мыслей, ничего...

Въ слѣдующемъ году я жила на отдѣльной квартирѣ, вдвоемъ; но моя сожительница составляла для меня лишнюю мебель, и ничего больше. При той страшно обостренной чувствительности, которою я отличалась за послѣднее время, — моя душевная чуткость дошла до такой степени, что достаточно было движенія, слова, выраженія глазъ, чтобы я тотчасъ же почувствовала, какъ ко мнѣ относится человѣкъ. Со стороны ея я увидѣла только сухость и черствость, такое не-товарищеское, безличное отношеніе, что моментально, по обыкновенію, ушла въ себя, а для того, чтобы еще больше не измучить себя сознаніемъ, съ какимъ человѣкомъ приходится мнѣ жить,—рѣшила отнестись къ этому какъ можно хладнокровнѣе, и стала смотрѣть на В—ву, какъ на лишнюю ме-

бель въ комнатѣ, что, впрочемъ, мнѣ ничего не стоило: я такъ увлеклась книгами и всѣмъ новымъ міромъ знанія, развернувшимся передо мной, что совершенно забывала о ея существованіи. Она ложилась рано и вставала тоже; я—наоборотъ...

1897 годъ.

Нерехта, 12 января.

10 лѣтъ тому назадъ въ этотъ день скончался мой отецъ...

Ужъ 10 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и много
Перемѣнилось въ жизни для меня;
Сама покорна общему закону
Перемѣнилась я...

10 лѣтъ! Изъ робкаго, застѣнчиваго ребенка я обратилась въ 22-хъ-лѣтнюю курсистку; прежней дѣтской робости нѣтъ и слѣда, застѣнчивость же и робость, вѣроятно, овладѣютъ мной теперь лишь въ присутствіи такого лица, которое я признаю неизмѣримо выше себя, а такъ какъ пока я вращаюсь въ кругу людей обыкновенныхъ, не подымающихся выше средняго уровня, то и чувствую себя отнюдь не ниже ихъ...

10 лѣтъ! Много пришлось пережить, передумать... Съ поступленіемъ на курсы былъ сдѣланъ переломъ въ моей жизни... Теперь, когда я немного разобралась во всѣхъ впечатлѣніяхъ, когда первое волненіе улеглось, — я вижу, какое благотворное вліяніе имѣетъ на меня моя теперешняя жизнь: я чувствую себя какъ бы обновленнымъ, возродившимся къ жизни человѣкомъ, я стала даже нравственно лучше... и много, много думала надъ жизнью... То, что раньше было подернуто туманомъ, — стало ясно, и какою же жалкою представляется мнѣ моя прежняя жизнь!... Тѣ лица, къ которымъ я съ дѣтства чуствовала какой-то страхъ, перешедшій впослѣдствіи въ робость и застѣнчивость, которыя мѣшали мнѣ много для правильнаго пониманія и изученія людей,—теперь кажутся еще болѣе „обыденными“, если можно такъ выразиться, облачко застѣнчивости, мѣшавшее разсмотрѣть ихъ, разсѣялось и я увидѣла ихъ въ настоящемъ свѣтѣ. И я сама стала—другимъ человѣкомъ; впрочемъ, нѣтъ, не другимъ, а только развилась больше, стала еще серіознѣе смотрѣть на жизнь, еще глубже вдумываться въ ея задачи...

Вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствую себя иногда такъ легко, дышится такъ вольно... и чувствую въ груди моей какой-то приливъ силы необыковенной: мнѣ хочется борьбы, подвига, чтобы показать эту силу, которая, кажется, такъ и рвется наружу... Дыханіе занимается... иногда кажется,—весь міръ былъ бы въ состояніи перевернуть... Мнѣ хочется дѣйствовать, итти, ѣхать—куда-нибудь, а главное—дѣла, дѣла! Хочется разомъ увидѣть весь міръ, и глубокое-глубокое отрадное чувство свободы переполняетъ всю душу... Да? и я—свободна? и я могу ѣхать, куда хочу, дѣлать—что хочу, поступать — какъ хочу, и меня уже болѣе не связываютъ эти цѣпи рабства... Вѣдь это—правда? Я—учусь... Я—на курсахъ...

Нѣтъ, только тотъ, кто зналъ свиданья жажду,
Поймѣтъ какъ я страдалъ, и какъ я стражду!

— воскликнулъ Гетевскій пѣвецъ... Я могу перефразировать это восклицаніе: смыслъ свободы понятенъ во всей полнотѣ только тому, кто страдалъ отъ рабства. Иначе, какъ этимъ именемъ — какъ же назвать эти тяжелые годы моей лучшей молодости, прошедшіе въ 4-хъ стѣнахъ, среди безпрерывныхъ нравственныхъ терзаній? Во имя чего лишали меня права учиться далѣе? Мальчика—отпустили бы съ радостью и гордостью, дѣвушку—не тутъ-то было! Ей—и учиться нельзя, и курсы—вродѣ публичнаго дома, и у нея есть средства для замужества, словомъ—понятія о женщинѣ самыя рабскія, и я испытала на себѣ всю ихъ прелесть.

...10 лѣтъ! А могилка на кладбищѣ, вся занесенная теперь снѣгомъ,—пока еще нова...

А пройдетъ еще 10 лѣтъ?...

У меня одно только желаніе, одна страстная любовь, обращенная къ тому Неизвѣстному Высшему Существу, Которое называютъ Богомъ, Котораго я не знаю, но существованіе Котораго признаю всѣмъ существомъ моимъ: чтобы я могла за эти годы принести возможно больше пользы для людей, чтобы я могла осуществить свое намѣреніе: посвятить свою жизнь на дѣло народнаго образованія. Пусть у меня будетъ хотя одна только маленькая школа, пусть дѣло мое будетъ и вовсе ничтожно, и трудъ незамѣтенъ,—я все-таки отдамся ему со всею любовью и страстностью, на какія я способна. Я буду сознавать, что живу не даромъ, что дѣлаю необходимое, неотложное дѣло, что приношу пользу, количественно хоть ничтожную, но буду стараться улучшать ее качественно. „Цѣль жизни — служеніе всеобщему сча-

стію"—формулировалъ Введенскій отвѣтъ на мой вопросъ, который я задала себѣ еще 10 лѣтъ тому назадъ, и плакала горькими слезами отъ безсилія своего разрѣшить его...

И теперь—моя „цѣль жизни"—выяснилась предо мною. Послужить народному прогрессу, по одной изъ неотложныхъ его частей—народному образованію,—хоть этимъ способомъ сдѣлать способнымъ двигаться впередъ... Пора! Народъ самъ хочетъ школъ, самъ открываетъ ихъ, читальни, библіотеки... Пора! Пора! Уже 36 лѣтъ скоро, какъ онъ свободенъ, а невѣжество еще густымъ мракомъ окутало его... Пора взяться за умъ! Въ деревню!!.

Спб., 8 февраля, 3 1/2 ч. ночи.

...„Мнѣ жаль, что и налилъ и выпилъ я самъ униженія чашу до дна"...—могу перефразировать я стихи Апухтина. Впрочемъ, что же? Жалѣть ли себя за эту дѣйствительно выпитую до дна чашу не униженія, нѣтъ, и не разочарованія,—тоже нѣтъ, потому что я вовсе не была никогда очарована, а просто... наблюденій (если такъ можно выразиться) надъ современной учащейся молодежью. Жалѣть ли о томъ, что я видѣла ее во всей ея неприглядности, во всей ея безсодержательности, покрытую какою-то тусклостью, точно сѣрою дымкой, и гдѣ же?—на университетскомъ праздникѣ.

Жалѣть объ этомъ, или нѣтъ? Закрывъ лицо предъ опасностью, съ сердцемъ, сжатымъ горечью и страхомъ—спѣшить спрятаться, раскаиваться въ совершенномъ поступкѣ, или же, прямо смотря въ лицо факту, котораго существованіе отрицать невозможно, признать его за дѣйствительно существующій и не пускаться въ безплодныя сожалѣнія о томъ, что вотъ, молъ, его я видѣла; но признать твердо, хотя бы сердце сжималось при этомъ отъ боли, хотя бы это доставило въ сущности одно горе...

Послѣднее—болѣе въ моемъ характерѣ. Я не жалѣю о томъ, что видѣла печальный фактъ, хотя что-то подсказываетъ мнѣ: эхъ, лучше бы и не видѣть его вовсе, ты вѣдь и такъ это знала... Да, многое знаешь, но все же легче, когда его не видишь во всей его неприглядности. Что-жъ дѣлать? „Нынѣшняя молодежь"...

„Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно..."

—могла бы сказать тѣнь великаго поэта, если бы она могла пролетѣть надъ этимъ собраніемъ.

Что же тамъ было?

Я пришла въ 11-мъ часу въ залъ Бренко, гдѣ назначено было это „чаепитіе".—До моего прихода уже говорилъ рѣчь Я—кій, читали письмо Иса—ва; когда я вошла, оканчивалъ говорить Г—ринъ и за шумомъ я хорошенько не могла разслышать, о чемъ именно говорилъ онъ. Послѣ него, какъ онъ сошелъ со стола, воцарилось молчаніе, прерванное громомъ апплодисментовъ: это шелъ любимецъ молодежи, проф. Л. Кланяясь на обѣ стороны, пробирался онъ сквозь густую толпу студентовъ къ эстрадѣ. Апплодисменты не давали ему начать. Наконецъ, онъ заговорилъ: „Господа, я думаю, что всѣ эти привѣтствія относятся не ко мнѣ... а къ дѣлу, которому я служу".

— Лично къ вамъ!—раздался сильный молодой голосъ какого-то студента, и громъ апплодисментовъ опять не давалъ долго говорить оратору.

„То, что вы слушаете здѣсь, доказываетъ, мм. гг., ясно-съ, что въ человѣкѣ существуетъ потребность дѣятельности-съ, стремленіе къ идеалу... слѣдовательно-съ (это его любимое словечко), мм. гг., разъ эта потребность существуетъ, нужно дать ей удовлетвореніе. Тогда вы не будете знать, что такое скука. Да и дѣятельность, мм. гг., должна быть не только полезной, но и..." слышала я рѣчь профессора, стоявшаго на столѣ въ своей обычной позѣ, съ сильно опущенной головой и глубокими глазами, пристально смотрѣвшими изъ-подъ огромнаго выпуклаго лба... Когда онъ кончилъ (а говорилъ онъ не долго), апплодисменты опять покрыли его рѣчь, но уже въ значительно слабой степени...

Снова молчаніе. Толпа стоитъ передъ эстрадой и ждетъ... На столъ всталъ молодой еще профессоръ государственнаго права Ге—нъ; передъ этимъ онъ сидѣлъ въ небольшомъ кружкѣ студентовъ и говорилъ съ ними о судѣ чести, такъ какъ началъ свою рѣчь такими словами: „Сейчасъ здѣсь зашла рѣчь о судѣ чести, мм. гг.,—долженъ ли онъ существовать или нѣтъ? Прошло уже то время, когда понятіе государства охватывало собою все, когда отдѣльные индивидуумы сами по себѣ не существовали"... такъ началъ онъ... Вся суть этой коротенькой рѣчи сводилась къ тому, что понятіе общества существуетъ независимо отъ понятія государства, а значитъ и судъ чести долженъ быть свой, такъ какъ понятія о немъ у общества и государства у каждаго

свое: „Пока существуетъ понятіе общества,—судъ чести можетъ и долженъ существовать". Апплодисменты, и профессоръ сходитъ съ эстрады.

Читаютъ письмо В—берга, въ которомъ онъ, объясняя свое отсутствіе тѣмъ, что долженъ присутствовать при операціи сына, посылаетъ привѣтствіе студентамъ. Опять апплодируютъ. Молчаніе. Г—съ пробирается между студентами, и, стоя въ небольшомъ кружкѣ студентовъ, говоритъ съ ними; ждутъ его рѣчи, но онъ, очевидно, не хочетъ говорить ея.

Я, стоя на столѣ между студентами, жадно за всѣми наблюдаю. Молодежь въ срединѣ залы, стоитъ по стѣнамъ, стоятъ на столахъ, на стульяхъ... въ залѣ духота... я чувствую, что моя легкая шелковая кофточка совсѣмъ мокрая... Но вотъ въ центрѣ подымается молодой, красивый студентъ не русскаго, не то восточнаго, не то еврейскаго типа и начинаетъ... О, лучше бы онъ не говорилъ! Длинно, запутанно, запинаясь и заминаясь, начинаетъ онъ „опровергать", по его мнѣнію, „несправедливыя нападки на нынѣшнюю молодежь, за отсутствіе у нея идеаловъ". Развѣ—она ужъ такъ плоха? развѣ она не доказала своихъ возвышенныхъ стремленій тѣмъ, что на Нижегородской выставкѣ съ утра до вечера осаждала павильонъ воскресныхъ школъ, устроенный Хр. Дан. Алчевской, развѣ въ Москвѣ имя Александра Ивановича Чупрова не пользуется наибольшею популярностью? развѣ при одномъ только слухѣ объ его уходѣ молодежь не волновалась? развѣ не популярно имя профессора Безобразова (тутъ онъ назвалъ еще нѣсколькихъ, имена которыхъ я забыла, но онъ оговорился, сказавъ, что это онъ приводитъ извѣстныя ему имена, тогда какъ у всякаго изъ присутствующихъ есть, конечно, „свои" имена)? Наконецъ, появленіе за послѣднее время цѣлаго ряда произведеній, описывающихъ молодежь (въ числѣ ихъ ораторъ назвалъ Галюцко — Дмитріевой, „Гимназисты" и „Студенты" Гарина), не доказало возрастающаго интереса къ ней? Все это ораторъ говорилъ въ опроверженіе появившейся статьи Шарапова въ маѣ 1896 года въ „Русск. Вѣстникѣ" о нынѣшней молодежи, которая поразила меня своею правдивостью, именно безпощадною и безотрадною правдивостью... Студентъ заключилъ свою рѣчь увѣренностью, что всѣ нападки на молодежь и обвиненія ея въ отсутствіи какихъ бы то ни было идеаловъ—совершенно несправедливы, что они у нея есть, что молодежь дѣйствительно живетъ ими.

Громъ апплодисментовъ покрылъ эту неподражаемую, длинную и запутанную рѣчь, которая, кажется, и ясна только потому, что я привожу ее здѣсь очень сокращенной, самую ея суть. Я не утерпѣла, и, обернувшись къ своимъ сосѣдямъ, двумъ студентамъ, спросила ихъ, кто это говорилъ.—„Это В—штейнъ, восточнаго факультета... хорошо говоритъ... это одинъ изъ нашихъ ораторовъ". Я про себя только пожалѣла, что въ университетѣ нѣтъ лучшихъ ораторовъ, чувствуя, что я могла бы сказать и вдвое короче и гораздо выразительнѣе... Но возражать студентамъ я не стала; по ихъ блѣднымъ, холоднымъ, корректнымъ лицамъ, съ бородками клинушкомъ, видно было, до какой степени они равнодушны ко всему окружающему...

Но что же настало потомъ?

Да вотъ что: толпа стояла и молчала. Нѣсколько сотъ человѣкъ молодежи собрались сюда на праздникъ своей alma mater, и что же?—Гдѣ было веселье, оживленные разговоры и споры на темы научныя и общественныя? гдѣ?—Въ центрѣ толпы нѣкоторые лишь изрѣдка переговаривались между собой; по стѣнамъ, на столахъ стояли группы молодежи, но и онѣ стояли молча, и тамъ не было замѣтно никакого движенія...

Молчаніе нарушилъ одинъ изъ студентовъ, юркій юноша, съ физіономіей несимпатичной и скорѣе нахальной, въ пенснэ, предложившій запѣть Gaudeamus для оживленія собранія (?!!) И ему апплодировали! Я пожала плечами въ недоумѣніи.

Въ отвѣтъ на это раздался негодующій голосъ юнаго студентика съ еврейскимъ акцентомъ, вскочившаго на столъ. „Господа! что же это такое? Мы собрались на свой праздникъ, надо пользоваться случаемъ, чтобы обсудить разные вопросы, касающіеся студенческой жизни, — вопросы, которые требуютъ разрѣшенія, и вдругъ намъ предлагаютъ запѣть... пѣть „для оживленія собранія!" Товарищи! Что же это! я ничего не имѣю противъ Gaudeamus, но вѣдь посудите сами, что намъ нужно говорить о дѣлахъ. А мы—молчимъ, мы—стоимъ. Говорите же, товарищи!.. Толкуютъ о товариществѣ, о студенческихъ собраніяхъ; — вотъ мы собрались здѣсь! Говорите же! Возражайте другъ другу, спорьте, но пусть будетъ обмѣнъ мыслей, пусть мы здѣсь рѣшимъ нѣкоторые вопросы, пѣть мы успѣемъ потомъ..."

Ему опять апплодировали. Обидившійся коллега его всталъ и сдѣлалъ какое-то замѣчаніе по поводу пѣнія, но очевидно слова юнаго студента произвели впечатлѣніе. Начали „говорить", т. е.

поднимается съ одной стороны голосъ — два, имъ отвѣчали тоже двое — трое, и это были не рѣчи, а скорѣе какія-то краткія замѣчанія... Завязался даже забавный споръ между двумя студентами, изъ которыхъ одинъ стоялъ за то, чтобы у студенчества былъ свой особый богъ, другой возражалъ ему на это, что его имѣть неудобно, да и неловко какъ-то... что же студентъ за особое существо, которое должно создавать себѣ бога на 4 года? Это было уже совсѣмъ комично.

Я сошла со стола, гдѣ стояла все время, и ушла въ буфетную чай пить. Тамъ было душно и дымно; длинный столъ, весь уставленный налитыми стаканами чая, съ блюдечками, на которыхъ лежали кусочки лимона, со скатертью залитой чаемъ и усыпанной крошками хлѣба, былъ весь уже занятъ. Двое нашихъ курсистокъ разливали чай. Я нашла себѣ мѣсто на стулѣ у стѣнки и усѣлась со стаканомъ чая въ рукахъ; рядомъ со мной на диванѣ сидѣлъ студентъ съ некрасивымъ лицомъ, въ очкахъ. Я рѣшила поговорить съ нимъ,—пока пью чай, и спросила, что было въ началѣ, такъ какъ я пришла уже поздно. Онъ усмѣхнулся. —„Говорили“...— Кто, о чемъ?—„Да право не знаю... вѣдь вы думаете всѣ знаютъ изъ тѣхъ, кто тамъ въ залѣ, о чемъ говорятъ? Вѣдь не слышно, да и не стоитъ слушать...“ отвѣчалъ онъ лѣниво.—Зачѣмъ же вы здѣсь? спросила я. — „А я самъ не знаю... Вотъ пришелъ, такъ же, какъ и другіе“.—Очень жаль, если вы такъ относитесь къ своему университетскому празднику,—не вытерпѣла я.—„Что-жъ дѣлать? Эдакъ пожалуй и въ университетъ ходить—заниматься...“— Да конечно, а то что же больше дѣлать?—„Ну, ужъ этого—нѣтъ. Видите,—я юристъ третьяго курса, и ничего не дѣлаю, такъ-таки вотъ вамъ въ глаза смотрю и прямо говорю: ничего не дѣлаю... Вы думаете въ университетѣ занимаются? Да ничуть не бывало! Знайте, что такихъ, какъ я—большинство“.

Это было сказано спокойнымъ до безстыдства тономъ, переходившимъ почти въ наглость. Что руководило имъ говорить такую тираду, смотря на меня тупо-спокойно и въ то же время самодовольно: „что, молъ, не ожидала, барышня, какую я тебѣ пилюлю преподнесу?“ Я не доставила ему этого удовольствія и не удивилась, а только замѣтила ему, что нельзя же обо всѣхъ судить по себѣ, и если онъ не занимается и знаетъ (предположимъ даже цифру невозможную) около трехсотъ студентовъ такихъ же,— все же сказать этого о трехъ тысячахъ онъ не имѣетъ никакого права.

Студентъ упрямо покачалъ головой:—„Говорите! я ужъ лучше васъ знаю".—Зачѣмъ же вы поступали въ университетъ?—„Какъ зачѣмъ? Для диплома... А вы должно быть идеалистка: учитесь изъ глупой любви къ знанію?"—Во всякомъ случаѣ не для диплома, такъ какъ курсы не даютъ пока никакихъ правъ... — „Ишь вы какая... значитъ—учитесь изъ любви къ знанію. И занимаетесь?" продолжалъ онъ разспрашивать меня, и въ его лѣнивомъ тонѣ прозвучала нотка любопытства.

Но мнѣ разговоръ съ подобнымъ „экземпляромъ" студента ужъ надоѣлъ; если онъ хотѣлъ порисоваться предо мною, — онъ не достигъ цѣли: и истина о подобномъ отношеніи къ наукѣ и такія мнѣнія не были для меня новостью... ново было только то, что на этотъ разъ я сама слышала ихъ и отъ студента же, и на праздникѣ. Чтобы покончить, я отвѣтила неопредѣленно на его послѣдній вопросъ: — Да, приходится... — „Чѣмъ же вы преимущественно интересуетесь?" приставалъ онъ.—Психологіей, одномѣрно отвѣчала я.—„Кто у васъ читаетъ ее?"—Введенскій.—„Интересно?"—Очень интересно (я торопилась допить свой чай); въ особенности книга имъ рекомендуется въ качествѣ пособія...—„Какая же? скажите?"—Вамъ-то во всякомъ случаѣ это неинтересно знать... И несмотря на дальнѣйшія приставанія, онъ такъ и не узналъ имени автора. Я поторопилась уйти поскорѣе, и выходя изъ комнаты вздохнула облегченно,—точно избавилась отъ тяжкаго кошмара...

Въ залѣ попрежнему толпилась масса народа.

15 августа, пятница.

Сегодня мнѣ исполнилось 23 года; изъ нихъ лишь два года я живу иною жизнью, и всегда мнѣ стыдно, больно и жалко предыдущихъ лѣтъ, проведенныхъ безъ дѣла, безъ сознательной живой жизни, среди постоянныхъ нравственныхъ мученій. Да! жизнь нельзя проводить въ „ожиданіи", ее нельзя тратить даромъ — ошибка скажется рано или поздно.

Господи! прости мнѣ! дай мнѣ настолько силы и здоровья, чтобы въ будущемъ загладить прошлую безполезную жизнь — другою, исполненною сознательнаго долга по отношенію къ ближнимъ. Здѣсь, на землѣ, ничтожны радости, дѣйствительно одно страданіе... Я не хочу долгой жизни. Нѣтъ; и я прошу у Тебя ея лишь для того, чтобы я могла умереть съ сознаніемъ, что

хоть что-нибудь сдѣлала для другихъ, значитъ не была совсѣмъ безполезнымъ существомъ...

Подумать, что черезъ какіе-либо сто лѣтъ — и отъ насъ не останется ничего, кромѣ черепа... всѣ наши страданія, горести, страсти, которыми мы такъ одушевлены теперь,—куда дѣнутся они? Все проходитъ въ этомъ мірѣ,—„суета суетъ и всяческая суета".

Есть одно утѣшительное, что даетъ силу для жизни и поддержку въ борьбѣ въ этомъ мірѣ: любовь къ людямъ. Великая сила братская любовь! Она выше, она чище любви супружеской, такъ какъ основа ея безкорыстна вполнѣ; мы любимъ брата не потому, чтобы онъ привлекалъ насъ тѣмъ влеченіемъ, которому слѣдуютъ женихи и невѣсты, а просто потому, что онъ такое же существо, какъ мы, тоже пришедшее въ міръ не по собственному желанію, и страдающее не менѣе насъ.

Люди! если-бъ вы могли понять всю великую истину братской любви—не было ни войнъ, ни революцій, ни угнетателей, ни угнетаемыхъ, ни богатыхъ, ни нищихъ — словомъ, не было бы тѣхъ соціальныхъ бѣдствій, которыя вызываютъ вышеуказанныя потрясенія, а природное неравенство сглаживалось бы самоотверженіемъ болѣе сильныхъ въ пользу слабыхъ. Тогда настало бы истинное царство Божіе на землѣ.

Но велика власть зла: невидимыя сѣмена эгоизма сѣются всюду щедрою рукою и даютъ пышные всходы: каждый заботится только о себѣ, и изъ этого-то себялюбія проистекаютъ тѣ великія общественныя бѣдствія, съ которыми такъ борется теперь наука: соціологія, политическая экономія, всевозможныя „права",—все въ ходу... Слишкомъ даже много научныхъ изысканій дѣлается для доказательства великой и простой истины, всѣмъ давно извѣстной, но которая не входитъ въ нравственное образованіе человѣчества; разработывать эту истину вполнѣ научно—цѣлесообразно, но доказывать ее цифрами и главами—дѣло пустое и безполезное.

Да! жалка и пуста жизнь, не озаренная яркою сознательною любовью и состраданіемъ къ людямъ; а между тѣмъ, какъ трудно бываетъ воспитать въ себѣ снисходительность, особенно при характерѣ живомъ и нервномъ. Сегодня мнѣ пришлось испытать всю чарующую прелесть этой любви: я была у о. Александра, и часъ, проведенный вмѣстѣ съ нимъ, подѣйствовалъ на меня неотразимо: какъ будто какая-то обновленная я вышла отъ него, ободренная для жизни. А все почему? Развѣ этотъ человѣкъ творитъ чудеса? — Нѣтъ, но въ его словахъ, въ его обращеніи со

мною было столько доброты, любви и ласки, что все это вмѣстѣ положительно магически дѣйствуетъ на меня: душа вдругъ обновляется, очищается, и я улыбаюсь какъ дитя, чувствуя себя выше и лучше. Я рѣдко, почти никогда не видала такого къ себѣ отношенія: меня или не понимаютъ, или осуждаютъ, или просто хорошо ко мнѣ относятся; мое же глупое сердце вѣчно проситъ чего-то большаго, нежели простая вѣжливость, и я рада, если встрѣчу хоть ласковый взглядъ, хоть слово сочувствія.

Я люблю душу человѣческую, и всегда цѣню ея проявленія, цѣню откровенность и участіе. Но такъ рѣдко встрѣчаешь это въ жизни: „Всѣ хотятъ имѣть друга, но никто не хочетъ быть имъ“— глубоко вѣрное изрѣченіе.

Что-жъ, если у тебя нѣтъ друга, постарайся сама быть другомъ; если тебя никто не любитъ и не понимаетъ такъ, какъ тебѣ было бы желательно, — сама люби людей и учись понимать ихъ.

„Въ наукѣ мы найдемъ нравственные и общественные идеалы“, сказалъ намъ Гревсъ. Развѣ не находимъ мы того же и въ религіи? Развѣ въ этомъ смыслѣ эти двѣ области не совпадаютъ? Поэтому необходимо уважать и любить науку...

18 августа, понедѣльникъ.

Великая, неразрѣшимая загадка жизни—для чего создано все— способна породить отчаянный пессимизмъ.

Въ самомъ дѣлѣ, для чего это все? для чего созданъ міръ, если рано или поздно онъ долженъ погибнуть? Несмотря на колоссальныя усилія, которыя прилагаетъ человѣчество для разрѣшенія этой задачи,—она не рѣшится нами никогда... никогда!! И съ болью, почти съ отчаяніемъ приходится притти къ заключенію что не намъ рѣшать этотъ основный вопросъ нашего существованія:

„что нужно намъ, того, увы, не знаемъ мы“.

Не знаемъ! однако—надо жить, если сознаешь, что противно твоимъ убѣжденіямъ покончить жизнь самоубійствомъ. Тяжело и мучительно сознаніе сдѣланныхъ ошибокъ, но опускаться ли подъ этою тяжестью еще ниже, или же, собравъ всѣ силы, постараться нести ее до могилы? Что лучше?

Еще въ прошломъ году, подъ вліяніемъ сильнаго нервнаго настроенія, я впадала въ малодушное отчаяніе; нынче весной казалось мнѣ, что я должна умереть, что это страшное сознаніе раздавитъ, уничтожитъ меня въ конецъ... даже мои религіозныя убѣжденія готовы были уступить мѣсто привлекательной мысли о небытіи въ здѣшнемъ мірѣ. И чисто внѣшнія обстоятельства помѣшали: у постели близкой больной я не имѣла право рѣшить свою судьбу, такъ какъ потрясеніе имѣло бы вліяніе на ея жизнь...

Въ концѣ концовъ, самою спокойною, самою утѣшительною оказывается смерть христіанина. Я хотѣла бы умереть такъ,—съ философскимъ спокойствіемъ и нравственной силой! Я думаю теперь, что нѣтъ смерти прекраснѣй такой, когда человѣкъ, испытавъ въ жизни массу несчастій, несправедливостей, горя всякаго рода, — умретъ со словами: слава Богу за все! Такая смерть — истинно прекрасна. И я желала бы умереть именно съ такимъ сознаніемъ, несмотря ни на какія обстоятельства жизни.

Мы слишкомъ мало думаемъ о смерти во время жизни, а между тѣмъ именно о ней то и слѣдуетъ помнить болѣе и чаще всего, такъ какъ въ ней одной только мы можемъ быть увѣрены; болѣе мы ничего не можемъ сказать о своей жизни.

5 сентября, пятница.

Только что разошлись съ моихъ именинъ товарки. Въ общемъ я довольна сегоняшнимъ вечеромъ, быть можетъ впервые въ жизни. Въ тѣсномъ товарищескомъ кружкѣ такъ живо шла бесѣда о разнообразныхъ вопросахъ; поднимались и политическіе и историческіе, и экономическіе, и въ частности курсовые. Мы не спорили съ пѣной у рта о марксизмѣ и народничествѣ, не кричали, а просто дѣлились мыслями по всѣмъ направленіямъ такъ сказать. Одною изъ главныхъ мыслей въ результатѣ было признаніе невозможности рѣшить такіе сложные вопросы, каковы капитализаціи, предрѣшить исходъ историческаго развитія Россіи. Въ этомъ мы представляли собою полнѣйшій контрастъ нынѣшней молодежи, увлекающейся модными экономическими теченіями, и берущейся съ плеча рѣшать самые важные вопросы. На меня произвело самое хорошее впечатлѣніе наше общее настроеніе, которое можно назвать широкимъ: всѣ мы были очень терпимы, такъ прямо смотрѣли въ лицо дѣйствительности, честно созна-

ваясь другъ другу въ своей несостоятельности при рѣшеніи вышеуказанныхъ вопросовъ.

Не обошлось, конечно, и безъ размышленій по поводу взгляда на бракъ, упомянули о „Крейцеровой Сонатѣ“... И никто изъ насъ даже не заикался о „прелестяхъ“ любви, о личномъ счастіи. Скорѣе, мы готовы были отнестись съ сожалѣніемъ къ злоупотребленію чувственностью и вытекающимъ отсюда „перепроизводствомъ“ дѣтей, несчастныхъ существъ, которыя вступаютъ въ жизнь неподготовленными къ жестокой борьбѣ за существованіе, гибнутъ и ломаютъ себя—произведя въ свою очередь такихъ же существъ. Да, еще не проникло въ наше „общество“ сознанія необходимости цѣломудрія и нравственнаго вниманія... чего-же требовать отъ народа, если мы сами до сихъ поръ еще стоимъ такъ низко и тонемъ въ пучинѣ своего собственнаго эгоизма.

Отсюда былъ одинъ шагъ до религіознаго вопроса, но мы не спорили о вѣрѣ; и, пожалуй, хорошо—это никого не оскорбляетъ: мое убѣжденіе остается при мнѣ, ихнее при нихъ. Однако, мнѣ хотѣлось бы хоть разъ въ жизни встрѣтить вполнѣ религіознаго человѣка, стоящаго несравненно выше меня по своему общему умственному складу и провести съ нимъ нѣсколько часовъ въ братской бесѣдѣ; иногда мнѣ до боли хочется дружбы съ такимъ человѣкомъ, братской работы съ нимъ на всю жизнь. Но сегодня я все-таки чувствую себя хорошо: всѣ мы были мирно настроены, такъ интересно бесѣдовали, а главное—чувствовали симпатію другъ къ другу. Оживленный обмѣнъ мыслей вызывалъ добродушную насмѣшку въ случаѣ ошибки или ложнаго мнѣнія, и одобреніе—въ случаѣ удачной и остроумно высказанной мысли. Пусть изъ нашего разговора нельзя было заключить о нашихъ научныхъ познаніяхъ, но нельзя было отказать въ прямотѣ и широтѣ взгляда и честности намѣреній. А первое качество и связанная съ нимъ терпимость, увы!—такъ рѣдко попадаются теперь среди учащейся молодежи.

Когда ушла Леля С., разговоръ коснулся меня; Д—ди и Маня наперерывъ стали увѣрять, какъ обо мнѣ измѣнилось мнѣніе на курсахъ къ лучшему, потому что я стала совсѣмъ иначе относиться къ людямъ. Я объяснила имъ прежнее слѣдствіемъ нервнаго состоянія, которое было очень обострено первый годъ, проведенный на курсахъ.

Онѣ вскорѣ ушли. Несмотря на то, что мои умственные интересы не стоятъ въ тѣсной связи съ интересами ихъ, что онѣ не

согласны съ моими религіозными убѣжденіями, я чувствовала, что всѣ эти 3 дѣвушки близки и дороги мнѣ, что у насъ все-таки есть много общаго, что мы всѣ стремимся стать людьми.

И глухою, острою болью отзывалось въ моемъ сердцѣ воспоминаніе о милой, далекой, бѣдной сестренкѣ, обреченной навсегда жить, не удовлетворивъ своихъ лучшихъ порывовъ... Это не переставая терзаетъ мнѣ сердце, и окончится, должно быть, только съ моей жизнью. Да! вотъ онъ, крестъ, посылаемый каждому изъ насъ. Но мой, вполнѣ заслуженный, невидимъ для глазъ и поэтому не возбуждаетъ ни въ комъ состраданія. А одинокое страданіе— двойное страданіе!

Боже мой! сжалься надъ нами, сжалься надъ бѣднымъ ребенкомъ, который за всѣ свои недостатки наказанъ такъ, какъ не бываютъ наказаны и взрослыя люди... Помоги ей выздоровѣть, встать человѣкомъ, а мнѣ — помоги пройти жизненный путь, не падая подъ тяжестью заслуженнаго креста.

28 сентября.

... Когда я оглядывалась назадъ на все послѣднее время—мнѣ даже какъ-то страшнымъ кажется, какъ могла я вынести такія нравственныя мученія, тѣмъ болѣе ужасныя—что ни для кого они не замѣтны?

Да... это время прошло и кѣмъ же я вышла изъ этихъ, вполнѣ, впрочемъ, заслуженныхъ испытаній? Послѣ того, какъ я узнала, что у меня нейрастенія, — я вполнѣ поняла, отчего временами душевная боль доходитъ до остраго, почти физическаго страданія... Въ лекціяхъ Кожевникова я читала, что эта болѣзнь развивается вслѣдствіе „психическихъ вліяній угнетающаго свойства"—совершенно вѣрное мнѣніе. Моя живая, нервная натура не выдержала нашей изуродованной жизни... и въ то время, когда я, страстно стремившаяся къ наукѣ, наконецъ-то, достигла пристани,—оказалось на повѣрку, что заниматься-то, учиться-то — и не могу! Полное переутомленіе и потеря памяти въ связи съ чрезвычайною нервною воспріимчивостью...

Положеніе драматическое.

И я не знала объ этой своей болѣзни, и все время съ ужасомъ думала, не схожу ли я съума, но къ врачу обратиться не догадалась до тѣхъ поръ, пока случайно въ Кіевѣ не рѣшилась пойти къ П—ву... Этотъ странный человѣкъ, лѣчившій индійской меди-

циной, именно потому и навелъ меня на мысль обратиться къ нему, что не былъ врачемъ по профессіи, къ которымъ я относилась съ недовѣріемъ... Но лѣкарства его обходились мнѣ слишкомъ дорого, не по моему студенческому карману — и я оставила его лѣченіе (принесло ли оно мнѣ дѣйствительную пользу—не знаю, но я во всякомъ случаѣ въ него вѣрила).

Это было прошлою осенью. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ—въ февралѣ получаю письмо о болѣзни Вали,—и началась для меня страшная нравственная пытка, отголоски которой, вѣроятно, никогда не исчезнутъ во мнѣ и окончатся лишь съ моею жизнью.

Вчера я получила отъ нея письмо, гдѣ она пишетъ, что „кажется, выздоровѣла окончательно", докторъ отмѣнилъ лѣкарства... Я просто ни повѣрить, ни радоваться не смѣла отъ неожиданности: нѣтъ, не можетъ быть! это уже слишкомъ! вѣрояно, что ей только стало лучше... А если правда?—Великій Боже, я испытываю такое чувство, какъ будто бы вновь родилась наша Валя... Получить воспаленіе почекъ въ 20 лѣтъ, быть лишенной возможности свободно двигаться, постоянно лежать, быть обреченной на вѣчную діэту...—и это при слабомъ характерѣ, склонномъ къ меланхоліи, при страшной нравственной анэстезіи близкихъ ей, которые не способны ни утѣшить, ни ободрить ее, а только втягиваютъ ее еще глубже въ мрачное настроеніе—что можетъ быть печальнѣе? Это почти нѣмая нравственная смерть, на которую я обречена была смотрѣть, повергнутая въ полное отчаяніе, не имѣя возможности помочь такъ, какъ хотѣла бы... Временами, въ отчаяніи, я думала,—не лучше ли будетъ, если Валя умретъ, нежели будетъ жить; но тутъ являлась мысль о ребенкѣ: мнѣ становилось страшно за будущность малютки, и я съ ужасомъ отталкивала отъ себя мысль о смерти. Каковы бы ни были условія—все-жъ можно надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, ребенокъ вознаградитъ сестру за все.

Люди, сильные духомъ, выходятъ изъ страданій еще болѣе крѣпкими, слабые—разбиваются; для натуръ отъ природы нравственно-тупыхъ они проходятъ безслѣдно. Такъ случилось и въ этотъ разъ...

11 октября.

Да, вотъ оно начало... чего?—конца?—Нѣтъ, но начало „страданія за грѣхи отцовъ". Впрочемъ, оно уже давно началось, давно, еще, съ 18 — 19 лѣтъ, когда впервые начали портиться мои нервы, теперь же—переходъ на „тѣлесныя явленія".

Началось все съ пустяка: въ началѣ августа комары накусали мнѣ ногу, я расцарапала кожу до крови и, не промывъ, залѣпила пластыремъ, который вскорѣ пропитался южною пылью, такъ какъ я ѣхала въ это время въ Кіевъ; послѣ такого лѣченія „домашними средствами“ — получилась язва, которая теперь второй мѣсяцъ не поддается никакому лѣченію. Не обращая на нее серьезнаго вниманія, и замѣчая только, что отъ одного лѣкарства лучше не дѣлается,—я обратилась къ какому-то нѣмцу, который, сказавъ: „пустяки, заживетъ“, только растравилъ рану; выйдя изъ терпѣнія, я пошла къ гомеопату, который добросовѣстно не поручился за успѣхъ лѣченія одними внѣшними средствами, а внутреннія принимать оказалось невозможнымъ, такъ какъ я не могу бросить свои пилюли отъ нервовъ; и, наконецъ, я догадалась обратиться къ нашей женщинѣ-врачу О. Ю. Ка—нской, направившей меня къ хорошему доктору, который далъ дѣльный совѣтъ: бинтовать ногу, а научиться совѣтывалъ у О. Ю. Но въ тотъ же день вечеромъ, съ необыкновенной легкостью у меня появились два нарыва; на лѣвой рукѣ и ногѣ. Сегодня была вновь у Ка—нской; та ахнула, взглянувъ на рану, и узнавъ еще о нарывахъ, задала мнѣ лаконическій вопросъ: „У васъ въ семьѣ всѣ здоровы? вашъ отецъ не былъ боленъ?“.

А... вотъ уже до чего дошло, подумала я, но при Лелѣ Ст. языкъ не поворачивался сказать, что мой отецъ умеръ отъ прогрессивнаго паралича...

Колкое, острое страданіе причинила мнѣ мысль о возможности зараженія отца специфическою болѣзнью еще въ прошломъ году, и какъ спокойна я теперь, когда на мнѣ явилось отраженіе этого заболѣванія! Отчего это? или нервы стали лучше? или я ужъ слишкомъ много страдала нынче весной, что теперь на меня нашло такое спокойствіе?.. И я улыбнулась и сказала:—Мой отецъ умеръ слишкомъ давно, чтобъ я могла что-нибудь помнить о немъ, мать—женщина, страдающая нервами, а у меня въ дѣтствѣ была золотуха. О. Ю. покачала головой, и осторожно сказала: — „Можетъ быть, вамъ надо что-нибудь принимать внутрь; вы не безпокойтесь; вѣдь есть отраженныя заболѣванія“...

Да, знаемъ мы эти „отраженныя заболѣванія“... Мнѣ извѣстно, что отецъ до женитьбы велъ далеко не нравственную жизнь, имѣя связь съ одной красивой работницей на фабрикѣ, мнѣ говорили о безнравственности моего отца въ такихъ выраженіяхъ... и я слушала, какъ будто это такъ и слѣдуетъ. Вѣдь со стороны смот-

рѣть это прямо ужасно, — видѣть молодую дѣвушку, страдающую за „грѣхи своего отца". Вотъ ужъ истинно похоже на „Невинную жертву" д'Аннунціо. Я вдвойнѣ невинная жертва: со стороны матери, испортившей мнѣ нервы ненормальною жизнью, съ другой— со стороны отца, оставившаго мнѣ въ наслѣдство такое „отраженное заболѣваніе"...

Имѣю ли я право судить отца?—Съ нравственной точки зрѣнія онъ безусловно *виноватъ*: колоссальный эгоизмъ, заставляющій жить въ свое удовольствіе, затѣмъ жениться, не думая о послѣдствіяхъ... о дѣтяхъ. Но зато и поплатился же несчастный папа: четыре года страдалъ онъ, умирая медленною смертью, умеревъ заранѣе умственно... Судъ Божій совершился надъ нимъ... Онъ виноватъ, но причиной вины его — является неразвитость нравственная и умственная (впрочемъ, послѣдняя — врядъ ли: отецъ былъ, по своему времени, человѣкъ довольно таки образованный и развитой). А въ этомъ кто виноватъ? Родители? Бабушка съ дѣдушкой? Старинные купцы, воспитывавшіе сына „по-старинному",—что могли дать они ему, они сами, не обладавшіе никакимъ развитіемъ? И невольно придешь къ заключенію, что отецъ подпалъ подъ вліяніе европейской цивилизаціи, но какъ русскіе Петровскихъ временъ, усвоилъ отъ нея болѣе дурного, чѣмъ хорошаго и полезнаго; на ряду съ образованіемъ въ столицѣ—онъ узналъ, несомнѣнно, и столичный развратъ, а тамъ—и пошло, и пошло... до женитьбы.

Несчастный! нѣтъ у меня въ сердцѣ негодованія противъ тебя... Какая-то тихая грусть, съ примѣсью горечи, лежитъ на днѣ души, но снисхожденіе, и почти прощеніе—превышаетъ все... вѣдь онъ „не вѣдалъ, что творилъ"...

25 октября.

Въ эти дни разыгравшаяся исторія съ однимъ изъ профессоровъ заставила меня совсѣмъ забыть о себѣ и не обращать вниманія на всю ту боль, которою болѣзнь давала знать о своемъ существованіи.

15 окт. проф. открылъ необязательный курсъ „Теорія эмпирическаго знанія" (вопросы изъ его докторской диссертаціи). Разумѣется, собрались чуть-ли не всѣ 4 курса. Вдругъ, среди шума и гама, неизвѣстно кто крикнулъ: „переходите въ IV аудиторію!" Раздался ревъ сотенной толпы, недовольной тѣмъ, что пришлось

оставить занятыя мѣста VI аудиторіи,— и вся масса хлынула къ дверямъ; съ трудомъ пробираясь въ толпѣ, я медленно перешла тоже въ новую аудиторію и заняла мѣсто повыше... Внизу снова раздался крикъ, опять ревъ толпы—и часть побѣжала изъ аудиторіи, часть осталась... Ничего не понимая, я потихоньку (нога очень болѣла), когда шумъ и движеніе немного стихли, вышла изъ аудиторіи въ залъ. Изъ отдѣльныхъ восклицаній я поняла только, что профессоръ будто бы нарочно переводилъ изъ аудиторіи въ другую, чтобы избавиться отъ значительнаго скопленія слушательницъ... Не довѣряя этимъ толкамъ, и не видя, къ кому можно было бы обратиться за разъясненіемъ инцидента, я пошла въ VI аудиторію, гдѣ уже читалась лекція. Дверь не отворялась... Я съ силою подала ручку къ себѣ, и кто держалъ ее изнутри, опустилъ, дверь открылась и я вошла въ аудиторію. Народу было довольно много...

Тѣмъ временемъ вся толпа, выйдя изъ IV аудиторіи въ залъ, шумно изъявляла свое неудовольствіе; громкій шумъ слышался за дверями и мѣшалъ какъ слушать, такъ и читать. Наконецъ, профессоръ, выйдя изъ терпѣнія, самъ вышелъ въ залу. На мгновеніе толпа притихла: потомъ раздалось шиканье громче, громче... профессоръ махнулъ рукой и возвратился на каѳедру. Чтеніе продолжалось подъ этотъ шумъ... Многія ли могли записать, что-нибудь изъ его лекціи — не знаю; для меня это оказалось очень труднымъ. Вскорѣ звонокъ прервалъ эту злополучную лекцію, и въ залѣ окружили профессора.

Онъ былъ боленъ въ этотъ день и съ трудомъ могъ притти на курсы; изъ его объясненій выяснилось, что онъ не просилъ переходить въ IV аудиторію, это было распоряженіе аудиторной дамы, и когда онъ перешелъ въ VI аудиторію, гдѣ на доскѣ былъ написанъ конспектъ, то, въ виду своего нездоровья, просилъ дать ему сначала войти въ аудиторію и затѣмъ объявить слушательницамъ, чтобы онѣ вышли, такъ какъ пробраться сквозь толпу онъ не былъ въ состояніи. Это распоряженіе или не было передано, или было передано неточно, но какъ бы тамъ ни было— масса, оставшаяся въ IV аудиторіи, не пошла на лекцію и въ отместку устроила скандалъ.

30 октября.

Романсъ профессора*).

(На мотивъ изъ „Цыганскаго Барона“:

Въ моемъ скитаньи
Много страданій... и т. д.).

Въ преподаваніе
Много старанія,
Много вниманія,
Душу вложилъ.
Что́ наслажденій,
Женскихъ волненій
И поклоненій
Я пережилъ.

Филологички,
Математички,
Даже химички—
Весь этотъ міръ
Меня и знаетъ
И уважаетъ,
Словомъ, считаетъ
За свой кумиръ.

Всегда безпечно
Твердилъ я вѣчно:
О, да, конечно,
Мой пьедесталъ
Стоитъ такъ твердо,
Высоко, гордо,
Что никогда-бъ я
Съ него не упалъ.

Лишь на мгновенье
Одно сомнѣнье
Въ умѣ мелькнуло—
Я признаюсь:
Я консерваторъ,
Ярый ораторъ,
Ну и подумалъ—
Не удержусь...

---

*) По поводу рѣчи „О задачахъ университета“, произнесенной въ сентябрѣ 1897 г. первому курсу и послѣдовавшаго затѣмъ недоразумѣнія въ октябрѣ, по поводу объявленнаго курса.

Рѣчь имъ сказалъ я.
Не ожидалъ я,
Что за волненье
Вдругъ поднялось!
Какіе споры!
Почти до ссоры!
Безъ объясненій
Не обошлось.

Дѣло уладилось
И ужъ изгладилось
Изъ моей памяти,—
Какъ вдругъ опять,
Опять попался:
Не удержался
На первомъ курсѣ
Рѣчь я сказать.

Что тутъ случилось!
Все возмутилось,—
Ужасъ какой!
Шумъ, крикъ поднялся,
Я опасался
Сходки большой.

Мнѣ такъ досталось!
Что не осталось
Больше охоты
Рѣчи держать...
Кантомъ клянусь я,
За умъ возьмусь я,
Буду молчать,
Буду молчать!

(Окт. 1897 г.—окт. 1898 г.).

Въ Александровской общинѣ Краснаго Креста,
1 декабря, днемъ.

Тихо... почти вся палата улеглась спасть, что рѣдко случается.

Пользуюсь первой минутой тишины и спокойствія, чтобы взяться за давно заброшенную тетрадку...

Послѣ поѣздки во Псковъ мои ноги пришли въ такое состояніе, что я съ трудомъ могла ходить. Нервное возбужденіе, поддерживавшее меня до сихъ поръ упало, и когда я поѣхала къ проф. П—ову, и онъ запретилъ мнѣ окончательно ходить на курсы,—

то я даже не огорчилась. Прошла недѣля... цѣлыхъ 7 длинныхъ вечеровъ, при свѣтѣ лампы, провела я почти въ полномъ одиночествѣ, за книгами; но, вопреки прошлому году, когда одиночество такъ болѣзненно отзывалось на мнѣ,—я была почти рада ему. Невеселыя мысли бродили въ головѣ, и я ихъ не гнала... да развѣ и могло быть иначе! Разумѣется, лежать одной крайне неудобно во всѣхъ отношеніяхъ, но, вспоминая болѣзнь Вали, я получала своеобразное наслажденіе отъ сознанія всѣхъ испытываемыхъ неудобствъ: „мнѣ такъ и надо, и еще бы хуже надо... этого еще мало...“ думала я, когда на мои звонки никто не являлся, и я не могла ни напиться воды, ни достать нужной вещи. Заставлять дежурить около себя товарокъ—я считала излишнимъ; правда, онѣ посѣщали меня ежедневно, но эти короткія „забѣганія на минуту“, въ сущности, только отрывали меня отъ читаемыхъ книгъ и нарушали мои размышленія. И вотъ въ эти-то дни какъ нельзя болѣе очевидно выступилъ передо мной до́-нельзя ограниченный кругъ моихъ знакомствъ между курсистками: двѣ-три изъ 200 человѣкъ—не много! Я думала: будь у меня среди нихъ другъ, искренно ко мнѣ привязанный, любившій бы меня настолько, что, несмотря на мои отказы и увѣренія, сказала бы мнѣ: „нѣтъ, я тебя не оставлю, я буду у тебя все время, буду сидѣть около тебя...“ если бы были такія! Но, должно быть, невидимая рука судьбы, поставившая меня одинокой среди семьи, оторвавшая отъ меня сестру въ тотъ моментъ, когда мы готовы были сблизиться и итти вмѣстѣ одною дорогою—поставила меня и на курсахъ такъ, что за все это время не сошлась ни съ кѣмъ настолько близко, чтобы смѣло могла назвать ее другомъ. Какъ это случилось? Мои ли черезчуръ большія требованія къ людямъ на первомъ курсѣ помѣшали мнѣ сойтись, или... ну, да нечего писать объ этомъ.

Прошла недѣля, и 20 ноября, вечеромъ, надо было ѣхать въ лѣчебницу: вылѣчиться возможно было лишь при операціи, вычистивъ язвы на обѣихъ ногахъ. Я уѣхала одна, взявъ съ собой двѣ почтенныя связки книгъ, въ полной увѣренности, что буду тамъ заниматься.

Было 7 час. вечера, когда я пріѣхала въ лѣчебницу; тихое церковное пѣніе разносилось по комнатамъ, и одна изъ сестеръ предложила мнѣ пойти въ церковь, въ ожиданіи ванны; я пошла, но такъ какъ стоять не могла, а сидѣть за службой не привыкла, то и вернулась вскорѣ обратно.

Въ столовой было тихо. Я молча осматривала знакомую уже

обстановку, простую, но солидную: при свѣтѣ двухъ электрическихъ лампъ она пріобрѣтала совсѣмъ домашній оттѣнокъ. Двѣ сестры—шатенка, съ лицомъ задумчивымъ и симпатичнымъ, и миловидная блондинка, были заняты: В. писала что-то на разграфленныхъ листахъ, Ян. хлопотала у буфета. Я наблюдала за ними, не рѣшаясь заговорить первая—лица были такія дѣловыя и озабоченныя. Скоро листы исчезли, и на столѣ появились маленькія круглыя тарелочки съ красной каемкой, и сестры начали разрѣзывать пополамъ разные сорта булокъ, раскладывая ихъ по тарелкамъ; когда принесли самоваръ, онѣ разливали и разносили чай по палатамъ. Прошло болѣе часа... Наконецъ, обѣ сестры усѣлись за столомъ.—„Устала... бѣгаешь, бѣгаешь“, сказала, вздохнувъ, шатенка.—„Я тоже устала“, сказала блондинка, и симпатичная улыбка озарила ея круглое голое лицо.—А вы, дѣйствительно, устали, сестрицы, вы все время заняты...—рѣшилась я заговорить съ ними. Мнѣ показалось, точно я вдругъ повернула кнопку электрической лампы, и комната озарилась яркимъ свѣтомъ: сестры привѣтливо улыбнулись, встали и подошли ко мнѣ.—„Да... устанешь тутъ“... Я начала разспрашивать ихъ, откуда онѣ, гдѣ учились; шатенка оказалась институткой, а блондинка—изъ Т., съ первоначальнымъ образованіемъ. Но дальнѣйшій разговоръ былъ прерванъ появленіемъ старшей сестры—Б—ой, уже пожилой женщины, которая сказала, что ванна готова. Я вошла въ небольшую комнату, въ которой стояла бѣлая кровать, бѣлый шкафъ и ванна; молоденькая горничная съ почтительной фамильярностью помогла мнѣ раздѣться; передъ тѣмъ, какъ принять ванну, пришла опять старшая сестра и намазала мнѣ язвы на ногахъ какою-то мазью. Стоять мнѣ было довольно трудно, но съ помощью горничной, помогавшей мнѣ охотно и ловко, я вошла въ ванну и вымылась съ наслажденіемъ... Когда я, наконецъ, разсталась съ мыломъ и губкой, и съ такимъ же трудомъ выбралась изъ ванны,—пришла сестра В., забинтовала мнѣ ноги и пригласила въ столовую пить чай; я была уже одѣта во все больничное бѣлье и халатъ, и путалась въ немъ... — „Русалка у насъ въ больницѣ“, раздался за мною ласковый голосъ, когда я вошла въ столовую. Я обернулась: мимо меня проходилъ одинъ изъ ассистентовъ профессора, докторъ Э., молодой человѣкъ, брюнетъ, очень симпатичной наружности и ласковый въ обращеніи; онъ подошелъ ко мнѣ, спросилъ, когда я пріѣхала, потомъ поговорилъ съ сестрами и ушелъ.

Послѣ того я пошла въ палату. Комната—большая, съ тремя окнами, съ бѣлыми кисейными занавѣсками, корзиной цвѣтовъ у средняго окна и туалетомъ—имѣла совсѣмъ семейный видъ: ни номеровъ, ни названій болѣзней надъ кроватями. Я вошла точно въ общую спальню. На меня никто не обратилъ вниманія. Всѣ обитательницы занимались своимъ дѣломъ, приготовляясь ко сну: маленькая дѣвочка, моя сосѣдка, уже спала, двое сидѣли на кроватяхъ, поступившая со мною вмѣстѣ больная тоже раздѣвалась, пятая—лежала неподвижно въ постели, шестая—съ подвязанной рукой и одѣтая, сидѣла на кровати. Разговоръ былъ обыкновенный, женскій; одна только женская фигура, лежавшая низко на постели, не принимала никакого участія: это была оперированная въ тотъ день больная...

На слѣдующій день я быстро перезнакомилась со всѣми. Обитательницами палаты оказались: Тамара, армянка 18 лѣтъ, гимназистка „съ ногой“ изъ Эривани, ея сосѣдка—жена армянскаго священника изъ Симферополя съ опухолью на груди, жена инженера, дама лѣтъ около 30-ти, тоже съ такой же болѣзнью, молодая дѣвушка 18 лѣтъ изъ Петербурга, съ нарывомъ на боку, шестилѣтняя дѣвочка изъ Иркутска съ кокситомъ бедра и бѣдная крестьянская дѣвушка изъ Кронштадта—съ ногой, съ дѣтства скорченной, которую здѣсь выпрямили,—ее всѣ звали Дуняшей. Курсами никто изъ нихъ не интересовался, что тотчасъ-же обрисовало передо мной ихъ умственный уровень; я была вырвана изъ своей среды, и съ полки смотрѣли на меня книги, казалось, съ упрекомъ...

На третій день моего поступленія въ лѣчебницу должны были состояться двѣ операціи—мнѣ и армянкѣ; на всѣ разспросы—какъ мнѣ будутъ дѣлать операцію—я не могла узнать, съ хлороформомъ или безъ него: профессоръ молчалъ, и сестры тоже. Проснувшись рано, я одѣлась и улеглась на постель, откуда было очень удобно наблюдать, что дѣлалось въ корридорѣ... Тамъ шла суета... Вотъ прошли ассистенты, одѣтые въ бѣломъ, вотъ прошелъ профессоръ, также переодѣтый... Старушка-армянка волновалась и молилась... ее брали первую. Мнѣ принесли чаю безъ булки, но я отказалась пить... Я лежала... наблюденіе надъ новою обстановкою занимало меня, и невольно какъ-то забыла о себѣ.

2 декабря, веч.

Въ 6-ти кроватной мужской умираетъ отъ рака морякъ 50 лѣтъ, онъ очень плохъ, и, быть можетъ, не доживетъ до завтра. Отъ всѣхъ больныхъ тщательно скрываютъ это, лишь одна я изъ всей нашей палаты знаю, благодаря близкимъ отношеніямъ съ сестрой Г—вичъ, которая сообщила мнѣ объ этомъ только потому, что, по ея словамъ, видѣла „мое спокойное отношеніе ко всему"...

Никогда контрастъ между жизнью и смертью не обрисовывался мнѣ ярче, чѣмъ здѣсь: вѣдь это такъ близко отъ насъ—въ концѣ коридора—совершается великое таинство смерти, заканчивается послѣдній актъ жизненной драмы... У него—только одна жена, дѣтей нѣтъ; онъ не хочетъ ее видѣть, и она сидитъ за ширмами, а при немъ дежуритъ сестра, на ночь ее смѣняетъ другая. И я мысленно присутствую тамъ, въ ванной, представляю себѣ умирающаго на бѣлой кровати... О, Боже, Боже! и когда-то онъ тоже родился, и окружающіе радовались его появленію на свѣтъ: въ этотъ моментъ люди не представляютъ себѣ ожидающей всѣхъ судьбы, но, вѣдь, конецъ неизбѣженъ, *неизбѣженъ*.

О, смерть, ты—здѣсь и тамъ... Въ одной изъ отдѣльныхъ палатъ лежитъ еще молодой офицеръ, тоже неизлѣчимо больной саркомой на головѣ; онъ еще не скоро умретъ, хотя безнадеженъ. Знаетъ-ли онъ, что въ эту ночь невидимая холодная рука уноситъ одного изъ насъ? Знаетъ-ли онъ, что и его ждетъ конецъ? Что испытываетъ этотъ человѣкъ теперь?—Говорятъ, священникъ его исповѣдалъ, но не причастилъ, такъ какъ съ нимъ дѣлается тошнота.

Въ палатѣ тишина. Лампы потушены, одна моя горитъ, и я спѣшу записать волнующія душу мысли.

По коридору раздаются шаги; при каждомъ звукѣ ихъ мнѣ такъ и кажется, что изъ ванной уже выносятъ трупъ въ покойницкую... Сегодня веселая, юная сестричка Па—ская, съ невольно отразившимся на дѣтскомъ личикѣ страхомъ, разсказывала мнѣ, какъ покойниковъ уносятъ въ покойницкую, какъ вечеромъ того же дня ассистенты дѣлаютъ вскрытіе, на которомъ присутствуютъ всѣ сестры, какъ потомъ онѣ всѣ идутъ въ ванную мыться... Меня всю внутренно передергивало отъ этого разсказа: какъ?—всего только сутки пройдутъ, даже менѣе, и чело-

вѣкъ, холодный, разрѣзанный лежитъ на столѣ, и надъ нимъ—читаютъ лекцію... Нѣтъ, должно быть человѣку не была сначала свойственна смерть—несмотря на тысячелѣтія, мы до сихъ поръ не можемъ привыкнуть къ этой мысли.

И зачѣмъ я такъ думаю? Вѣдь, кажется, надо примириться съ этимъ сознаніемъ, но отчего-же одна мысль о томъ, что человѣкъ умираетъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ—наполняетъ меня всю какимъ-то смущеніемъ, жалостью и благоговѣйнымъ чувствомъ предъ переходомъ послѣдней грани жизни, отдѣляющей извѣстное отъ полной неизвѣстности? А что-же *тамъ*? что тамъ?—Я не могу примириться съ мыслью о совершенномъ уничтоженіи человѣка, нѣтъ, это невозможно! Что за жалкое созданіе представлялъ бы изъ себя гордый „царь природы",—жилъ, не зная, откуда идетъ его существованіе, не зная, куда уйдетъ, а главное—*зачѣмъ* онъ жилъ, для чего всѣ его труды, когда наука указываетъ въ концѣ концовъ на гибель всего живущаго... Страшная загадка эта неразрѣшима на почвѣ разума, и люди безъ вѣры, въ сущности, *не могутъ жить*.

Да, и я не могу жить... и не могу потому, что иначе—я теряю весь смыслъ жизни, не понимаю ея и мучаюсь невыразимо, умирая-же страдаю еще болѣе отъ мучительнаго сознанія неизвѣстности и безцѣльности прожитаго существованія.

Я не могу такъ!!!

Нѣтъ, я вѣрю, что, если постигать религію въ ея глубокомъ смыслѣ, то жизнь озаряется такимъ чуднымъ свѣтомъ Евангельской любви, стремленіе къ высшему самосовершенствованію и надежда на искупленіе подвигомъ ошибокъ жизни даютъ такую великую нравственную силу, которая въ состояніи покорить міръ... и моментъ смерти, если жизнь улетаетъ безъ особенныхъ страданій, когда умъ ясенъ и мысль стремится къ Богу—онъ не только не ужасенъ, но прекрасенъ, торжественъ и даже не заключаетъ въ себѣ ничего печальнаго. Что можетъ быть лучше надежды на свиданіе *тамъ*? Если бы всѣ христіане могли проникнуться истиннымъ пониманіемъ религіи—то вѣдь почти осуществилось бы царство Божіе на землѣ... Но вотъ это-то отсутствіе глубокаго религіознаго сознанія въ массахъ, склонныхъ лишь къ внѣшнему формализму вѣры, и лишало не заботящихся объ ея истинномъ смыслѣ, о стремленіи къ нравственному самоусовершенствованію—скорѣе всего способности возбудить сомнѣніе въ религіи, и подумать: если сознательно-религіозныхъ можетъ

быть лишь изъ 1.000 одинъ, а всѣ прочіе обречены на гибель,— то что же за жалкій родъ человѣческій?

Въ одно и то же время я и сомнѣваюсь, тогда какъ наука и жизнь показываютъ мнѣ всю глубину и силу ученія Евангелія, и я не могу отрицать его божественнаго, не человѣческаго происхожденія... Люди до сихъ поръ твердятъ на разные лады одну и ту же мысль: люби ближняго, какъ самого себя. Въ этой общинѣ я наблюдаю и вижу всю живительность этого принципа, всю его спасительную силу... На ряду съ самоотверженностью сестеръ, ихъ кротостью и терпѣніемъ—еще ярче выступаетъ эгоизмъ нѣкоторыхъ больныхъ, вся грязь человѣка, вся нравственная низость его души—обнажаются совершенно... И больно и стыдно становится за людей и хочется имѣть грудь гиганта, чтобы на весь міръ страшнымъ голосомъ закричать: несчастные, опомнитесь, въ любви сила! вы, грязные, злые, жалкіе въ ненависти своей—смиритесь, откройте сердца ваши... и чтобы голосъ мой, какъ острый ножъ, насквозь пронзилъ огрубѣлыя эгоистическія сердца, и они облились бы горячею кровью, и пробудилось бы въ нихъ это чувство, и примиренные—они пошли бы въ „станъ погибающихъ“ подъ давленіемъ ихъ эгоизма, и тогда прекратились бы на землѣ страданія, такъ какъ не стало бы угнетенныхъ.

3 декабря, днемъ.

Отъ Шурки получила письмо,—болитъ горло—вотъ уже восьмой день онъ въ лазаретѣ, и я страшно боюсь, какъ бы его горловая простуда не перешла въ дифтеритъ. Лѣчитъ, кажется, безтолковый врачъ.

На душѣ смутно, точно тяжелыя осеннія тучи налегли на сердце, и мысль объ одинокомъ братѣ-мальчуганѣ въ казенномъ лазаретѣ—не выходитъ у меня изъ головы... Что... если... дифтеритъ... и...—я боюсь даже высказать затаенную мысль.

Боже мой, возьми лучше мою жизнь, но оставь его! Хотя я его такъ хорошо знаю, что и теперь могу предсказать, что изъ него никогда не выйдетъ человѣка въ высшемъ смыслѣ этого слова, что его легкомысліе и вѣтренность принесутъ ему не мало бѣдъ въ жизни, что онъ не сумѣетъ переносить несчастій, и что смерть въ ранніе годы хороша тѣмъ, что покидаешь міръ, такъ сказать, стоя на порогѣ жизни, не успѣвъ извѣдать ни ея ра-

достей, ни страданій,—но все-таки одна мысль о возможности подобнаго несчастія леденитъ душу... Будь онъ дома—другое дѣло—я бы пріѣхала и ухаживала за нимъ, но въ настоящее время мое положеніе тѣмъ и ужасно, что я не могу его видѣть, не могу лично узнать отъ доктора все, не могу своимъ присутствіемъ облегчить ему болѣзнь... и если ему станетъ хуже... но нѣтъ! Пусть лучше мнѣ отнимутъ обѣ ноги потомъ, но я поѣду къ нему...

Господи, будь милосердъ, избавь мое несчастное сердце отъ такого великаго неожиданнаго горя...

Пусть Шурка выздоровѣетъ...

11-й часъ вечера.

Леонтьевъ (морякъ) еще живъ...

Вѣчная трагедія жизни! и тамъ, въ концѣ коридора, ежеминутно можно ожидать ея конца...

Я готова проклинать всѣхъ тѣхъ, кто самъ, испытавъ хоть однажды большое горе, видѣвъ хоть разъ смерть и страданія — рѣшается, не смотря на это, давать жизнь другимъ существамъ. Какъ глубоко трагично то, что такое высшее созданіе, какими мы себя считаемъ, —есть порожденіе самаго низменнаго, самаго животнаго акта! И эта животность, подчиняющая себѣ весь родъ людской, заставляетъ забывать объ ея послѣдствіяхъ — и въ результатѣ на свѣтъ появляются милліоны существъ, родящихся лишь для того, чтобы потомъ съ озлобленіемъ проклинать минуту рожденія. И надъ всѣмъ нашимъ земнымъ шаромъ, надъ всѣми этими милліардами живыхъ и копошащихся въ своемъ ослѣпленіи существъ—царитъ одно вѣрное, одно непремѣнное: смерть, смерть и смерть...

Голова кружится...

4 декабря.

Леонтьевъ умеръ вчера въ 2 часа ночи. При немъ дежурила сестра Па—вская, розовая дѣвочка лѣтъ 18-ти, веселая и жизнерадостная. И онъ, умирая, сказалъ ей: „до свиданія, вы тоже скоро умрете“... Она кажется, не приминула всѣмъ сообщить объ этомъ неожиданномъ „предсказаніи“... Сегодня утромъ m-me Ш., смѣясь, смотритъ на нее и повторяетъ:—„такъ до свиданія же...“ и она смѣется... и другія дежурныя сестры смѣются...

А я не смѣюсь, и думаю: отчего онъ сказалъ ей это? Или въ моментъ перехода этой границы — онъ вдругъ увидѣлъ уже не здѣшними глазами ея будущее, или это было просто злое желаніе съ его стороны — умирая омрачить молодое существо страшнымъ „до свиданія“, или, наконецъ, онъ сказалъ это просто „такъ?“ Благоразумные люди скажутъ: конечно, „такъ“; второе предположеніе—неблагородно какъ-то, а первое?... И вдругъ—предсказаніе сбудется, и черезъ годъ, черезъ два — сестры Па—вской не станетъ? Фу, какое тупое суевѣріе! Неужели я стала суевѣрна?...

Я читаю теперь въ „Новомъ Словѣ“ 97 г. 7 и 8 №№—повѣсть Свѣтлова: „Въ дверяхъ Эдема“. Особенными литературными достоинствами она не отличается, но проф. П. изображенъ очень живо и вѣрно, хотя слегка преувеличенно; также мѣтко дано прозваніе „холдейскаго жреца“ ассистенту Ал. Ал. Э.: дѣйствительно, въ его лицѣ есть нѣчто загадочное, особенно, когда онъ надѣнетъ свой операціонный костюмъ — бѣлую шапочку съ краснымъ крестомъ и такой-же фартукъ.

Я съ ужасомъ смотрю на календарь: 4-ое! Сколько лекцій пропущено, сколько дней занятій потеряно! такъ какъ въ общей палатѣ оказалось совсѣмъ невозможно заниматься. Добрая душа—профессоръ сдѣлалъ просто благодѣяніе, положивъ меня на кровать имени Гамбургеръ, какъ учащуюся, несмотря на мои протесты; но если бы я знала, что эта кровать будетъ въ 6-ти кроватной палатѣ,—я едва ли согласилась бы. Какъ всегда—я и въ этомъ случаѣ оказалась несообразительна: вмѣсто того, чтобы пріѣхать сюда сначала съ кѣмъ-нибудь изъ товарокъ—я отнеслась къ своему помѣщенію сюда съ каменнымъ равнодушіемъ, мнѣ было какъ-то „все равно“, можетъ быть потому, что я по пріѣздѣ изъ Пскова уже съ трудомъ могла ходить...

Нигдѣ, кажется, съ такою ясностью не видишь, какъ здѣсь, какое злоупотребленіе дѣлаютъ люди изъ своего органа рѣчи: бабье пустословіе, разговоры съ утомительной безсодержательностью уже раздражили мнѣ нервы; повидимому, ко мнѣ вновь возвращается проклятое состояніе, выражающееся пока въ легкой сравнительно формѣ—сжиманіемъ головы. Разговоры меня мучатъ невыразимо, и я, послѣ окончанія курсовъ, рѣшительно стану избѣгать женскаго общества, или же буду сходиться съ наиболѣе серьезными и молчаливыми; а здѣсь—еслибъ я знала, каково лежать въ общей палатѣ — непремѣнно легла бы въ отдѣльную: лучше было бы заплатить 100 руб. съ „нѣкоторой натяжкой“

своихъ финансовъ, нежели терять дорогое время, которому цѣны — нѣтъ.

Теперь 11-й часъ вечера... Пришла одна больная изъ отдѣльной палаты и, сѣвъ къ Тамарѣ на кровать, гадаетъ ей... Несчастный женскій умъ! абсолютная пустота, заполняемая областью половыхъ отношеній: мужъ, дѣти, и въ привязанности этой — ни капли духовности...

Во мнѣ подымается сильнѣйшее раздраженіе. Какъ я понимаю Достоевскаго, который сказалъ, что весь ужасъ каторги заключается въ томъ, что онъ „никогда не будетъ одинъ“... Сегодня я выѣхала въ столовую, и мнѣ стало положительно легче на душѣ. Сестры были заняты, и я просидѣла около часу совершенно одна. И мнѣ не хотѣлось возвращаться въ палату.

Я даже не могу писать сегодня все, что хочется. Присутствіе посторонняго лица раздражаетъ меня; видъ этой женщины съ ея простоватымъ лицомъ и угловатыми тѣлодвиженіями—доказываетъ такую ограниченность женскую, такое полное отсутствіе „всякой мысли“, за исключеніемъ вышеупомянутой сферы, что я по ней могу судить объ ея мужѣ.

Ну, довольно! Я, кажется, разнервничалась... Самообладаніе! въ немъ есть единственный исходъ.

11 декабря.

Сегодня операціонный день; утромъ, передъ операціями, слышится истеричный плачъ, вечеромъ—тяжелые стоны...

Сейчасъ получила письмо отъ брата, его выпустили изъ лазарета... Слава Богу! Говорятъ, я похудѣла за эти дни.—Не мудрено отъ такой тревоги.

18 декабря.

„Alles ist so still um mich hier“, но я не могу прибавить— „Und so ruhig in meiner Seele“... Зрѣлище человѣческихъ страданій, раскрытое передо мною, не даетъ покоя душѣ, и еще глубже, острѣе становится вопросъ: зачѣмъ же?...

29 ноября Григорьева пріѣхала сюда; больная, съ огромной, запущенной кистой въ животѣ, все-таки ходила, говорила, смѣялась. И послѣ операціи сначала все шло хорошо, но уже черезъ недѣлю видно было, что ей не жить: отъ нея началъ итти такой

дурной запахъ, что пришлось изъ 6-ти-кроватной перенести ее въ перевязочную. Никто не говорилъ мнѣ о ней ни слова, но при взглядѣ на эти вваливающіеся глаза я чувствовала, что надъ нею уже носится дыханіе смерти... Я навѣщала ее черезъ день, и вижу постепенное угасаніе, разложеніе заживо...

Доктора и сестры скрываютъ отъ нея ея состояніе и она сама, очевидно, не сознаетъ опасности своего положенія: кто-то изъ коломенскихъ кумушекъ—она мѣщанка—еще до операціи увѣрилъ ее, что до 21 дня при такихъ операціяхъ всегда бываетъ плохо, а потомъ поправляются. И она вѣритъ, что и у нея такъ будетъ. Вчера у нея былъ священникъ, замѣтилъ, что она очень слаба — „объ этомъ знаемъ не мы, а доктора, батюшка“—отвѣчала она. Предложеніе исповѣдаться и причаститься больная оставила безъ отвѣта.

У меня сердце замираетъ при мысли, каковъ-же долженъ быть ужасъ человѣка, когда онъ, надѣясь на жизнь до послѣдняго момента,—вдругъ самъ сознаетъ всю неизбѣжность близкаго конца. Вѣдь, въ сущности, несознаніе смерти есть замаскированная жизнелюбіемъ боязнь смерти, потому что рѣдко возможно соединить любовь къ жизни со спокойнымъ отношеніемъ къ смерти. Это доступно немногимъ — философамъ или истиннымъ христіанамъ. Надо жить, постоянно помня о смерти. Тогда она не явится ужасной неожиданностью...

Теперь я читаю „Первые дни христіанства“ Фаррара, и описаніе жизни первыхъ христіанъ заставляетъ меня еще яснѣе видѣть всю громадную пропасть, отдѣляющую нашу современную жизнь „христіанскихъ“ народовъ отъ этой идеально-высокой въ своей простотѣ жизни.

19 декабря.

Нынче въ Кіевѣ, бродя по выставкѣ, я случайно натолкнулась на экспонаты сельско-хозяйственной школы Кресто-Воздвиженскаго Трудоваго Братства въ Черниговской губ., Глуховскаго уѣзда, учрежденной Н. Н. Неплюевымъ. На столѣ лежали карты, отчеты и книги съ исторіей школы. Я такъ и вздрогнула, развернувъ одну изъ нихъ. Мнѣ показалось, что я нашла свою мечту осуществившейся въ дѣйствительности. Н. Н. Неплюевъ, аристократъ-помѣщикъ, покинулъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, свой дипломатическій постъ въ Мюнхенѣ въ 80-хъ годахъ, оза-

ренный внезапно убѣжденіемъ, что вся его жизнь рѣзко расходится съ Евангельскимъ ученіемъ. И онъ постарался устроить ее и эту школу по заповѣди: „Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“. По этой заповѣди онъ началъ воспитывать своихъ учениковъ, не насилуя ихъ воли: въ устроенные имъ „братскіе кружки“ вступали добровольно, и бывали случаи, что ученики кончали курсъ, не участвуя ни въ старшемъ, ни въ младшемъ кружкѣ.

Выставка закрывалась; наступавшія сумерки не дали мнѣ возможности прочесть всю гнигу, и я ушла домой; болѣе узнать о ней мнѣ не пришлось. Только осенью, въ „Новомъ Времени“, я прочла коротенькую выдержку, кажется, изъ журнала „Недѣля“ объ этой школѣ, и легкомысленную замѣтку газеты: „да, есть же счастливые люди на свѣтѣ“, или что-то въ этомъ родѣ; болѣе серьезнаго отношенія газеты, которая каждое Рождество и Пасху трогательно говоритъ о любви къ ближнему въ передовицахъ, выдержка, очевидно, не заслуживала. Съ тѣхъ поръ у меня не выходитъ изъ головы мысль объ этой школѣ. Надо узнать о ней побольше, но какъ? откуда узнать адресъ? откуда узнать названіе имѣнія?

20 декабря.

Вчера у меня былъ С—чъ, сынъ профессора, очень милый юноша; но мнѣ какъ-то непріятно сознавать, что я произвожу на него ложное впечатлѣніе: онъ считаетъ меня за человѣка энергичнаго, тогда какъ я вся еще нахожусь подъ впечатлѣніемъ упрека, брошеннаго мнѣ вскользь почти незнакомымъ студентомъ. Когда онъ узналъ, что между гимназіей и курсами я 4 года не могла добиться позволенія у мамы поступить на курсы, онъ сказалъ мнѣ небрежно:—„значитъ, у васъ было мало инергіи“... Какъ ножемъ, по сердцу рѣзнули меня эти слова. Вѣдь онъ былъ правъ! Дома, лѣтомъ, я перечитала мой дневникъ за то время, и на каждомъ шагу наталкивалась на собственную слабость, несчастіе. Съ тѣхъ поръ, какъ я пережила борьбу съ препятствіемъ поступленія на курсы,—я точно преобразилась... Но сознаніе своей прошлой дряблости и заставляетъ меня стыдиться, когда иногда моя живая рѣчь или жестъ позволяютъ другимъ судить обо мнѣ лучше, нежели я на самомъ дѣлѣ есть. Потому что я считаю энергію настолько хорошимъ качествомъ, что не осмѣлюсь приписать ее себѣ.

21 декабря.

Знакомлюсь съ больными. У большинства страданія интереснѣе ихъ самихъ, или же совершенно заслоняютъ личность, потому что она такъ обыкновенна, что ничего не стоитъ замѣнить ее.

Одинъ изъ лежащихъ въ отдѣльной палатѣ — директоръ правленія конторы Государственнаго Банка въ Одессѣ — молодой человѣкъ 29 лѣтъ, бывшій лицеистъ — казался мнѣ сначала болѣе интереснымъ по своему содержанію. Но мое разочарованіе началось съ того, какъ я замѣтила, что онъ находится подъ башмакомъ своей ревнивой жены, которая, пока я не выѣзжала, навѣщала меня ежедневно, а потомъ ни разу не пригласила къ себѣ, тщательно затворяя двери палаты, когда видѣла меня въ столовой. Это бы еще ничего; бѣда въ томъ, что онъ оказался съ шаблонными взглядами на жизнь и женщину, на отношенія мужчинъ и женщинъ,—и это я простила бы, но, сверхъ всего этого, имѣть такое же шаблонное отношеніе къ религіи—я не могу перенести хладнокровно. Видѣть образокъ, висящій на кровати и скабрезные французскіе журналы на столѣ — тяготитъ меня, какъ образецъ абсурда оффиціальной религіозности, которою заражено наше общество. И изъ всѣхъ его словъ такъ и сквозитъ полное непониманіе нездоровости такихъ взглядовъ и вредности такой „золотой середины“, которой онъ держится, и которая покорно убаюкиваетъ насъ на мягкой перинѣ „обыденной жизни“... Если хочешь спокойнаго сна на ней—лежи по серединѣ; передвинешься въ сторону—ужъ неловко, а еще—тогда ужъ упадешь и проснешься.

Я мало знаю людей, но если мнѣ придется жить среди такихъ, то я уйду отъ нихъ, уйду куда бы то ни было, уйду изъ Россіи,— я не въ состояніи мириться съ такой ужасающей пошлостью... Если бы я обладала талантомъ Грановскаго, страстностью же Бѣлинскаго—я бы пошла на каѳедру и стала бы „учителемъ жизни“... Но я—человѣкъ обыкновенный, да еще мои способности подкошены нервами—мнѣ остается одно: бороться по мѣрѣ силы одной, а затѣмъ въ случаѣ—уйти, но не сдаться!!

Новый человѣкъ я, и моя обновленная жизнь требуетъ иныхъ людей...

Въ головѣ моей слагается смѣлый планъ—воскресить давно умершую христіанскую общину первыхъ вѣковъ, провести среди современнаго испорченнаго эгоизмомъ общества эту великую,

вѣчно-живую идею; осуществляя ее на дѣлѣ — основать для начала монастырь, но своеобразный, девизомъ котораго служили бы слова: „иже хощетъ по Мнѣ итти, *да отвержется себѣ, да возьметъ крестъ свой*, и по Мнѣ грядетъ"...' и провести это самоотверженіе во всей цѣльности, примѣняя при этомъ все, что могла выработать цивилизація на пользу человѣка, отвергая какъ ненужное всю ея мишуру. А потомъ воспитать въ этомъ монастырѣ поколѣніе, безразлично—мужское и женское, и тогда, быть можетъ—въ этомъ поколѣніи, благодаря воспитанію, и осуществится жизненный идеалъ Христа...

Въ $7^1/_2$ часовъ скончалась Григорьева. Отъ больныхъ, конечно, скрыли.

24 декабря 10

Вотъ гдѣ пришлось проводить мнѣ нынче Рождественскую ночь!

У дѣтишекъ—Шуры, Жени въ женской шестикроватной, у Шуры и Феди въ мужской—елки; личики дѣтокъ въ бѣлыхъ халатахъ свѣтятся радостью, а пестрыя, разукрашенныя елки придали бѣлымъ палатамъ еще болѣе семейный и праздничный видъ.

Была сегодня за всенощной; и вся, слѣдуя тому настроенію по отношенію къ церкви, которое меня не покидаетъ уже 2-ой годъ,—я смотрѣла на лица молящихся. Это было удобно, такъ какъ кресла съ больными ставятся у клироса, а посторонніе посѣтители стояли въ глубинѣ церкви полукругомъ. Церковь была ярко, по праздничному, освѣщена; видно было, какъ торжественность богослуженія дѣйствовала на молящихся: всѣ стояли вытянувшись; на всѣхъ лицахъ застыло строгое, внимательное выраженіе... Прекрасно пѣли мое любимое нотное „Слава въ вышнихъ Богу"... Сколько разъ я ни слушала этотъ превосходный напѣвъ—онъ все болѣе и болѣе нравится мнѣ: онъ точно медленно уноситъ куда-то вверхъ... звуки нѣжные, тихіе... Какой композиторъ написалъ эту музыку? Поистинѣ трудно написать и болѣе возвышенную, поэтичную, и въ то же время простую.

Я совсѣмъ замечталась.

„Господи, къ Тебѣ прибѣгохъ!" эти слова раздаются, точно музыкальный вздохъ по всей церкви...

Я оглянулась на молящихся... всѣ стояли также внимательно, глаза многихъ были устремлены на образа; нѣтъ сомнѣнія, что у многихъ въ сердцѣ отдались эти слова горячей молитвой...

„Научи мя творити волю Твою“.

Я продолжаю смотрѣть на толпу... Да? и эти люди просятъ Бога научить ихъ творить Его волю? И они въ самомъ дѣлѣ готовы исполнить божественныя Его заповѣди?

Горькій смѣхъ чуть не вырвался у меня...—А ты сама-то? не лучше ли было бы тебѣ вовсе не...

„Яко ты еси Богъ мой...“

И вотъ они всѣ вернутся домой—такими же, какими пришли сюда.

„Яко у Тебе источникъ живота... въ свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ!“—заканчивается славословіе громкимъ радостнымъ аккордомъ..

И теперь мнѣ стало ясно, почему такъ внимательно стояли и слушали эти люди.

Имъ необходимо отрѣшиться хоть на нѣсколько часовъ отъ пошлости житейской, въ которой погрязли многіе изъ нихъ—и вотъ они идутъ сюда. Никогда не догадаются они, что именно эта потребность ведетъ ихъ въ церковь; считая себя „православными христіанами“ —они объясняютъ себѣ желаніемъ „встрѣтить праздники по-христіански“—не вдумываясь глубже.

Молитва возвышаетъ человѣка, отрѣшаетъ его отъ всего земного, церковь же легче настраиваетъ къ этому. Это громкое, радостное обѣщаніе—точно просвѣтляетъ душу, даетъ ей поддержку и силу жить во тьмѣ житейской...

„Пробави милость Твою вѣдущимъ Тя“...— раздается вновь тихое пѣніе, въ которомъ звучитъ трогательная мольба... сжалься надъ нами!

„Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ“...

Троекратный гармоническій призывъ Высшаго Существа такъ прекрасно заканчиваетъ всю молитву, что долго стоишь очарованной и сердце наполняется невыразимымъ волненіемъ...

Какая прекрасная музыка. Это цѣлая психологія въ небольшомъ произведеніи... И я хотѣла бы умереть подъ звуки этой священной пѣсни...

Мнѣ всегда казалось, еще когда я была ребенкомъ, что ангелы, возвѣщавшіе пастухамъ Рождество, пѣли именно этимъ напѣвомъ...

И вотъ уже сколько столѣтій, какъ люди празднуютъ эту ночь, и это священное воспоминаніе набрасываетъ на нее дымку

какой-то таинственности, какой-то торжественности, и невольно этому поддаешься.

...Мои милые, дорогіе, далекіе!

И мыслью и сердцемъ—я съ вами со всѣми въ эту Рождественскую ночь... и въ Нерехтѣ, и въ Ярославлѣ, и въ Кіевѣ, и въ Москвѣ...

Вы не любите меня такъ, какъ я васъ, вы любите по-своему, не всѣ и не всегда понимая меня... Чѣмъ виновата я, что такая уродилась? всю тяжесть этого—несу вѣдь я одна. Но я все-таки люблю васъ, и больше, чѣмъ вы меня...

Мало кто изъ васъ пожалѣетъ отъ души, что я въ эти дни здѣсь, но мнѣ—хотѣлось бы васъ всѣхъ прижать къ своему сердцу... И я дѣлаю это здѣсь...

Вспомните же меня! О, если бъ этотъ душевный стонъ обладалъ силою раздаться по всѣмъ направленіямъ за тысячи верстъ—чтобы прозвучать въ вашихъ ушахъ...

26 декабря.

Умеръ Захарьинъ, отъ мозгового удара (или паралича). Когда я вчера утромъ прочла телеграмму, и сказала объ этомъ сестрѣ Б—вой, та усмѣхнулась въ отвѣтъ:—„Ну и слава Богу, не будетъ больше больныхъ обирать"—это былъ первый услышанный мною приговоръ, отъ человѣка, всю жизнь свою безкорыстно и беззавѣтно служащаго дѣлу милосердія. И со своей точки зрѣнія—она безусловно права: болѣзнь сама по себѣ есть несчастіе, и вотъ почему спекуляція этимъ несчастьемъ—непомѣрныя суммы за визиты, которыя берутъ знаменитости—производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Въ тотъ же день въ „Н. Вр." былъ напечатанъ фельетонъ, гдѣ Old Gentleman старался оправдать рѣзкости и причуды Захарьина будто бы нравственною низостью той толпы, которая вѣрила въ него какъ въ волшебника, а онъ, какъ человѣкъ умный, понимая этотъ взглядъ для него въ сущности оскорбительный, платилъ за это ненавистью и презрѣніемъ. Все это можетъ быть и такъ, но именно это-то и не оправдываетъ Захарьина: если онъ былъ головою выше толпы, то долженъ былъ скорѣе сожалѣть объ ея нравственной тупости, а не увеличивать ее еще болѣе и принижать своими причудами до безконечности. Деньги—деморализируютъ общество, и въ данномъ случаѣ Захарьинъ являлся именно такимъ деморализаторомъ его. Ставить

въ заслугу Захарьину то, что онъ, иногда получивъ дерзость отъ какого-нибудь смѣлаго паціента, проникался къ нему уваженіемъ, значитъ, въ сущности, выставить еще болѣе на видъ его нравственные недостатки. Б. разсказывала мнѣ, что когда его однажды просили пріѣхать къ больному студенту его товарищи, то онъ потребовалъ 50 руб. за визитъ; и студенты собрали эти деньги мѣдяками и вручили въ мѣшкѣ профессору. Тотъ ничего, взялъ. Плохой защитникъ Old Gentleman своимъ фельетономъ оказалъ памяти профессора медвѣжью услугу: покойнаго Боткина благословляли, но зато онъ и оставилъ послѣ себя 100 т., Захарьинъ же 4 милліона.

30 декабря.

Читая теперь лекцію Зомбарта о соціологическомъ движеніи въ Европѣ, я нахожу, что многія мысли, высказываемыя въ нихъ—мнѣ приходили въ голову раньше, когда я только что начала читать Исторію французской революціи (Карѣевъ) и размышлять надъ ходомъ исторіи. Въ прошломъ вѣкѣ отъ революціи выиграла буржуазія,—аристократія, духовенство имѣли уже свой золотой вѣкъ ранѣе; теперь же выступаетъ на сцену новое—четвертое сословіе, на счетъ котораго живутъ всѣ другіе,—рабочій пролетаріатъ. За цѣлое столѣтіе—соціальное экономическое да и умственное развитіе поднялось, такъ что борьба становится несомнѣнно труднѣе,—положеніе запутывается; явились Карлъ Марксъ, Энгельсъ, явилась соціологія, масса школъ всякаго рода; у насъ въ Россіи—марксисты и народники готовы передушить другъ друга потокомъ доказательствъ... Боже, въ какой безднѣ научной и политической запутались люди! Готова возникнуть цѣлая наука—соціологія—какъ будто бы людей можно научить жить по научной теоріи! Поистинѣ, иногда измышленія господъ ученыхъ похожи на дѣтскія игры. Надо ли основать науку объ эгоизмѣ, величайшей язвѣ человѣчества, которая подтачиваетъ его существованіе? Надо бы раскрыть великую книгу исторіи и показать, какія великія бѣдствія оно наносило и наноситъ самому себѣ—всякаго рода войнами и притѣсненіями низшихъ... Рѣдки свѣтлыя страницы: тяжело читать эту книгу. И несмотря ни на что, „таинственная воля къ жизни“—заставляетъ человѣчество жить и жить въ безпрерывной сутолокѣ, страдать, жаловаться, но тѣмъ не менѣе все-таки производить на свѣтъ еще болѣе жалкихъ существъ.

Какъ подумаешь—то, право, кажется, что здѣсь есть какое-то безуміе.

Я никогда не забуду, какъ нынче лѣтомъ Д—съ, все время твердившій о тяжести жизни, вѣчно погруженный въ пессимизмъ, сказалъ: „если я женюсь, то мой бракъ будетъ эстето-психологическимъ“, и этого достаточно было, чтобы онъ сразу на половину упалъ въ моихъ глазахъ. Я не удержалась и сказала: вѣдь это-же абсурдъ, признавая безсмысленность и тяжесть жизни,—жениться и производить на свѣтъ еще болѣе несчастныхъ существъ... Онъ нисколько не задумываясь отвѣчалъ: „да вѣдь я же и не думаю о дѣтяхъ...“ Чудный отвѣтъ! похвальная откровенность! Если-бъ онъ смотрѣлъ въ это время на меня — онъ могъ бы видѣть, какъ все мое лицо, вся моя фигура выражали негодующій упрекъ; но онъ смотрѣлъ внизъ, а я... встала молча и отошла къ морю, чтобы, глядя на волны, хоть немного овладѣть собою. Я не люблю терять словъ даромъ, и не нападаю негодующей рѣчью, если вижу, до какой степени она будетъ непонятна и безполезна.

Да, сначала я была не согласна съ „Метафизикой половой любви“ Шопенгауера; но, пожалуй, теперь, послѣ трехъ лѣтъ занятій, размышленій и наблюденій надъ жизнью—придется согласиться съ нимъ, что въ основѣ любви лежитъ таинственная безсознательная „воля къ жизни“, которая магически дѣйствуетъ въ человѣчествѣ.

Боже, какъ мы жалки, какъ мы несчастны! Жалка наша жизнь, но въ отчаянной борьбѣ, на порогѣ смерти мы хватаемся за соломинку, готовые цѣловать подошвы сапогъ г—дъ Захарьиныхъ и потакать ихъ самодурству, лишь бы вновь вернуться въ этотъ омутъ... Мы боимся смерти, потому что черезчуръ привязаны къ жизни и мало думаемъ объ ея концѣ. Все положительное симпатично намъ, все отрицательное доставляетъ страданіе. Это дѣйствительно заставляетъ думать, что когда-то человѣкъ былъ созданъ для вѣчнаго наслажденія жизнью, для счастья, радости, довольства. Какимъ таинственнымъ, невидимымъ путемъ потерялъ онъ это блаженство? Библія объясняетъ это... Вѣрить ей? Или же считать Книгу Бытія символической?—Не знаю...

Надо бы еще подвести итоги прошлому году... но скоро 11, сестра придетъ за лампою, и я оставляю перо...

31 дек., 10-й ч. веч.

Вотъ и старый годъ приходитъ къ концу; подведемъ же итогъ... Многое пришлось мнѣ пережить въ немъ, пожалуй, болѣе, нежели за цѣлую половину предыдущей жизни... Я не занималась основательно и не успѣла мало-мальски получше ознакомиться ни съ однимъ вопросомъ; смягчающими вину обстоятельствами являются внѣшнія, да и мое нейрастеническое состояніе; нравственныя мученія несравненно острѣе физическихъ, и невозможность заниматься въ тѣхъ предѣлахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, не перестаетъ меня мучить. Господи! сжалься, наконецъ, надо мною! дай мнѣ хоть на этотъ годъ силы и здоровья!.. Зато въ сферѣ нравственной, послѣ того остраго потрясенія, испытаннаго мною во время болѣзни Вали,—я выиграла: полезно, въ высшей степени полезно попасть въ сферу несчастныхъ, испытать самой болѣзни и, кромѣ того, видѣть кругомъ себя горе себѣ подобныхъ.

Здѣсь, окруженная моими друзьями—книгами, я живу точно не въ лѣчебницѣ; только видъ больныхъ напоминаетъ мнѣ, гдѣ я, а то—лежа въ постели, въ подушкахъ, не чувствуя ни малѣйшей боли въ ногѣ, и съ книгой въ рукахъ—я вполнѣ здорова... Меня даже какъ-то не тянетъ отсюда...

Ваша пошлая эгоизмомъ жизнь окружаетъ наше сердце такой толстой шкурой, что нужны иногда жестокіе удары судьбы, чтобы пробить ее и добраться до самаго сердца; но бываетъ и такъ, что эту шкуру не пробьетъ ничто, эгоизмъ такъ въѣдается въ сердце, что оно, наконецъ, совсѣмъ высыхаетъ.

И теперь я ясно увидѣла свое заблужденіе, всю глупость своей идеализаціи людей и теоретическихъ взглядовъ на жизнь...

Интересныхъ встрѣчъ и людей за этотъ годъ почти не было. Д—са я пока мало знаю, но насколько его поняла—онъ типичный представитель изломаннаго молодого поколѣнія; онъ и Таня—родные братъ и сестра по натурѣ съ нѣкоторымъ нездоровымъ взглядомъ, только она симпатичнѣе его, потому что моложе и ея натура отъ природы была лучше. Вспоминаю далѣе книгу о докторѣ Гаазѣ, которую я не могу читать безъ слезъ, которую беру въ руки съ благоговѣніемъ. Сестра Г—овичъ... Что за бездна любви и ласки къ больнымъ, какая преданность дѣлу милосердія, какое самоотверженіе и желаніе принести пользу и твердость въ достиженіи цѣли. Проф. П—овъ—я его знаю какъ врача—его

доброта, ласка и внимательность ко всѣмъ больнымъ дѣлаютъ его личность въ высшей степени привлекательною. Меня глубоко тронуло его желаніе положить меня сюда безплатно. Когда онъ мнѣ сказалъ объ этомъ, я смутилась... и отказалась, но онъ, не обращая вниманія на мои слова, самымъ добродушнымъ тономъ возразилъ:—„ну, куда же вамъ платить 50 р.“ Я смутилась еще болѣе, и сказала, что могу. Но должно быть мой голосъ звучалъ неувѣренно: такъ и попала я на кровать имени Гамбургеръ... Я чувствовала, что этому доброму человѣку доставляетъ удовольствіе положить меня, какъ учащуюся, безплатно, а я потомъ пожертвую въ общемъ сумму, равную той, въ какую обошлась бы мнѣ платная кровать.

Операція все еще длится: заворотъ кишекъ у поступившаго сегодня утромъ больного требовалъ скорѣйшей помощи. Операціонная ярко освѣщена и торжественная тишина царитъ въ коридорѣ и палатахъ.

А что дѣлается теперь въ городѣ? Сытые и праздные приготовляются теперь встрѣчать Новый годъ весельемъ и пополненіемъ желудковъ; голодная и несчастная бѣднота или спитъ, или пьянствуетъ, или... пожалуй нѣкоторые и встрѣчаютъ мирно, въ семьѣ.

Я хотѣла заснуть... теперь, изъ-за операціи не могу, неудобно: поднимется возня, больного понесутъ мимо нашей двери, и я проснусь непремѣнно. Тамара хочетъ встрѣтить Новый годъ за письмомъ къ родителямъ. Милая дѣвочка — такъ любитъ ихъ. А кому мнѣ писать? — некому... Валѣ? — писала недавно; если буду писать сейчасъ—то, конечно, о своемъ настроеніи, о своихъ мысляхъ, но на такое письмо, въ которое я вложу частицу своего „я“, она не отвѣтитъ мнѣ искренно и горячо, какъ бы мнѣ хотѣлось. А больше—некому. И поэтому я выбираю—книгу; возьму Платона „О государствѣ“, сочиненіе, которое есть здѣсь у меня. Это будетъ благороднѣйшее общество, въ какомъ только можно встрѣтить Новый годъ.

Всѣ спятъ... Не сплю лишь я и Тамара... 11 часовъ, операція кончилась, идетъ приборка. Возьму книгу...

1898 годъ.

7 января.

Такъ я встрѣтила Новый годъ. Съ первыхъ же страницъ на меня повѣяло духомъ классическаго міра, стало какъ-то легче на душѣ,—я точно перенеслась въ другой міръ. Къ сожалѣнію, очарованіе длилось не долго: я уже погрузилась съ головою въ споръ о справедливости — какъ раздался бой часовъ и голосъ Тамары: „съ Новымъ годомъ!“ Я поздравила ее тоже, и снова взялась за чтеніе. Но, увы! пришла одна изъ сестеръ съ поздравленіями, глупенькая, маленькая дѣвочка, которую мы всѣ прозвали „горошинкой“, потомъ пришла другая сестра—ночная дежурная. Вскорѣ надо было тушить лампы и ложиться спать.

На другой день въ пріемной у меня никого не было, и писемъ также не получила... Удивляюсь своей судьбѣ: или меня по ошибкѣ заставили родиться не въ той семьѣ, гдѣ бы слѣдовало, или моя личность не можетъ подходить къ уровню большинства, или же, наконецъ, я дѣйствительно хуже другихъ, но всегда я одна... Только здѣсь находятся такія, которыя привязываются ко мнѣ; но такой братской, глубокой любви, какую бы мнѣ хотѣлось встрѣтить, я никогда не встрѣчу. Ну, и пусть! Нѣтъ развѣ у меня силъ жить одной?

Въ тотъ день ко мнѣ пришла дежурная сестра Г — вичъ. Я не могла говорить съ ней долго, такъ какъ за ней зорко слѣдятъ сестры, чтобы, по ихъ выраженію, она „не болтала“ съ больными. Онѣ забываютъ, что у насъ есть душа, что намъ дорого, когда съ нами обращаются какъ съ личностью, входятъ въ наше положеніе. Сестра Г—вичъ именно такая: я очень цѣню въ ней это умѣнье „подойти“ къ человѣку, и у меня стало какъ-то свѣтлѣе на душѣ, когда она пришла и поздоровалась со мной...

Она какъ-то сказала мнѣ:—„мое чувство къ больнымъ, глубже, чѣмъ ихъ ко мнѣ“...—Это можетъ быть справедливо, но только не по отношенію ко мнѣ, сестрица,—сказала я.

8 января.

Послѣдніе дни хотѣла читать Тургенева „Затишье“, „Ася“ и бросила. Мною вновь овладѣло то чувство недоумѣнія, которое возбуждало во мнѣ въ отрочествѣ чтеніе романовъ—„все любовь,

и все одно и то же на разные лады", думала я тогда; теперь та же самая мысль заставила меня положить въ сторону и Тургенева. Съ тѣхъ поръ какъ замужество близкаго мнѣ человѣка раскололо вдребезги на моихъ глазахъ такъ называемую поэзію любви, съ тѣхъ поръ, какъ предо мной всталъ роковой вопросъ „зачѣмъ", на который я никогда раньше не отвѣчала, я живу иною жизнью и поэтому ко всему отношусь по-своему.

Я взяла XIII томъ Тотстого и прочла тамъ главы о любви и о страхѣ смерти, взяла XII и прочла „Смерть Ивана Ильича", Мысли, вызванныя перепискою въ Москвѣ, „Въ чемъ счастьѣ"... Читала съ глубокимъ наслажденіемъ, чувствуя, переживая сама настроеніе писателя, который въ такихъ простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ раскрывалъ свою душу, свои мысли, не щадя себя никогда. И осмѣливаются еще говорить, что великій писатель всталъ на ложную дорогу. Безумцы! Едва только человѣкъ задумался надъ жизнью, чуть только вышелъ изъ общей колеи, сейчасъ подымется гвалтъ... Сами-то вы хороши! Скажите, кѣмъ доказана правота вашей жизни?..

Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ отецъ Жени Л—ской, „интеллигентъ", членъ суда въ гор. N., я стала раздумывать впервые, — для чего жилъ этотъ человѣкъ? И меня поразила вся несуразность его жизни, которой никто не замѣчалъ: жилъ себѣ человѣкъ, учился, сталъ юристомъ, чиновникомъ, женился на пустоголовой дѣвченкѣ, которая родила ему 5 человѣкъ дѣтей, въ воспитаніи и развитіи которыхъ онъ не принималъ никакого участія. Дѣти—дочери—выросли пустыя, какъ и мать, и такъ же равнодушно отнеслись къ болѣзни и смерти отца, какъ и дочь Ивана Ильича. И когда онъ умеръ, и я увидѣла, какъ мало слѣда оставилъ онъ въ памяти жены и дѣтей,—я задумалась надъ тѣмъ, какъ и зачѣмъ онъ жилъ. И разрѣшила я этотъ вопросъ такъ: жилъ онъ не такъ, какъ нужно, а слѣдовательно и не за тѣмъ, зачѣмъ нужно было.

Когда я читала „О назначеніи науки и искусства" (т. XII, стр. 279), мысли о соціологіи — я удивлялась сходству съ моими взглядами; только здѣсь Толстой возражалъ противъ понятія „общество есть организмъ", я же убѣждена, что вся эта наука построена на ложныхъ основаніяхъ и стремится къ завѣдомо недостижимой цѣли.

Мы не знаемъ, въ сущности, зачѣмъ весь міръ существуетъ, для чего вся наша жизнь и все наше стремленіе къ пресловутому прогрессу... Одна смерть способна была бы натолкнуть на

соображеніе, что тутъ не такъ просто, какъ кажется,—и человѣчество упорно вѣритъ въ безсмертіе души. „По неразвитію“ говорятъ матеріалисты; а мнѣ, показалось бы удивительнымъ, какъ это люди жили нѣсколько тысячъ лѣтъ, вѣрили и вдругъ имъ говорятъ — „вздоръ, это плодъ вашей неразвитости. Мы знаемъ истину, мы—матерія и ничего болѣе... и вся наша планета—матерія и опять-таки ничего больше“.—Но почему матеріи свойственно движеніе? Почему мозгъ человѣка такъ устроенъ, что приписываетъ ея движеніе скорѣе Высшему Существу, нежели ей самой? Скажутъ: первое объясненіе легче второго. А почему? Кто объяснитъ это?... Какъ я ни сравниваю различныя міросозерцанія, не нахожу ничего болѣе цѣльнаго, болѣе глубокаго, прекраснаго и поэтичнаго — міросозерцація религіознаго, и я упорно держусь мысли, что еслибъ такъ называемые христіане жили дѣйствительно по-христіански—атеистовъ и всевозможныхъ степеней невѣрующихъ было бы значительно менѣе. А теперь такъ легки сомнѣнія оттого, что видишь страшный разладъ между жизнью общества и исповѣдуемой имъ вѣрой...

Меня морозъ по кожѣ пробираетъ, когда здѣсь семилѣтняя Женя, которая никогда не молится, съ которой мать за всѣ два мѣсяца при мнѣ ни разу не упомянула о Богѣ, ни разу не разсказала ей ничего о Немъ,—эта малютка, пріобщаясь, крестится... — Зачѣмъ это? Съ этихъ лѣтъ привыкать исполнять обрядность безъ смысла и должнаго чувства: ребенку ничего не внушается, онъ растетъ себѣ, зная, что нужно пріобщаться, а зачѣмъ и почему—едва ли пойметъ до того класса, когда станетъ проходить все по книжкѣ. Словомъ, религіознаго воспитанія въ нашемъ обществѣ нѣтъ, отсюда и отсутствіе любви и разверзающаяся пропасть между вѣрой и жизнью. Въ первые вѣка христіанства вѣра проходила черезъ жизнь—въ дѣла и была жива; теперь же она не проходитъ въ дѣло, у нея нѣтъ почвы для дѣятельности, естественно, что она умираетъ.

9 января.

Вчера мнѣ на вопросъ, долго ли я еще пробуду здѣсь, проф., по своему обыкновенію, отвѣтилъ шутя:—„два мѣсяца“... Я обратилась къ Е. — Дней десять или недѣлю, отвѣтилъ онъ. Я уже успѣла отвыкнуть отъ ходьбы, и чѣмъ ближе день моего выхода, тѣмъ болѣе я чувствую въ себѣ какую-то живость...

А у насъ гаснетъ еще одна жизнь: въ 3-хъ-кроватной умираетъ Щербакова отъ кисты. 17 л. была она больна ею, и согласилась на операцію только въ самое послѣднее время, когда она была уже безполезна... Григорьева умерла черезъ 19 дней послѣ операціи, а эта живетъ дольше: болѣе мѣсяца. Живой скелетъ... ничего не говоритъ... Медицина доигрываетъ свою послѣднюю роль: она „поддерживаетъ всѣми средствами“ существованіе уже не человѣка, а его останковъ, такъ какъ мысль, дѣятельность разума уже прекращена; впрочемъ, можетъ быть, въ голосѣ ея она слабо мерцаетъ, но говорить она уже не можетъ, не ѣстъ и не пьетъ, ее питаютъ искусственнымъ способомъ. Я уже привыкла какъ-то слышать о смерти и видѣла угасаніе Григорьевой, побывавъ у нея за 5 дней до смерти...

10 января, 7 ч. вечера.

Щербакова умираетъ... На этотъ разъ комедія жизни кончается за стѣною нашей палаты... Поступившая съ нею больная и оперированная съ нею въ одинъ день, сегодня ушла домой, а эта уйдетъ сегодня же... въ другой міръ...

Все тихо... Тишина особенно торжественна, когда вдали слышится церковное пѣніе...

Гдѣ бы я ни была, я никогда не забуду этого дня: 11 лѣтъ тому назадъ, въ такой же точно вечеръ, соборовали отца...

Когда-то мы умремъ? Мы всѣ, случайно сошедшіеся здѣсь сострадальцы? И какъ жалка вся наша жизнь, всѣ наши заботы предъ лицомъ смерти.

Въ разсказѣ „Чѣмъ люди живы“ я прочла фразу: „всѣ умирать будемъ“, которую мужъ сказалъ женѣ, въ отвѣтъ на ея упреки. Сколько глубокаго смысла въ этой фразѣ! Когда вспоминаешь объ этомъ неизбѣжномъ шагѣ и вѣчности — ничтожными кажутся всѣ неудовольствія, причиненныя другими...

Теперь, за стѣной, умираетъ человѣкъ. Она лежитъ въ палатѣ одна, съ нею родственницы и сестры. Я видѣла ея постепенное угасаніе, почти все время со дня операціи; только послѣднюю недѣлю я уже не ѣздила къ ней.

Изъ церкви раздается всенощное мелодичное пѣніе: „Благословенъ Господь отъ Сіона, живый во Іерусалимѣ... аллилуіа“.— Слышитъ ли эти звуки умирающая? понимаетъ ли она ихъ? Вѣдь не всякому изъ умирающихъ здѣсь удается уйти къ Тому, Кому

мы молимся какъ разъ во время богослуженія,—и лучше бы она умерла теперь, когда кругомъ такъ тихо и въ душу врывается скорбное пѣніе.

Смерть тогда только можетъ быть легка, когда исполненъ долгъ жизни: „Изыде человѣкъ на дѣланіе свое до вечера". А послѣ вечера—ночь... и сонъ...

Если-бъ я умерла теперь, сейчасъ? Одно могло бы поддержать меня: сознаніе воли Бога, и не будь этого, я впала бы въ страшное отчаяніе отъ того, что ничего не сдѣлала, не искупила своей прежней жизни...

Въ 9 часу, проѣзжая мимо сосѣдней палаты, въ раскрытыя двери я увидѣла 4 подушки, лежавшія на тумбочкѣ около кровати... я поняла, что все кончено.

Вскорѣ ее вынесли. Въ коридорѣ было потушено электричество, одна изъ сестеръ пришла и тщательно затворила обѣ половинки дверей нашей палаты; мы всѣ подняли головы и жадно прислушивались... Раздались мужскіе шаги. Это шли служителя Петръ и Василій.—„Я все-таки выйду посмотрѣть", говорила Анна Степановна К.—Да нельзя же, урезонивала я ее:—васъ не допустятъ, видите—нарочно закрыли дверь. „—Ну, развѣ я не могу выйти, если мнѣ нужно..." не унималась Анна Петровна своимъ важнымъ голосомъ и, хромая на одну ногу, подошла къ двери. Мы съ Тамарой и Шурой невольно засмѣялись. Комичное рядомъ съ трагичнымъ: тамъ, за стѣной, слышалась глухая возня, а тутъ у дверей стояла курьезная фигура высокой старухи въ коротенькой ночной юбочкѣ. Дверь не открывалась. Она была заперта снаружи. Я торжествовала:—что? вѣдь говорили-же вамъ! Возня кончалась и шаги за стѣной направились къ двери. Несмотря на мрачную торжественность минуты, мы не могли вновь удержаться отъ смѣха при видѣ озадаченной фигуры Анны Степановны: — „Вотъ оно что! а я и не ожидала", такъ и говорило ея лицо. „—Да... заперли"... сказала она. Еще постояла, — шаги удалялись... Анна Степановна пошла и сѣла на свою кровать... Еще минуты двѣ, и сестра отперла дверь. Мы ее ни о чемъ не спрашивали: тоже дипломатія своя и у больныхъ. Послѣ этого Шурка, ложась спать, подошла ко мнѣ сказать, что она боится итти въ коридоръ: „тамъ темно, а я боюсь, сама не знаю чего"... Пришлось позвонить сестру и просить проводить ее; потомъ я слышала, какъ въ коридорѣ сестрица дѣлала видъ, что не понимаетъ причины ея испуга, и подсмѣивалась надъ ней...

11 января.

Сегодня была перевязка, и думаю, что послѣдняя или предпослѣдняя: отъ ранки остался одинъ куб. сант. Передъ уходомъ отсюда прихожу въ отчаяніе: сдѣлала такъ мало, что положительно смѣшно считать это за занятіе. Кромѣ журналовъ я успѣла прочесть лишь Геттнера „Исторію французской литературы 18 вѣка", Карѣева—„Исторію французской революціи" и „Исторію древней философіи" Виндельбанда, начала читать „О государствѣ" Платона, перечла XII и XIII т. соч. Толстого нѣсколько разъ, и... только. Скучныя занятія грамматикой латинской и славянской не шли въ голову; мнѣ хотѣлось отвлечься отъ непріятнаго сознанія своей безпомощности и я читала лишь то, что мнѣ нравилось... Но всему причиной общая палата: будь я въ отдѣльной, гдѣ можно въ тишинѣ и спокойно сосредочиться,—я бы...

19 января, 12 ч. ночи.

Послѣдняя ночь... Я нахожусь въ странномъ, смѣшанномъ настроеніи, въ какомъ-то возбужденномъ состояніи, и поэтому ничего не могла дѣлать весь день и сейчасъ не могу спать...

Съ одной стороны—я такъ рада вернуться въ міръ, опять жить прежнею привычною, жизнью; съ другой—меня терзаетъ сожалѣніе о потерянномъ времени, а главное—я такъ привыкла къ общинѣ и ея обитателямъ, такъ сжилась съ ними, ихъ горестями, что даже жаль ихъ... Вотъ гдѣ вспомнишь невольно слова Шильонскаго узника:

...На волю я перешагнулъ—
И о тюрьмѣ своей вздохнулъ...

—такъ близки теперь моему сердцу всѣ страданія больныхъ и трудъ милосердія...

Прощай, маленькій мірокъ, Эдемъ немощнаго человѣчества, куда меня неожиданно забросила судьба. Здѣсь, почти кончивъ жизнь умственную, я стала жить сердечною, полюбивъ больныхъ и нѣкоторыхъ изъ сестеръ; мнѣ пришлось пережить съ ними минуты торжественныя, вызвышающія душу и очищающія ее отъ грязи житейской...

Впервые я читала Толстого съ такимъ увлеченіемъ, здѣсь я увлекалась жизнью древнихъ христіанъ въ изображеніи Фаррара, мысли о Неплюевской школѣ не выходили изъ головы,—и все глубже задумываясь о смыслѣ жизни, я провѣрила себя за это время еще болѣе: я не усумнилась въ своей порядочности, но въ нравственномъ смыслѣ оказалась безплотной, потому что не признаю религіи безъ живой любви и внутренняго самосовершенствованія. Иногда мнѣ такъ хочется побросать всѣ мысли о себѣ и отдать всѣ свои силы, всю себя на служеніе дѣлу; и въ то же время я чувствую, что можно отдать всю себя только при соблюденіи одного условія,—что я буду работать и итти къ извѣстной цѣли, состоя единомышленникомъ вѣчной жизни.

Теперь—поздравить, или же запятнать себя я не берусь: слишкомъ ужъ горько вспоминать о потерянномъ. Впрочемъ, въ душѣ я говорю „да", но въ жизни—безжалостное „нѣтъ"... Безъ лжи я говорю себѣ, что въ моей маленькой жизни нравственные интересы играли самую главную роль, я стремилась къ достиженію добра—и страдаю, не видя его... Свѣта еще нѣтъ, онъ лишь робко колеблется неувѣреннымъ пламенемъ...

Забыто сердце, душа у людей, они сознаютъ только самихъ себя, и поэтому-то происходитъ и скука, и ничтожество жизни, весь этотъ страшный эгоизмъ, отъ котораго все зло. Но земной рай недалекъ отъ человѣчества, онъ такъ близокъ—къ нему надо стремиться... И невольно думается, если бы оживить современную жизнь, вливъ въ нее идеалы Христа, оживить общество, пока лишеннаго совсѣмъ этой идеальной любви, съ малыхъ лѣтъ вооружать ею подрастающее поколѣніе,—тогда никто не сказалъ бы, что современная молодежь и всякіе студенты не только не развиты, но и развращены... Неужели же люди въ концѣ-концовъ предпочтутъ „кооперацію" и борьбу—свѣтильнику—искрѣ Божіей, живущему въ душѣ у каждаго изъ малыхъ сихъ?!...

— Но, вѣдь, я мечтательница, вѣчно неудовлетворенная... Довольно! — впередъ! За дѣло, всею душою, съ глубокимъ порывомъ...

Я чувствую, что писать болѣе не могу...*).

*) Запись на этотъ день въ оригиналѣ нѣсколько продолжается: дальнѣйшее авторомъ написано крайне неразборчиво.

20 января, веч.

Съ помощью палки я двигаюсь, даже сама собрала всѣ свои вещи сегодня утромъ, и все еще какъ-то не могу освоиться со своимъ положеніемъ человѣка съ двумя ногами. Я чувствовала какую-то мучительную неловкость передъ Тамарой, когда собиралась; она сидѣла неподвижно въ своемъ уголкѣ, закрывъ лицо руками... $1^1/_2$ мѣсяца предстоитъ ей прожить здѣсь, и потомъ ѣхать домой для окончательнаго излѣченія. Не особенно развитая умственно, она обладаетъ, въ сущности, глубокой натурой, скрытной и застѣнчивой до крайности, и отъ природы не обладая умомъ, она по своему умнѣе многихъ въ ея годы... Неизвѣстно, вылѣчится ли она, несчастная... и это въ 18 лѣтъ.

— За что? становится передо мной мучительный вопросъ,— за что ты страдаешь?...

Я оставила въ лѣчебницѣ часть своего сердца; я полюбила тамъ все и всѣхъ, за исключеніемъ начальницы и одной сестры милосердія. Къ первой у меня развилась антипатія оттого, что я слишкомъ ясно видѣла все лицемѣріе, съ которымъ она, бездушная карьеристка по натурѣ, носитъ знакъ милосердія; вторая — тоже своего рода карьеристка, присоединяетъ къ этому еще грубость отношенія и не менѣе грубое кокетство.

Зато тѣмъ сильнѣе я люблю тѣхъ несчастныхъ, которыхъ мнѣ пришлось встрѣтить на жизненномъ пути. Когда я лежала здѣсь, я думала вовсе не о себѣ, а о наиболѣе продолжительно и тяжело больныхъ, и легче мнѣ становилось: я отвлекалась отъ мысли о своемъ „я“, заботы о другихъ поглощали меня... И невольно повелительнымъ тономъ говорила я „тише“, когда замѣчала, что шумъ въ палатѣ мѣшаетъ спать больной, и невольно распоряжалась молодыми, недавно поступившими сестрами, уча ихъ, какъ надо сдѣлать что-либо, чтобы было удобнѣе; знаю, что это могло не исправиться, но иначе—я не могла.

Сознаніе своей собственной нравственной низости не перестаетъ мучить меня: провѣривъ свое поведеніе за послѣдній періодъ жизни,—увидѣла, что многое надо было дѣлать иначе.

И приходитъ мнѣ на мысль Рождество два года тому назадъ: казенный лазаретъ и на постели мертвый мальчикъ, къ которому пришла я, но тогда, когда было уже не нужно.

„Боленъ бихъ, и не посѣтисте Меня“...

И вотъ—наказаніе... Развѣ это не справедливое возмездіе за мой легкомысленный эгоизмъ?—Теперь я сама лежала въ лѣчебницѣ,—мои близкіе всѣ уѣхали, и только изрѣдка меня посѣщали товарищи, — смѣю ли я жаловаться?—Нѣтъ: мое одиночество — постоянная неудовлетворенность жизнью, мои вѣчныя мечтанія о глубокой братской любви, о сродствѣ душъ... О, какъ глубоко въ душѣ храню я ихъ!—Никто и не подозрѣваетъ.

21 января.

Мнѣ даже не вѣрится до сихъ поръ, что я опять въ своей студенческой комнаткѣ, у одной ихъ 4-хъ тысячъ квартирныхъ „хозяекъ". Мнѣ сейчасъ такъ живо кажется, что я опять въ общинѣ...

Все тихо... Въ палатѣ огни потушены, темно и въ коридорѣ; только столовая освѣщена, и въ ней сидятъ ночныя дежурныя. Онѣ ежатся отъ ночного холода и кутаются въ платки... Меня глубоко трогаетъ молодость большинства ихъ; хотя это и не хорошо, что онѣ въ такіе молодые годы, какъ въ 16—17—18 лѣтъ, не могутъ относиться къ дѣлу съ любовью и сознательно, но все-таки одна мысль о томъ, какому дѣлу посвящаютъ онѣ лучшіе годы свои, тѣ годы, которые большинство изъ нихъ тратятъ на свѣтскія удовольствія — эта мысль производитъ глубокое впечатлѣніе. И эти юныя головки кажутся гораздо выше и свѣтлѣе, нежели онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Ихъ освѣщаетъ дѣло...

И теперь мнѣ положительно грустно; да, я вдумываюсь и съ удивленіемъ вижу, что мнѣ жаль всего, оставленнаго *тамъ*. И жаль больше всего себя: читая полезныя страницы жизни, исторію человѣческихъ страданій, — я могла бы съ бо́льшею пользою провести тамъ это же время и выйти съ сознаніемъ глубокаго внутренняго удовлетворенія...

„Feci quod potui"... О, нѣтъ, мнѣ кажется иногда, что я на всю жизнь осуждена вѣчно на одну и ту же неудовлетворенность... Вмѣсто научныхъ занятій, я увлекалась чтеніемъ Евангелія, Толстого, Фаррара... и вмѣсто выводовъ строила въ умѣ несбыточные, грандіозные проекты... Да что же это, наконецъ? Что я такое? Пора бы въ 23 года быть болѣе умной...

И вспоминается мнѣ разговоръ съ одной изъ недавно поступившихъ больныхъ, гимназисткой лѣтъ 14, мечтательной дѣвоч-

кой, которая пресерьезно увѣряла меня, что есть волшебная страна Берендеевъ, въ которой живетъ Богъ и наши души до рожденія. Я про себя только пожалѣла эту фантазерку; а въ сущности, въ мои-то годы, не мечтаю ли я тоже въ своемъ родѣ о царствѣ Берендеевъ? Впрочемъ — нѣтъ: я чувствую и сознаю, что мои мысли правильны, что иначе я не могу думать, что къ этому приводитъ меня изученіе наукъ...

23 января.

Въ среду пошла на курсы. Одинъ изъ профессоровъ читалъ о Наказѣ Екатерины; мнѣ казалось, что все это я давно знаю, а нервное подергиваніе и заиканіе дѣлали для меня невыносимымъ слушаніе его лекціи. На мое несчастье не было лекціи „Теорія эмпирическаго знанія"... Я воспользовалась свободнымъ временемъ и поѣхала въ Еленинскую клинику къ Де—йсъ,—бѣдняжка больна съ 9 декабря воспаленіемъ слѣпой кишки. Я пробыла у нея около часу. На меня произвели тяжелое впечатлѣніе какъ обстановка, такъ и сама больная; первую нельзя и сравнить съ нашей, хотя цѣна отдѣльной палатѣ одинаковая—сто рублей; съ больной же что-то неладное—все 40° и доктора спорятъ объ операціи, дѣлать или нѣтъ. Вернувшись домой, принялась за чтеніе. Но не сидѣлось на мѣстѣ, и я поѣхала къ Щ—нымъ. Тамъ меня охватила привычная дѣловая обстановка. Е. Ник. готовилась къ публичной лекціи (10 января закрылись общедоступные курсы общества взаимопомощи педагоговъ). Удивительная дѣвушка Е. Ник.!.. Дѣловитость забрала ее всю, не оставивъ въ ней ничего для сердца; и почему-то мнѣ показалось, что съ тѣхъ поръ, какъ я принуждена лежать, она смотритъ на меня съ тайнымъ, пренебрежительнымъ сожалѣніемъ и съ сознаніемъ превосходства, которое даетъ ей здоровье; — ишь ты, молъ! такая молодая и... гдѣ ужъ тебѣ совершить одну сотую того, что сдѣлала я... Неужели она не думаетъ, что у человѣка есть душевная жизнь и нужно проникнуть въ глубь души, чтобы узнать ее?.. Мнѣ стало больно, я поспѣшила уйти... И хорошо мнѣ въ этомъ семействѣ, и холодно иногда становится.

30 января.

Пріѣхала ко мнѣ Таня, на этотъ разъ дольше, чѣмъ обыкновенно. Бѣдной дѣвочкѣ пришлось во всемъ признаться, романъ

ея внезапно раскрылся... Вотъ бѣшенство и ужасы родныхъ отъ неожиданнаго для ихъ гордости удара!..

Мнѣ очень жаль ее! Какъ хотѣлось мнѣ прежде, чтобы она въ 21 годъ тоже пошла на курсы, сдѣлалась бы потомъ дѣятельницей на пользу народа; въ апрѣлѣ она совершеннолѣтняя, и я предоставлю ей возможность пользоваться обстоятельствами, доказавъ родителямъ, что, въ сущности, они сами виноваты въ случившемся: сразу разорвать свои золотыя цѣпи — поѣхать въ Петербургъ, взявъ деньги на ученье у меня. Она будетъ обезпечена на всѣ четыре года, а тамъ—будущее въ ея рукахъ... Но, увы! Таня спокойно не дожила до этого времени, она была слишкомъ надломлена, чтобы рѣшиться теперь на что-нибудь, пассивно слушая меня. То, къ чему она такъ страстно стремилась,—для нея теперь уже не существовало: отсутствіе умственной пищи дома, отсутствіе живого, увлекавшаго ее всю, дѣла, сдѣлали то, что Таня, вначалѣ равнодушная и интересовавшаяся имъ только съ умственной стороны — полюбила сама... „дописалась!“, какъ она выражается.

Этого должно было ожидать. Таня—очень привлекательная, оригинально-изящная, поэтическая дѣвушка, онъ—даровитый юноша—поэтъ, мечтатель, и оба — поклонники Ибсена, д'Аннунціо, Метерлинка, Ницше... ихъ точно создали всѣ модныя вѣянія fin de siècl'a. Бѣдныя, бѣдныя поэтическія дѣти!

— „Я хочу въ Малороссію“, тревожно говорила Таня (въ меблированныхъ комнатахъ этого имени живетъ Д.)... Ей только 20 лѣтъ! И онъ несчастенъ, и она несчастна — вотъ и сошлись... Что-то будетъ?

Что касается до меня, то мнѣ не нравится его гордая увѣренность въ своемъ талантѣ, злоупотребленіе словомъ „геній“ и небрежное отношеніе къ стихотвореніямъ: онъ пишетъ ихъ много, не отдѣлывая ни одного, — и иногда на ряду съ прекрасными строками встрѣчаются неудачныя выраженія... Истинный талантъ не такъ относится къ своему творчеству. Весь поглощенный своими страданіями, онъ не замѣчалъ меня, хотя долгіе часы проводили мы всѣ вмѣстѣ, и я начинала чувствовать ихъ пустоту; тогда я была, если не совсѣмъ посторонній, то, во всякомъ случаѣ, лишній человѣкъ: онъ и Таня молчали, „поглощенные“ другъ другомъ. Удивительно, до чего влюбленные не интересны! Сколько ни твердила мнѣ Таня про умъ Д., его глубокое знаніе литературы и ея почитаніе—изъ разговора съ нимъ я никакъ не могла этого

узнать. Я видѣла, что Таня слегка заинтересована имъ и изъ деликатности не выражала настоящаго своего мнѣнія о немъ. А между тѣмъ я знала, что, если онъ захочетъ — можетъ быть неотразимо привлекателенъ, и... почемъ знать, можетъ быть, даже и уменъ.

Нынче осенью онъ послалъ въ одну изъ редакцій свою драму, написанную въ духѣ Метерлинка; я прочла—и за него порадовалась, что ее не приняли: такою слабою вещью не стоитъ начинать свое литературное поприще. Послѣ я читала его письмо къ Танѣ—и право, вся драма не стоитъ одной страницы письма къ ней... „Льется въ небесахъ сіяніе солнечнаго дня... Всюду проникаетъ оно смѣло, открыто, только въ сердцѣ моемъ оно не можетъ стать живымъ свѣтомъ... Лучше было бы намъ не встрѣчаться! Нѣтъ, счастье для насъ, что мы встрѣтились!.. Знай, что я томлюсь не бурнымъ людскимъ страданіемъ, а той тихой глубокой грустью, той тоской, которая рано пришла въ мою бурную жизнь... тяжело оно, но не слишкомъ тяжело, я все снесу... А ты, дорогая, молись за меня“. Сколько въ этихъ словахъ нѣжности, горячаго лиризма...

Я хочу многое написать ему и посмотрю, какъ онъ отнесется къ словамъ моимъ: если обидится или не приметъ во вниманіе, значитъ дѣло неладно, значитъ, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ несчастныхъ самодовольныхъ писателей, которые проживаютъ вѣкъ свой въ блаженной самоувѣренности, неизвѣстности... и бѣдствіи.

8 февраля, веч.

Университетскій праздникъ... Черезъ С—вича я получила билетъ и, наконецъ-то, могла попасть на университетскій актъ. Я воображала величественную грандіозную залу, въ которой люди пропадаютъ, и едва-едва издали увидишь столъ съ сидящими за нимъ жрецами науки. Оказалось, научное торжество происходитъ въ небольшомъ, по размѣрамъ, залѣ, но зато оно—съ основанія университета. Сколько подобныхъ праздниковъ науки связано съ нимъ!—и эти историческія воспоминанія сразу сдѣлали мнѣ залъ въ родѣ какой-то реликвіи, а старинная постройка, съ колоннами іоническаго ордена—какъ всегда, произвела на меня особенное впечатлѣніе.

Студенты просто, очень привѣтливо встрѣтили насъ и провели

на мѣста; группы ихъ стояли на хорахъ и за колоннами, разговаривали, смѣялись... чѣмъ-то милымъ, хорошимъ повѣяло на меня отъ сотенъ этихъ собравшихся молодыхъ лицъ и меня уже охватывало знакомое настроеніе чего-то молодого, если можно такъ выразиться: хотѣлось имѣть колоссальныя товарищескія объятія, чтобы была возможность привѣтствовать всѣхъ. И въ то же время мнѣ досадно было, что мы, женщины, не допущены какъ равныя этой молодежи, въ стѣны университета, что для насъ выстроено большое-большое отдѣльное зданіе на 10 линіи... И мнѣ захотѣлось заграницу, смѣшаться на скамьяхъ съ толпою студентовъ. Какая чудная эта идея — совмѣстнаго воспитанія молодежи, совмѣстной научной работы на университетской скамьѣ... Какъ это возбуждало бы къ соревнованію, какая была бы чистота отношеній, и все это—только мечты!

Зала наполнялась народомъ, я замѣтила нѣсколькихъ нашихъ курсистокъ, прибывали шитые мундиры съ орденами. Мнѣ показалось нѣсколько курьезнымъ видѣть извѣстныхъ профессоровъ въ шитыхъ золотомъ мундирахъ: Сергѣевичъ въ Маіоренгофѣ въ своемъ изящномъ статскомъ платьѣ производитъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, нежели здѣсь, въ блестящемъ мундирѣ, орденахъ и лентахъ. Я его едва узнала: издали онъ похожъ на Спасовича. Скоро запѣли: „днесь благодать Святаго Духа насъ собра".—Собраны-то мы всѣ, пожалуй, благодатью Святого Духа, да на насъ-то самихъ много ли этой благодати? Со стороны прислушаться, выходило: всѣ, придя сюда по своей волѣ и неволѣ, какъ пришлось—точно сваливали съ себя отвѣтственность за свой приходъ... Разряженные жрецы науки сѣли за столъ, среди нихъ—два черныхъ клобука архіереевъ и оригинальный нарядъ католическаго епископа. Это блестящее собраніе напомнило мнѣ древнюю академію Платона, — самъ великій учитель, окруженный толпою учениковъ своихъ; какая простота обстановки и простота одежды! Я смотрю на античныя статуи съ истиннымъ наслажденіемъ: нѣтъ ничего прекраснѣе этихъ величественныхъ фигуръ въ ниспадающихъ складкахъ одежды, въ которыхъ и заключается вся ея красота.

И такъ—жрецы науки сидѣли, а мы, профаны ея,—vis-à-vis. Началось чтеніе отчета. Составитель его, упомянувъ добрымъ словомъ о заслугахъ почившихъ—Майкова, Буслаева, Делянова, осторожно замѣтилъ о послѣднемъ, что, пока еще не время входить въ оцѣнку его дѣятельности... Послѣ отчета вновь

что-то пѣли и играли небольшую музыкальную вещицу какого-то студента.

Но вотъ на каѳедру взошелъ Сергѣевичъ... Громъ рукоплесканій. Онъ стоитъ съ синей тетрадкой въ рукѣ и ждетъ... ждетъ, и его умное лицо непроницаемо, съ трудомъ можно подмѣтить тонкую-тонкую усмѣшку. Доволенъ онъ привѣтствіемъ молодежи? Видимо—да, а впрочемъ—трудно, особенно издали, прочесть что-либо на лицѣ его... умъ и ничего больше. Наконецъ, онъ начинаетъ читать спокойнымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово: Въ минувшемъ году... на предложенныя факультетомъ темы представлено было 35 сочиненій. Изъ нихъ... 2 на соисканіе преміи,— одно удостоено преміей, 8 удостоены награды золотыми медалями, 12—серебряными, 11—почетныхъ отзывовъ и *только* 5 сочиненій остались безъ наградъ. Удареніе на словѣ „только“ вызываетъ смѣхъ... Начинается чтеніе отзывовъ о работахъ и раздача медалей. Первымъ лауреатомъ оказывается филологъ Доренфельдъ за сочиненіе „Языкъ Святославова Изборника“, которое присуждено къ напечатанію; выходитъ славный добродушный бѣлокурый студентикъ. Серебряная медаль—Рейнгольдъ Бертольди, соч. на тему „Организаціонная работа Наполеона I-го во Франціи въ эпоху консульства“; появляется истощенный, худой и преждевременно лысый субъектъ... Еще—математикъ и опять филологъ, Щеголевъ,—выходитъ славный толстякъ, большой такой, брюнетъ въ очкахъ... За нимъ—высокій красивый брюнетъ; щеголеватый, изящный студентъ... По юридическому факультету: „Политическое ученіе Руссо“—читается самый лестный отзывъ: выдающаяся юридиція въ области исторіи философіи права, сочиненіе производитъ впечатлѣніе труда опытнаго ученаго, вполнѣ владѣющаго научною техникою... золотая медаль, баронъ Борисъ Нольде, 6-го сем.;—выходитъ совсѣмъ юный блондинъ въ пенснэ, небольшого роста, но съ лицомъ очень умнымъ... Я поражена его молодостью и успѣхомъ. Экая голова! Дальше выходили всѣ остальные лауреаты... Золотымъ хлопали оглушительно, серебрянымъ—поменьше. Конченъ отчетъ и Сергѣевичу опять оглушительно апплодируютъ.

Всѣ встаютъ и оборачиваются къ портрету Государя: „Боже, Царя храни...“ Потомъ среди общаго шума грянуло Gaudeamus, и тутъ восторгу не было предѣловъ:

Vivat Academia,
Vivant professores!

—раздается въ залѣ... Апплодисменты по адресу „жрецовъ“, которые чинно расходятся.

Въ корридорѣ, проходя мимо Нольде, я не могла отказать себѣ въ удовольствіи поздравить его; онъ стоялъ съ какимъ-то господиномъ, и на мое привѣтствіе чуть-удивленно обернулся, но тотчасъ-же любезно поблагодарилъ... Мою просьбу—показать медаль—онъ исполнилъ очень охотно: красивая медаль съ женской фигурой съ лавровымъ вѣнкомъ, на другой сторонѣ надпись—„преуспѣвшему“.—„А въ гимназіи надпись „преуспѣвающему“—пояснилъ онъ.—Вы и тамъ преуспѣвали?—„Да“. Я спросила, гдѣ онъ кончилъ и сколько ему лѣтъ?—Въ 1-й гимназіи и 21 годъ. Въ его манерѣ говорить слышится твердость, тонкій умъ проглядываетъ въ глазахъ—и невольно соглашаешься съ нимъ, что онъ уже „не такъ молодъ... совершеннолѣтній“.

Выходя изъ университета, я была уничтожена сознаніемъ безконечнаго, какъ мнѣ кажется, превосходства мужчинъ надъ нами и въ среднемъ, и въ высшемъ образованіи. Безпристрастная истина говоритъ: далеко намъ до нихъ, даже и теперь. Я не говорю о массѣ, но именно о медалистахъ, съ которыми въ глубинѣ познаній не можетъ сравниться ни одна изъ нашихъ слушательницъ... А почему?—Все дѣло въ постановкѣ работы и въ подготовкѣ къ ней: медалей намъ, пожалуй, и не нужно, но необходимо задавать темы и читать публично отзывъ о нихъ; намъ, гораздо хуже подготовленнымъ, работа важна сама по себѣ. Когда же добьемся мы, наконецъ, полной равноправности?

Теперь на Серпуховской, у Дервиза и еще гдѣ-то собралось студенчество; говорятъ, спорятъ... къ несчастью, марксизмъ и народничество заѣли умы, сбили съ толку молодежь. Наканунѣ въ головѣ моей складывалась горячая рѣчь къ товарищамъ-студентамъ—призвать ихъ къ борьбѣ за право женщины на всѣхъ тѣхъ поприщахъ, на которыхъ они призваны работать... При теперешнемъ положеніи дѣлъ, хотя мы и много сдѣлали однѣ, но безъ ихъ помощи намъ несравненно труднѣе борьба, потому что бороться приходится съ мужчинами же. Ахъ, какая хорошая рѣчь складывалась у меня въ головѣ и, увы! — я не могу произнести ее сегодня, сейчасъ, такъ какъ изъ-за ноги своей не могу рисковать лѣзть въ давку, да и билета у меня нѣтъ... Эхъ, какъ-то тяжело на душѣ.

Мнѣ вспомнился недавно прочитанный разсказъ Грибовскаго „Испытаніе“; даже обидно стало, что въ дѣйствительности все не

такъ, и Нольде не Алѣевъ, и у меня нѣтъ знакомыхъ студентовъ, да и врядъ ли и есть они у кого изъ нашихъ такіе умные и энергичные. Вотъ уже третій годъ, какъ я здѣсь, и до сихъ поръ— наткнулась ли я на одного порядочнаго настолько, чтобы могла признать его вполнѣ своимъ товарищемъ во всѣхъ смыслахъ? Такъ и кончу—не найду. Или мнѣ не везетъ? Въ такомъ случаѣ удивительно, отчего всѣмъ моимъ знакомымъ на этотъ счетъ не везетъ? Гдѣ тѣ собранія съ научными спорами, о которыхъ мы столько читали въ книгахъ? Гдѣ тотъ обмѣнъ мыслей о Боклѣ, Спенсерѣ, Дарвинѣ, Кантѣ и русскихъ писателяхъ, словомъ, гдѣ тѣ споры

О Байронѣ, ну, о матеріяхъ воздушныхъ?

—ихъ нѣтъ, не слышу я ихъ, и что всего хуже—даже среди знакомыхъ своихъ не слышу.

И мучитъ меня страшная неудовлетворенность... Сегодня сдѣлала послѣднюю глупость: послала профессору на просмотръ тотъ вздоръ, который мучилъ меня уже около полугода, и который, наконецъ, написала. Послано письмо безъ подписи съ объясненіемъ, что меня заставляетъ поступить такъ страшный стыдъ передъ самой собой. Уже разъ я имѣла суровое и рѣзкое объясненіе съ Е. Н. Щ—ной въ подобномъ случаѣ, и я этого стоила. Не унялась, проклятая привычка! — обратилась къ профессору, авось, и отъ него дождусь того же. Тогда, по крайней мѣрѣ, еще стыднѣе и больнѣе будетъ и я овладѣю собой...

11 февраля.

Просматривала на-дняхъ отчетъ о занятіяхъ на курсахъ. У нѣкоторыхъ профессоровъ — Форстена, Гревса, Введенскаго — есть свои ученицы, оказавшія выдающіеся успѣхи. Я не въ ихъ числѣ. И не честолюбіе мучитъ меня, а простое сознаніе, что я ни къ чему не оказалась способной. Занимаюсь русской исторіей, но холодное отношеніе профессора и неудачная постановка занятій, какъ-то не возбуждали охоты заниматься: я ограничилась рефератомъ и болѣе не писала. А какъ хотѣлось бы мнѣ стать хотя бы маленькимъ двигателемъ науки. Когда я въ Публичной библіотекѣ погружалась въ Писцовыя книги—я испытывала какой-то восторгъ, увлеченіе и особенное наслажденіе въ работѣ. Нѣчто подобное

я пережила въ прошломъ году въ Москвѣ наканунѣ Рождества, когда мнѣ пришелъ въ голову разсказъ, и я писала такъ, что забыла обо всемъ на свѣтѣ... Это какое-то особенное, возвышающее душу чувство, поднимающее ее высоко надъ землею; это—творчество... на мгновеніе душа моя поднялась въ эту сферу. Боже мой, до конца жизни не забуду я той минуты... Я люблю науку, люблю ее со всею преданностью энтузіаста: она почти такъ же высока, какъ и религія и тоже возвышаетъ душу человѣка, хотя не даетъ ему отвѣтовъ на основные вопросы жизни.

Университетскій бытъ и отчетъ о немъ послужили мнѣ поводомъ къ провѣркѣ самой себя; Нольде въ 21 годъ обнаружилъ огромную эрудицію и опытность ученаго,—а я?—невѣжда въ 21 годъ, полу-невѣжда—въ 23, и только. Петрункевичъ занимается Ренессансомъ, пишетъ и теперь печатаетъ изслѣдованіе о Маргаритѣ Наварской; я же что сдѣлала?—Ничего. А какіе вопросы уяснила я себѣ. Выяснится ли мнѣ ходъ нашей исторіи? Отчасти—да, но не вполнѣ. Могу ли я съ увѣренностью сказать, что когда-нибудь мы пройдемъ ту же стадію развитія, какую прошли и западноевропейскіе народы?—Нѣтъ; сравнивая исторію нашу съ западноевропейской приходишь къ выводу, что мы идемъ своеобразнымъ путемъ... и сравнительно съ Западной Европой находимся въ положеніи прямо выгодномъ: стоя еще на первыхъ ступенькахъ исторической лѣстницы, мы имѣемъ передъ собою разнообразнѣйшія фазы развитія государствъ, ушедшихъ дальше насъ... Можемъ учиться, дѣлать выводы и изъ этихъ выводовъ извлекать полезные для себя уроки, которые, къ несчастью, не всегда признаются необходимыми для жизни...

4 марта.

Сегодня годовщина большого событія студенческой жизни. Послѣ лекціи Введенскаго о Кантѣ—на каѳедру взошла одна изъ курсистокъ и начала громко читать по листочку; въ банальныхъ и слабыхъ выраженіяхъ она сперва приводила комментаріи къ событію, потомъ говорила о необходимости не только помнить его, но и стремиться къ прогрессу... впередъ; наконецъ, было сказано самое умное,—предложенъ ежегодный сборъ.

Сотенная толпа молча слушала. Во время чтенія я разсматривала нѣкоторыя лица; однѣ сочувствовали и слушали съ увлеченіемъ, напряженно, большинство—просто съ вниманіемъ, на ли-

цахъ же нѣкоторыхъ замѣчались скептическія и насмѣшливыя улыбки. Наверху двѣ курсистки, изящныя барышни, изъ петербурженокъ, переговаривались съ выраженіемъ крайней досады: онѣ спѣшили, а нельзя было выйти; веселыя и нарядныя, онѣ и слушать не хотѣли воспоминаній о невѣдомомъ имъ мірѣ. Наша философка П. стояла у кафедры съ выраженіемъ оскорбленнаго достоинства: ее осмѣлились остановить! и ей есть дѣло до какой-то несчастной! Инспектриса—бывшая слушательница—устало слушала чтеніе, какъ нѣчто неизбѣжное, которому она должна была покориться...

И больше ничего... всѣ разошлись.

5 марта.

Читаю теперь Платона „Апологія Сократа", Токвиля, Сореля, Бильбасова и сочиненіе Неплюева „Что есть истина?". Многое изъ послѣдняго сочиненія я уже сама ранѣе передумала, и мой взглядъ на науку нѣсколько измѣнился. Прежде, вѣря въ ея преимущества, я считала, что отъ соприкосновенія съ нею люди дѣлаются умнѣе и лучше душою: таково было мое заблужденіе, навѣянное чтеніемъ біографій нѣкоторыхъ великихъ людей науки, бывшихъ въ то же время и великими людьми по душевнымъ качествамъ. Геніальная скромность Ньютона, добродѣтель Сократа съ дѣтства были извѣстны мнѣ, къ этому присоединились еще кое-какія свѣдѣнія о высшихъ нравственныхъ качествахъ людей науки,—и идеальное понятіе о ней и ея адептахъ было готово. Но уже третій годъ убѣждаюсь я, что даже стремленіе къ наукѣ не способно идеально объединить всю нашу разнородную массу; что есть высоко-развитыя умственно личности, но отъ этого другимъ ни тепло, ни холодно; что профессора наши, читая намъ лекціи, не сближаются, да и не желаютъ вовсе сближаться съ нами, какъ съ людьми, и что самое товарищество слабо,—сходятся рѣдко и съ осторожностью. Въ жизни же происходитъ въ высшей степени курьезное явленіе: сколько ужъ лѣтъ университетская молодежь толкуетъ о свободѣ, прогрессѣ, но едва выйдетъ изъ университета—усердно начинаетъ... забывать прежніе идеалы... Не слышно, чтобы окончившіе составляли дружную либеральную корпорацію, какъ на университетской скамьѣ,—они молчатъ. А почему?! Изрѣдка говоримыя съ каѳедры рѣчи, зажигая стремленія къ наукѣ, не заставляютъ ихъ въ то же время сближаться между собою, какъ братьевъ,

во имя одной общей идеи—общей работы... Сила науки велика, ея могущество почти безгранично, но не въ ея власти нравственно преобразовать и объединить это пеструю массу молодежи. А, между тѣмъ, сколько среди ея хорошихъ людей! сколько хорошихъ, честныхъ стремленій! Какъ подумаешь—какую бы великую силу представили мы, объединенные братскимъ союзомъ! Наука, любовь другъ къ другу и вѣра соединили бы насъ въ чудной гармоніи и мы жили бы, какъ братская община—въ непрерывномъ трудѣ и стремленіи къ вѣчному идеалу...

Мечты! фантазія! И вотъ мысль, занимавшая меня съ 14—15 лѣтъ—объ основаніи женскаго университета—замѣняется другою, объ основаніи христіанскаго университета, христіанской газеты или журнала, организаціи всей нашей жизни по вѣрѣ. Оставивъ, такъ сказать, вѣру на время, — я потомъ вернулась къ ней, но уже съ яснымъ сознаніемъ несообразности всего современнаго строя нашей жизни съ вѣрою, и увидя все это, я не потеряла ея вновь. Кругомъ меня не было примѣра ея животворящей силы, но она явилась мнѣ въ прошломъ: — въ чудной личности Гааза, въ общинахъ первыхъ временъ христіанства. Теперь я, остановясь на одной ступенькѣ, выжидаю... Чего?—чтобы выяснить себѣ и нѣкоторые научные вопросы, чтобы итти по этой почвѣ, построить планъ будущей своей жизни по выходѣ отсюда, и начертать независимый образъ дѣйствій.

Другія мечты—объ основаніи сельской школы—тоже разлетѣлись, какъ дымъ, когда я убѣдилась, что образованіе безъ религіозно-нравственнаго воспитанія рѣдко способно дѣлать людей. Я чувствую даже, что потомъ едва ли буду въ состояніи жить среди такихъ христіанъ... Мужество! не покидай меня. Вѣдь Неплюевъ началъ же одинъ...

И ясно стало для меня все уродливое въ исторіи христіанскихъ народовъ, ибо мученія христіанъ убѣдили меня въ великой свободѣ духа: христіане хотѣли слѣдовать своимъ убѣжденіямъ, составили великую силу, съ которой нужно было бороться... Теперь же половина бѣдствій нашей интеллигенціи происходитъ оттого, что, несмотря на все свое развитіе, она все-таки раба установившихся взглядовъ, строя жизни, привычекъ.

Нѣсколько дней назадъ, я узнала, что Неплюевъ здѣсь. Въ волненіи—я бѣгу къ профессору В. спросить адресъ. Маленькій старичекъ съ умными, глубокими глазами сказалъ, что онъ останавливается обыкновенно въ гостиницѣ Парижъ. И я пошла туда.

Н. Н. не было дома. Я написала ему коротенькую, умоляющую записку — просьбу видѣть его и назначить мнѣ часы, когда могу его застать дома.

Дня два я жила напряженнымъ вниманіемъ, ждала письма — напрасно. Дни идутъ, отвѣта нѣтъ. И я не знаю, чему приписать такое молчаніе: некогда ему? Неужели онъ, истинный христіанинъ, сознательно не хотѣлъ мнѣ отвѣчать? — не можетъ быть, не можетъ быть! Онъ, навѣрно, уѣхалъ, и я такъ и не увижу его. Но я не теряю надежды поговорить, рано или поздно напишу ему, но куда? онъ теперь такъ часто уѣзжаетъ...

6 марта.

Сегодня, вернувшись домой, увидала у себя на столѣ телеграмму. Сердце замерло: умеръ кто-нибудь — бабушка, мама?! Прочла: „Завтра въ 9 часовъ утра буду дома. Неплюевъ“. Ноги подкосились послѣ испытаннаго волненія, и я невольно опустилась на колѣни, благодаря Бога за то, что не вѣсть о несчастіи принесла мнѣ телеграмма.

Мнѣ надо сказать ему столько, сколько я за всю жизнь никому никогда не высказывала: въ его сочиненіи онъ рисовался мнѣ глубокимъ тонкимъ, психологомъ, способнымъ познать всѣ изгибы души человѣческой... Но вотъ невольно подымается сомнѣніе: пойметъ ли онъ мою страстную исповѣдь, способенъ ли онъ глубоко понимать сложныя движенія души человѣческой? И недовѣріе вдругъ охватываетъ меня... О, если-бъ онъ могъ понять, если-бъ могъ хоть что-нибудь сказать мнѣ... Мнѣ не нужно словъ утѣшенія и одобренія, я такъ долго живу замкнутою жизнью что, кажется, у меня есть сила переносить все личное самостоятельно. Мнѣ нужно его слышать просто, какъ *человѣка*.

15 марта.

И я видѣлась съ нимъ...

Плохо спала ночь и вставъ рано утромъ, ровно въ 9 часовъ была въ гостиницѣ Парижъ; подходя къ ней, я была спокойна, не приготовлялась — какъ, что говорить... Признаюсь, я не безъ тайнаго замиранія сердца думала, каковъ его внѣшній видъ? Невольно идеализируя его, какъ автора прочитаннаго сочиненія, я боялась чисто внѣшняго вида: а что... если... хотя и сознавала,

что это глупо, что будь онъ даже уродъ — это не коснется его души.

Я вошла въ номеръ. На встрѣчу вышелъ пожилой господинъ, высокій и стройный, съ лысой головою и большимъ носомъ, но въ общемъ производящій такое впечатлѣніе, что эти недостатки его наружности даже вовсе не замѣчались. Онъ какъ будто не ожидалъ видѣть меня (позже, въ разговорѣ со мною, онъ признался, что, увидѣвъ въ моей коротенькой запискѣ слово „лекціи", — онъ подумалъ, что это писалъ какой-нибудь студентъ и адресовалъ мнѣ телеграмму „Дьяконовскому"), но тотчасъ же учтиво поклонился, попросилъ подождать минутку и самъ вышелъ.

Въ небольшой передней вмѣстѣ со мной раздѣвался молодой человѣкъ въ военной формѣ, котораго Неплюевъ отрекомендовалъ мнѣ, какъ одного изъ членовъ братства. Въ гостиной этотъ молодой человѣкъ непринужденно заговорилъ со мной, спросилъ меня, читала ли я сочиненіе „Что есть истина?" и сталъ разсказывать мнѣ о предстоящемъ въ 1900 году конгрессѣ мира во время Парижской всемірной выставки. По лицу видно было, что это—простой крестьянинъ, по разговору — нтеллигентный человѣкъ. Скоро вернулся и Н. Н.; онъ спросилъ меня, могу ли я говорить при членѣ братства. Я, конечно, молчала, — молодой человѣкъ тотчасъ же вышелъ.

Я рѣшила не думать, о чемъ буду говорить. Все, что есть на душѣ,—вырывалось наружу, и въ то же время у меня въ головѣ вертѣлись философскіе и историческіе вопросы о христіанствѣ, потому что уже въ это время ясно вырисовывалась предо мной несостоятельность моей вѣры, вся моя ничтожность, какъ христіанки, и послѣ этого сознанія — сомнѣніе не только брало вверхъ — оно уничтожало меня самое. Но прежде разговора мнѣ надо было выяснить ему, хотя немного, мою личность, чтобы онъ лучше могъ понять, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; и вотъ—долго сдерживаемое волненіе взяло, наконецъ, вверхъ: страданія всей моей жизни, казалось, ожили во мнѣ, голосъ мой оборвался на первой же фразѣ и я зарыдала... право, невольно. Онъ не всталъ, но положилъ сочувственно свои руки на мою, не двинулся и сидѣлъ молча, ожидая, что я скажу ему далѣе. И мнѣ больно стало и стыдно за свои слезы передъ этимъ равнодушно-спокойнымъ человѣкомъ; я хотѣла овладѣть собою, но не удалось, — и я продолжала мой разсказъ, стараясь выражаться какъ можно короче, и голосъ мой дрожалъ, прерываясь рыданіями. Онъ пред-

ложилъ мнѣ воды. Я отказалась, и вдругъ моя гордость возмутилась, я тотчасъ же овладѣла собою и заговорила спокойно... Чѣмъ дальше говорила, тѣмъ болѣе увлекалась,—перейдя отъ своей личной жизни къ курсамъ—во мнѣ уже заговорилъ человѣкъ не личнаго, а общественнаго страданія; невольно разсказала я ему случай съ истерикой на лекціи Введенскаго, и у него вырвалось восклицаніе: „какъ это можно". Наконецъ, я подошла къ первому и основному вопросу—о созданіи Богомъ міра и неизсякающемъ источникѣ зла и бѣдствій человѣчества, которое всегда было и будетъ по тексту евангельскому „много званыхъ и мало избранныхъ", и о цѣли созданія міра. Но тутъ онъ меня прервалъ: —„На такіе вопросы отвѣчать тотчасъ же я не могу; я не шарлатанъ, чтобы отвѣчать сразу и категорично... Да и вы мнѣ можете не повѣрить... Вы и еще имѣете вопросы?"—Да, еще нѣсколько, отвѣчала я.—„Вотъ лучше лѣтомъ пріѣзжайте ко мнѣ въ братство, я буду тамъ все время до октября... сейчасъ напишу вамъ, какъ къ намъ ѣхать. Тамъ мы можемъ поговорить". Онъ всталъ взялъ бумагу и написалъ нѣсколько строкъ. Я нарочно смотрѣла, какъ онъ пишетъ, но у меня нѣтъ умѣнья опредѣлить человѣка по почерку.—„Вы меня простите, но я въ настоящее время совсѣмъ почти на отъѣздѣ, у меня такъ мало времени",—говорилъ онъ.—Я вполнѣ понимаю, что вамъ некогда и прошу извинить меня—я отняла у васъ время.—„Я совѣтую вамъ познакомиться съ Маріей Петровной Мя—вой. Вотъ, мать—свѣтская женщина, а она—живая душа... Еще Надежда Николаевна В., дочь профессора, очень симпатичная дѣвушка". Я стояла въ нерѣшительности: кто она такая? стоитъ ли?—мельнуло у меня въ головѣ сомнѣніе, и въ то же время я была тронута его душевною деликатностью, желаніемъ сдѣлать что-нибудь для меня, и чтобы не обидѣть его—молчала.—„Я особенно рекомендую вамъ Мя—ву, она очень умная", какъ бы угадалъ мои мысли Ник. Ник.—„Я сегодня буду у нихъ обѣдать и скажу ей о васъ, и она вамъ, или вы ей—напишите". Я молчала. Онъ упомянулъ еще о томъ, что она участвуетъ въ обществѣ воскреснаго препровожденія времени для молодыхъ дѣвицъ... Я, конечно, высказала мое мнѣніе по этому поводу, но Н. Н. постарался меня успокоить, загладивъ невыгодное впечатлѣніе своихъ словъ указаніемъ на хорошую цѣль этого общества. Потомъ я спросила его,—не обращались ли къ нему студенты университета—мнѣ такъ хотѣлось бы встрѣтить среди своихъ товарищей сроднаго мнѣ по образу мысли. Оказалось—

нѣтъ, но онъ обѣщалъ мнѣ написать, если кто обратится къ нему,—и, еще разъ повторивъ свое приглашеніе, мы простились. Но тутъ я вспомнила о своей всегдашней осторожности и сообразивъ, что онъ можетъ, ради характеристики, передать обо мнѣ этой барышнѣ все то, что я ему говорила, и пожалуй—о, стыдъ!—о томъ состояніи, въ какомъ была я во время этого разсказа; страхъ и *гордость* поднялись во мнѣ, и я рѣшительно просила его не передавать Маріи Петровнѣ всего, что я ему говорила.—Ну, скажите ей вкратцѣ, самое необходимое, не болѣе. Онъ какъ будто не понялъ меня...—„Отчего же?“—Такъ,—коротко отрѣзала я...—не говорите всего, не надо... и вообще никому не говорите, что я у васъ была,—сказала я и простилась.

По дорогѣ я обдумывала все пережитое и видѣнное. Сдержанность Неплюева невольно напоминала мнѣ, съ какой любовью встрѣтилъ меня нынче въ августѣ о. Антоній, какъ, обнявъ меня, онъ назвалъ своею дочерью, — сколько нѣжности и ласки было во всемъ его обхожденіи... А этотъ не такой и отъ него я не получила, чего мнѣ было нужно, хотя онъ все-таки хотѣлъ что-то для меня сдѣлать; впрочемъ, на первый разъ мнѣ бываетъ всегда неудача, къ этому я уже привыкла, но во всякомъ случаѣ я не могла удовлетвориться этимъ короткимъ разговоромъ и всю свою надежду полагала лишь на возможное посѣщеніе этой школы.

Занятія научныя я какъ-то оставила, и всѣ эти дни, по утрамъ, читала „Что есть истина?“, вновь находя много сходнаго со своими мыслями, особенно о воспитаніи, о жизни современнаго общества... Ранѣе передуманное и изложенное въ этой книгѣ производило на меня, конечно, сильное впечатлѣніе.

На-дняхъ написала М. Ос. М—ову, чтобы онъ пріѣхалъ въ редакцію, мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ. И разговоръ нашъ былъ очень интересенъ. Онъ говорилъ мнѣ о Львѣ Толстомъ, объ его симпатической личности. Я спросила его, знакомъ ли онъ съ Неплюевымъ?—„Какъ же... былъ у меня третьеводни (онъ именно такъ и выразился), былъ у меня въ Царскомъ, прощался со мною!“—А что вы думаете про его братство? М. Ос. сомнительно покачалъ головою... „—Не нравится мнѣ это; у него въ школѣ, какіе-то кружки,—надзоръ старшихъ за младшими,—это что-то іезуитское... Вотъ онъ меня давно зоветъ къ себѣ, статьи мои тамъ читаетъ—я же все никакъ не могу собраться. И на этотъ разъ онъ очень звалъ меня, можетъ быть, лѣтомъ соберусь...

Сомнительно мнѣ это братство. Вотъ и Николай Петровичъ В—ръ тотъ былъ... Напримѣръ, у него для дохода существуетъ водочный заводъ".—Неужели?! изумилась я.—„Да... я, какъ узналъ это, говорю: какъ же это такъ, Ник. Петр., и заводъ-то?—тотъ молчитъ. Неплюевъ оправдывается тѣмъ, что дѣло въ количествѣ потребленія, но вѣдь это не оправданье". Я слушала молча. Дѣйствительно, заводъ и меня сбилъ съ толку. И больно мнѣ стало, что нѣтъ совершенства на землѣ. Но М—овъ былъ и противъ самого братства:—„Что это?—устроилъ какой-то оазисъ, въ которомъ счастливы немногіе. Нѣтъ, пусть онъ отпускаетъ своихъ учениковъ въ жизнь, пусть они дѣйствуютъ въ обыкновенной средѣ..."—Въ этомъ я была не согласна съ М. О.: именно мнѣ и нравилось братство, его существованіе даже необходимо для нагляднаго доказательства силы идеи. Конечно, это мое мнѣніе примѣнимо только къ такому братству, устройство котораго, по возможности, близко къ идеалу; насколько же приближается къ нему братство Неплюева—не знаю.

село Устье, 3 іюня.

Послѣ болѣе чѣмъ двухмѣсячнаго перерыва—снова берусь за перо. Возвращусь къ тому времени,—это для меня необходимо, такъ какъ въ эти дни со мною произошло что-то странное.

Я все время, съ конца февраля, читала каждое утро по главѣ изъ книги Неплюева; это доставляло мнѣ какое-то особое ощущеніе: я читала критику всей нашей жизни, нѣкоторыя страницы которой дышатъ такой искренностью, такой безпощадной правдой, что невольно вырывалось рыданіе и сильнѣе чувствовалась вся неправда жизни, вся сила горя современнаго человѣчества... Тогда же на курсахъ я получила письмо и сразу догадалась, что это отъ М. П. Мя—вой—почеркъ былъ женскій, незнакомый. Прочла.. все письмо было написано такъ, какъ именно надо было написать: каждое слово, казалось, сказано было отъ сердца, и въ то же время—осторожно, точно съ тайной мыслью, чтобы я какъ-нибудь не исказила его смысла и не обидѣлась бы. Уже съ первой странички письма чувствовалось, что пишетъ человѣкъ незаурядный; только традиціонное начало „многоуважаемая Е. А." и конецъ „готовая къ услугамъ" напоминали объ уступкахъ автора нѣкоторымъ избитымъ „формамъ вѣжливости". Въ концѣ письма она говорила: „Я хотѣла бы имѣть волшебныя очки, чтобы по-

смотрѣть на васъ, когда это письмо будетъ въ рукахъ вашихъ. Можетъ быть, вы будете недовольны?..“ Я читала въ коридорѣ у стола, за которымъ завтракаютъ слушательницы и привычка владѣть собой при постороннихъ—заставила меня прочесть все, не выражая ровно никакихъ чувствъ на лицѣ; но придя домой, я невольно задумалась: что отвѣчать мнѣ на это письмо, полное любви и деликатности? Я всѣмъ сердцемъ оцѣнила его, но... на отвѣтъ у меня не находилось словъ. Заговорилъ „практическій разумъ“ (не Кантовскій, конечно, а житейскій), холодное, критическое отношеніе и выработанное жизнью недовѣріе къ людямъ Передо мной встали такія соображенія: а сколько ей лѣтъ?— Если она молоденькая энтузіастка, розовая дѣвочка лѣтъ 18-ти, которая пишетъ мнѣ такъ подъ вліяніемъ словъ Неплюева, изъ интереса просто познакомиться съ курсисткой? что-жъ можетъ оказаться у насъ общаго? и не принесетъ ли ей скорѣе вредъ, чѣмъ пользу знакомство со мною, потому что тогда она узнаетъ, что въ жизни не однѣ радости, а не сталкиваясь съ такими, какъ я, она можетъ пожить долѣе въ тишинѣ душевной? А если она окажется съ крайне узкими взглядами на жизнь и людей—тогда мнѣ только больнѣе будетъ разочарованіе въ ней... Слова же Неплюева и простое соображеніе, что этотъ пожилой, знающій людей, человѣкъ не сталъ бы рекомендовать мнѣ не подходящую особу—какъ-то на этотъ разъ не дѣйствовали на меня: онъ могъ ошибиться, мало-ли что бываетъ... И такъ я находилась въ нѣрѣшимости: разсудокъ не дозволялъ и рука не поднималась написать то, что подсказывало сердце. И больно мнѣ было это сознаніе, что я, которая всю жизнь искала человѣка, увидѣвши впервые человѣческое отношеніе—*уже не могу* откликнуться на него, потому что уже не вѣрю людямъ.

Судьбѣ угодно было вывести меня изъ этого затрудненія, но да не допуститъ она болѣе именно такихъ выходовъ: извѣстіе было уже слишкомъ ужасно...

Пока я стояла у печки и раздумывала—раздался звонокъ, ко мнѣ въ комнату вошла Наташа—экономка С. П. Ж—вой и, поздоровавшись со мной, передала отъ нея конфекты. Я замѣтила, что она чѣмъ-то смущена, или разстроена. Послѣ двухъ-трехъ незначительныхъ фразъ она прямо объяснила цѣль своего прихода:—„Знаете ли, какое у насъ горе? Николай Николаевичъ застрѣлился...“—Не можетъ быть?! воскликнула я.—„Нѣтъ, правда... въ ночь на 13 марта... вѣдь знаете ли, онъ перевелся въ Екатеринославъ, уѣхалъ въ январѣ и вотъ теперь“...

Насколько я могла узнать отъ этой милой простой барышни—еще очень юной и неопытной—Н. Н. въ послѣднее время часто задумывался, грустилъ, хотя по временамъ бывалъ очень веселъ; страшно скучая въ своемъ полку, который стоялъ подъ Новгородомъ въ деревнѣ, онъ перевелся въ Екатеринославъ. И вотъ, вдругъ телеграмма...—„Господи! Какое горе близкимъ! мы всѣ, всѣ плакали...“ Да я могла себѣ представить очень живо это отчаянье родныхъ, а главное—душу этого несчастнаго молодого человѣка.

Ихъ всего трое, два брата и сестра. Сироты съ дѣтства безъ матери и брошенные отцомъ, они очутились на рукахъ одной родственницы, которая старалась воспитать ихъ и дать образованіе; неразвитая, но энергичная, съ коммерческими способностями—она сдѣлала для нихъ все, что по своему могла: отдала по разнымъ заведеніямъ. Но ученье не далось хорошенькимъ сиротамъ: ни мальчики, ни дѣвочка не кончили нигдѣ курса, и почему одинъ изъ братьевъ пошелъ „по коммерческой части“, а другой, младшій—поступилъ въ юнкерское,—не знаю. Съ дѣтства я слыхала о красавцѣ Колѣ К. и впервые послѣ долгихъ лѣтъ увидѣлась съ нимъ осенью 96 года въ оперѣ.

Это былъ красивый, но болѣзненный молодой человѣкъ, съ грустными карими глазами. Главная прелесть была собственно въ нихъ, и вообще въ верхней части лица, до губъ: слабый безхарактерный ротъ — обрисовывалъ складъ его натуры. Съ крайнимъ предубѣжденіемъ относясь къ офицерамъ, вся поглощенная своими занятіями, массой переживаемыхъ впечатлѣній, я помню—отнеслась къ нему съ скрытымъ сожалѣніемъ: его грустная покорность невеселой долѣ провинціальнаго офицера въ соединеніи съ умственной ограниченностью и слабостью характера — все вмѣстѣ заставило меня и пожалѣть о немъ, и вслѣдствіе невольнаго сравненія его положенія со своимъ,—къ этому чувству примѣшалось радостное, пожалуй, чисто эгоистическое сознаніе того, что я живу иною жизнью. Все это, помню, я перечувствовала въ краткомъ разговорѣ съ нимъ, когда спросила, что онъ дѣлаетъ въ свободное время?—„Да что?—ничего... развѣ у насъ можно что-нибудь дѣлать? Офицеры въ карты играютъ, ѣдятъ, пьютъ, вѣдь скука тамъ какая. Вотъ лѣтомъ повеселѣй — мы приходимъ въ Петербургъ, когда гвардія оттуда уходитъ... А что вы?“—И невольно въ моемъ отвѣтѣ вырвалось радостное чувство жизненности и интереса:—Какъ, что?! а лекціи, а занятія, а библіотеки, а научныя засѣданія?! Весь нашъ разговоръ тѣмъ и закончился... Помню я

его грустное лицо... и... помнитъ моя совѣсть, что я не выразила ему сочувствія, не сказала ему ничего такого, что онъ бы могъ принять въ утѣшеніе, за пониманіе его по истинѣ безотраднаго положенія.

Теперь уже для меня все стало ясно. Безхарактерность, неразвитость, полное неумѣніе бороться съ жизнью,—привели Колю къ такому концу, онъ, наконецъ, дошелъ до сознанія безцѣльности своего существованія. Поддержки же ни умственной, ни нравственной со стороны неразвитыхъ, поглощенныхъ лишь страстью къ наживѣ, родственниковъ, онъ, конечно, не могъ ожидать,—и вотъ въ результатѣ смерть въ 28 лѣтъ...

Все это было мнѣ ясно, какъ день... А Наташа растерянно твердила: „—что это съ нимъ... и отчего это? никто понять не можетъ...“ Да и не поймутъ они никогда.

Наташа ушла. Я заперла за нею дверь и, чувствуя, что не въ силахъ болѣе владѣть собою, разразилась горькими слезами: острое чувство жалости захватило меня всю, и оно было тѣмъ сильнѣе, что я вновь испытывала укоръ совѣсти за то, что могла сдѣлать и не сдѣлала. Пусть даже это участіе онъ бы и не понялъ, все-таки мнѣ не слѣдовало относиться къ нему съ пренебреженіемъ, вѣдь у него была душа... И я плакала... никто не видѣлъ, я заперлась... Вотъ въ эту-то минуту я вспомнила о письмѣ: надо было писать отвѣтъ. Потрясенная до глубины души, я машинально взялась за перо—и написала... не отвѣтъ, но свои мысли по поводу этого извѣстія, вѣрнѣе—весь хаосъ мучительной мысли и впечатлѣнія, бывшія у меня въ душѣ. Не помню теперь, что писала, знаю только, что каждое слово, казалось, писала не правая рука, а какая-то третья, прямо изъ сердца... Я подумала: если это пишетъ дѣйствительно *человѣкъ*, то пусть она пойметъ, что *такое* мое письмо служитъ лучшимъ отвѣтомъ. Подъ конецъ письма я опомнилась...—Вѣдь я же не знаю, кому пишу?.. что если она молоденькая дѣвочка?—и я уже хотѣла было написать: „лучше вамъ теперь вовсе не знакомиться со мною, погодите, пока мнѣ лучше будетъ“, но потомъ передумала...

Покончивъ съ этимъ я хотѣла приняться за книгу Неплюева, и... не могла.

Только на слѣдующій день вечеромъ я продолжала свое чтеніе. И странное дѣло: чѣмъ дольше я читала, тѣмъ болѣе подвергала критикѣ не только самую мою жизнь, вовсе не бывшую христіанской, но и вѣру. Я старалась проанализировать собственное ре-

лигіозное чувство, сразу неподдающееся объясненію; но было много времени, и вотъ, понемножку, въ тѣ дни я думала и надъ своей „религіей".

Въ силу чего я вѣрила?—Въ силу переданнаго традиціей отчасти, въ силу потребности своей души—тоже отчасти, такъ какъ извѣстныя религіозныя воззрѣнія были пріобрѣтены не лично мною, а усвоены съ дѣтства; не будь ихъ—додумалась ли бы я сама до признанія Бога? И я должна была отвѣтить на этотъ вопросъ честно: „не знаю".

Мое религіозное чувство, проявлявшееся съ дѣтскихъ лѣтъ... Чѣмъ по большой части оно было вызываемо?—Моя младшая сестра постоянно твердила: „я не умѣю молиться". Этого я никогда не понимала и не могла понять. Съ дѣтства я молилась, и тогда душа моя находила особую отраду въ молитвѣ, и я понимала смыслъ произносимыхъ словъ; когда мы были еще очень малы—насъ заставляли иногда молиться вслухъ, и я помню восхищеніе нашей бабушки, не переставшей твердить мамѣ—„Лиза очень хорошо молится". Слова эти не возбуждали во мнѣ ни гордости, ни самомнѣнія,—съ дѣтства во мнѣ было что-то мѣшавшее наивно вѣрить похваламъ старшихъ...

Но то было въ далекомъ дѣтствѣ... когда мы всѣ живемъ въ волшебномъ міркѣ ограниченнаго сознанія, когда, зачитываясь житіями святыхъ, я мечтала о подвигахъ, о монастырѣ и пустынѣ, о Никомидіи и аравійскихъ львахъ... Качая своихъ куколъ, я напѣвала имъ стихи безъ риѳмы собственнаго сочиненія, въ которыхъ выражала эти дѣтскія мечтанія—о Богѣ, о раѣ (объ адѣ—я даже мало думала); меня тянуло къ этимъ житіямъ ихъ строгая серьезность, и въ то же время какой-то мягкій тонъ повѣствованія, смягчавшій ее: житія Захарія и Елизаветы, Вѣры, Надежды и Любви, Варвары и Екатерины Великомученицы, какого-то воина, имя котораго забыла, кажется—Евстафія Плакиды, Маріи Египетской, разныхъ подвижниковъ,—все это окружаетъ и до сихъ поръ мои воспоминанія дѣтства отблескомъ чего-то тихаго, возвышеннаго, неотразимо дѣйствовавшаго на мою душу... И комната бабушки, въ которой я обыкновенно читала ихъ, куда никто изъ домашнихъ, кромѣ меня, не входилъ, и обстановка этой комнаты, строгая и простая, и серьезная тишина, царившая въ ней, и лампадка, горѣвшая передъ образомъ—все необыкновенно гармонировало и съ этой большой старинной книгой въ кожаномъ переплетѣ, и съ ея содержаніемъ. Да, навѣрное, и сама я, маленькая

бѣлокурая дѣвочка, съ серьезнымъ не по-дѣтски лицомъ—не была дисгармоніей на фонѣ этой общей картинки.

Не мудрено, что въ 9—10 лѣтъ я уже многое понимала, молилась и плакала—и это вполнѣ сознательно. Въ то же время мой характеръ не былъ изъ идеальныхъ: на меня могла дѣйствовать только ласка, но ея никто изъ окружавшихъ не догадался употребить, и всѣ дурныя стороны моего „я", подавляясь строгостью, только заставляли меня сильнѣе раздражаться, и я дѣлалась еще хуже. Сестры не любили меня, и уже тогда обрисовывалась огромная разница между мною и ими. Если-бъ кто-либо могъ замѣтить тогда это религіозное чувство, и отъ молитвъ обратить его къ жизни, къ самосовершенствованію и любви къ ближнему—почемъ знать—можетъ быть и не пришлось бы гувернанткамъ столько жаловаться на мой „характеръ". Но вышло такъ, что мое пониманіе вѣры не шло далѣе этого.

Потомъ... Въ гимназіи я любила болѣе всего всенощную служба вечеромъ казалась мнѣ болѣе поэтичной и торжественной и искренно молясь, почти со слезами за всенощной, я уставала и скучала за обѣдней, и не стыдилась спать, выдумывая себѣ головную боль, чтобы не ходить въ церковь и читать... Въ годы отрочества—лѣтъ въ 14—я опять вспомнила свою „вѣру", начавшую становиться болѣе сознательной, но которая все-таки не шла далѣе раскаянія. Я даже сначала не вѣрила въ теорію Дарвина именно ради того, что она расходилась съ религіозными убѣжденіями, и была совсѣмъ сбита съ толку, видя, что ее принимаютъ многіе, называющіе себя христіанами. Сомнѣній же въ существованіи Бога у меня не было, а горе моей жизни заставляло меня и въ послѣдующіе годы искать утѣшенія въ религіи и молитвѣ. Но я думала для 17—20 лѣтъ обидно мало и поверхностно: сосредоточившись на одной мысли—ожидать освобожденія и курсовъ—я какъ будто не знала, что нельзя безнаказанно не пользоваться жизнью, нельзя безнаказанно жить, не задумываясь глубже въ ея явленія,—не знала и жестоко поплатилась и за свою неопытность, и за это незнаніе.

Съ 21 года мое религіозное чувство всего сильнѣе оживало всего только 2 раза—передъ поступленіемъ на курсы и потомъ во время болѣзни Вали, т. е. оба раза подъ вліяніемъ сильныхъ душевныхъ волненій, причемъ въ послѣдній разъ оно было сильно только одно мгновеніе и затѣмъ сразу ослабло... Такъ и продолжалось вплоть до лѣчебницы, когда я усердно ѣздила въ церковь, но уже

не безнаказанно: по возвращеніи изъ нея, я со страшной силой чувствовала разладъ между высотою вѣры и окружавшей меня пошлостью жизни и людей, такъ какъ попала въ самое худшее общество, какое только можно представить: общество обыкновеннѣйшихъ, полныхъ мелочи житейской, женщинъ, которыя, однако, держали голову высоко, вслѣдствіе имущественнаго или общественнаго положенія, и рѣшительно не въ состояніи были понять что-либо стоящее внѣ сферы ихъ спеціально женскихъ интересовъ.

И вотъ, пересмотрѣвши всю свою жизнь, я невольно задала себѣ вопросъ—„въ чемъ моя вѣра?"—и какой же отвѣтъ на него давалъ мнѣ безпощадный анализъ?

— Первая вѣра *была* въ силу твоей безпомощности, въ силу склада твоей души, нуждавшейся въ утѣшеніи и поддержкѣ, не видѣвшей ея нигдѣ; твоя вѣра была въ безотчетныхъ порывахъ души къ чему-то стоявшему выше пошлости житейской, въ силу врожденной любви къ поэзіи... и только. Моя твердость, съ которою я держалась за нее, несмотря на всевозможныя, возбуждавшія религіозное сомнѣніе книжки, заставляла меня подвергать ихъ критикѣ и защищать „вѣру" отъ нападокъ, какъ нѣчто—необходимое для человѣка. Я съ искреннимъ сожалѣніемъ смотрѣла на невѣрующихъ курсистокъ, называя ихъ про себя людьми безъ твердыхъ убѣжденій, не знающихъ смысла жизни...

О, жалкое, несчастное созданіе! *Да былъ ли онъ, этотъ смыслъ, у тебя-то самой*, въ своемъ ослѣпленіи воображавшей, что если она вѣритъ всему, что сказано въ выученномъ наизусть катехизисѣ—то значитъ обладаетъ и знаніемъ смысла жизни? Вѣдь та же религія говоритъ—„вѣра безъ дѣлъ мертва есть",—т. е. нѣтъ въ ней слѣдовательно и освѣщающаго жизнь смысла. А ты, какъ фарисей, слѣдуя выученной буквѣ закона, не дѣлая ни шага, чтобы провести эту вѣру въ жизнь, ты—смѣла считать себя умнѣе этихъ людей, смѣла думать, что ты въ сравненіи съ ними стоишь на твердой почвѣ, потому только, что вѣришь въ безсмертіе души и будущую жизнь! Поистинѣ—ты достойна презрѣнія! И ничто въ сравненіи съ этимъ сознаніемъ было бы презрѣніе всѣхъ слушательницъ нашихъ курсовъ, если бы онѣ почему-либо захотѣли мнѣ его выразить,—ничто, ибо судъ человѣческій ничтоженъ въ сравненіи съ судомъ нашей совѣсти...

Вспоминая свою „вѣру", я нахожу въ ней одно только честное, что я всегда отдѣляла ее отъ всякаго общеобязательнаго credo. Въ наше время надо уже различать специфически-право-

славныхъ людей, вѣрующихъ обязательно двойственнымъ образомъ, и вообще вѣрующихъ. Я была изъ послѣднихъ, такъ какъ до курсовъ по невѣжеству и политической безграмотности мнѣ не приходилось сталкиваться съ этимъ вопросомъ, а на курсахъ мою вѣру всегда глубоко оскорбляла грубо и рѣзко выраженная форма двойственности. А впрочемъ — вѣдь эта похвала отрицательная. Но если я дошла до паденія — ничего, если упаду и еще немного ниже!

Странно: я много разъ читала Евангеліе, читала серьезно, но мало вдумывалась въ него. Однажды, еще въ дѣтскомъ возрастѣ, задумавшись надъ вопросомъ — что́ такое Богъ? — я съ ужасомъ почувствовала, что не понимаю Бога. Думала ли я когда-нибудь о Христѣ? Чѣмъ же былъ для меня мой Богъ?—Чѣмъ-то идеальнымъ, высокимъ, Кому я могла только молиться и жаловаться на свою жизнь, словомъ, Онъ былъ для меня *фантомомъ* (призракомъ) *поддержки*, и не мудрено, что иногда послѣ молитвы я чувствовала себя успокоенной... Самовнушеніе вѣдь играетъ здѣсь не послѣднюю роль... Не говорю уже о чудесныхъ исцѣленіяхъ.

Призракъ поддержки! Въ прошломъ году, подъ впечатлѣніемъ пережитыхъ ужасныхъ дней—я искала... чего?—сама не знаю... Пришла въ Кіево-Печерскій монастырь и спросила схимника Антонія. Мнѣ указали на небольшую келью, и я вошла... О. Антоній былъ когда-то живописцемъ и сохранилъ до старости лѣтъ любовь къ искусству: стѣны его кельи были увѣшаны картинами и гравюрами, заграничными фотографіями, привезенными ему почитателями; вообще, несмотря на его схиму—чувствовалось, что этотъ монахъ—вовсе не застылъ въ аскетизмѣ отчужденности отъ людей. Онъ отнесся ко мнѣ замѣчательно хорошо: его обращеніе со мною было такое задушевное, такое ласковое, что-то очень привлекательное было во всей его фигурѣ. Помню, онъ назвалъ меня своею дочерью. Видно было, что онъ не получилъ вообще образованія, но душа его и природный умъ замѣняли этотъ недостатокъ. Теперь я не помню, что говорила съ монахомъ величественнаго вида, но ушла ободренная и успокоенная... О. Антоній послалъ меня къ профессору Сикорскому, врачу по нервнымъ болѣзнямъ; онъ меня осмотрѣлъ, прописалъ лѣкарство и, въ свою очередь, опять посовѣтовалъ пойти къ о. Антонію, назвавъ его человѣкомъ „очень развитымъ и проницательнымъ“. Я осталась довольна профессоромъ; это доказывало, что онъ дѣйствительно хорошій психологъ: угадалъ, что мнѣ важнѣе всякихъ лѣкарствъ—

душевное успокоеніе, хотя бы временное, такъ какъ всѣ струны моей души были натянуты свыше всякой мѣры. Эта дружба психіатра съ монахомъ очень поучительна для многихъ психологовъ и врачей-психіатровъ, и каковы бы ни были они сами по себѣ—нельзя не признать въ каждомъ изъ нихъ ума и большой жизненной опытности. Послѣ, въ августѣ, я опять пошла къ схимнику, просто для того, чтобы вновь подышать этой атмосферой любви, и онъ принялъ меня такъ же хорошо, хотя разговоръ завязался не сразу (видно было, что онъ привыкъ говорить съ образованными мужчинами, но съ учащейся дѣвушкой—очевидно не имѣлъ еще дѣла), но все-таки завязался. О вѣрѣ—тутъ не было сказано ни слова.

Итакъ—моя вѣра—не служила ли она доказательствомъ моей слабости—съ одной стороны, и слѣпого упрямства—съ другой?... Въ тѣ дни зашла ко мнѣ Леля Ст. и въ разговорѣ со мною какъ-то сказала:—„я знаете ли, я вѣдь болѣе христіанка, нежели вы!“ подразумѣвая, что въ ней менѣе эгоизма, чѣмъ во мнѣ, хотя она и не вѣрующая, воспитанная отцомъ атеистомъ...

Изучая богословіе, я кое-гдѣ была согласна съ профессоромъ, но во многихъ случаяхъ—нѣтъ: чувствовалась фальшь, въ какую былъ поставленъ предметъ. Вѣру христіанскую послѣ столькихъ вѣковъ существованія защищали какъ малое дитя. Чѣмъ бы приводить опроверженія точныхъ научныхъ теорій, противорѣчащихъ буквѣ библіи — слѣдовало бы стараться или согласить ея ученіе съ наукой, или же изъяснять намъ самый смыслъ ея, а главное доказать намъ, основываясь на чемъ угодно, хотя бы на кантовскомъ императивѣ — необходимость вѣры, затѣмъ показать всю высоту христіанскаго ученія, основываясь на разсмотрѣніи исторій народовъ, особенно именующихъ себя христіанскими, и подвергнувъ ее критикѣ, — доказать, что несовершенство происходитъ оттого, что была принята буква, а не смыслъ религіи, и наконецъ—служить самому живымъ примѣромъ истины исповѣдуемаго ученія. А у насъ что?! Обязательная молитва передъ лекціей, которую съ трудомъ читали слушательницы, заикающійся о. Р—скій—первый курсъ, и безнадежно-грустный о. В.—второй, двѣ тощія тетрадки. Апологетики—вотъ и все, что нашли мы на курсахъ по этому предмету.

30 іюля.

Вотъ въ какомъ хаосѣ мыслей жила я.

20 марта привезли тѣло Н. Н. Тяжелое зрѣлище печальной церемоніи перенесенія тѣла въ церковь Ново-Дѣвичьяго монастыря, открытіе крышки гроба и панихиды... Лицо покойнаго не измѣнилось: то же печально-кроткое выраженіе.

Мнѣ надо было въ этотъ день сдать экзаменъ по французской литературѣ у Батюшкова. Я готовилась, сидя въ конкѣ, но тогда, при моемъ состояніи прочесть одинъ разъ—было мало; на экзаменъ я все-таки пошла, и не могла сдать, такъ какъ оказалось, что приготовила меньше, нежели нужно было по программѣ. Профессоръ былъ недоволенъ, но согласился меня проэкзаменовать; у меня же голова болѣла такъ, что французскія названія, которыя говорилъ профессоръ, мнѣ казались латинскими. Не успѣла я промолчать на одинъ вопросъ—какія сочиненія Дюребефи о святыхъ—какъ Батюшковъ недовольно покачалъ головой, и сообразивъ, что я прошла не всю программу, велѣлъ притти осенью, что я раньше ему предлагала, когда увидѣла, что по ошибкѣ знаю меньше другихъ.

Вечеромъ я написала М. П. письмо съ извѣщеніемъ, что завтра я свободна. Утромъ была на похоронахъ, отъ поминокъ отговорилась недосугомъ. Не помню, что дѣлала днемъ; когда же вспомнила о вечерѣ, — мною опять овладѣвало то же самое чувство, когда я шла къ Неплюеву: какое-то желаніе, чтобы и внѣшность той, которая придетъ — не была бы ниже ея содержанія... глупо это было, но побѣдить себя я не могла. Въ 10-мъ часу раздался звонокъ. Я вышла въ коридоръ... Матренушка отворила дверь и изъ нея показалась высокая брюнетка съ милымъ лицомъ. — „Знакомство такое оригинальное по письмамъ!“ сказала она улыбаясь—и мы расцѣловались. Она быстро раздѣлась; мы вошли въ комнату...—Вы озябли?—давайте чай пить? сказала я.—„Давайте!“ Я тщательно разсматривала ее, всѣ мелочи ея туалета. И мнѣ понравилось какъ она была одѣта: простое черное платье, далеко не новое, бѣлые воротнички и рукавчики, поясъ, черный галстукъ, небольшая шляпа. Вся она высокая, тонкая, граціозная, очень живая, съ очень симпатичнымъ лицомъ... Нѣтъ! она мнѣ рѣшительно начинала нравиться. Не помню теперь, съ чего у насъ начался разговоръ, кажется, съ писемъ... *).

*) Въ оригиналѣ запись не окончена.

хуторъ Замостье, 15 августа.

Невесело встрѣчать каждый новый годъ своей жизни съ сознаніемъ, что еще ничего не успѣла сдѣлать для другихъ.

Но вѣдь я уже на 4 курсѣ; что-жъ будетъ дальше?—А дальше будетъ то, что моя дѣятельность на пользу народнаго образованія, къ которой я такъ стремилась, будетъ *невозможна*, О, до чего больно это сознаніе! до чего больно отказаться отъ мысли ѣхать въ глушь родной губерніи и открыть тамъ свою собственную школу! Что теперь дѣлать и какъ быть?

Для того, чтобы жить въ согласіи съ совѣстью, надо жить согласно своимъ убѣжденіямъ. Пусть другія легко относятся къ вопросамъ вѣры, пусть онѣ легко переносятъ многое оффиціально — я не могу!!

Куда же итти мнѣ? Какъ мнѣ жить, чтобы соединить разумный смыслъ жизни съ убѣжденіями? Педагогическій путь для меня закрытъ; будь у меня талантъ публициста, критика, ученаго — я могла бы писать... но я не Добролюбовъ, не Писаревъ... не Соловьевъ и Костомаровъ. Если бы у меня была власть! Цари счастливы и имъ можно завидывать только потому, что они могутъ сдѣлать добра болѣе, нежели простые смертные. Эмигрировать въ Америку? Л—тина разсказывала мнѣ о Т., у котораго она жила въ Америкѣ три года — его дѣти воспитываются совершенно свободно.

Да, вышла я было на дорогу и думала пойти по ней уже безъ препятствій; но спустился туманъ, не вижу теперь—куда итти и должна ожидать, пока не разсѣется...

Черезъ годъ мнѣ будетъ 25 лѣтъ, и подумать, въ это время я уже окончу курсы! Чтобы остаться въ Россіи, я должна буду отказаться отъ своего желанія. Я вообще противъ пассивности, но иногда мнѣ хотѣлось бы, чтобы въ этотъ послѣдній годъ со мной случилось что-либо такое, которое опредѣлило бы мою участь помимо моего участія. Малодушіе!

Я пріѣхала къ Валѣ не надолго и вижу, что она не развивается такъ, какъ надо бы, и душа ея, не направляемая никѣмъ въ лучшую сторону — грубѣетъ. Больно видѣть все это! больно видѣть и ея равнодушное отношеніе къ себѣ и ко мнѣ, къ моему желанію быть съ ней возможно ближе. Ну, что же? вѣдь сама я все это устроила, сама должна молча нести и послѣдствія своей

ошибки. Сама виновата! Но Валя... неужели въ ней такъ-таки и нѣтъ ни искорки того огонька души, который можетъ разгорѣться яркимъ пламенемъ любви къ ближнему, правдѣ, добру? неужели въ ней ни капли нѣтъ чуткости душевной?.. Если бы не было у нея дочки — залогъ лучшаго — моему отчаянію не было бы границъ...

Ну, однако, надо жить! Глубоко въ сердцѣ затаено сознаніе роковой ошибки, плода своего легкомыслія и неразвитости, — а кто видитъ снаружи?

Пройдетъ лѣтъ 50—60 и что останется отъ насъ, отъ нашихъ страданій? груда костей — и ничего больше. Точно ли ничего? Человѣчеству такъ свойственна вѣра въ безсмертіе души. Но я человѣкъ безъ вѣры, не знающая конечной цѣли своего существованія — во что могу вѣрить? Безсмертіе пугаетъ меня своею вѣчностью, а мысль о конечномъ существованіи какъ-то еще не вяжется спорить съ дѣтства привитой идеей... И я запутываюсь въ противорѣчіи и, подобно Заратустрѣ Нитцше, восклицаю:

Гдѣ я найду теперь для жизни силы,
И какъ перенесу я иго смерти?!

Спб., 22 декабря.

Форстенъ началъ снова читать лекціи на нашемъ курсѣ (говорятъ, ему посовѣтывали не читать прошлый годъ), и намъ пришлось сразу перескочить отъ феодализма къ революціи. О немъ я слыхала самые симпатичные отзывы. Народу, разумѣется, набралась масса.—„О, какая у меня большая аудиторія! никогда столько не бывало!“ — воскликнулъ онъ, входя на каѳедру. Раздался смѣхъ. Онъ какъ-то хлопнулъ себя по щекѣ, подперся рукою, и покачивая головой — совсѣмъ какъ женщина изъ простонародья, повелъ рѣчь приблизительно слѣдующаго содержанія: „Господа, я не буду вамъ говорить вступительной рѣчи. Къ чему слова? А между тѣмъ, чаще всего именно во вступительной рѣчи вы услышите слова, слова и слова. Вспоминаю при этомъ отвѣтъ Гамлета Полонію: „И такъ, вмѣсто словъ, перейдемъ прямо къ дѣлу“... Но такъ какъ сегодня составъ моей аудиторіи не совсѣмъ обычный, то я и считаю нужнымъ сначала сказать нѣсколько указаній относительно теоретическихъ взглядовъ на исторію. Вы, конечно, знакомы съ такими воззрѣніями, какъ экономическій матеріализмъ“...—такъ началась вступительная лекція.

А на другой день Гревсъ читалъ свою вступительную лекцію. Къ сожалѣнію, я не слыхала, что говорилъ онъ въ прошломъ году; кажется, объ его рѣчи писали въ газетахъ, кто-то ложно истолковалъ его рѣчь, о чемъ онъ и упомянулъ нынче, но все-таки, по обыкновенію, онъ считалъ своимъ долгомъ обращаться къ намъ передъ началомъ года съ привѣтственною рѣчью.

На этотъ разъ темою ея было человѣчество и его назначеніе—прогрессъ, и его основной факторъ—любовь къ истинѣ. Въ прогрессѣ замѣчается извѣстная планомѣрность и быстрота, которая создаетъ исторію человѣческихъ формъ. Человѣкъ есть la problème finale, la grande cause de lois suprême, какъ говоритъ Ренанъ. Первенствующее значеніе мысли въ ходѣ прогресса: быстрота его въ области науки, гдѣ мысль свободна, и медленность его въ общественной жизни, гдѣ мысль болѣе стѣснена; успѣхъ прогресса зависитъ отъ проникновенія въ среду общества сознательности. Объединяющая работа знаній въ развитіи духа, Слова Божія: прогрессъ зависитъ отъ накопленія знаній, ихъ направленія и ширины круга, въ которомъ они вращаются. Сознательность ничтожна при непрерывномъ прогрессированіи; она не устранитъ страданія, но дастъ власть надъ ощущеніями. Сознаніе даетъ дорогу прогрессу и власти его не будетъ конца. Необходима общественная солидарность, идеалы же могутъ мѣняться, смотря по потребностямъ и движенію. Таковы общія объективныя данныя программъ... Съ этой точки зрѣнія мы и будемъ заниматься практически: будемъ изучать путь, по которому шло сознаніе и какъ оно побѣждало препятствія—иначе говоря, будутъ выдвинуты изъ исторіи силы прогресса. Но тутъ возникаетъ вопросъ: вѣчна ли эволюція духа? Гдѣ разовьется сознаніе послѣ жизни человѣчества? въ другихъ мірахъ? Критическая философія говоритъ, что нѣтъ: но если отвѣтъ когда-нибудь будетъ возможенъ, то откроется пониманіе жизни. Только въ совершенствованіи интеллектуальномъ—залогъ будущаго; необходимо развитіе личности, оно освобождаетъ ее отъ рабства среды. При условіяхъ, въ которыхъ живетъ наша родина—она нуждается въ образованныхъ людяхъ, понявшихъ строй мірового процесса и современнаго и умѣющихъ формулировать свои обязанности. Нравственность должна теперь первенствовать... „Въ настоящее время нужны: жизнь для другихъ и извѣстный запасъ альтруистическихъ эмоцій; наше общество нуждается въ такихъ интеллигентныхъ личностяхъ, какъ носящихъ элементы образованности и нравственности. Подрастающее поколѣніе обя-

зано это понимать. Юношеству не достаетъ зрѣлости ума; развить въ себѣ этотъ факторъ—значитъ выработать въ себѣ образованность. Юноша способенъ къ умственному труду: къ созиданію міровоззрѣнія, любитъ абстрактныя мысли и весь проникнутъ идеализаціей. Умственный трудъ—есть общественное и нравственное призваніе человѣчества вообще и юношества въ частности. Только въ юности мы имѣемъ свободу отдаться умственному труду. Въ этотъ моментъ невольно приходятъ на память образы людей, отдавшихся умственному труду — Ренанъ является воплощеніемъ духовнаго начала. Назову здѣсь его сочиненіе „L'avenir de la science", въ которомъ такъ ясно выражается громадная вѣра въ науку; эта книга является примѣромъ торжества духовнаго начала въ жизни. Если даже юноша и не стремится посвятить себя наукѣ,—онъ долженъ посвятить себя серьезному умственному труду. Научныя занятія довершаютъ развитіе; въ умственной серьезной и научной работѣ крѣпнетъ и зрѣетъ душа. Я желалъ бы, милостивыя государыни, чтобы васъ охватилъ и развился въ васъ la frisson de la verité, — благоговѣйный трепетъ передъ истиной, къ которой мы всѣ должны стремиться. Въ заключеніе напомню вамъ рѣчь Золя о значеніи труда, произнесенной имъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ студенческой ассоціаціи въ Парижѣ: на поприщѣ труда привѣтствую и я васъ, какъ будущихъ образованныхъ дѣятелей общества". По обыкновенію, послѣднія слова рѣчи покрыты были апплодисментами. Вспоминаю я рѣчь его, сказанную три года назадъ, и чтобы ни говорили, а эти вступительныя лекціи Гревса имѣютъ огромное значеніе для вступающихъ на курсы. Услышать хоть разъ такое объединяющее, такъ сказать, слово о значеніи науки въ жизни — очень и очень важно на первыхъ порахъ.

11 октября.

Получила письмо отъ Тани; все оно—сплошная жалоба измученнаго существа. „Удивительно складывается моя жизнь: я не знаю ни одной полосы изъ нея, которую я могла бы благословить, отдохнуть воспоминаніемъ по ней. Вѣчное тяжелое ожиданіе, безсмысленная борьба за то, что принадлежитъ мнѣ по праву человѣка, полная нравственная отчужденность отъ семьи, дикое непониманіе меня, уродскія отношенія... Ну, да что говорить, сама знаешь!.."

Охъ, слишкомъ хорошо я это все знаю! Пожалуй, лучше ея... Сама я переживала ужасное, что только можетъ пережить человѣкъ: въ пору юности, въ самую лучшую пору жизни, со слабою волею, съ сердцемъ, искавшимъ любви, съ умомъ, хотя не развитымъ, но жаждавшимъ правды—я была такъ одинока, такъ безпомощна, до того путалась въ лабиринтѣ своей жалкой жизни, что страшно и вспомнить... У Тани на всемъ ея страданіи лежитъ яркая полоса раздѣленнаго чувства, а у меня что!? и этого не было. Не сожалѣю я, что ни сама не испытала, ни ко мнѣ никто не испыталъ этого чувства. О томъ жалѣю я, что, будучи окружена сестрами и братьями, — ни я, ни они меня не умѣли любить истинной братской любовью и судьба, не послала мнѣ человѣка, съ которымъ я могла бы отдохнуть душою... Видитъ Богъ (если есть онъ), что не желаю я никогда испытывать любви, которая ведетъ къ браку, но до смерти я не перестану чувствовать неудовлетворенность сердца, ищущаго братской любви и дружбы,— это да! Право же все равно — мужчина или женщина, — только явился бы этотъ другъ, съ душою родственной, стоящій выше меня, и любящій меня такою, какая я есть, тонко, безъ словъ, понимая меня... О, какъ любила бы я его, съ какимъ счастьемъ ожидала бы я его прихода, чтобы вмѣстѣ склониться надъ книгой, вмѣстѣ разсуждать, вмѣстѣ стремиться къ правдѣ, искать истину,—а главное—въ которомъ я не боялась бы разочароваться, знать бы, что онъ не измѣнитъ своимъ убѣжденіямъ... Я жадно искала его здѣсь на курсахъ, среди сотенъ женщинъ... Обыкновенная исторія—не нашла! Потому что я ищу душу необыкновенную, я это знаю, а большинство изъ насъ — все-таки простые люди. И нѣкоторыхъ я люблю, и очень люблю, но все-таки онѣ не могутъ мнѣ дать все, что мнѣ надо... Я готова быть ихъ другомъ, но знаю, что онѣ не смогутъ быть тѣми, потому что скажутъ: „ты требуешь слишкомъ много, я тебя не понимаю“ — и отойдутъ, огорченныя... И чтобы не огорчать ихъ, я никогда ничего не говорю. Глубоко въ сердцѣ спрятала я эту потребность и никому не покажу никогда! она во мнѣ живетъ и со мною умретъ! Я холодна и сурова на видъ,—тѣмъ лучше, никто не догадается.

Валя, Валя! сестра, съ которой я сама же себя разлучила. Если бы ты была лучше сердцемъ и развитѣе умомъ! Но жизнь таинственно отводитъ ее отъ меня, и кажется мнѣ, что рано или поздно я буду ей еще болѣе чужой. Таня—вѣчно несчастная, сла-

бая, сама нуждающаяся въ поддержкѣ и скорѣе способная принимать любовь, нежели давать ее.

Эхъ жизнь! „жизнь невеселая, жизнь одинокая", — какъ она пройдетъ?—не знаю, но могу сказать вмѣстѣ съ поэтомъ: „горько она, моя бѣдная, шла..." (потому-что и въ самомъ дѣлѣ — въ жизни больше горя, чѣмъ радости). Но *не хочу* говорить —„и какъ степной огонекъ замерла..." Это напоминаетъ что-то слабое, безсильное въ борьбѣ. Нѣтъ, пусть ужъ лучше она, какъ костеръ горитъ, пока не сгоритъ вся, или же пока не затушатъ другіе...

И вотъ я говорю это, а другой человѣкъ „благоразумный"— сидитъ и подсмѣивается:—Ишь, задоръ молодости! — неизвѣстно еще, что ты сдѣлаешь.. И все вы говорите, а вотъ какъ дѣло-то будете дѣлать?... Пожалуй, замрешь и не только какъ степной огонекъ, а просто какъ зажженная спичка.

Ну, что-жъ? Докторъ Гаазъ былъ тоже одинокъ... Его великая по высотѣ душа несравнима съ моей, и поэтому онъ былъ еще болѣе одинокъ, однако, нашелъ же онъ въ своемъ сердцѣ тотъ неизсякаемый источникъ любви, который освятилъ всю его жизнь. Я не могу, конечно, итти за нимъ, это — уже совершенство, а духъ мой слишкомъ мятежный, слишкомъ способенъ еще возмущаться и презирать. Но на одно я способна, въ этомъ я не ошибаюсь: я могу и буду любить широкою братскою любовью всѣхъ несчастныхъ нравственно, страдающихъ подъ гнетомъ жизни, непонимаемыхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ, кто подъ маскою спокойствія, прячетъ душевное страданіе... И пусть они, въ свою очередь, не понимаютъ меня и относятся ко мнѣ равнодушно, или не могутъ любить меня равною любовью—пусть! Я все-таки буду любить ихъ, и не отойду отъ нихъ, помня, какъ мнѣ тяжело было, какія минуты переживала, и... ко мнѣ никто не подошелъ!.. Простить врагамъ—сколько угодно, я постоянно прощаю и отношусь къ нимъ вполнѣ равнодушно, иногда—съ сожалѣніемъ.

И такъ—вотъ къ чему я способна—на любовь къ несчастію, на прощеніе врагамъ, но любить ихъ — у меня нѣтъ не только силы, но и не хватаетъ мыслительной способности, чтобы разумомъ объяснить себѣ это: у меня—любовь, согласно съ его выводами, и поэтому и чувство гармонично. О, еслибъ всю жизнь можно было построить на гармоніи разума и любви! Это былъ бы идеальный союзъ! Такъ вотъ и теперь: мнѣ жаль Таню, я безпокоюсь о ней, — она же совсѣмъ забываетъ обо мнѣ, поглощенная собою... Ну пусть! Бѣдное дитя! Еслибъ у нея была сила

воли — выстоять твердо посреди бури, если бы она была рѣшительнѣе, а то даже досадно смотрѣть на нее, изъ-за чего она терпитъ столько? Въ 21 годъ она свободно можетъ уйти изъ семьи, однимъ могучимъ усиліемъ сбросить всѣ путы и уйти отъ нихъ, правда—нищей, но зато свободной!.. Таня такъ любитъ Д., что и слушать не хочетъ о курсахъ,—эхъ, женщины!

А что въ самомъ дѣлѣ, — предложить бы мнѣ теперь на выборъ: не влюбленіе, конечно, а ту идеальную дружбу, о которой я мечтаю, или пожертвовать этимъ послѣднимъ годомъ ученія на курсахъ? Ни на минуту не колеблясь, все-таки выберу послѣднее. Знаю, что и здѣсь моя жизнь не такъ складывается, какъ надо бы, и здѣсь страданіе даетъ себя знать сквозь научную обстановку, но не отдамъ этого страданія ни за какое счастье, потому что здѣсь переживаю я лучшія минуты жизни — пробужденія и развитія *сознательности*... Оно насквозь проходитъ черезъ мою жизнь, но та боль, которую я испытываю при этомъ, спасительна: она порождаетъ во мнѣ новаго человѣка, и для меня по окончаніи курсовъ должна начаться, дѣйствительно, „vita renova“. Какова-то будетъ она?!

О, если бъ я могла теперь молиться! Какая бы пламенная молитва полетѣла къ небу за всѣхъ и за все... Но я уже не могу болѣе молиться.

Если бъ мнѣ данъ былъ даръ пѣсенъ — какая чудная возвышенная пѣсня любви вылилась бы у меня... Но мнѣ не дано этого дара...

Если бъ у меня былъ даръ слова—я вышла бы съ проповѣдью любви къ людямъ... Но мнѣ не дано дара слова.

Что же дано мнѣ? Что же дано мнѣ??!—У меня есть душа, есть воля, и если ничтожная единица можетъ тѣмъ, что она сдѣлаетъ,—устранить хотя одну стомилліонную долю изъ всей суммы страданія, — пусть эта единица сдѣлаетъ, что подсказываетъ ей совѣсть...

13 октября.

Какой непріятный день пришлось пережить сегодня! Недѣли двѣ назадъ я сдала въ одну редакцію мою замѣтку о школахъ и братствѣ Неплюева. Сегодня зашла за отвѣтомъ. Редакторъ, любезный и симпатичный господинъ, очень вѣжливо сказалъ:—„нѣтъ, это не пойдетъ, рукопись можете получить теперь же“, и я рас-

писалась, взяла тетрадь и вышла... Мнѣ было очень досадно за свою наивность: развѣ можно было нести статью въ такой журналъ, да еще написанную такъ небрежно! Я предназначала ее для редакціи „Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", въ часть неоффиціальную, и признаюсь, писала ее не очень-то заботясь о слогѣ,—ну и надо бы отправить туда сразу, а не передумывать и не соваться съ извѣстной физіономіей въ суконный рядъ; вдобавокъ, въ самую послѣднюю минуту, дернула меня нелегкая прибавить конецъ, который могъ быть принятъ за страшную тенденціозность (разговоръ съ марксисткой), за косвенную нападку на модное въ наше время ученіе... Счастье мое, право, что не напечатали замѣтки, а то потомъ стала бы сожалѣть. И сунуться въ такой журналъ,—ну могли ли ее помѣстить?! Конечно, нѣтъ, хотя печатаютъ безконечные романы Потапенки, но вѣдь то—все-таки имя, а тутъ дѣло идетъ о такомъ явленіи, которому врядъ ли можетъ симпатизировать прогрессивный во всѣхъ отношеніяхъ марксизмъ.

Теперь меня беретъ раздумье, посылать ли и въ „Ярославскія Губернскія Вѣдомости"? А ну, какъ и тамъ откажутъ? Тамъ слишкомъ консервативны, могутъ не пропустить... Чортъ возьми! Тогда сожгу ее... Конечно, лучше бы обратиться за совѣтомъ къ профессору Ш., но я не желаю въ данномъ случаѣ показаться неопытной, наивной, именно потому, что въ журналистикѣ я навсегда останусь таковой. А кому охота явно доказывать свою наивность?

Итакъ, я сама себѣ устроила эту непріятность. Другая же можетъ быть сопряжена еще и съ дальнѣйшими. Я задумала обратиться къ Л.-Д. за совѣтомъ относительно занятій по русской исторіи. У насъ на курсахъ занятіе ею не представляютъ для меня никакого интереса. Платоновъ поставилъ по очереди власть Московскихъ государей и исторію церкви—періодъ до раскола и самый расколъ при Никонѣ; рефераты пишутъ исключительно по книгамъ, и получается гимназическая передача прочитаннаго. Въ обозрѣніи отдѣла преподаванія исторіи въ Университетѣ я прочла, что у Л.-Д. практическія занятія по систематикѣ соціальныхъ явленій и лекціи по Исторіи русскаго общества въ XVIII в. Обдумавъ вмѣстѣ съ Юлинькой М. свой планъ, мы рѣшили обратиться къ нему съ просьбой дать рядъ рефератовъ по этому вопросу, пошли же къ этому профессору на основаніи слуха объ его хорошемъ отношеніи къ студентамъ. Такъ и сдѣлали. Онъ выслушалъ насъ очень внимательно, объяснилъ, что рефератовъ собственно по

исторіи русскаго общества у него не назначено, а предположены практическія занятія со студентами по чтенію Жалованной Грамоты Дворянству; однако, онъ обѣщалъ подумать и дать рядъ темъ. Я все время внимательно смотрѣла на его умное лицо; въ самой рѣчи, въ самыхъ вопросахъ его видно было серьезное отношеніе къ дѣлу, и я даже смутилась отъ невольно охватившаго меня дѣтскаго страха—вдругъ показаться передъ нимъ ничтожествомъ и невѣждою во всѣхъ отношеніяхъ... А онъ какъ будто и не замѣчалъ этого, — такъ же сосредоточенно-внимательно обдумывалъ что-то, спрашивая насъ, какой стороной исторіи русскаго общества 18 в. хотимъ мы заниматься и какъ ему поставить темы.

Юлинька остались довольна пріемомъ, но моя тревога только что начиналась: что-то выйдетъ изъ всего этого? Найдемъ ли мы еще 3—4 человѣкъ, готовыхъ также приняться за это дѣло, какъ мы, и если найдемъ, то сумѣемъ ли обработать какъ слѣдуетъ данныя темы? И какъ онъ отнесется: дастъ ли темы и тѣмъ самымъ наши отношенія съ нимъ окончатся, или же предложитъ слѣдить за рефератами? Послѣднее было бы такъ хорошо, что объ этомъ мы не смѣли и мечтать, и то хорошо, если темы дастъ. А вдругъ ничего не выйдетъ, потому что вся предшествующая историческая подготовка наша по русской исторіи сводится почти что къ нулю.

И что моя утренняя неудача въ сравненіи съ этимъ безпокойствомъ и страхомъ? Первая вполнѣ заслужена и составляетъ мое личное дѣло, а тутъ — извольте видѣть... но отъ безпокойства я уже болѣе не могу писать...

17 октября.

Сегодня я получила отъ профессора темы и мое смущеніе разсѣялось отъ его простого о серьезнаго отношенія. Когда я уходила и онъ сказалъ, что за разъясненіемъ вопросовъ мы можемъ приходить къ нему по четвергамъ, отъ 7—8, мнѣ показалось, что это такъ и должно, что это естественно вытекаетъ изъ нашего разговора.

Ну, теперь только начать заниматься!

19 октября.

Только что вернулась отъ Маріи Петровны Мя—вой. Мое отношеніе къ ней производитъ на меня неопредѣленное впечатлѣніе:

иногда я въ глубинѣ души не довѣряю ей, мнѣ кажется, что она вовсе не такъ хорошо относится ко мнѣ, что я строю себѣ иллюзіи, — и эти сомнѣнія иногда берутъ верхъ надъ моею привязанностью къ М. П. Она же каждый разъ встрѣчаетъ меня съ такою любовью, такъ искренно и задушевно говоритъ, что мои сомнѣнія невольно испаряются,—ея искренность дѣйствуетъ на меня, и я говорю съ нею тоже просто, безъ стѣсненія. И мнѣ теперь больно это сознаніе своей недовѣрчивости къ людямъ, вынесенной изъ тяжелаго опыта жизни: хотѣлось бы вѣрить человѣку, вѣрить болѣе, нежели себѣ самой... и—не можешь, а встрѣча съ Неплюевымъ подала мнѣ еще большій поводъ къ развитію въ себѣ этой осторожности. Она спрашиваетъ меня:—„вы любите меня?“— Что отвѣтить ей на это? — Я говорю — да, не имѣя возможности признаться ей въ своихъ колебаніяхъ, — первое впечатлѣніе живетъ во мнѣ, и оно было, кажется, вѣрное: въ ней я нашла человѣка, душевно болѣе развитого, нежели всѣ, встрѣчаемые мною до сихъ поръ.

Сегодня мы говорили съ нею о религіи. Я откровенно разсказала ей свое душевное состояніе, переживаемое мною теперь; всею душою своею я чувствую полную пустоту въ своемъ сознаніи относительно этого вопроса... Гдѣ мой Богъ?.. Уже старое зданіе рухнуло,—стоитъ ли строить новое? не лучше ли выкинуть всѣ обломки и чисто вымести пустое мѣсто. Зданія-то вѣдь тоже не вѣчны. Допустимъ,—построишь и новое,— ну, и оно разрушится, такъ стоитъ ли, стоитъ ли? Ахъ, какое это странное ощущеніе... и я чувствую, что все это является независимо отъ состоянія нервовъ (ибо могутъ возразить, что у человѣка, страдающаго нейрастеніей, бываетъ состояніе и еще хуже), нѣтъ, очевидно, есть какое-то состояніе души, независимое отъ нервовъ, которое особенно ясно вырисовывается тогда, когда нервы успокоены. Я вотъ теперь и покойна, но на ряду съ этимъ спокойствіемъ живетъ и сознаніе пережитаго разгрома. Лишь иногда я чувствую какое-то облегченіе, доставляемое научнымъ изложеніемъ исторіи христіанства на ряду со всѣми другими религіями.

Итакъ, мы говорили съ М. П. о религіи. Она воодушевилась, объясняя мнѣ, какъ надо понимать воскресеніе мертвыхъ, но съ непривычки къ такимъ толкованіямъ, они показались мнѣ запутанными и темными. Для меня гораздо понятнѣе было старое, знакомое толкованіе церкви, а не это—символическое, образное,— и не знаю, какое. Но вотъ, что мнѣ стало ясно изъ ея разговоровъ.

что свободное религіозное движеніе есть въ Европѣ повсемѣстно, оно идетъ само собою, становится иногда независимо отъ церкви (въ обыкновенномъ разговорномъ смыслѣ слова), священное писаніе изучается и истолковывается людьми,—иногда очень образованными—истолковывается свободно. Стремясь къ духу, эти люди, конечно, иначе смотрятъ на многія обрядности, доселѣ удерживаемыя церковью. Словомъ—какъ будто воскресло вновь то далекое время—первыхъ вѣковъ христіанства, о которомъ я такъ еще недавно читала въ лекціяхъ Гревса.

Удивителенъ ходъ исторіи! Время паденія язычества ознаменовалось особеннымъ настроеніемъ мыслящихъ умовъ и образованнаго общества: восточные культы получили необычайное развитіе, чувствовалось какое-то особенное религіозное исканіе истины... А въ наше время? Возьмемъ Парижъ, этотъ современный Римъ. Тамъ тоже развивается масса всевозможныхъ культовъ, устраиваются всякія тайныя общества и собранія. Недавно, въ романѣ Гнѣдича „Ноша міра сего“ (журн. „Недѣля“), я прочла описаніе сборища поклонниковъ какого-то культа, и меня глубоко возмутило зрѣлище циничныхъ картинъ, которыми сопровождалось своеобразное „служеніе“; читала я также о книгѣ Гюисманса „Là-bas“ и убѣдилась, что очень многія черты жизни современнаго Парижа напоминаютъ намъ Римъ передъ паденіемъ язычества. Здѣсь-же, въ Петербургѣ, живетъ около 200 человѣкъ буддистовъ и Горемыкинъ разрѣшилъ выстроить буддистскую молельню...

30 октября.

Вечеромъ дома—одна... Получила письмо отъ Володи: страшно скучаетъ и съ тоской спрашиваетъ—„да когда же мы, наконецъ, всѣ съѣдемся?“ Не люблю я вспоминать о прошломъ, но сегодня эта фраза напомнила нечаянно о немъ, и стала вспоминать, что было въ это время 4 года тому назадъ—послѣдній годъ, когда мы были всѣ вмѣстѣ... Что-жъ такое было въ тѣ дни? Ба, помню, помню! — Свадьба Кати... и она уже умерла нынче лѣтомъ. Должно быть занимательность жизни состоитъ въ томъ, что люди не знаютъ будущаго. Вотъ я, напр., была увѣрена, что во всѣ 4 года моей жизни дома ничего особеннаго не случится, но оно случилось, хотя и не со мною, но задѣвши меня, и какъ разъ въ послѣдній годъ моего пребыванія дома. Поступая сюда, я была

вполнѣ увѣрена, что и эти годы пройдутъ такъ же, ничего особеннаго не случится; — вѣрно, по внѣшности—ничего особеннаго не случилось, но зато во мнѣ перемѣнилось три разныхъ человѣка, одинъ за другимъ. Я разсчитала устроить свою жизнь по разъ намѣченному плану—случилось то, что и планъ-то мой исчезъ, и что теперь дѣлать, не знаю... Въ ужасѣ передъ будущимъ,—я вижу все свое спасеніе нынѣшній годъ—взаперти съ головой, въ занятіяхъ! Чтобы ни минуты не оставалось для души! Кантъ, Аристотель, исторія русская, исторія новѣйшая, даже грамматика польская, литература—мнѣ всѣ равно, все равно,—лишь бы не думать, не смотрѣть впередъ... Что скажутъ всѣ мои? Что скажутъ Валя, Надя? Суда сестеръ и братьевъ я боюсь болѣе суда другихъ, хотя именно они то и не поймутъ меня, но я люблю ихъ и такъ жаль, что я, на зарѣ ихъ жизни, не могу служить имъ примѣромъ, не могу открыть школы, не могу ни учить, ни воспитывать дѣтей...

О, какое это мученіе—сознавать, что я, единица,—безсильна предъ ходомъ исторіи... Пройдетъ, быть можетъ, еще сто лѣтъ,—и мы только тогда добьемся своихъ правъ... А теперь—учительница со своими убѣжденіями немыслима ни въ какой школѣ... И лучше бы мнѣ не сживаться съ этою мечтою, лучше бы не имѣть ея никогда!

Что же дѣлать теперь?!... Какъ-то мы говорили съ Маней П. о нашей будущности. Она готовится быть учительницей, и я сказала ей, что не чувствую себя въ силахъ примириться съ положеніемъ дѣла и не пойду въ школу... Она помолчала.—„Хорошо такъ говорить обезпеченнымъ людямъ, какъ ты, проливая слезы говорить—„я не въ состояніи итти противъ моихъ убѣжденій“. А вотъ у Лизы З. мать да больной братъ на рукахъ; она тоже ни во что это не вѣритъ, а окончитъ курсы—откроетъ прогимназію въ Тюмени... Надо же жить!...“

Но будь у меня двѣ старухи—матери и два больныхъ брата,—кажется, скорѣе продалась бы, еслибъ не смогла заработать средствъ для ихъ содержанія какимъ-либо инымъ путемъ, кромѣ учительскаго.

Не поѣду домой на праздники,—слишкомъ тяжело кривить душой. А пока я для всѣхъ своихъ, для знакомыхъ—та же, попрежнему, чтобы не дать имъ повода прежде времени врываться въ мою душу, врываться грубо со своей слѣпой правдой жизни, съ отупѣвшими отъ нравственнаго недоумѣнія глазами... Нѣтъ,—

пока я для нихъ буду играть комедію и останусь здѣсь совершенно спокойная, благо занятій—бездна.

Какъ я люблю мою бабушку Елизавету Александровну. Какой ударъ былъ бы для старушки узнать, что ея Лиза, ея любимая внучка—не признаетъ того, что для нея во всю ея семидесятилѣтнюю жизнь было такъ же непреложною истиною, какъ ея собственное существованіе.

Теперь я точно стала жить новой жизнью... Четыре года назадъ!... Катя умерла... во мнѣ тоже умерло многое... А вѣдь, вотъ живу же... и къ чему? Такъ,—должно быть судьба распоряжается людьми, какъ мы своими вещами: однихъ безжалостно выбрасываетъ за бортъ, другихъ — будто бережетъ „на всякій случай". Ужъ я ли не безполезное существо?!

8 ноября.

Надо отмѣтить тотъ день, когда мы рѣшились говорить съ профессоромъ относительно практическихъ занятій по новой исторіи. Тщетно висѣло на курсахъ его объявленіе, призывающее заниматься,—записалось лишь 4 человѣка, да прибавилась я, пятая. И уже раскаявались же мы! Это ужасъ что за деревенщина! Вмѣсто того, чтобы объяснить намъ въ двухъ-трехъ словахъ, какъ у него идетъ дѣло въ университетѣ, профессоръ разсказывалъ намъ объ этомъ цѣлыхъ полчаса, говорилъ скучно и монотонно, шутилъ неостроумно и плоско. Мы слушали все это съ крайнимъ негодованіемъ. Послѣ долгихъ переговоровъ приняли за темы. Онъ желалъ, чтобы занятія носили аналитическій характеръ, и я была съ нимъ согласна, но всѣ наши почему-то избрали темы историографическаго характера, остановившись на политическихъ козняхъ во Франціи 1814—1830 г. Тема показалась мнѣ неинтересной, неумолкаемое говоренье профессора невыносимымъ, и я готова была сбѣжать изъ инспекторской, гдѣ происходили переговоры. Наконецъ—кончили, онъ вышелъ. Мы вскочили съ мѣстъ и очумѣло поглядывали другъ на друга: прошло нѣсколько секундъ, пока мы оправились отъ впечатлѣнія этого совѣщанья.—„Да ужъ не отказаться ли, господа?" — предложила одна, но мы не хотѣли. Теперь оставалось только взять книги, и по силѣ начать излагать исторію политическихъ партій.

Въ эту недѣлю, переѣхавъ на другую квартиру, устроилась одна, и очень довольна. Тяжело было бы мнѣ жить долѣе съ

Маней П., потому что встать слишкомъ близко къ человѣку тоже, иной разъ, нехорошо; разсмотришь его всего, и, къ сожалѣнію, все дурное яснѣе увидишь. Безхарактерность и вліяніе кружка портитъ Маню; съ виду она, какъ будто, менѣе обыкновенна моей Вали; по окончаніи же курсовъ выйдетъ замужъ за своего жениха, который давно за нею ухаживаетъ. И только... „Но грустно думать", что за всѣ мои годы пребыванія здѣсь, я ни съ кѣмъ не сошлась ближе, чѣмъ съ Маней, оказавшейся въ концѣ концовъ такъ чуждой мнѣ по духу, и тѣмъ не менѣе единственная, съ которой я на „ты". Я знаю, что она меня искренно любитъ, и я люблю ее, какъ молодого хорошаго товарища, но... какъ до звѣзды небесной далеки эти дружественныя отношенія отъ полной дружбы. Кто въ этомъ виноватъ? Конечно сама: „на ловца и звѣрь бѣжитъ",—плохой, значитъ я ловецъ! На курсахъ я совсѣмъ одинока, и не потому, что трудно сходилась бы съ людьми,—но люди оказываются не такими, какими бы я могла быть удовлетворена. Я буду всегда относиться къ нимъ хорошо и они никогда не узнаютъ, до чего они не удовлетворяютъ меня...

Была въ воскресенье съ знакомымъ художникомъ и Шуркой на ученической выставкѣ въ Академіи Художествъ. Впечатлѣніе получилось очень неопредѣленное; только на общемъ туманномъ фонѣ ярко вырисовывались прелестные пейзажи Федоровича (ученикъ Киселева), Розанова (ученикъ Рѣпина), „Земская больница" и „Утѣшеніе" Попова. Казаковъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Маковскаго, ѣдетъ за границу, выставивъ прекрасную картину. Необыкновенно хорошъ пейзажъ Федоровича: въ немъ соединяются тонкость работы съ живостью передачи. Картины не замазаны, но и не модной нынче манерой—грубыми мазками написаны, а живость такая, что не отойдешь: отъ всякой картинки такъ и вѣетъ тишиной, миромъ, поэзіей природы. Тутъ уголокъ сада, тамъ старинная лѣстница, здѣсь кусочекъ газона съ цвѣтами,—и все это такъ очаровательно прекрасно, такъ глубоко вѣрно изображено... Ему предстоитъ будущность, если онъ пойдетъ и дальше въ томъ же направленіи.

22 ноября.

Вчера былъ у насъ актъ. Обычное чтеніе отчета и рѣчь Котляревскаго о значеніи философскаго ученія гр. Толстого, прочтенная съ обычнымъ искусствомъ, красиво, но въ то же время

и просто. Съ чувствомъ удовлетворенія національнаго самолюбія отмѣтивъ о вниманіи всей Западной Европы къ нашему писателю, особенно выразившемся ко дню 70-лѣтняго юбилея, профессоръ перешелъ къ выясненію его значенія для исторіи русской мысли Онъ говорилъ о вліяніи Л. Толстого какъ моралиста, которое въ будущемъ несомнѣнно отодвинетъ на второй планъ славу его, какъ романиста. Сравнивая его съ Ж.-Ж. Руссо, онъ ставилъ вопросъ: своевременно ли появилось его ученіе? Отвѣтъ будетъ утвердительный. На границѣ двухъ вѣковъ, переживъ послѣ прошлаго вѣка разочарованіе въ принципахъ разума, придя въ срединѣ къ утвержденію въ необходимости чувствъ гуманности,—мы увидѣли, что оно въ послѣднее время какъ-то потускнѣло подъ меркантильными стремленіями общества. И въ это-то самое время раздался голосъ великаго писателя—и нарушилъ покой этого общества не только у насъ, но и въ Европѣ. Его философская система, подобно системѣ Ж.-Ж. Руссо—полна ошибокъ, несвободна отъ противорѣчій,—и поэтому вызвала массу возраженій; но это доказываетъ только, что надъ нею думаютъ, что она не проходитъ безслѣдно. И безспорно, историкъ будущаго, въ исторіи движенія русской мысли конца вѣка—на первомъ планѣ поставитъ Толстого.—Вотъ вкратцѣ содержаніе этой рѣчи. На актѣ присутствовалъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, встрѣченный директоромъ съ распорядительницей, изящно и модно одѣтой дѣвицей, которая должна была наглядно доказать избитую истину: наука не вліяетъ на внѣшность (насмѣшка не совсѣмъ хорошая съ моей стороны).

Вечеромъ на курсахъ состоялась обычная вечеринка съ концертомъ въ пользу кассъ всѣхъ 4 курсовъ. Большинство профессоровъ нашего фак. отсутствовало; у меня же, какъ всегда, не было ни одного знакомаго студента-универсанта. Послѣ наверху бѣшено танцовали; по обыкновенію нашлись охотники поглазѣть на такое вовсе не художественное зрѣлище, происходящее на маленькомъ пространствѣ и къ тому же среди самой простой обстановки. Я потолкалась въ толпѣ, поговорила съ одной-другой товаркой,—скучали. Студенты, у которыхъ не было своихъ знакомыхъ курсистокъ, тоже стояли группами, не подходя къ намъ. Чувствовалась разрозненность между незнакомыми. Только въ третьей аудиторіи раздавались голоса студентовъ и она была биткомъ набита народомъ. Я съ трудомъ протолкалась, но не могла вынести духоты и опять вышла. Студентъ кричалъ, какой

изъ двухъ вопросовъ поставить на обсужденіе: о разрозненности среди студентовъ или о томъ, какъ помочь голодающимъ? Толпа закричала „послѣдній!“ Далѣе я ничего не слышала, кромѣ отрывочныхъ словъ, произносимыхъ задыхающимся голосомъ... Я выбралась изъ аудиторіи въ коридоръ. Эхъ, вы, умники! Положимъ, что стремленіе помочь голодающимъ — благородное, но въ пылу молодости вы не замѣтили неразрѣшимости для васъ этого вопроса, и упустили первый, о которомъ можно бы было поговорить съ пользой.

Я наблюдала все время за присутствующими. Тѣ, у которыхъ были свои знакомые, были веселы и оживлены, а кто не имѣлъ, тому вовсе не было весело. Казалось, бы чего лучше? Вы — студенты, мы—курсистки, между нами должно быть общее, должно быть единеніе, простота отношеній, живые разговоры, живой обмѣнъ мыслей. А между тѣмъ — вы стоите у стѣнъ, не рѣшаясь подойти къ намъ, не будучи „представленными“, мы — стоимъ у другой стѣнки и тоже не рѣшаемся начать разговоръ первыя. Такое ли отношеніе естественно? Господа, если твердить о братствѣ,—такъ отчего же намъ, хоть на эти годы, на студенческой скамьѣ не осуществить, пока есть возможность, братскія отношенія?... — „Ахъ, какъ скучно!“ твердила Б., бродя со мною по залѣ. Мнѣ тоже не было особенно весело... Почему бы намъ не собраться нѣсколькимъ курсисткамъ вмѣстѣ со студентами и не поговорить, какъ добрые товарищи? Я попробовала было бросить эту мысль Б., и указать ей на одного студента, извѣстнаго мнѣ словесника,—вотъ, говорю, пойдемъ, познакомимся, навѣрное у насъ найдется общая тема для разговора: онъ малый простой, его знаютъ наши, кто изъ Воронежа. Б. замялась.—„Ахъ, нѣтъ... я не рѣшусь никогда, онъ мнѣ не знакомъ“ и она даже ушла въ залъ, оставивъ меня одну въ коридорѣ. Я, однако, упряма. А, ну, думаю, попробую его спросить хоть что-нибудь. — Скажите, профессоръ Ш. въ Петербургѣ или нѣтъ?—„Не знаю“, —былъ односложный отвѣтъ, хотя студентъ былъ его ученикомъ. Я рѣшила не продолжать разговора далѣе: характерная односложность сразу охладила меня. Нельзя, конечно, судить его по такому отвѣту, но если бы онъ хотѣлъ съ полуслова понять меня, то сейчасъ же могъ завести разговоръ, а онъ и не подумалъ поддержать его. Я отошла и рѣшила остатокъ вечера употребить на маленькія дѣлишки, на переговоры со знакомыми товарками о кое-какихъ незначительныхъ мелочахъ; наконецъ, въ 2 часа ушла домой вмѣстѣ съ Шуркой...

Такъ,—виноваты во всемъ сами мы и поэтому никакъ нельзя сказать,—весело ли было на вечерѣ, или нѣтъ.

5 декабря.

Вечеромъ я была у А—выхъ, гдѣ Н. Н. читалъ свои статьи, подготовленныя къ конгрессу единаго человѣчества. Н. Н. читалъ отчасти уже знакомыя мнѣ статьи о силѣ и значеніи любви. Есть у него немного рѣжущія ухо выраженія—„сладкіе пирожки жизни", попадаются невѣрныя мысли, въ родѣ понятія „безсистемной благотворительности". Очевидно, онъ знакомъ съ тою петербургскою благотворительностью, которою, скуки ради, занимаются дамы-патронессы, въ средѣ которыхъ она является дѣломъ развлеченія, пріятнымъ и легкимъ.

По этому поводу мнѣ невольно вспомнилось недавнее собраніе у Ольги Константиновны Н. Въ прекрасно убранной комнатѣ, уютной и ярко освѣщенной, сидѣли за столомъ нарядныя дамы и разсуждали о вечерѣ въ пользу бѣдныхъ курсистокъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ сверкали брилліанты, шелестѣлъ шелкъ, и подъ шумокъ веселаго разговора, казалось,—здѣсь была такая веселая, такая пріятная жизнь, полная благотворительнаго развлеченія, что душа, умъ, мысли, чувства, все точно убаюкивалось на мягкихъ рессорахъ жизненнаго экипажа... ѣхать такъ удобно, спать можно такъ пріятно! И Н. Н. знакомъ именно съ этой благотворительностью. А между тѣмъ есть такія добрыя дѣла, совершаемыя тихо, незамѣтно, что отрицать ихъ всѣ подъ флагомъ „безсистемной благотворительности" невозможно. Объ этомъ дорогой я долго говорила со знакомымъ профессоромъ.

Послѣ чтенія статей, въ короткой бесѣдѣ съ Н. Н. я узнала отъ него нѣкоторыя интересныя извѣстія: въ Москвѣ образуется кружокъ друзей мира и любви въ средѣ Московскаго университета, ректоръ котораго очень сочувственно отнесся къ этому движенію, вопреки другимъ представителямъ... Послѣдніе не могли понять, что возможно единеніе между *всѣми* на почвѣ любви. „Какая любовь? Не надо любви! Надо исполненіе долга!"... Наконецъ, кружокъ нашелъ подходящаго человѣка (присутствіе котораго на своихъ собраніяхъ считаютъ необходимымъ для того, чтобы ихъ не заподозрили въ сектанствѣ), который пошелъ въ священники по призванію.

Еще утромъ я получила письмо отъ М. П. съ извѣстіемъ, что статья моя о братствѣ напечатана въ „Русскомъ Трудѣ", а ве-

черомъ, здѣсь, она встрѣтила меня похвалой статьѣ, увѣряя, что редакція осталась очень довольна ею; Н. Н., зайдя ко мнѣ, тоже сказывалъ, что въ „Новостяхъ“ была уже приведена искаженная выдержка изъ нея... Я тотчасъ бѣгу въ кабинетъ для чтенія въ д. Дервиза, отыскиваю „Новости“—да, статья была точно моя, и удивляюсь, отчего же редакція не извѣстила меня?... Какимъ путемъ многіе въ этотъ же вечеръ узнали, что я знакома съ этой редакціей—для меня загадка; я и статью-то послала туда анонимно, за подписью Х***. И странно было мнѣ слышать вопросы: „ваша это статья?“, мнѣ казалось даже какъ-то неловко отвѣчать на этотъ вопросъ *).

6 декабря.

Вернусь къ предыдущему.

Общество у А—выхъ собралось по большей части женское. Въ углу гостиной скромно сѣлъ одинъ изъ членовъ братства, рядомъ со студ. В.-Мед. Академіи; должно быть это былъ Б., основатель подобнаго же кружка въ С.-Петербургѣ (Н. Н. разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ на собраніяхъ этого кружка и нашелъ, что онъ устроенъ очень неудачно; мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ этимъ кружкомъ, да какъ-то не пришлось). Дамы всѣхъ возрастовъ толпились около Н. Н. и взирали на него не то съ уваженіемъ, не то съ умиленіемъ. Слышался французскій разговоръ... Признаюсь, мнѣ было немножко смѣшно... также страннымъ казалось и то, что лакеи разносили чай въ промежуткѣ... христіанская любовь и... лакеи... Интересно бы знать, сколько часовъ работали они передъ тѣмъ, какъ разносить здѣсь чай... Въ залѣ раздавались слова любви, а снаружи слышались выстрѣлы: въ Галерной Гавани было опять наводненіе.

И мнѣ хотѣлось встать и сказать: „во имя любви пойдемте туда, въ эти подвалы, помогать бѣднякамъ“. Никто бы не пошелъ, и я нарочно не разговаривала съ Неплюевымъ, пока онъ стоялъ, окруженный дамами...

Эхъ! вотъ что значитъ принадлежать къ извѣстному кругу! Дамы, милыя свѣтскія дамы окружили Н. Н. и смотрѣли чуть-ли не съ благоговѣніемъ: „—Точно на святого“—шепнулъ мнѣ незамѣтно подошедшій профессоръ.

---

*) См. „Школы и братство Н. Н. Неплюева“. Х***, газ. „Русскій Трудъ“, изд. С. Шарапова, № 47 и 48, 1898 г.

8 декабря.

Слова и дѣло.

Какъ-то вечеромъ, въ гостиной
Говорили о прекрасныхъ,
О возвышенныхъ идеяхъ,
О любви, народовъ братствѣ;
Говорили много, долго,
Дамы даже прослезились
И ораторы довольны,
Что сердца такъ умилились.
„Ахъ, любовь и братство! Эти
Двѣ идеи такъ прекрасны!“...
Въ это время вдругъ раздался
Выстрѣлъ; смыслъ его былъ ясный.
И сказала я имъ: братья!
Вѣдь въ Галерной наводненье!
Поспѣшимъ помочь!—Въ глазахъ всѣхъ
Я прочла лишь—изумленье.
Разъ у дамы-патронессы
Собрались на засѣданье
И о средствахъ для пріюта
Шло серьезно совѣщанье.
Я сказала: можно сразу
Вытти вамъ изъ затрудненья:
Вы бы продали брильянты!
—Дамы въ столбъ отъ изумленья.

Разъ, на вечерѣ студентовъ
Популярный литераторъ
Влѣзъ на стулъ, и эдакъ громко:
„Господа, я—не ораторъ,
Рѣчь моя привлечь не можетъ
Внѣшней прелестью искусства;
Въ ней одно лишь ясно будетъ—
Сила искренности чувства...
Молодежь! Въ порывѣ сердца,
Здѣсь, среди своихъ собратій
Вспомнимъ русскую деревню,
Вспомните о младшемъ братѣ!

Средь полей необозримыхъ,
Бѣлымъ саваномъ покрытыхъ,
Чуть виднѣются избушки
Нашихъ братьевъ позабытыхъ...
Да, мы ихъ забыли! мало
Мы сегодня говорили
О народѣ, его нуждахъ,—
Всѣхъ вопросовъ не рѣшили!"
Молодежь рукоплескаетъ,
Стонъ стоитъ въ огромномъ залѣ...
Я подумала немного:
„Братья, такъ я имъ сказала,
Если вспомнить о народѣ—
Надо вспомнить о прислугѣ,
Та же бѣдность заставляетъ
Мужичковъ итти къ намъ въ слуги.
Фабриканты не гуманны,
Мы за то ихъ осуждаемъ...
А сейчасъ, мы развѣ меньше
Слугъ работать заставляемъ?
Мы кричимъ о гуманизмѣ...
Истомленные лакеи
Между тѣмъ снуютъ межъ нами
Словно Дантовскія тѣни.
Этотъ вечеръ—день рабочій,
Сократить его—*мы* можемъ,
И своимъ поступкомъ добрый
Починъ дѣлу мы положимъ".
Тихо въ залѣ... всѣ молчали...
Хоть бы слово одобренья!
Но въ глазахъ вблизи стоявшихъ
Я читала... изумленье.

Мефистофель! ты спокойно
Можешь царствовать надъ миромъ;
Всѣ идеи безопасны
Пока „я" для насъ кумиромъ.

25 декабря.

Ну, вотъ насталъ „праздникъ ощущеній“, по выраженію Н. Н. Неплюева, праздникъ желудка, праздникъ глазъ, ушей — чего угодно, только не духа.

Хозяевъ и прислуги нѣтъ дома, и я спѣшу наслаждаться минутами полнѣйшей тишины, когда лучше думается... Наконецъ-то я выработала въ себѣ силу переносить одиночество; нынѣшній годъ иду бодро по дорогѣ, но какъ и всегда — живу двойственною, а иногда и тройственною жизнью. Послѣдняя является лишь тогда, когда надо приспособляться къ людямъ, вовсе мнѣ чуждымъ, а двойственная—всегда и вездѣ со мною: одна—на людяхъ, съ которыми приходится постоянно жить, а другая—для тѣхъ минутъ, когда остаюсь наединѣ сама съ собою... Это случается рѣдко: то я читаю, то пишу рефератъ, словомъ, стараюсь не думать, ни о чемъ не думать, а всего менѣе—объ ожидающей меня будущности. Теперь я лучше отношусь къ людямъ, чѣмъ прежде, но что же за голосъ вѣчно твердитъ мнѣ: „все это не то, не то, не то!“ Когда я сталкиваюсь съ людьми, я жадно въ нихъ всматриваюсь, какъ вѣчный жидъ я все иду и иду, ищу и ищу... найду-ли? Нѣтъ! Судьба отнимаетъ у меня моихъ близкихъ, соединяя ихъ съ людьми мнѣ не симпатичными: скоро я лишусь и второй сестры—Тани...

Какъ посмотришь, какое ничтожество мнѣ все приходилось встрѣчать среди мужчинъ! Ни одного глубоко-симпатичнаго, который бы отвѣчалъ на всѣ стороны души... Я не идеалъ ищу — я сама не идеалъ, — а просто хотѣлось бы хоть разъ встрѣтиться съ родственною мужскою душою, безъ малѣйшей мысли о какой-либо чувственной сторонѣ. Вспоминаю Добролюбова. Вспоминаю его письмо объ одной дѣвушкѣ, которая ему нравилась, и вышла замужъ за военнаго... — „А, вѣдь, и офицерикъ-то плюгавенькій! Эхъ-ма!!“ восклицаетъ онъ. Сколько разъ мнѣ приходилось повторять тѣ же слова, обращенныя къ женщинамъ, когда я видѣла, что за ними ухаживаютъ мужчины, неизмѣримо выше ихъ стоявшіе по умственному развитію. Но я — не Добролюбова, и не ищу „любви“; не ея хочу я, а дружбы, потому что знаю теперь, что могу быть другомъ.

1899 годъ.

14 января.

Почему я ушла сейчасъ отъ проф. Л.-Д.? Къ нему пришли двое молодыхъ людей—очевидно изъ оставленныхъ при университетѣ, шелъ интересный разговоръ и, однако, когда профессоръ пригласилъ всѣхъ къ чаю, — я ушла, подъ предлогомъ того, что все время сидѣла въ жакеткѣ и что мнѣ очень жарко... Ищи предлогъ,—соотвѣтственно тому, кто имъ пользуется.

Сдала я свою работу профессору еще до Рождества, онъ ея не успѣлъ просмотрѣть, а тѣмъ временемъ я уже успѣла притти въ ужасъ отъ ея недостатковъ и была готова взять ее совсѣмъ, да онъ не отдалъ; сегодня я сама должна была прочесть ее ему, но судьба сжалилась надо мной: въ эту минуту вошли молодые люди и, конечно, разговоръ перешелъ на другія темы. Говорили о многомъ: о новыхъ книгахъ, пересматривали новыя изданія соч. Тихонравова, Градовскаго, V-й т. Карѣева, Seignobos „Histrorie politique de l'Europe contemporaine“, XVII-й т. „Рус. Истор. Библ.“, вышедшій подъ ред. Лаппо-Данилевскаго, пересматривая книги дѣлали замѣчанія относительно разныхъ лицъ. Я чувствовала себя на первый взглядъ какъ-будто и хорошо; въ глубинѣ же души шевелилось сознаніе своего невѣжества, своего умственнаго безсилія, своей неспособности.

Я уже приготовилась совсѣмъ къ суровому и справедливому приговору профессора, жаль только, что не сегодня услышу его... Любовь къ наукѣ у меня теперь соединяется съ желаніемъ посредствомъ занятій ею отвлечься отъ безплоднаго раздумья надъ „зачѣмъ“; вѣдь—

> ... Головы въ іероглифныхъ чадрахъ,
> Въ черныхъ беретахъ, въ чалмахъ...
> Бьетесь надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ.

Старая и вѣчно новая исторія...

Да будто проклято то, что воспитало меня! Какимъ туманомъ обвиваетъ это нашу жизнь, какой страшный вредъ приноситъ нашему міровоззрѣнію. И теперь что?! Чувствую, что если буду задумываться—самоубійство явится такимъ соблазнительнымъ исходомъ. И вотъ, инстинктивная жизненность заставляетъ отворачи-

ваться отъ этого выхода, искать другихъ интересовъ временныхъ, но безпрерывно измѣнчивыхъ, которые бы заслонили собою могилу. Я говорю себѣ хладнокровно „бояться нѣчего"—и въ то же время ищу декорацій, за которыми я ея бы не видѣла. Я презрѣнно малодушна, жалка, сознаю свое паденіе и... падаю еще ниже...

— Такъ что́ же ты, такая какъ есть, сможешь сдѣлать по окончаніи курса? что сдѣлаешь для общества, для народа?! и передъ этимъ ужаснымъ вопросомъ, на который я тоже не нахожу отвѣта, кромѣ могилы,—я также малодушно пасую, всѣми способами стараясь извернуться, но честность твердитъ одно: ничего!

А вѣдь, небось, еслибъ какая-нибудь изъ товарокъ пришла ко мнѣ точь въ точь съ такими же мыслями, я, пожалуй, почувствовала бы къ ней презрѣніе... „Слабость!"

20 января.

Вчера Гревсъ читалъ привѣтственную рѣчь къ слушательницамъ послѣ Рождественскихъ вакацій. Онъ говорилъ о роли профессора, и рѣшалъ еще разъ вопросъ—долженъ ли стоять профессоръ къ своимъ слушателямъ или нѣтъ? Увы! Какъ мы малы и ничтожны — сами не можемъ еще понимать такихъ простыхъ вещей! *Даже это* намъ надо съ каѳедры объяснять.

24 января

Въ этотъ день на курсахъ И. А. Шляпкинъ назначилъ собраніе по поводу Пушкинской вечеринки. Когда я пришла—всѣ были уже наверху въ зоологическомъ кабинетѣ, собралось человѣкъ 20. И. А. засѣдалъ за столомъ, вооруженный адресъ календаремъ и листомъ бумаги. Я записалась въ бюро для устройства вечеринки, не рискуя выступать въ качествѣ артистки; ко мнѣ присоединилась В., рѣшивъ взять на свою долю хлопоты по доставкѣ статуи Пушкина изъ Лицея на курсы. Мы, т. е. бюро, человѣкъ 8, усѣвшись за отдѣльный столъ, живо кончили свое дѣло: разобрали всѣ вопросы по устройству художественной части вечеринки. Илья Александровичъ, отдѣльно отъ насъ, составлялъ списокъ желающихъ исполнять сцены и картины. Началась считка: выходили одна за другой желающія исполнять, читали сцены изъ Русалки (роли мельника, дочери и князя), Бориса Годунова (Самозванецъ и Марина) и Цыгане (Земфира, Алеко, Цыганъ). Во время репе-

тиціи смѣху и шуткамъ не было конца. Вскорѣ меня вызвали внизъ—пріѣхала М. П.; я бросилась къ ней, повела ее наверхъ, и такъ какъ мнѣ не хотѣлось уходить, просила М. П. подождать немного. Я была такъ рада видѣть ее у себя... она такая изящная въ простомъ черномъ платьѣ, съ брошкой—значкомъ „Арміи спасенія“. Репетиція продолжалась и бѣдный И. Ал. долженъ былъ оставаться до 5 часовъ.

Вечеромъ мы вдвоемъ должны были ѣхать на собраніе кружка у о. Григорія П—ова, который основалъ студентъ Б. Мы пріѣхали во-время, члены только собирались: пришли два студента, два медика, лѣсникъ, одна медичка, съ высшихъ курсовъ учащаяся была я одна, остальные—барышни, человѣкъ 5, мужчинъ же было гораздо больше, изъ нихъ—о. С—тинскій, трое-четверо взрослыхъ мужчинъ и, наконецъ, весьма ожидаемый профессоръ В. Всего собралось человѣкъ 25. Но странно было: люди, собравшіяся во имя единенія, не соединялись, а разъединялись; мужчины входили въ кабинетъ, или сидѣли по угламъ, женщины собирались около стола съ альбомами. Меня невольно поразила богатая обстановка квартиры, такой я не видала не только у своихъ профессоровъ, но даже у родныхъ, людей очень состоятельныхъ. Огромный салонъ могъ вмѣстить въ себѣ свободно 30—40 человѣкъ. О. Григорій, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, очень любезно встрѣчалъ всѣхъ; обо мнѣ ему говорилъ членъ братства — Иванъ Саввичъ Н.— и онъ сейчасъ же изъявилъ согласіе на мое участіе въ этомъ кружкѣ.

Передъ началомъ собранія Б. всталъ и предложилъ прочесть статью Меньшикова о дружбѣ; собраніе согласилось, лѣсникъ прочелъ ее. Она написана лѣтъ пять назадъ объ этическихъ обществахъ заграницей, начало которымъ у насъ положилъ профессоръ Вагнеръ нѣсколько лѣтъ назадъ. Въ статьѣ высказывались очень хорошія мысли о дружбѣ, единеніи людей. Послѣ прочтенія такой статьи, по моему мнѣнію, надо бы тотчасъ же перейти къ обсужденію практическаго примѣненія этихъ мыслей къ нашимъ взаимнымъ отношеніямъ въ данномъ случаѣ. Но вышло не то. О. С—тинскій сталъ уговаривать профессора В. быть предсѣдателемъ кружка, въ виду его заслугъ на поприщѣ основанія этическихъ кружковъ. Профессоръ отказывается. Его уговорили стать предсѣдателемъ хоть на это собраніе, онъ согласился... и тутъ началась та странная комедія, которая отняла весь смыслъ у этого собранія.

Профессоръ В. началъ свою рѣчь съ того, что заявилъ — вѣрующіе и невѣрующіе должны раздѣляться. По его мнѣнію, невѣрующимъ быть въ обществѣ съ вѣрующими невозможно; а такъ какъ онъ самъ вѣруетъ въ Бога, то и не можетъ быть въ обществѣ атеистовъ. Это звучало чѣмъ-то средневѣковымъ... Всталъ Б. и сказалъ, что онъ его предупреждалъ и раньше, что въ этомъ собраніи будутъ люди разныхъ убѣжденій. Казалось бы, профессору, оставалось только извиниться за свою безтактность, но старичекъ, стоя посреди гостиной, не соглашался. До глубины души возмущенная, я поднялась и сказала ему нѣсколько словъ о томъ, что если нѣкоторые и не могутъ вѣрить, то это въ силу того, что не имѣютъ понятія объ истинной вѣрѣ, а тѣ, кто показываютъ себя вѣрующими, если у нихъ есть истинная христіанская любовь—должны въ данномъ случаѣ ради нея не отказываться отъ общенія съ невѣрующими, если тѣ сходятся съ ними въ воззрѣніяхъ на нравенность. Я говорила и голосъ мой невольно дрожалъ отъ волненія. Но профессоръ равнодушно-устало смотрѣлъ на меня и... опять-таки остался при своемъ мнѣніи. Поднялся споръ, не приведшій, однако, ни къ чему; изъ него мы узнали, что профессоръ былъ 14 лѣтъ атеистомъ и пришелъ къ вѣрѣ въ Бога *черезъ спиритизмъ;* и ему было не стыдно послѣ этого говорить намъ, молодежи, прожившей однимъ десяткомъ болѣе этихъ 14 лѣтъ на свѣтѣ, что разъ онъ увѣровалъ, то или насъ знать не хочетъ, или же чтобы мы увѣровали тоже. Выходило что-то недостойное... Наконецъ, профессоръ почувствовалъ, что надо „удалиться съ честью“ и обѣщалъ привести на слѣдующій разъ программы его этическаго кружка, наотрѣзъ отказавшись отъ предсѣдательства; навѣрно онъ не отказался вовсе отъ участія потому, что собирается сдѣлать это въ слѣдующій разъ. Но разъ внесенный диссонансъ продолжался и послѣ его ухода. Поднялся споръ объ убѣжденіяхъ, споръ давній и безпонятный, потому что не было еще примѣра, чтобы люди обращались къ вѣрѣ послѣ словеснаго диспута. Я сразу сообразила, что основателю кружка Б. не хватаетъ умѣнья и общаго развитія; это высказалось и въ предложенной имъ программѣ дѣятельности кружка: одна часть собранія должна посвящаться выясненію этическихъ вопросовъ, другая — чтенію какого-либо беллетристическаго произведенія. Противъ послѣдняго многіе возстали.

Между тѣмъ, М. П., сидя въ переднемъ углу гостиной, шептала мнѣ: —„Что же, однако, они не говорятъ о томъ, что хотѣли

поставить на обсужденіе? Вѣдь въ прошлый разъ они рѣшили поднять вопросъ о томъ, что такое нравственность, и я приготовилась отвѣчать"... Ея милое лицо выражало крайнее утомленіе. Но собраніе затянулось... Пили чай, послѣ чая опять перешли въ гостиную и снова поднялся вопросъ о томъ, что собственно надо дѣлать собравшимся, въ чемъ же выразить дѣятельность кружка. Говорятъ, что этому вопросу посвящалось *шестое собраніе*. Я почувствовала, что тутъ все неладно: гдѣ вмѣсто дѣла начинаютъ вести споры о вѣрѣ—тутъ, дѣйствительно, близокъ расколъ.

М. П. поднялась и, стараясь примирить собраніе, недовольная предложеніемъ ввести чтеніе беллетристическихъ произведеній, сказала, что ихъ можно допустить, если въ нихъ затрагиваются нравственные вопросы. Наконецъ, на очередь выступилъ вопросъ о нравственности. М. П. отвѣчала на него, конечно, съ религіозной точки зрѣнія, и мнѣ, съ моимъ незнакомствомъ съ Библіей, показалось трудно слѣдить за ея мыслью, тѣмъ болѣе, что она говорила быстро, а я была очень утомлена всѣмъ предшествовавшимъ. Помню только, что она настаивала на символическомъ пониманіи библейскаго разсказа о грѣхопаденіи человѣка, какъ противленіи волѣ Божіей. О. С—тинскій одобрительно качалъ головою, собраніе не спорило, такъ какъ всѣ были утомлены, да и молодежь, очевидно, не была расположена спорить, чувствуя невольную симпатію къ этой дѣвушкѣ. По крайней мѣрѣ, студенты не напали на нее, и я и медичка не возразили тоже.

Было уже $1^1/_2$. Я вышла съ совершенно отуманенной головою. Нервы ли мои слабы, или въ самомъ дѣлѣ собраніе носило такой характеръ, что куда ни придешь, ничего не выходитъ... вѣрнѣе послѣднее. Я пригласила братчика Ивана Саввича подвезти его, дорогой поговорили немного о собраніи вѣрующихъ, — какъ оно хорошо идетъ, о братствѣ,—и въ скоромъ времени онъ сошелъ у Лѣтняго сада. Былъ страшный морозъ. „Нравственно ли это, возвращаясь съ *этическаго* собранія, будить звонками усталыхъ за день отъ работы людей? Нравственно-ли намъ *во имя нравственности* подобное переливаніе изъ пустого въ порожнее?" И горькая иронія голоса совѣсти мучила меня все время... Еще на собраніи я подошла къ о. С—тинскому съ этимъ вопросомъ, но онъ равнодушно отвѣтилъ, что „на то они и прислуга". А у меня на душѣ все-таки было нехорошо: мнѣ, по обыкновенію, было стыдно въ глаза смотрѣть своему швейцару, когда онъ отпиралъ мнѣ дверь.

Вопросы „жизни и нравственности“ звучали сегодня такимъ дикимъ диссонансомъ въ стремленіи нашемъ согласить ихъ... Это будетъ похуже вопроса о вѣрѣ и невѣріи, хотя я чувствовала, что на собраніи „отцы“ П—овъ и С—тинскій отнеслись ко мнѣ очень симпатично. Съ нашихъ курсовъ никого не было, и я въ душѣ благословляла судьбу, что такъ случилось: попади сюда особа молоденькая, неопытная, она ушла бы отсюда просто съ озлобленіемъ и отчаяніемъ, неудовлетворенная, обманувшаяся въ своихъ ожиданіяхъ...

26 января.

Сегодня должна была быть у профессора Л.-Д., прочесть ему свой рефератъ и потомъ итти на засѣданіе философскаго общества.

Войдя въ его кабинетъ, я чувствовала себя сначала, по обыкновенію, немножко неловко, но потомъ въ своей сферѣ. Когда я начала читать, мало-по-малу забыла обо всемъ, и думала только о томъ, что изложено, и о недостаткахъ работы. Но, вопреки моему ожиданію, онъ не выбранилъ меня,—наоборотъ, отнесся къ работѣ очень внимательно, сказавъ, что видно тщательное изученіе матеріала, и указалъ на недостатки: главнымъ образомъ планъ, группировка мыслей, по его мнѣнію, должны быть иными. Я подумала, что онъ не хотѣлъ сказать своего истиннаго мнѣнія о рефератѣ просто изъ вѣжливости, но при взглядѣ на его симпатичное, умное, спокойное лицо—невольно отказывалась отъ такого подозрѣнія. А впрочемъ—вѣдь въ томъ-то и виденъ умъ, чтобы умѣть обходиться съ людьми, не затрогивая ихъ самолюбія.

Засѣданіе философскаго общества было очень интересно. Читалъ Боборыкинъ докладъ о преподаваніи философіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ во Франціи. Судя по заглавіямъ темъ, задаваемыхъ при экзаменѣ на аттестатъ зрѣлости, докладчикъ приходилъ къ заключенію, что общій умственный уровень юношей Франціи выше русскаго юношества. Для примѣра онъ указалъ на наши семинаріи, воспитанники которой, благодаря преподаванію философскихъ предметовъ, въ общемъ, гораздо развитѣе гимназистовъ. Докладъ былъ покрытъ громкими апплодисментами. Публики было много, студентовъ значительно меньше, нежели курсистокъ. Наша братія покрывала почти всѣ скамьи, и я воображаю удовлетворенное гордое самолюбіе Введенскаго, который возсѣдалъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ.

Послѣ доклада были пренія. Удивительно, до чего — даже въ ученыхъ обществахъ—отклоняются въ спорахъ въ сторону мелочей. Такъ и здѣсь; вмѣсто того, чтобы обсуждать, какимъ путемъ и въ какомъ объемѣ желательно введеніе философіи въ курсъ гимназическій—пренія пошли, что называется, вкривь. Стали спорить о семинаріяхъ, а затѣмъ объ... англійскихъ колледжахъ сравнительно съ французскими. Боборыкинъ изъ себя выходилъ, доказывая, что въ англійскихъ колледжахъ студентъ за 3.000 руб. въ годъ научается двумъ-тремъ отрывкамъ классиковъ и одному изъ Эвклида; съ нимъ спорилъ какой-то субъектъ. Резюме дѣлалъ Введенскій, признавъ введеніе философіи желательнымъ... въ идеалѣ, но *пока* неумѣстнымъ, въ виду общей неправильности постановки воспитательнаго дѣла въ гимназіяхъ, а также въ виду того, что изъ гимназіи по большей части выходятъ атеисты, и, въ случаѣ введенія преподаванія философіи,—такой результатъ обязательно припишутъ ей. Послѣднее заключеніе было очень некрасиво: походило на ловкій поклонъ въ сторону... Но Введенскому, однако, апплодировали не меньше, нежели Боборыкину. Стыдно нашей братіи.

28 января.

Эта недѣля проходитъ вся такъ, что не пришлось ни на минуту остаться наединѣ съ собою... легче дышалось, не думалось, да и интересно было...

На курсахъ назначена генеральная репетиція (въ костюмахъ). За эти дни была измѣнена программа, перемѣнились и участницы вечера: рѣшено было поставить 4 сцены изъ Русалки, Бориса Годунова, Полтавы и Евгенія Онѣгина — объясненіе Татьяны съ Онѣгинымъ. Я и В. съ трудомъ были пропущены наверхъ, въ залу, такъ какъ, кромѣ участвующихъ и членовъ бюро, постороннихъ не впускали! Тамъ уже были всѣ участницы апоѳеоза, частью одѣтыя, я помогала имъ. Кого-то не хватало, суетились, бѣгали, кричали... VI аудиторія была въ полномъ безпорядкѣ,—разбросанные направо и налѣво костюмы, на каѳедрѣ что-то въ родѣ туалета; въ сосѣдней химической лабораторіи всѣ столы были заняты принадлежностями туалета.

— „Марьи Ивановны нѣтъ! Гдѣ Марья Ивановна? Дьяконова, одѣньте ея платье, да встаньте въ апоѳеозѣ!“—кричалъ мнѣ кто-то.—А говорить мнѣ ничего не надо?—„Ничего, скорѣй, скорѣй.

Шляпкинъ кричитъ, что она необходима, а ея нѣтъ... Ну, ну!!"— и я не успѣла ничего сообразить, какъ очутилась въ аудиторіи, раздѣвалась наскоро и кто-то меня одѣвалъ, кто-то стоялъ возлѣ... Я раздѣлила волосы проборомъ—получилась старинная прическа, которая такъ идетъ ко мнѣ,—и всѣ въ одинъ голосъ восклик нули: „вотъ настоящая Марья Ивановна!". „Гриневъ" подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ меня за руку и не отпускалъ. „Онъ" былъ такой славный, толстенькій, симпатичный. Скоро были готовы „Ангелъ" и „Муза"; не хватало только статуи Пушкина, которую мы не достали. Для чтенія было выбрано стихотвореніе Полонскаго о Пушкинѣ:—„Пушкинъ—это возрожденіе русской музы...", и потомъ соотвѣтственныя лица должны были повторять тѣ строфы, которыя относились къ нѣкоторымъ произведеніямъ Пушкина. Съ этимъ было много хлопотъ: чтобы всякій зналъ свой № и не перепуталъ... Шляпкинъ просто все горло раскричалъ,— говорить тихо было нельзя за разстояніемъ и движеніемъ; онъ бѣгалъ, кричалъ, задыхался и... дѣлалъ въ сущности все, такъ какъ помощницъ среди насъ ему не нашлось, кромѣ одной, которая распоряжалась всѣмъ въ уборной.

Наконецъ, все было улажено, и „статистамъ" можно было уйти—началась репетиція въ костюмахъ, но мы оставались. Всѣ сцены шли хорошо. Конечно, лучше если бы мужскія роли исполнялись соотвѣтственно мужчинами же, но, несмотря на это, все же Мельникъ и Самозванецъ были интересны, а остальные—Мазепа и Онѣгинъ—являлись только какъ необходимое дополненіе къ монологамъ Маріи и Татьяны. Послѣдняя по внѣшности хороша, но какъ актриса—слишкомъ холодна (и я могла бы такъ сыграть), тѣмъ не менѣе исполнительница, кажется, была о себѣ иного мнѣнія. Въ общемъ, я проваландалась на курсахъ безъ малаго до 11-го часа, и когда пришла домой,—въ квартирѣ былъ въ полномъ разгарѣ пиръ: хозяинъ былъ именинникъ. Я ушла ночевать къ Юленькѣ.

30 января.

На другой день я имѣла глупость проспать лекцію Шляпкина о Пушкинѣ. Утромъ, когда мы вмѣстѣ съ В. поѣхали въ Лицей за статуей поэта—ее уже выносили; оставалось повернуть обратно и ѣхать шагомъ за повозкой. Было очень холодно, мы отчаянно мерзли.

Наканунѣ я писала письмо къ инспектору, гдѣ просила отпустить брата по „важному семейному дѣлу“, чтобы онъ могъ присутствовать на вечерѣ; Шурка пришелъ послѣ своихъ занятій, и я ушла на курсы. Въ сущности, мнѣ нечего было дѣлать тамъ такъ рано, надо было только выгладить ситцевое платье „Марьи Ивановны“. О, что это было за платье! Я никогда въ жизни не помню такого ситца! Желтенькое съ цвѣточками, хотя сшито было мило, и съ косыночкой, но кринолина я не имѣла мужества надѣть,—до того онъ былъ грязенъ... брр!.. Я взяла другую шелковую „бальную“ юбку—тоже грязна, и меня покоробило, но все же не такъ грязна, какъ этотъ ужасный кринолинъ. Въ „уборной“, вѣрнѣе, въ физическомъ кабинетѣ, была давка: среди приборовъ на столахъ стояли принадлежности туалета, а на каѳедрѣ въ VI аудиторіи причесывались и гриммировались. Явилась и жена профессора Ж., которая должна была пѣть письмо Татьяны къ Онѣгину въ современномъ костюмѣ и великолѣпной прическѣ. Наши, разумѣется, пришли въ восторгъ.

Первый началъ читать Буличъ „О значеніи Пушкина для русской музыки“. Мы потихоньку выбрались на сцену, и изъ-за занавѣса слушали. Для меня лично рѣчь не представляла никакого интереса, такъ какъ все, что въ ней говорилось, было уже давно извѣстно, да и что могъ онъ сказать новаго? Произведенія Пушкина послужили сюжетомъ для русской музыки,—Русланъ и Людмила, Пиковая Дама, Евгеній Онѣгинъ и т. п.—это могло быть интересно лишь для большинства слушательницъ, вовсе незнакомыхъ съ исторіей музыки. Послѣ рѣчи началось чтеніе стихотвореній и пѣніе. Стоя за кулисами слушать было очень неудобно, приходилось оставаться въ уборной, а нашъ профессоръ былъ все время тамъ, бѣгалъ, распоряжался, и удивительно,—не сердился, между тѣмъ,—такая суматоха, такое непослушаніе, какъ наше, хоть кого могутъ разсердить. Но общее настроеніе было удивительно симпатично: вопреки нервничанью настоящихъ актеровъ предъ выходомъ на сцену,—у насъ все было какъ нельзя болѣе мирно. Мы помогали другъ-другу одѣваться и очень старались чтобы у всѣхъ все было хорошо; гримеръ былъ не первоклассный, но тѣ изъ играющихъ, которыя успѣли загриммироваться—охотно предлагали свои услуги товарищамъ.

Уже въ 1-мъ часу ночи начался апоѳеозъ. Шляпкинъ какъ-то удивительно быстро разставилъ всѣхъ, спросилъ № для чтенія стиховъ, и еще разъ провѣрилъ ихъ... „Русланъ“ былъ превосхо-

день, равно какъ и „Донъ-Жуанъ“, до полной иллюзіи; Екатерина и Петръ были выбраны очень удачно, начиная съ физическаго сходства; мой „Гриневъ“ также былъ очень милъ. Онъ опустился передо мною на колѣни, я взяла его за руку. Ей было смѣшно, мнѣ тоже. Но помимо воли—лицо мое—благодаря прическѣ на проборъ и локонамъ—выражало что-то отвлеченное, какую-то кротость, что для „Марьи Ивановны“ и нужно было. Наконецъ, занавѣсъ поднялся, насъ освѣтили бенгальскимъ огнемъ... Поднялась буря апплодисментовъ, Шляпкину сдѣлали шумную овацію. Онъ выходилъ, кланялся, улыбался, и вскорѣ ушелъ страшно усталый, послѣ того, какъ насъ сняли при вспышкѣ магнія. Послѣ нѣсколькихъ разъ занавѣсъ опустили окончательно, и мы начали расходиться. Русланъ и Людмила, Гриневъ и я пошли въ костюмахъ въ нижнюю залу, гдѣ насъ привѣтствовали шумными восклицаніями, смѣхомъ и шутками, угощая чаемъ, какъ участвующихъ, безплатно... И тутъ я вновь почувствовала отсутствіе близкаго человѣка: глядя на тѣхъ, у кого были друзья, которые сидѣли въ тѣсномъ кружкѣ,—мнѣ хотѣлось и самой имѣть свой, и самой быть въ такомъ же. Въ эту минуту я переживала то же, что переживаетъ любой артистъ, попавшій въ общество, которое считаетъ себя выше его по положенію. Имъ восхищаются, ему апплодируютъ и симпатизируютъ, но онъ знаетъ, что среди этихъ людей нѣтъ у него близкаго человѣка: такъ и меня окружали, любуясь общимъ видомъ, дружески смѣялись, шутили, и я въ эту минуту общаго дружескаго расположенія чувствовала симпатію ко всѣмъ, но... все-таки я была одна. Когда вся публика разошлась,—мы, участвующія, снявъ костюмы, собрались тѣснымъ дружескимъ кружкомъ и начали разговаривать. Насъ объединило общее дѣло и мы въ эти минуты были всѣ довольны, всѣ хорошо настроены. И странно: мнѣ дѣйствительно легче было уйти изъ „публики“ и очутиться среди „артистовъ“—эти были для меня все же болѣе близки. Мы просидѣли такъ около $^1/_2$ часа; инспектриса ждала въ отдаленіи. Пробило три часа, надо было расходиться. Я пошла ночевать къ „Князю“—Н—ой, жившей по близости. На другой день все, что напоминало о вчерашнемъ вечерѣ въ залѣ—были неубранные подмостки и декораціи.

12 февраля.

На дняхъ пріѣхала Таня. Пришлось мало заниматься—необходимо было поговорить и развлечь ее. Ея любовь къ Д., въ пол-

номъ смыслѣ слова, можно назвать „больною любовью“—въ нравственномъ смыслѣ слова. И удивительно, до чего это напоминаетъ мнѣ романъ сестры, все то же самое: верченіе около своего собственнаго „я“, полное отсутствіе какихъ-либо широкихъ идей, упорное игнорированіе чужой душевной жизни и сосредоточеніе вниманія около самихъ себя... больные люди! И опять я стою по волѣ судебъ рядомъ съ ними, съ любимой женщиной, и помимо желанія—даже очень близко къ ихъ роману...

Все, все не ново въ этомъ мірѣ, до смѣшного одинаковы люди. Когда же я, наконецъ, встрѣчу человѣка, котораго любовь была бы благородна, который сказалъ бы подобно Грановскому:—„я люблю тебя, но я люблю и сестеръ моихъ и Россію“... Понятно, я не о себѣ говорю въ данномъ случаѣ, а о тѣхъ близкихъ ко мнѣ женщинахъ, къ которымъ на моихъ глазахъ подходятъ мужчины, предлагающіе имъ свою „любовь“. Да, я теперь довольна своей судьбой. Лучше никогда вовсе не знать этого тумана, нежели ошибиться въ своемъ выборѣ.

13 февраля.

Пишу всѣ эти строки въ вагонѣ желѣзной дороги.

Вчера утромъ, идя на сходку на курсы—увидала телеграмму на мое имя и не сразу даже поняла ея смыслъ: „Бабушку параличъ, положеніе опасно“... Вотъ оно, чего я всегда боялась! моя бабушка, моя родная! и передъ моимъ вступленіемъ въ дѣйствительную жизнь судьба отнимаетъ у меня самое дорогое?

До такой степени не вѣрится такому несчастью, что мнѣ пришло въ голову подозрѣніе: не нарочно ли тетя послала телеграмму, чтобы я уѣхала отъ здѣшнихъ безпорядковъ, потому что въ университетѣ былъ скандалъ во время акта 8 февраля, вызванный распоряженіемъ ректора (денежные штрафы со студентовъ и аресты за нарушеніе общественнаго порядка въ день праздника), о которомъ онъ не предупредилъ заранѣе студентовъ. На другой же день была сходка и студенты рѣшили сами добиться закрытія университета. У насъ же сходка была 11-го, послѣ философіи. Рѣшали вопросъ: присоединяться ли намъ, какъ учащимся, къ товарищамъ и требовать ли намъ тоже закрытія курсовъ? Большинство было противъ: студенты были оскорблены главнымъ образомъ не распоряженіемъ ректора, а поведеніемъ полиціи, въ этомъ имъ сочувствуютъ и профессора. Ну, а мы то что пред-

ставляемъ въ данномъ случаѣ? Не надо забывать, что университетовъ въ Россіи около десятка, а курсы только одни. А теперь какъ разъ, говорятъ, намѣреваются открыть такіе же курсы въ Москвѣ; что, если мы, своимъ неосторожнымъ поступкомъ испортимъ все это дѣло, задушимъ его въ самомъ началѣ? Такимъ образомъ, первая сходка выяснила, что большинство готово выразить моральное сочувствіе студентамъ (чего, собственно, они и добивались, вполнѣ входя въ наше положеніе и отнюдь не требуя закрытія курсовъ), но противъ добровольнаго закрытія курсовъ.

Я пришла на сходку довольно поздно, и когда Д — го закрывала ее, подошла къ ней и просила позволенія говорить завтра, когда долженъ былъ окончательно рѣшенъ вопросъ, примыкать ли намъ къ обще-студенческому движенію, именно — какой формой протеста. Къ сожалѣнію, — вчера я уѣзжала на родину, времени было мало, и когда я на минутку прошла наверхъ—VI аудиторія была переполнена, такъ что нечего было и думать не только пробраться къ каѳедрѣ, но и подойти къ аудиторіи: всѣ скамьи, все около каѳедры было заполнено народомъ, стояли даже за полузакрытыми дверями. Я вернулась домой. Передъ отъѣздомъ пришла Юленька, недовольная настроеніемъ большинства и разсказала очень печальныя вещи: сходку вновь вела Д—ашъ, которая, по всей вѣроятности, изъ угоды массѣ, измѣнивъ свои умѣренные взгляды на радикальные, вела все дѣло очень плохо, и масса, будто бы, пришла къ рѣшенію тоже закрыть курсы.

Ахъ, до чего это все глупо и дерзки наивно! Досадно, что я не могла сказать ни слова съ каѳедры. И какъ нарочно вотъ уже второй разъ мои семейныя дѣла отвлекаютъ меня отъ общаго дѣла...

Вчера, когда я ѣхала изъ гимназіи съ братомъ мимо университета—кругомъ него и по набережной стояла толпа студентовъ; передъ входомъ въ университетъ съ набережной — отрядъ полицейскихъ, а у главнаго подъѣзда—взводъ конныхъ какого-то войска, или жандармы—не знаю хорошенько. Въ этотъ день университетъ былъ закрытъ по распоряженію правительства.

Что-то теперь дѣлается у насъ? Душа моя разрывается между противоположностями: тамъ, въ Петербургѣ, я оставляю свою вторую, духовную родину—курсы, а въ Нерехту ѣду... что ждетъ меня тамъ? Сегодня мнѣ уже приснилось, что я не застала бабушку въ живыхъ. Но подозрѣніе, что это подстроено ради моего „спасенія“ не выходитъ у меня изъ головы. Впрочемъ, въ газе-

тахъ извѣстій о волненіи нѣтъ, и поэтому мать не могла еще узнать ничего. Нѣтъ, должно быть это правда. Но я не могу примириться съ этимъ... Черезъ три часа я буду на родинѣ—что-то узнаю я?...

19 февраля. Публ. Библ.

Третій день, третій день... Прямо съ вокзала попала я въ разгаръ исторіи. — Произошло что-то непонятное, тотъ гипнозъ толпы, вслѣдствіе котораго всѣ, потерявъ голову, идутъ... куда и сами не знаютъ. Два дня назадъ, когда было самое острое столкновеніе между двумя партіями,—казалось, цѣлый адъ былъ у меня въ груди: нѣтъ, я не пойду за ними! никогда! Мнѣ дорого существованіе В. Ж. К., я не желаю рисковать судьбою единственнаго въ настоящее время женскаго университета въ Россіи, а онѣ, — чего хотятъ онѣ?! — Закрытія курсовъ — ради того, чтобы этимъ примкнуть къ студентамъ!—Да вѣдь университата не закрыть, а курсы съ радостью закроютъ, у нихъ такъ много враговъ. И вотъ мы, небольшая партія человѣкъ въ 50, дружно отстаивали дорогое намъ учрежденіе, стояли за идею противъ сотенной толпы, подъ градомъ насмѣшекъ, свиста и шума обструкціи; среди этой-то массы были всѣ, кто мнѣ болѣе или менѣе близокъ, всѣ мои знакомыя. Ахъ, какъ больно было сознавать всю бездну ихъ недомыслія, съ какимъ отчаяніемъ сжималось сердце при мысли, что изъ-за этой толпы можетъ погибнуть наше учрежденіе, а если и уцѣлѣетъ,—то не откроются другія, подобныя...

Я пишу и волнуюсь... Нужно быть спокойнымъ и безпристрастнымъ во всемъ. У меня холодный анализъ всегда является вслѣдъ за вспышкою увлеченія. Обдумаемъ же теперь все происшедшее вполнѣ хладнокровно...

20 февраля, утромъ.

Курсы, какъ и всѣ высшія учебныя заведенія, закрыты. Когда я пришла туда — меня поразила необыкновенная тишина, лишь небольшая толпа курсистокъ бродила по коридору.

Теперь смутно на душѣ, и точно какой-то камень лежитъ на сердцѣ...

Курсы закрыты; въ какомъ же положеніи наша маленькая партія? Морально мы всѣ на сторонѣ студентовъ, только не

сочувствуемъ формѣ, избранной для выраженія протеста... Ну, и что же вышло? Дѣло только что началось, а впереди уже полная неизвѣстность,

Вчера я была у Е. Н. Щ — ной, и она встрѣтила меня словами:—„а мы, старыя курсистки, собрались ѣхать къ вамъ, чтобы сказать—прекрасно дѣлаете!“ Мнѣ больно было отвѣтить ей, что я принадлежу къ меньшинству.—„Напрасно“, сказала она.—„Мы переживаемъ въ данную минуту историческій моментъ. Теперь доказывается полная непригодность многаго, что мѣшаетъ свободно работать... Курсы параллельны университету и вамъ иначе поступить нельзя“.

Все то раздвоеніе, и безъ того мучительное, которое я переживала въ эти дни, поднялось съ новою силою. Я почти не слушала Е. Н. и хотѣла въ эту минуту только одного: остаться наединѣ съ собою, съ своею совѣстью. Но, къ сожалѣнію, нельзя было: пришлось разсказать Е. Н. обо всемъ, что у насъ дѣлалось. Съ свойственной ей рѣзкостью и лаконичностью она тотчасъ же выразила свое мнѣніе о положеніи нашей партіи. Она до того не понимаетъ души человѣческой, что всегда выражаетъ свое мнѣніе, не думая, что иногда это излишне. Такъ и теперь: мнѣ пришлось выслушать, что мы въ невыгодномъ положеніи, что самое лучшее — единеніе и т. п. Какъ будто я и безъ нея этого не знаю! Я возразила ей, ради чего мы стоимъ противъ большинства.—„Если вы опасаетесь, что будетъ затруднено открытіе курсовъ въ провинціи—я вамъ скажу на это, что подобное опасеніе—не выдерживаетъ критики. Курсы и безъ того въ провинціи не скоро откроются“. Потомъ она разсказывала мнѣ, какъ благопріятно относятся къ намъ въ обществѣ, всякіе сочувственные отзывы, циркулирующіе въ столицѣ...

Я поспѣшила уйти, и всю длинную дорогу отъ Щ—ной я думала о положеніи нашей партіи. На душѣ было страшно тяжело. Вспоминая читанный бюллетень о событіяхъ и обдумывая вновь все происшедшее—я начала колебаться. Выходило такъ: сочувствуя морально студентамъ и не примыкая къ общему движенію изъ осторожности, изъ боязни повредить дѣлу высшаго женскаго образованія, мы какъ бы останавливаемся на компромиссѣ, и положеніе становилось тѣмъ болѣе тяжелымъ нравственно, чѣмъ сильнѣе была та партія. Разсматривая же свою осторожность съ точки зрѣнія вредныхъ послѣдствій для нашихъ, собственно, курсовъ — я приходила къ заключенію, что опасаться не имѣемъ

основанія, такъ какъ ничего политическаго въ нашемъ движеніи нѣтъ и все сочувствіе общества будетъ на нашей сторонѣ,—да и курсы теперь настолько развились, что закрытіе ихъ въ данный моментъ представляется мало вѣроятнымъ; съ другой точки зрѣнія—препятствій для открытія курсовъ въ провинціи,—самая возможность открытія такихъ курсовъ пока еще мало вѣроятна. А слѣдовательно выходило, что наша осторожность изъ-за проблематическаго пункта—являлась уже излишней и ставила нашу небольшую группу положительно въ ложное положеніе передъ нашими же товарищими.

Выходомъ является одно: присоединеніе къ большинству. Я почувствовала, какъ большая тяжесть отлегла отъ сердца при такомъ рѣшеніи.

21 февраля.

Съ такими мыслями легла я спать, съ такими же и проснулась, читая въ Zeitung'ѣ повелѣніе Государя Ванновскому произвести „всестороннее разслѣдованіе“ причинъ и обстоятельствъ безпорядковъ, начавшихся 8 февраля, и также указаніе, что принятіе мѣръ къ возстановленію порядка возлагается на начальство этихъ учебныхъ заведеній. Объ этомъ я слышала еще вчера въ студенческой столовой.

Тамъ оживленіе необыкновенное: болѣе 1000 человѣкъ посѣщаютъ ее теперь ежедневно. Университетъ закрытъ съ 9-го февр., а оффиціально съ 11-го (кажется), и поэтому столовая является центральнымъ пунктомъ стеченія учащихся. Статьи и бюллетени событій ходятъ по рукамъ и читаются нарасхватъ. Какъ жалѣю я, что нельзя собирать ихъ день за днемъ, чтобы такимъ образомъ составить исторію движенія. Неловко брать съ собой и уносить листокъ, когда видишь, что онъ переходитъ изъ рукъ въ руки.

Да! Жизнь кипитъ ключемъ въ небольшомъ розовомъ домѣ на 10 линіи. Сквозь легкій туманъ дыма въ первой комнатѣ, около буфета видны группы студентовъ за столомъ съ пивомъ, чаемъ и обѣдомъ. Въ двухъ—трехъ мѣстахъ кучки тѣсно сбились и слушаютъ оратора. Въ другихъ трехъ комнатахъ тоже очень тѣсно. Никто и не думаетъ обращать вниманія на объявленія, гласящія, что воспрещается студентамъ другихъ учебныхъ заведеній посѣщать столовую, и для удобства обѣдающихъ просятъ уступать мѣста вновь прибывающимъ. Сквозь толпу съ трудомъ пробира-

ются мальчики съ посудой. Путейцы, горняки, лѣсники, курсистки— всѣ сидятъ, говорятъ, забывъ объ обѣдѣ и читая бюллетени и листки. Вотъ идетъ студентъ, раздавая узенькіе литографированные листочки со стихами, они недурны, и я беру ихъ на память.

Сли—чевскій, конечно, тутъ же; толчется и споритъ со мною, зачѣмъ я беру стихи. Я давно уже отобѣдала, но, пока не прочла всѣхъ бюллетеней—не ушла, конечно.

Четвертый часъ. Народу прибываетъ все больше и больше. Приходятъ не за обѣдомъ, конечно,—наоборотъ: у окошечка кухни въ эти дни всегда свободно, и по комнатамъ не тянется длинная шеренга ожидающихъ. Въ прихожей съ трудомъ можно повернуться; пальто и наши жакетки складываются въ груду на полъ, за неимѣніемъ мѣста. Съ трудомъ отыскиваю свое и ухожу.

Ухожу сюда, чтобы думать... думать, какъ поступить. Совѣсть подсказываетъ мнѣ, что завтра я должна заявить и нашей и той партіямъ, что перехожу на сторону большинства и изложить при этомъ мотивировку своего поступка, затѣмъ итти къ Временному правленію, которое завтра, конечно, будетъ продолжать опросъ и заявить ему, что стою за закрытіе курсовъ, и, наконецъ, — подписаться подъ круговою порукой. Чтеніе сегодняшнихъ извѣстій еще болѣе укрѣпило меня въ этомъ намѣреніи. Я раскаиваюсь, что сразу примкнула къ той партіи, основываясь на старомъ рѣшеніи большинства, и только исполнивъ свое рѣшеніе, чувствую, что буду теперь нравственно спокойна. За эти пять дней исторія ушла впередъ, а я, сбитая съ толку противорѣчивыми показаніями партій, взаимно обвинявшихъ другъ друга въ нечестности, не могла, разумѣется, довѣрять ни той, ни другой; вотъ, и дѣйствовала сама, на свой страхъ, пока не стала раздумывать надъ бюллетенями и дѣйствіями администраціи.

Да, много значитъ морально сочувствовать дѣлу! Мнѣ легче признаться передъ всѣми въ своихъ ошибкахъ, нежели жить такою раздѣленною духовною жизнью, какъ теперь живу. Если бы я не сходилась съ товарищами въ принципѣ—это дѣло другое,—тогда мнѣ было бы въ тысячу разъ легче; а теперь, въ сущности— вышло въ родѣ компромисса...

Да... и такъ завтра!

23 февраля.

И я пошла на другой же день.

А вечеромъ въ воскресенье было собраніе этическаго кружка. Читалъ М—ковъ изъ соч. Эмерсона главу „О довѣріи къ есбѣ“.

Написана не дурно; жаль только, что М. Ос. такъ пользуется мыслями Эмерсона, размазывая ихъ въ своихъ статьяхъ. Профессора В—ра не было, и безъ него дѣло сразу пошло гораздо лучше, пренія шли очень оживленно... но мнѣ было не до нихъ, въ сущности. Весь день просидѣла я безвыходно, подавленная сознаніемъ сдѣланной ошибки, и записывая о событіяхъ. Къ концу собранія, когда предсѣдатель поднялъ вопросъ объ учащейся молодежи, я оживилась, и была рада узнать отъ земляка—медика К—ва, что профессоръ Бекетовъ и Фаминцынъ имѣли въ субботу у Государя аудіенцію, что Онъ отнесся къ нимъ очень внимательно, и что всякій желающій можетъ приходить къ нимъ ежедневно узнавать обо всемъ.

На другой день пошла къ Н. Н. Бекетову. Милый старичекъ вышелъ ко мнѣ и спросилъ:—„Когда вы начнете лекціи?“—Неизвѣстно, сказала я.—„Хм...—неизвѣстно, неизвѣстно“... заворчалъ онъ такимъ добродушнымъ тономъ, что мнѣ захотѣлось прямо броситься на шею этому старичку и расцѣловать его... Какое-то хорошее чувство наполняло душу, пока онъ ходилъ по комнатѣ и добродушно повторялъ:—„Ну, и будетъ съ васъ... успокойтесь. Я и Фаминцынъ были у Государя и Онъ отнесся къ намъ очень хорошо... Да почему это до сихъ поръ отъ васъ ко мнѣ никто не приходилъ?“ Я отвѣчала, что должно быть не знали. Видя, что ничего больше не добьешся, я стояла молча, до тѣхъ поръ, пока онъ не подалъ мнѣ руки, сказавъ:—„ну, до свиданья, успокойтесь“.

Пошла къ Фаминцыну. Тотъ принялъ меня очень внимательно, разсказалъ о настроеніи общества, которое все было на нашей сторонѣ, о милостивомъ пріемѣ Государя и умолялъ не портить дѣла, начавъ посѣщеніе лекцій и съ довѣріемъ относиться къ комиссіи. Въ составъ ея Ванновскій призвалъ 2-хъ юрисконс. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, одного изъ нихъ военнаго и двухъ академиковъ, расположенныхъ къ молодежи. — „Имѣйте довѣріе къ намъ, предоставьте опять намъ образъ дѣйствій, вѣрьте, что мы отстоимъ ваши интересы“—говорилъ онъ. На мое опасеніе о высланныхъ товарищахъ онъ отвѣчалъ увѣреніемъ, что ихъ вернутъ, если мы не будемъ волноваться. Мнѣ начинало становиться яснымъ, что у комиссіи много враговъ, и ея назначеніе не всѣмъ желательно, если Ф. такъ горячо убѣждалъ насъ не портить ему дѣло.

Прежде чѣмъ итти на курсы въ канцелярію, я забѣжала къ

Юленькѣ М. и Сонѣ П., обняла ихъ и заявила, что присоединяюсь къ нимъ. Онѣ были тронуты, и мнѣ на душѣ стало легче. Я почти бѣжала на курсы...

Временное правленіе засѣдало въ профессорской. Пришлось ждать очереди. Опросъ надоѣвшій комиссіи, тянулся уже четвертый день... Черезъ нѣсколько минутъ я „предстала“ предъ очами правленія,—и излагала имъ тѣ мотивы, по которымъ я перешла на сторону большинства, ссылаясь, главнымъ образомъ, на незнаніе мною обстоятельствъ дѣла, и просила причислить меня къ большинству. Лишь только я употребила ненавистное имъ слово „большинство“ и „меньшинство“,—С—нинъ желчнымъ тономъ заявилъ, что онъ не принимаетъ этихъ моихъ словъ, и что меня они запишутъ отсутствовавшей изъ Петербурга отъ 12—17 февраля (т. е. какъ разъ, когда происходили всѣ главныя событія, вызвавшія прекращеніе лекцій). Я возмутилась.—Такъ вы причисляете меня къ отсутствующимъ изъ Петербурга, когда я перехожу на сторону большинства, а когда я была въ меньшинствѣ, то вы меня объ этомъ не спрашивали?! Одинъ изъ профессоровъ взялъ бумагу:—„Вопросъ былъ предложенъ вамъ въ такой формѣ: подавали ли вы голосъ за или противъ чтенія лекцій? А такъ какъ васъ въ этотъ день не было въ Петербургѣ, то тѣмъ самымъ вы не можете примыкать къ протестующимъ“. — Но въ такомъ случаѣ я не могу быть и „за“ нихъ, а между тѣмъ вы меня тогда записали такъ. И вопросъ мнѣ предложили въ краткой формѣ: „за или противъ прекращенія лекцій?“—Я поняла это, какъ вопросъ о мнѣніи. Профессоръ оскорбленнымъ тономъ сказалъ:—„Иначе говоря, вы насъ обвиняете, что мы предложили вамъ вопросъ въ иной формѣ?“—Да, я хорошо помню.—„Г-жа Дьяконова можетъ подать письменное заявленіе“, примирительно сказалъ директоръ. Я поклонилась и вышла.

На душѣ стало совсѣмъ легко. Мой переходъ на сторону большинства былъ, такъ сказать, законно утвержденъ (прошеніе для участія въ круговой порукѣ я подала, еще идя въ профессорскую). Разсказывая обо всемъ столпившимся кругомъ меня товарищамъ, чувствовала, что чѣмъ болѣе я обвиняла себя въ ошибкѣ,—тѣмъ легче было на душѣ... Сегодня я подала формальное заявленіе. На „опросъ“, придуманный Временнымъ правленіемъ, съ каждымъ днемъ является все менѣе и менѣе слушательницъ.

Вечеромъ, въ тревожномъ опасеніи за высланныхъ товарищей, мы втроемъ ходили къ Фаминцыну. Но онъ ничего не могъ

самъ сказать новаго, кромѣ того, что въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія начались волненія. Кстати, тутъ же былъ и инспекторъ его интерната, высокій пожилой господинъ. Онъ разсказалъ намъ, какъ узналъ вчера вечеромъ, что собирается совѣтъ у министра внутреннихъ дѣлъ и побѣжалъ сейчасъ же въ полночь по интернату, уговаривая начать занятія.—„Иначе—намъ плохо".—То-есть, какъ это? недоумѣвая спросила я.—„Комиссію уничтожили бы. Ея назначеніе не всѣмъ желательно, и совѣтъ былъ собранъ прямо съ цѣлью показать, что движеніе молодежи имѣетъ характеръ политическій, и еслибъ лекціи не начались,—неизвѣстно, что вышло бы". Онъ говорилъ горячо и убѣдительно. И съ еще съ большей убѣдительностью на умъ приходило соображеніе, что на нашихъ головахъ, кому эту нужно,—дѣлаютъ карьеру, что нашимъ движеніемъ, тамъ, наверху,—разныя силы польуются съ разными намѣреніями... Ну, заварилась каша!... Насъ успокоивали, просили тоже начать лекціи...

24 февраля.

Юленька уговорила меня пойти на выставку картинъ Васнецова,—надо было отдохнуть душой послѣ всего испытаннаго. И правда, выставка производитъ прекрасное впечатлѣніе. Такую отраду я только второй разъ выношу съ выставокъ за этотъ учебный годъ: впервые это было на Рождествѣ, на посмертной выставкѣ картинъ Шишкина, Ендогурова и Ярошенко, второй разъ—теперь.

„Гвоздемъ выставки"—безъ сомнѣнія, картина „Выѣздъ богатырей Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича". Съ радостью прочла я внизу билетикъ съ надписью: „пріобрѣтена въ собственность художественной галлереи бр. Третьяковыхъ". Это одно изъ самыхъ талантливыхъ произведеній русской живописи. Какая мощь и какое спокойствіе разлиты въ этихъ трехъ фигурахъ, которыя являются символами, чисто русскими символами. Богатыри сидятъ на своихъ косматыхъ крѣпкихъ лошадяхъ, такихъ же простыхъ, какъ и вся ихъ одежда и вооруженіе, сидятъ въ спокойныхъ позахъ, безъ заносчивости и хвастливой храбрости; на лицахъ нѣтъ и слѣда гордости, они смотрятъ добрыми глазами,—они такъ величаво-спокойны, такъ симпатичны въ своей простотѣ и... такъ сильны. Это сочетаніе—спокойнаго сознанія собственной мощи и доброты—удивительно удалось ху-

дожнику, и оттого его „Богатыри“ привлекательны для сердца каждаго человѣка, много говоря своимъ нѣмымъ языкомъ. Нѣтъ,— надо дѣйствительно родиться русскимъ, чтобы создать истинно-національное произведеніе. Въ произведеніи Васнецова эти созданія русскаго эпоса настолько симпатичны, что невольно и у иностранцевъ могутъ возбудить любовь и симпатію къ великому народу...

Другая картина: „Витязь на распутьи“ — поражаетъ сразу силою, съ какою выражено въ ней настроеніе. Тяжелое раздумье выразилось во всей картинѣ,—и въ понуромъ конѣ, и въ позѣ витязя, задумчиво читающаго надпись. Грустью и чѣмъ-то жуткимъ вѣетъ и отъ этого стараго, покосившагося на бокъ камня съ надписью, и отъ всего пейзажа при свѣтѣ потухающаго солнца, и отъ этихъ черныхъ птицъ кругомъ, и отъ черепа... Васнецовъ мастерски передаетъ настроеніе. Небольшая картинка „Затишье“ вблизи кажется просто подмалевкомъ, а издали поражаетъ художественностью, необыкновенной прелестью и опять-таки настроеніемъ. Озеро съ вдающимся въ него мысомъ съ деревьями, около которыхъ въ задумчивой позѣ женская фигура... Тишина въ воздухѣ, въ водѣ, въ лѣсу, по берегамъ, все точно заснуло, птицы тихо плывутъ по водѣ... Женщина поддалась этому захватывающему настроенію природы и замерла сама... Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо! твердила я, и готова была плакать при видѣ столь живо схваченнаго чуднаго уголка природы, и ея могущественная сила, казалось, начинала дѣйствовать и на меня...

Справа и слѣва—двѣ большія картины: „Сиринъ и Алконостъ“— пѣсни радости и печали и „Гамаюнъ“—птица вѣщая; послѣдняя оставляетъ болѣе сильное впечатлѣніе, хотя всѣ три прекрасно задуманы. На аломъ фонѣ—цвѣта зарева пожара, на фантастической вѣткѣ такого же дерева сидитъ птица съ блѣднымъ узкимъ лицомъ дѣвушки; безкровныя тонкія губы крѣпко сжаты, сѣрые глаза съ затаеннымъ ужасомъ смотрятъ вдаль, бѣлокурые волосы почти закрываютъ низкій лобъ и причудливыми прядями ореоломъ окружаютъ голову, ихъ сдерживаетъ обручъ съ отростками... Птица смотритъ вдаль и, какъ будто видитъ, что дѣлается тамъ, впереди вѣковъ...

Другая картина: заливаясь, поетъ Сиринъ, прекрасная женская головка въ древне-русскомъ вѣнцѣ; рядомъ съ нею на вѣткѣ, склонивъ подъ черное крыло изсиня-блѣдное лицо, по которому катятся крупныя слезы, поетъ Алконостъ. Мнѣ при этомъ почему-

то вспомнилась дѣтская пѣсенка кукушки, которую мать иногда играла намъ на роялѣ. Каждый куплетъ заканчивается грустнымъ припѣвомъ: ку-ку, ку-ку, ку-ку! который до того дѣйствовалъ на меня, что я всегда плакала отъ жалости къ бѣдной кукушкѣ... Мнѣ почему-то показалось, что этотъ Алконостъ, еслибъ пѣлъ, то запѣлъ бы непремѣнно такимъ же жалобнымъ, хватающимъ за душу, напѣвомъ.

Далѣе—три женскіе портрета семьи Мамонтовыхъ, сына художника, прелестная маленькая картинка „Гусляры", „Пиръ каменнаго вѣка" и картина „Скифы", съ преобладеніемъ рыжихъ тоновъ; масса чудныхъ рисунковъ къ „Снѣгурочкѣ", „Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ"—вотъ почти вся выставка. Немного, но зато всякая вещь—въ своемъ родѣ перлъ. Ахъ, еслибъ у насъ поменьше рисовали вздора,—побольше бы было такихъ художниковъ, какъ Васнецовъ! Всѣ вещи распроданы. Государь, говорятъ, заказалъ повтореніе „Гусляровъ".

Такъ отрадно начавшійся день закончился печальнымъ эпизодомъ. Я пошла вечеромъ въ интернатъ въ гости; въ 10 часу вечера разнеслась вѣсть о новомъ объявленіи, вывѣшенномъ Временнымъ правленіемъ. Мы бросились на курсы. Внизу у лѣстницы висѣлъ списокъ „уволенныхъ по прошенію, за безпорядки, произведенные въ зданіи курсовъ" 21 слушательницы, изъ нихъ болѣе всѣхъ — съ IV курса, менѣе (3) съ II-го. Наше Временное правленіе, закрывъ курсы, очевидно, намѣревается начать чтеніе лекцій съ 1 марта. И вотъ, вмѣсто „успокоенія умовъ", вдругъ бросаетъ подобное объявленіе нервной толпѣ. Они точно не понимаютъ, что играютъ съ огнемъ... О. К., случайно бывшая тутъ же (было засѣданіе строительной комиссіи), говорила намъ, что, въ сущности, эта мѣра является, такъ сказать, необходимой въ виду требованія министерства; но вѣдь очень странно ограничиваться лишь 3-мя жертвами съ курса, другія были „виновны" не меньше ихъ.

25 февраля.

Да, какъ думаешь, положеніе запутывается, настроеніе тревожное всюду; Горный, Электротехническій, Путейцы, Гражданскіе, Рождественки, Военно-Медицинская Академія — прекратили забастовку, и вчерашній бюллетень извѣщалъ, что по рѣшенію большинства забастовка прекращается. Но въ У—тѣ, у насъ и Ак. Худ. сходокъ не было, а потому и жгучій вопросъ — начать ли съ

1-го марта посѣщеніе лекцій—не могъ быть рѣшенъ; сходка назначена завтра...

Да, завтра будетъ бурная сходка! Вокругъ насъ — масса разныхъ слуховъ, и вѣрить имъ, конечно, трудно.

Но, что будетъ, если раздраженное большинство рѣшитъ и послѣ 1-го марта не ходить на лекціи и продолжать безпорядки— рѣшить не берусь. Здравый смыслъ подсказываетъ, что въ такомъ случаѣ будутъ приняты крутыя мѣры. Намъ дали одержать побѣду, намъ уступили, закрыли курсы, но... на время, конечно. А дальше— нельзя... да это и логично, потому что никакое начальство не позволитъ молодежи дольше опредѣленнаго времени быть хозяевами положенія. И намъ надо понять это, и тактично вести дѣло дальше, начать ходить на лекціи, а потомъ—выждавъ время, поставить вопросъ о возвращеніи товарищей.

Что будетъ завтра?!

26 февраля.

Въ 11 часовъ утра въ главномъ интернатѣ была эта сходка... Шумъ, крикъ. М—ва—плохая предсѣдательница... даже колокольчика не было путнаго. Говорили объ исключенныхъ и о примѣненіи круговой поруки. Возникалъ вопросъ: не ухудшимъ ли мы судьбу своихъ товарищей, если всѣ 560 человѣкъ выйдемъ. Говорили и исключенныя,—Д-ашъ, которая не совѣтовала тотчасъ же примѣнять эту поруку, другая же страшно горячилась, предлагала примѣнить ее тотчасъ же. Въ концѣ-концовъ сходка признала себя некомпетентной въ рѣшеніи вопроса о круговой порукѣ, такъ какъ многихъ не было. Рѣшено: съ 1-го марта открыть лекціи, т. е. не устраивать обструкціи, но самимъ (т. е. всѣмъ участвующимъ въ круговой порукѣ)—не ходить, пока не выяснится положеніе дѣлъ, т. е., когда будутъ возвращены наши товарищи.

Въ столовой масса новыхъ извѣстій. „Группа 147“ и бюллетень студенческой кассы въ общемъ — солидарны. То же чувство опасенія за пострадавшихъ товарищей, то же сомнѣніе въ правительственной комиссіи, тѣ же колебанія: не продолжать ли забастовку.

28 февраля.

Вечеромъ назначена была сходка групповая. Въ 6 часовъ я зашла къ Фаминцыну, который уполномочилъ меня сообщить всѣмъ, что вчера, въ 9 часовъ вечера, былъ совѣтъ министровъ, на ко-

торомъ рѣшено было вернуть всѣхъ пострадавшихъ курсистокъ. Фаминцынъ же самъ на-дняхъ (дня точно не помню) вручилъ дежурному флигель-адъютанту Борису Владиміровичу для передачи Государю ходатайство о высланныхъ студентахъ. Великій князь долго говорилъ съ нимъ.

Вечера появилась въ „Правѣ“ статья А. Арсеньева, которая вполнѣ сочувственна студенческому движенію, въ отвѣтъ на „Мален. письмо“ Суворина въ № 8257. Въ этотъ день ее очень трудно было достать, но сегодня догадливый газетчикъ съ угла Средняго проспекта и 10 линіи всталъ у дверей студенческой столовой съ №№ „Права“ и пребойко торговалъ, продавая вмѣсто 20 по 30 коп. №.

Бюллетени всѣ тревожны и указываютъ на завтрашній день, какъ на рѣшительный для всего движенія. Въ спискѣ высланныхъ и исключенныхъ учащихся,—число громадно, свыше 100 человѣкъ изъ Петербургскаго Университета, съ курсовъ 24, изъ Технологическаго 92. Въ Харьковскомъ виситъ объявленіе, что всѣ студенты считаются исключенными.

1 марта.

Перваго курсы оффиціально открыты. А мы всѣ—спѣшимъ на сходку; началось въ 11, кончилось въ 3. Гвалтъ, шумъ... предсѣдательница М—нова—тоже не взяла колокольчика, порядокъ водворяется стучаніемъ кулаковъ по столу и криками: „тише!“

Сходку открыли въ IV аудиторіи рѣчью о круговой порукѣ. Говорила одна изъ исключенныхъ, Д—нъ, какъ ее должно понимать: всѣ исключенныя понимаютъ ее не какъ средство спасенія товарищей, не какъ угрозу начальству, „если вы ихъ не вернете, и мы уйдемъ“ — а какъ нравственное обязательство, заявленіе общей солидарности; если нашихъ товарищей исключили, то и мы виноваты ровно стольно же, сколько и они, ихъ исключили, — и мы уходимъ. Послѣ рѣчи ея говорили и другія, нѣкоторыя возражали, понимая круговую поруку, какъ средство для спасенія товарищей. Вопросъ былъ поставленъ на баллотировку, и большинство поднятіемъ рукъ заявило, что понимаетъ ее, какъ нравственное обязательство. Теперь возникъ вопросъ,—когда ее примѣнить?

Такъ какъ письменныхъ коллективныхъ заявленій не принимаютъ, то рѣшено было пойти къ директору уцѣлѣвшимъ депутаткамъ и заявить о рѣшеніи сходки устно, а такъ какъ не отъ ди-

ректора, конечно, зависѣло исключеніе, то рѣшено было дать срокъ 3 дня, чтобы онъ могъ узнать, отъ кого можно, могутъ ли быть возвращены наши товарищи или нѣтъ; если онъ или Временное правленіе откажется входить съ нами въ какіе бы то ни было разговоры, то все-таки рѣшено ждать 3 дня. Вопросъ о срокѣ уже поставили на баллотировку, какъ пришли отъ Фаминцына, заявивъ то же, что говорила и я, но чему конечно, большинство, извѣрившееся въ разные слухи, не повѣрило; когда же съ каѳедры сказали: „сейчасъ пришли отъ Фаминцына“, „всѣхъ вернутъ непремѣнно“,—толпа повѣрила. Фаминцынъ просилъ только подождать 5 дней, или недѣлю, не приводить въ исполненіе круговую поруку. Очевидно, милый старичекъ хотѣлъ уладить все дѣло мирнымъ путемъ. Противъ недѣли возстали всѣ. Баллотировкой все-таки порѣшили ждать 5 дней. Затѣмъ, выработавъ форму устнаго заявленія директору о рѣшеніи большинства, сходка закрывается на часъ, чтобы дать время переговорить съ директоромъ и написать прошеніе для круговой поруки тѣмъ, кто еще желаетъ къ ней примкнуть. На каѳедру подается нѣсколько бумагъ. Сходка закрывается.

Въ перерывъ—вдругъ разнесся слухъ, что вывѣшено объявленіе о строгомъ выговорѣ и исключеніи, въ случаѣ повторенія безпорядковъ, двумстамъ слушательницамъ. Всѣ бросились внизъ. Лѣстница была запружена народомъ, такъ что нельзя было пройти, и только издали мы слушали голосъ, отчетливо читавшій фамиліи. Это было слѣдствіемъ обѣщанія 24 февраля—„о другихъ взысканіяхъ будетъ объявлено особо“... На этотъ разъ всѣ только смѣялись.

Черезъ часъ—всѣ вновь въ аудиторіи. Директоръ отказался входить въ объясненія. Рѣшено, что и Временное правленіе, дѣйствуя во всемъ солидарно, отвѣтитъ то же. Значитъ — ждать до субботы и собираться завтра еще разъ въ 12 часовъ.

2 марта.

Собрались въ 12 часовъ. Рѣшеніе было подтверждено еще разъ, и только, чтобы имѣть возможность привести въ извѣстность число собравшихся, рѣшено было у дверей записывать фамиліи при выходѣ, и потомъ извѣстить тѣхъ изъ противной партіи, которыя не были на сходкѣ, о рѣшеніи ея — всѣ пять дней не ходить на сходки, уравнивая этимъ свое положеніе съ исключенными — чтобы къ субботѣ всѣ знали; въ этотъ же день—захва-

тить паспорты съ курсовъ и книги изъ библіотеки. Сходка продолжалась не болѣе часа и закрылась.

Вчера вечеромъ, когда я лежала совсѣмъ разбитая отъ 4-хъчасоваго гвалта, пришелъ Ан. Кон. Онъ разсказалъ, что сейчасъ въ Университетѣ идетъ совѣтъ... и вообще разсказалъ преинтересныя вещи. Записываю съ его словъ,—если онъ вретъ, и я вру...

... Очевидно, къ этой студенческой исторія припуталось столько всякихъ соображеній, столько честолюбій, что мы, чистые идеалисты, выносимъ на своихъ плечахъ, быть можетъ, гораздо болѣе важныя послѣдствія, нежели думаемъ и теперь. „Охрана правъ личности"—вотъ наше знамя, подъ которымъ мы встали, а... что изъ этого выйдетъ? какія послѣдствія?... Будутъ ли, дѣйствительно, осторожнѣе съ студентами? будетъ ли въ сущности „охрана правъ личности" послѣ этой исторіи лучше?

— Не намъ судить!—скажу осторожно.

... Если 24 поступятъ, то и мы всѣ, конечно, вернемся осенью, въ противномъ случаѣ я уже придумала: ѣхать или къ голодающимъ, если удастся пристроиться, или на лѣтній семестръ въ Берлинскій университетъ. Что будетъ потомъ со мною?—я не думаю... Но для другихъ это — бѣда; для многихъ, особенно для „сверхкомплектныхъ", обязанныхъ держать всѣ экзамены весной,—выходъ изъ курсовъ есть прямое препятствіе къ поступленію вновь, многія другія не имѣютъ средствъ. Для сверхкомплектныхъ надо обратиться къ профессорамъ, пусть они ходатайствуютъ за нихъ, чтобы дать экзамены осенью.

Да, вотъ оно, мое предчувствіе, оно сбылось вполнѣ! На 4-й годъ, весною... какъ въ послѣдній годъ моего житья дома было, такъ и теперь... Весна, весна! Каждый годъ, наравнѣ съ пробужденіемъ природы, ты приносишь мнѣ тяжелое горе... на этотъ разъ ты принесла мнѣ весеннюю грозу, а съ нею вмѣстѣ и я какъ бы обновилась духомъ. Великая школа—борьба! Должно быть, безъ нея я просто никогда бы не узнала, въ чемъ состоитъ жизнь; пока ея нѣтъ—я сплю, борьба даетъ мнѣ такую силу, такое мужество, я чувствую себя душевно—хорошо, хотя по наружности измѣнилась такъ, что многіе удивляются...

3 марта.

На курсахъ сходокъ нѣтъ, бюллетени прекратились. Университетъ рѣшено открыть временно, до 12 марта, выжидая возвращенія высланныхъ товарищей.

Была въ библіотекѣ. Собрались: К—нская, Ек. П. Б—нова, Э. И. М—ова. Увидавъ меня, О. Ю. воскликнула: —„И вы съ ними!“ Она волновалась.—„Что хотите вы дѣлать? 500 человѣкъ уходятъ... Да вѣдь это—стачка!“ Настроеніе всѣхъ собравшихся было тревожное.—„Что Н. П.—хлопочетъ?“—„Да, конечно, ему обѣщаютъ...“ (Дѣло шло, очевидно, о 24-хъ).—„А знаете ли, въ воскресенье министръ (Боголѣповъ, конечно) призывалъ Н. П., держалъ его отъ 2-хъ до 5-ти часовъ, и Н. П. говоритъ, что онъ только потому не подалъ въ отставку, что считаетъ это въ данный моментъ трусостью“.—„Ну, вотъ и дождетесь, что Н. П. уйдетъ, и вамъ посадятъ какого-нибудь...“ воскликнула О. Ю.—„Съ ними нельзя теперь говорить!“ махнула рукой Б—нова и ушла въ сосѣднюю комнату, такъ какъ въ дверяхъ библіотеки показалась баронеса И.

Я съ трудомъ сдерживала улыбку: гордое сознаніе силы, сознаніе всей внушительности манифестаціи—вызывало эту улыбку. Этого боялись, и высказывая такъ ясно свои опасенія, только увеличивали въ насъ сознаніе этой силы. Мы теряли, уйдя съ курсовъ, но выиграемъ нравственно... Вечеромъ пошла къ Фаминцыну, и хотя говорить пришлось недолго—все же я узнала очень важную вещь: будто бы министръ увольнялъ слушательницъ *временно*, а намъ этого не сообщали.

... Одинъ изъ профессоровъ не читалъ своей обычной лекціи, а вмѣсто этого зло издѣвался надъ нами, 30—40 человѣками, которые сидѣли на лекціяхъ. Онъ началъ свою рѣчь ироническимъ замѣчаніемъ, смыслъ котораго поняли только двое, которыя демонстративно вышли изъ аудиторіи. Онъ продолжалъ въ томъ же духѣ; говорилъ о томъ, какъ онѣ могутъ слушать лекціи, когда ихъ товарищи не ходятъ на нихъ, предложилъ имъ ходатайствовать предъ Временнымъ правленіемъ за уволенныхъ и, наконецъ, сказалъ, что это движеніе—безпримѣрное въ лѣтописяхъ университета, въ русской исторіи. —„И во всемірной!“—сказала И., желая, очевидно, съиронизировать. Профессоръ возразилъ, что подобное было уже въ Сорбоннѣ. Такъ онъ бесѣдовалъ около часу. И когда кончилъ, то нашлась одна дура, которая спросила: —„а второй часъ вы будете читать?“ —вотъ истинно христіанскій поступокъ: ударили по ланитѣ—я подставила другую. Какой позоръ! А профессоръ вышелъ въ залу и очутился среди большинства, которое расходилось послѣ короткой сходки; видимо сочувствуя намъ, онъ радъ былъ поговорить...

4 марта.

На курсахъ попрежнему очень мало посѣщаютъ лекціи. Разнесся слухъ, что директоръ поручилъ передать С—вой и К—вской, чтобы онѣ подавали прошенія; первая—одна изъ самыхъ сомнительныхъ, и этимъ намъ какъ бы показываютъ, что остальныя подавно будутъ приняты. Но когда?—вотъ вопросъ.

Однако, этотъ авансъ произвелъ должное впечатлѣніе, и многія начали отказываться отъ рѣшенія сходки 1-го марта. Дѣло запутывается: „умѣренныя“ изъ 500 раздумываютъ, стоитъ ли имъ подавать прошенія, если уже начато какъ бы неоффиціальное возвращеніе товарищей? А нехожденіе на лекціи все же продолжать, пока не вернутъ всѣхъ... Но съ 15 начинаются экзамены...

5 марта.

И сегодня—тѣ же толки.

Дѣйствительно, если вѣрить, что эти 2 будутъ приняты, вѣрить этому аванcу — приводить въ исполненіе круговую поруку нѣтъ основанія по извѣстной для всѣхъ причинѣ: остальныя будутъ возвращены. Но съ другой стороны, это неопредѣленное положеніе, томительно длящееся вотъ уже сколько дней,—раздражаетъ, хочется покончить съ нимъ какъ можно скорѣе и разсуждать такъ: я виновата не менѣе, чѣмъ уволенныя 24, и разъ мнѣ не даютъ прямого и яснаго обѣщанія въ томъ, что ихъ всѣхъ вернутъ, и не могутъ назначить срока,—я ухожу и вернусь только тогда, когда онѣ возвратятся. Это было бы лучшее, и я склоняюсь къ послѣднему рѣшенію. Мнѣ возражаютъ многія, что я не имѣю права такъ разсуждать, что я говорю такъ оттого, что лично обезпечена, а каково другимъ-то! Конечно, другимъ тяжелѣе рѣшиться на это; но вѣдь и въ числѣ 24 есть такая бѣднота, которая виновата нисколько не болѣе, нежели мы. Говорятъ, что онѣ вернутся, а мы, если уйдемъ, то многія, которыя получили выговоръ, не будутъ вновь приняты, и вмѣсто 24 жертвъ мы создадимъ 100... Соображеніе практичное. И вотъ ради этого-то слѣдовало бы уйти всѣмъ раньше, такъ какъ тогда мы вполнѣ сравнялись бы съ 24... Если Временное управленіе бросило намъ этотъ авансъ съ цѣлью разбить единство, то достигло своей цѣли: уже образовался расколъ... и завтра будетъ еще рѣзче.

Уволенныя ждутъ исполненія нашего рѣшенія, а мы... мы ждемъ. Полезенъ ли нашъ уходъ?—это вопросъ, на который исключенныя отказываются отвѣчать, и говорятъ, что онѣ понимаютъ круговую поруку, какъ исполненіе нравственнаго обязательства, а не какъ средство спасенія.

Завтра будетъ бурная сходка... А хорошо бы намъ всѣмъ уйти! Картина вышла бы такая внушительная, — и стóитъ проучить кого слѣдуетъ за такой образъ дѣйствій. Шутка ли, одинъ изъ профессоровъ, какъ членъ Временнаго правленія, исключаетъ, а какъ профессоръ—подписывается подъ петиціей о возвращеніи слушательницъ. Двуликій Янусъ! лицо отнынѣ—*вполнѣ историческое*. У другого — двусмысленныя рѣчи... Приходилось слышать и такія:—„Вы, 500 человѣкъ, идете въ омутъ!“—Какъ это человѣкъ до сихъ поръ не знаетъ самого себя? иногда бываетъ такое состояніе, что дѣйствительно легче въ омутъ, нежели остаться жить... Да! люди науки оказываются плохими администраторами; только нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ держать себя въ высшей степени тактично, и поэтому куда умнѣе остальныхъ. Правду говоритъ Е. Н. Ще—на, что въ подобныхъ случаяхъ раціоналисты никуда не годятся.

И вотъ это-то нетерпѣніе охватываетъ меня... скажу болѣе: мнѣ хочется теперь уйти. Я такъ недовольна собою, такъ недовольна своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ за эти три дня—17, 18 и 19 февраля, что, кажется, буду вспоминать о нихъ всю жизнь съ краской стыда на лицѣ. Мнѣ хотѣлось бы чѣмъ-нибудь загладить ихъ... и еслибъ меня исключили—я была бы такъ рада, такъ рада... Я замѣчаю въ своей жизни такую массу ошибокъ, что могу чистосердечно сказать: „homo sum, nihilque humanum a me alienum esse puto“... Все человѣчество проходитъ тотъ же путь: ошибаясь, страдая за свои ошибки, и искупляя ихъ... въ этомъ прогрессъ.

А что я работою?—Да почти ничего, настроенія нѣтъ заниматься. Только со вчерошняго дня начала читать Градовскаго, а до сихъ поръ читала Анну Каренину и писала письма. Видно, придется оставаться на второй годъ; семестръ весь пропалъ для занятій, а въ виду того, что я плохо занималась и прошлый годъ—для меня потеря части этого года особенно чувствительна. Экзамены, пожалуй, сдамъ, но съ какими познаніями?.. Я только что засѣла за философію Канта, только что занялась... стала учиться читать по-польски... и вотъ...

Вчера вечеромъ послала В — скому письмо, давно уже написанное, черновую нарочно храню у себя. Врядъ ли отвѣтитъ: онъ слишкомъ гордъ, слишкомъ самоувѣренъ, чтобы пускаться въ объясненіе съ той, которая кажется ему ничтожностью. Правду сказалъ Ш.: „онъ его прочтетъ и забудетъ".

6 марта.

Едва я пришла на курсы, Скриба вышелъ изъ канцеляріи съ объявленіемъ: „По ходатайству Временнаго правленія г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ принять тѣхъ изъ уволенныхъ слушательницъ, которыя пожелаютъ подать вновь прошенія". Коридоръ былъ весь полонъ народа. Скриба пошелъ на верхъ, толпа за нимъ. Въ верхнемъ коридорѣ онъ прочелъ въ слухъ громко объявленіе, встрѣченное глухимъ радостнымъ шумомъ. Всѣ поздравляли другъ-друга и возвращенныхъ. Эффектъ былъ полный. Оставалось одно: такъ же демонстративно итти на лекціи, какъ раньше не ходили. И мы разошлись по аудиторіямъ съ радостнымъ настроеніемъ: тамъ насъ поздравляли съ благополучнымъ окончаніемъ движенія и много говорили объ экзаменахъ, какъ быть съ ними. Въ столовой бюллетеней не видала, сказывали, что студенты Бернскаго и Женевскаго университетовъ прислали сочувственныя телеграммы.

7 марта.

Съ художникомъ Б. была на выставкѣ передвижниковъ, которую онъ очень хвалилъ. Дѣйствительно — посмотрѣть стоитъ. Картина Сурикова „Переходъ Суворова черезъ Альпы", пріобрѣтена Государемъ за 25.000; хотя и хорошо, но я не люблю этихъ батальныхъ картинъ, какъ-то не довѣряю этимъ „историческимъ" изображеніямъ. Въ самомъ дѣлѣ: такъ ли Суворовъ переходилъ Альпы? Поза его театральна, солдаты всѣ одѣты очень хорошо... Напротивъ, сколько мысли, чувства и движенія въ другой большой картинѣ Касаткина: „Свиданіе въ арестантской пріемной въ женскомъ отдѣленіи",—эти женскія фигуры, полныя ожиданія то радостнаго, то горестнаго. Картина, по моему, выиграла бы въ силѣ впечатлѣнія, еслибъ немного подвинуть впередъ рѣшетку и за нею фигуры. Тоже хорошее произведеніе „Жертва фанатизма" Пимоненко: толпа евреевъ бросается на измѣнницу вѣры. Много дви-

женія въ толпѣ, правдива поза дѣвушки, ея лицо... Портретъ гр. Шереметевой, работы Богданова-Бѣльскаго, очень зализанный, очень тщательный. Какая разница между нимъ и портретомъ Римскаго-Корсакова, работы Сѣрова! Этотъ послѣдній, вблизи представляющій грубые мазки — издали поражаетъ жизненною правдою... живой человѣкъ сидитъ! Руки — издали поразительны. Я начинаю понимать манеру современныхъ живописцевъ, которая мнѣ прежде такъ не нравилась: грубые мазки вблизи — издали составляютъ удивительно-реальное изображеніе. „Тонкую“ живопись миніатюрныхъ портретовъ, которою я раньше такъ восхищалась,—мой художникъ прямо назвалъ „раскрашенной фотографіей“. Такихъ миніатюрныхъ портретовъ на выставкѣ было нѣсколько, и сравнивая ихъ съ портретомъ Сѣрова, который критика признаетъ чуть ли не лучшею вещью на выставкѣ,—я должна была сознаться, что знакомый правъ.

Картинки Богданова-Бѣльскаго — „Бывшіе товарищи“ — въ пивной сидитъ интеллигентъ съ оборванцемъ, и „Проба голосовъ“ — опять изъ жизни сельской школы — содержательны по мысли, хотя техника его не блестяща... Мнѣ давно хотѣлось съ нимъ познакомиться, онъ интересуетъ меня, какъ воспитанникъ Рачинскаго и отъ него я хотѣла бы узнать о Татевской школѣ болѣе подробно. Теперь Б. Б. пріѣхалъ сюда, мой спутникъ съ нимъ большой пріятель и давно обѣщалъ мнѣ исполнить мое желаніе; но оказывается, что этотъ художникъ такъ занятъ писаніемъ портретовъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, что врядъ ли имѣетъ свободное время. Случайно я увидѣла его здѣсь; проходя мимо насъ, Б.-Б. слегка ударилъ моего знакомаго по плечу: „батюшка мой!“ — и по одному тону, какимъ это было сказано, я тотчасъ же догадалась, что это должно быть Богдановъ-Бѣльскій— было что-то неуловимо-покровительственное въ этомъ восклицаніи... Я внимательно смотрѣла на него, когда знакомый отошелъ въ сторону: бѣлокурый, небольшого роста, съ лицомъ довольно интеллигентнымъ. Какъ это хорошо — имѣть талантъ, имя, и... быть молодымъ! Богдановъ-Бѣльскій симпаченъ мнѣ именно тѣмъ, что въ картинахъ его есть мысль и онѣ возбуждаютъ хорошее чувство. Въ живописи я особенно придерживаюсь такого дѣленія на хорошее и дурное искусство .

8 марта.

Теперь всѣ студенты возвращены. У насъ была сходка по поводу выраженія благодарности профессорамъ Бекетову и Фаминцыну. Д—ашъ читаетъ проектъ адреса,—написано вполнѣ въ ея стилѣ: умно, но, къ сожалѣнію, начинается съ яицъ Леды,—съ средневѣковыхъ университетовъ. Общее несогласіе. Да оно и естественно: мы не съ средневѣковыхъ университетовъ брали примѣръ, а съ 18-го вѣка, когда впервые свой завели. Начинается споръ—выражать ли несочувствіе профессорамъ С. и П., и если да, то въ какой формѣ. Нѣкоторыя горячатся и предлагаютъ прибавить еще Х. и Ф., такъ какъ они-де тоже высказывали намъ несочувствіе. Баллотировкой рѣшаютъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что порицаніе нужно выразить первымъ въ формѣ неприсылки билета на вечеринку нашего, IV курса, которую мы имѣемъ право ежегодно устраивать. Но тутъ подаетъ голосъ Д—го: въ такомъ случаѣ „вторые“ два профессора окажутся на равной ногѣ съ тѣми, которые намъ сочувствовали... надо бы отличить такъ: С. и П., какъ наиболѣе виднымъ членамъ Временнаго правленія, выразить порицаніе письменно, а Х. и Ф. въ видѣ непосылки билетовъ. Какъ только это выяснилось—рѣшили баллотировкой, что надо выразить порицаніе письменно. О Р.—и не говорили: онъ держалъ себя все время такъ симпатично, что его популярность сразу выросла, изъ всѣхъ членовъ онъ дѣйствовалъ всѣхъ тактичнѣе, велъ себя куда умнѣе П. и С. Обсужденіе адреса отложено до завтра.

Послѣ сходки была лекція Форстена. Но я, вмѣсто нея, рѣшила привести въ исполненіе планъ. На масляницѣ, среди невольнаго забвенія всякой обычной дѣятельности,—старая дурная привычка марать бумагу взяла верхъ, и я volens-nolens окончила разсказъ, задуманный еще въ прошломъ году, подъ впечатлѣніемъ самоубійства Н. Н. И за это я разозлилась на себя: мнѣ досадно было, что столько времени потеряно зря. Попасть въ число нечитаемыхъ авторовъ,—что можетъ быть хуже?! Надо, необходимо взять себя въ руки и разъ навсегда отдѣлаться отъ вредной привычки, но для этого нужно, чтобы какой-либо авторитетъ сказалъ мнѣ вѣское слово противъ, такой, мнѣніе котораго я цѣню.

Въ „Рус. Богатствѣ“ въ прошломъ году помѣстила свой разсказъ „Фонтанъ“ Багрова, нынче „Первое предложеніе“—Клеменцъ

(С—ова); первая—будетъ талантливой писательницей, да и разсказъ второй очень хорошъ. Въ нѣкоторомъ родѣ—Р. Б. явилось органомъ курсистокъ. Короленко—писатель очень симпатичный,—что если обратиться мнѣ къ нему съ просьбою посодѣйствовать мнѣ избавиться отъ этой привычки? Вотъ я и отправилась на уголъ Спасской и Басковой улицъ, предварительно узнавъ у Клеменцъ, когда онъ принимаетъ. Собираясь ѣхать, я предусмотрительно одѣлась въ то платье, которое обезличиваетъ всѣхъ, поношенное, черное: безъ рукавчиковъ и даже безъ воротничка (на случай, если бы пришлось раздѣться), не модная кофточка, барашковая шапка и муфта, черная вуаль... нѣтъ! трудно узнать въ такой общей одеждѣ. что именно это я, Дьяконова, трудно отличить отъ массы такъ же одѣтыхъ курсистокъ.

Я очень волновалась; взяла Тацита и въ эту толстую книжищу всунула свою несчастную тетрадку, чтобы замѣтно было, что пришла съ нею. Вхожу, помѣщеніе чистое и свѣтлое; сидятъ барышни,—особенныя, „редакціонныя“ барышни, какихъ я видѣла и въ „Мірѣ Божьемъ“, и въ „Недѣлѣ“,—сидятъ и перелистываютъ какія-то шнуровыя книги, и какъ аргусы спрашиваютъ каждаго входящаго—„что вамъ угодно?“ Хотя я чувствовала себя передъ ними какъ студентъ въ формѣ—довольно спокойно, однако этотъ вопросъ меня раздражалъ, и мнѣ очень не хотѣлось говорить имъ, что я хочу видѣть Короленко... Мнѣ казалось, что онѣ сразу узнали, зачѣмъ я пришла и будутъ насмѣхаться надо мной.

Одна изъ разсердившихъ меня барышень куда-то пошла, вернулась и сказала: „обождите“. Ждать пришлось недолго... Короленко былъ въ другой комнатѣ. Онъ провелъ меня въ третью; тамъ была отворена дверь и мнѣ не понравилось, что меня могутъ услышать. Какое славное лицо у него! я чуть не засмотрѣлась отъ души, но во-время опомнилась. Говорила нарочно какъ можно тише, чтобы господину въ сосѣдней комнатѣ не было слышно. Я разсказала ему вкратцѣ, почему обращаюсь съ просьбой именно къ нему, такъ какъ я его люблю и уважаю, какъ писателя. Еще и раньше, дорогой, я придумала сказать это, но когда его увидѣла, то почувствовала, что именно такъ, дѣйствительно я его люблю и уважаю,—такое хорошее впечатлѣніе произвелъ онъ на меня; на душѣ было такъ легко, все мое смущеніе разлетѣлось при видѣ его славнаго лица. Я говорила вполнѣ свободно и, кажется, достаточно убѣдительно изобразила ему свое несчастное положеніе человѣка, борющагося съ дурной привычкой. Онъ ска-

залъ: —„Посмотримъ, посмотримъ... Вы его съ собой взяли?“ Я вынула изъ Тацита тетрадку и подала ему...—„Черезъ недѣлю я попрошу васъ притти,“—сказалъ онъ, соображая что-то.—Нѣтъ, уже лучше я приду черезъ двѣ, а то вы, пожалуй, не успѣете прочесть,—предусмотрительно отвѣтила я. Онъ видимо былъ доволенъ.—„Да, такъ, конечно, лучше... Однако, я долженъ вамъ сказать, что иногда бываетъ трудно рѣшить сразу, выйдетъ что-нибудь, или на выйдетъ. Иногда—первыя произведенія бываютъ неудачны, а потомъ,—и выходитъ. Такъ что, можетъ быть, я и не скажу вамъ ничего рѣшительнаго“. Этого я не предвидѣла и растерялась, но поспѣшила высказать ему, что по отношенію ко мнѣ подобная нерѣшительность излишняя:—Нѣтъ ужъ, пожалуйста—такъ не говорите... —„Увидимъ, увидимъ... Итакъ, я скажу вамъ—„бросьте“, „не бросайте“, или „не знаю“.—„Скажите лучше поскорѣе первое рѣшеніе“,—подумала я и поднялась. Кажется, что говорила очень тихо, и этотъ противный господинъ у дверей не могъ ничего слышать.

Итакъ, черезъ двѣ недѣли я прихожу, получаю обратно тетрадку съ наставленіемъ такого хорошаго человѣка, записываю его отъ слова до слова, и въ тѣ трудныя минуты жизни, когда снова мысль лѣзетъ въ голову и просится на бумагу,—я возьму эту запись и прочту... и вспомню хорошее лицо, его симпатичное снисхожденіе... Онъ, разумѣется, пожалѣетъ меня: „Эхъ, молъ, барышня! точно насъ мало на свѣтѣ бумагу-то портить! Бросьтека, лучше, дѣлайте свое дѣло, и вамъ лучше, и намъ легче“. Пожалуй, еще дастъ совѣтъ: „выходите замужъ“. Впрочемъ—онъ такой симпатичный, что пошлости не скажетъ...

Чтобы черезъ двѣ недѣли Короленко могъ вспомнить, чью тетрадку ему надо возвратить, я написала на ней псевдонимъ (да проститъ мнѣ родная губернія за профанацію!) Костромская. И адреса своего не дала, изъ предусмотрительности: лучше сама приду и возьму, а то—квартирная хозяйка такая любопытная,—придетъ бандероль безъ меня и она еще прочтетъ, пожалуй...

Да, тяжело жить на свѣтѣ вообще, а ужъ съ такими дурными привычками, которыя только зря время отнимаютъ—и совсѣмъ плохо! Какъ хорошо, что никто не знаетъ объ этомъ моемъ недостаткѣ, меня просто осыпали бы насмѣшками всѣ родные. О, я несчастная! Видно еще мало мнѣ горя, мало испытаній, что на 25 году жизни приходится такъ усиленно заниматься самовоспитаніемъ, тщательно стараться отдѣлываться отъ дурныхъ привычекъ...

И такъ тяжело сознавать всѣ свои недостатки, а какъ вспомнишь объ этомъ—и подавно. Иногда я просто подавлена тяжестью этого сознанія. Жизнь—борьба, въ которой храбро надо драться, а прежде всего—нужно умѣть бороться съ собою.

Всѣ эти дни я охвачена тяжелымъ раздумьемъ. Бываетъ такое время — живетъ-живетъ человѣкъ, да вдругъ и задумается надъ жизнью. Я давно думаю, но теперь обратила вниманіе еще на одну сторону. Наша благотворительность, особенно здѣшняя, петербургская,—всегда возмущала мнѣ душу, столько въ ней фальши, что и не передать... Особенно мое послѣднее посѣщеніе (въ началѣ февраля) Вяземской лавры и ея дома трудолюбія утвердило меня въ этомъ мнѣніи. Я не знаю, — какъ можетъ М. П. Мя—ва мириться съ этимъ...

13 марта.

Пришла на занятія по Островскому у И. А. Шляпкина. Прежде всего онъ сообщилъ намъ по секрету, что одинъ изъ сыновей Пушкина представилъ директору лицея дневникъ его съ 1832—1835 г.; тетрадь большая, въ родѣ конторской, всего написано около 55 страницъ. Такъ какъ дневникъ написанъ очень откровенно и содержитъ въ себѣ рѣзкіе отзывы о многихъ придворныхъ лицахъ, потомки которыхъ живы, — печатаніе его теперь невозможно, и сынъ передалъ его на короткое время въ лицей подъ секретомъ. И. А. хорошо читаетъ руку Пушкина, и, основательно познакомившись съ дневникомъ, благодаря своей превосходной памяти, запомнилъ наизусть нѣсколько отрывковъ и прочелъ намъ ихъ, а мы записали. Здѣсь могу привести только нѣкоторые...

Какой-то Деларю взялъ и перевелъ стихи, въ которыхъ встрѣчается такое выраженіе: „если бы я былъ богомъ, я отдалъ бы рай за ея поцѣлуй". Митрополитъ Филаретъ, у котораго всегда находилось время заниматься чтеніемъ литературныхъ произведеній, донесъ въ синодъ о богохульствѣ; Крыловъ узналъ объ этомъ и сказалъ:

„Когда бы я былъ богъ,
Такой бы глупости
Сказать бы я не могъ".

Послѣ торжественнаго празднованія совершеннолѣтія наслѣдника (Александра Николаевича) на другой день на парадѣ поэтъ

проскакалъ галопомъ мимо государя и тотъ его отправилъ на „обвахту“ (по выраженію Пушкина).

Взгляды Пушкина на русское дворянство сходны съ взглядомъ и Карамзина. Та же тенденція о старыхъ русскихъ родахъ, — исключающая придворную знать, большую частью „случайнаго происхожденія“. Въ этомъ смыслѣ замѣчанія дневника являются сходными съ „Моей родословной“. Вообще въ дневникѣ масса любопытныхъ замѣчаній; нѣкоторыя изъ нихъ, по цинизму,—профессоръ отказался сообщить намъ.

Послѣ этого сообщенія начались занятія. Я—ко читала избранные отрывки объ Островскомъ по воспоминаніямъ Максимова, а предъ этимъ И. А. прочелъ нѣсколько анекдотовъ о писателѣ по воспоминаніямъ Нильскаго.

Я слушала равнодушно... Въ головѣ упорно бродитъ мысль о своемъ сословіи, о томъ, какъ мало знаютъ его въ обществѣ и въ литературѣ... ушелъ Островскій и... точно все затихло... Кстати, И. А. повелъ разговоръ на эту тему. — „Г-да, положимъ, что вы вращаетесь постоянно въ средѣ интеллигенціи, а вѣдь не забывайте, что есть масса людей, которые и понятія не имѣютъ ни о Пушкинѣ, ни о значеніи этого празднества, разговоры о которомъ намъ надоѣли“... Я не выдержала.—Не всѣ вышли изъ интеллигентнаго круга, И. А. — „Да, да, я знаю, есть среди васъ и изъ другихъ слоевъ, но все-таки васъ немного“.

Сколько тяжелыхъ впечатлѣній, воспоминаній поднялось въ душѣ при этомъ напоминаніи! До сихъ поръ и вѣроятно всю жизнь я буду связана съ этою средой, гдѣ столько тяжелаго, столько темнаго...

Я нахожу, что этимъ классомъ литература совсѣмъ не занимается. Боборыкинъ описываетъ только тотъ слой московскаго купечества, гдѣ... его принимаютъ; а сколько тамъ такихъ, откуда его просто выпроводили бы; это именно „настоящіе старинные“ купеческіе дома. И точно нарочно, подъ впечатлѣніемъ воспоминаній и чтенія объ Островскомъ, въ головѣ мелькала мысль о драмѣ, гдѣ выведены были бы всѣ эти, такъ хорошо знакомыя лица, вся эта борьба моя съ предразсудками среды, смерть дяди, романъ... Скомбинировать все это я не могла, но отдѣльныя сцены такъ и вертѣлись въ головѣ... Надо было дѣлать усиліе, чтобы прогнать эти мысли и заставить себя слушать... вотъ вздоръ-то! говорила я себѣ... Но образы, знакомыя лица проходили какъ живыя, точно дразнили меня, говоря: а мы здѣсь, а мы здѣсь...

Ахъ, какъ счастливы писатели! Можетъ ли сравниться что-либо съ минутой творенія. Если бъ я могла писать стихи...

Такъ, прерываемое разговоромъ, чтеніе статьи тянулось до полуночи, и мы разошлись.

Вчера, въ ясный и отчаянно морозный день, хоронили интернатку I курса Софію Степановну Кильдюшевскую; бѣдняжка 19 лѣтъ пріѣхала сюда только для того, чтобы умереть! И хворала не долго, около трехъ недѣль. Мы вышли встрѣчать ее и провожали на кладбище, отслуживъ литію противъ курсовъ. На отпѣваніи насъ собралось около 200 человѣкъ съ директоромъ и 2 инспектрисами. Обѣдня была очень длинная, и тяжело было видѣть лица родныхъ и знакомыхъ (она изъ Самары).

Я вышла изъ церкви, когда внесли гробъ и простояла обѣдню въ притворѣ...

18 марта.

Съ 16 снова начались волненія. Въ провинціи, въ Кіевѣ—студенты уволены всѣ, и ранѣе приняты были 54 человѣка, вслѣдствіе чего безпорядки продолжались и университетъ былъ закрытъ; въ Варшавѣ—многіе заключены въ цитадель, многіе высланы; въ Дерптскомъ и Томскомъ забастовки продолжается. Изъ Кіева сюда пріѣхалъ депутатъ, въ университетѣ начались сходки, въ результатѣ которыхъ за обструкцію высказалось 826 противъ 601; меньшинство подчинялось большинству. Дѣлается формальное исключеніе для держащихъ государственные экзамены, но студенты полагаютъ, что нравственная обязанность всякаго, еще не успѣвшаго снять студенческій мундиръ—поддержать своихъ товарищей. Мотивировка забастовки та, что событія въ провинціальныхъ университетахъ являются отсутствіемъ гарантій личной неприкосновенности, несмотря на слѣдствіе ген. Ванновскаго; стоя на почвѣ этого принципа и для предупрежденія подобнаго произвола, мы снова требуемъ возвращенія всѣхъ студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Успѣхи новаго движенія: Лѣсной институтъ большинствомъ 10 голосовъ присоединяется къ движенію; въ Горномъ Институтѣ происходятъ сходки, сегодня рѣшающая; въ Технологическомъ тоже. Было собрано делегатское собраніе 17 марта и сегодня повсюду извѣстятъ о причинахъ движенія и устроятъ сходки.—Вотъ содержаніе бюллетеня отъ организаціоннаго комитета. 17-го университетъ былъ закрытъ, конечно, сегодня у насъ была назначена

сходка. Наканунѣ В—енскій объявилъ IV курсу свои лекціи законченными, простился съ нами, пожелавъ всего хорошаго; потомъ онъ прислалъ письмо, что не можетъ читать лекціи II и I курсамъ, т. к., будто бы за недосугомъ, не могъ подготовиться къ лекціи. Ну, просто предлогъ: изъ желанія угодить молодежи не читаетъ ей лекціи.

Въ 11 часовъ началась сходка, страшно безтолковая, тянувшаяся до трехъ часовъ. Сперва всѣ говорили объ университетѣ, читали бюллетени и галдѣли, кого выбирать въ предсѣдательницы Предлагали—чтобы не подвергнуть уже разъ исключенныхъ опасности—выбрать изъ другихъ кандидатокъ, но толпа не соглашалась, большинство не выходило, ревъ и гвалтъ былъ ужасный; наконецъ, измѣнили рѣшеніе: выбрать кого-нибудь изъ ранѣе бывшихъ предсѣдательницъ, какъ уже опытныхъ, и остановились на Д—нъ. Послѣ шума снова началось чтеніе извѣстій, а затѣмъ приступили къ рѣшенію „принципіальныхъ вопросовъ“: какое это движеніе, новое ли, или продолженіе стараго, какъ его понимать—какъ общую круговую поруку? Вотъ около этихъ вопросовъ и вертѣлись всѣ рѣчи ораторовъ. Но было ясно изъ нихъ, что никто еще не освѣдомленъ хорошо; извѣстіямъ изъ Кіева противорѣчатъ упорные слухи, что тамъ движеніе имѣетъ совсѣмъ другую подкладку, на національной почвѣ, и такимъ образомъ не относится къ обще-студенческому движенію; о Томскомъ—говорили, что тамъ исключены 17 человѣкъ за то, что не подавали прошеній объ обратномъ пріемѣ, когда было вывѣшено объявленіе... Все это передавалось и комментировалось на всѣ лады, часто среди взрыва шума слышались рѣчи, но ясно было одно: въ глубинѣ души каждый былъ сбитъ съ толку и не могъ себѣ уяснить точно, какого рода это движеніе. Сомнѣніе въ извѣстіяхъ изъ Кіева взяло, наконецъ, верхъ, и сходка была объявлена закрытой, въ виду отсутствія точнаго ознакомленія съ дѣломъ.

19 марта.

Лекціи кончились. Вчера вечеромъ былъ совѣтъ профессоровъ и рѣшили лекціи прекратить; нѣсколько профессоровъ заявили, что они не кончили своего курса, имъ было предложено прочесть послѣднюю лекцію по соглашенію со слушательницами. Пока мы на курсахъ толковали объ этой неожиданной и ловкой мѣрѣ, пришелъ Шляпкинъ и попросилъ у насъ позволенія прочесть лекцію.

Мы, конечно, согласились, и во II аудиторіи человѣкъ 7—8 просидѣли два часа, выслушавъ записку Карамзина и указанія пособій для преподаванія новой литературы. Простились.

Къ 11 час. на курсы началъ сбираться народъ, но въ общемъ немного; ходили группами, разговаривали. Въ студенческой же столовой было весьма оживленно: читала изъявленіе негодованія на кассу взаимопомощи, которая подъ своимъ штемпелемъ позволила себѣ напечатать бюллетень отъ имени организаціоннаго комитета, объявивъ настоящее движеніе—движеніемъ политическимъ; организаціонный комитетъ заявилъ, что съ этихъ поръ онъ заводитъ собственный штемпель и пользовался ранѣе штемпелемъ кассы лишь потому, что у него не было своего. Письмо Шарапова съ увѣщаніемъ студентамъ опомниться и не губить себя, очень длинное, я не успѣла хорошо прочесть,—бюллетеня же никакъ не могла добиться. Ходила каррикатура довольно вызывающаго содержанія...

Послѣ я пришла домой въ самомъ грустномъ настроеніи, и никакъ не могла отъ него отдѣлаться. Но проанализировавъ себя, я сейчасъ же нашла причину: мнѣ было грустно отъ сознанія того, что я не свободна, что мы не равноправны съ мужчинами, и, вступая въ жизнь — одновременно подчиняемся и тому положенію, которое насъ въ ней ожидаетъ. У насъ нѣтъ свободнаго выбора пути и движенія по службѣ педагогической. Вѣчно связанныя, вѣчно подчиненныя и съ высшимъ образованіемъ-то! Не мудрено, что намъ дышется легко только въ столицахъ. Надо открыть для женщинъ еще путь юридическій, въ ряды адвокатуры— рѣшила я.

20 марта.

Вотъ уже что называется „былъ денекъ!“ Сходка началась въ 10 час. утра и тянулась весь день—почти до 6 час. веч.

Собрались въ IV аудиторіи, и я съ самаго начала увидала, что сходка не законна: насъ было съ небольшимъ 470 душъ. Д—ашъ тоже признала сходку незаконной и, взобравшись на каѳедру, предложила всѣмъ, раздѣляющимъ это мнѣніе, уйти, такъ какъ на лицо было менѣе $^2/_3$ наличнаго состава слушательницъ; къ ней присоединилось около 70 слушательницъ, и мы направились въ VI аудиторію. Въ негодованіи прибѣжали къ намъ изъ IV аудиторіи, крича, что Д—ашъ хотѣла сорвать сходку, что не

имѣла на это права, что сходка законна, такъ какъ будто бы было заявлено всѣмъ (?), но не пришли, слѣдовательно, приходится рѣшать всѣ дѣла наличнымъ составомъ сходки; раньше, при началѣ сходки, когда все-таки видѣли, что число незаконно, то, чтобы сдѣлать его какъ-нибудь бо́льшимъ, выдумали еще, что представительницы меньшинства (182 въ первой забастовкѣ) будто бы заявили, что не придутъ на сходку и такимъ образомъ ихъ голоса надо заранѣе считать въ противной партіи (т. е. противъ забастовки). Ложность такого хитросплетенія и подтасовки слишкомъ явно бросается въ глаза, чтобы говорить о ней. Наконецъ, многія рѣшили подождать открывать сходку до $12^1/_2$, такъ какъ надѣялись, что къ этому времени подойдутъ слушательницы,— многія думали, что сходка будетъ въ 12 часовъ; толпа же разсуждала иначе и мало того, что объ этомъ вопросѣ спорили до перерыва, возобновили его и послѣ перерыва, когда набралось дѣйствительно больше: 520 человѣкъ. Но такъ какъ насъ свыше 900, то и это число не сочли законнымъ, такъ какъ первая забастовка рѣшена была, по крайней мѣрѣ, 600 и болѣе голосовъ. Послѣ переговоровъ постановили окончательно не считать этихъ 182 человѣкъ (такъ какъ съ такимъ присчетомъ вышла бы сходка законной), а считаться лишь съ наличнымъ составомъ сходки; послѣ второго подсчета баллотировкой большинство голосовъ объявило сходку законной, приступило къ выбору предсѣдательницы и сходка открылась.

Удивительно, до чего понижается интеллектъ въ толпѣ! Не принято было во вниманіе соображеніе, что въ четвергъ на сходкѣ народу было сравнительно немного; многія задолго до окончанія лекцій перестаютъ посѣщать ихъ, начавъ готовиться къ экзаменамъ. Узнать о сегодняшней сходкѣ могли лишь тѣ, кто присутствовалъ на первой, и тѣ немногія, которыхъ знакомыя извѣстили; остальныя слушательницы, за отсутствіемъ у насъ организаціоннаго комитета, не могли быть извѣщены, и поэтому не явились. Ничего этого не было принято во вниманіе; большинство твердило, что эти 400 знали и не пришли, ибо не хотѣли, а въ такомъ случаѣ мы и въ правѣ рѣшать все дѣло безъ нихъ. Но я не думаю такъ дурно о товарищахъ; допустимъ, что индеффирентныхъ три четверти,—не хватало все-таки 100 человѣкъ, которыя ни въ чемъ не были виноваты. И я сдѣлала большую ошибку, не заявивши объ этомъ собранію, но не было физической возможности про-

биться впередъ поближе къ каѳедрѣ, которая уже съ 10 час. была занята ораторшами и руководительницами.

Всѣ были настроены... электрически, если можно такъ выразиться. Сходка открылась чтеніемъ извѣстій, причемъ совсѣмъ забыта была напередъ неясность извѣстій изъ кіевскаго Университета и на первомъ планѣ въ умахъ всѣхъ было вчерашнее объявленіе въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ объ увольненіи всѣхъ студентовъ по случаю безпорядковъ. Я прослушала извѣстія. Но когда приступили къ рѣчамъ о движеніи — дѣло переходило на почву принципіальныхъ рѣшеній, и я сочла не совмѣстнымъ съ нравственнымъ достоинствомъ присутствовать на сходкѣ, которую считаю незаконной и оставила аудиторію. Изъ залы слышно было, какъ начала ораторствовать К., а затѣмъ Д—ашъ. Послѣдняя меня возмутила: я просила ее заявить, что сходка незаконна (она ближе меня стояла къ каѳедрѣ), она обѣщала, и не только не сдѣлала этого, а еще начала говорить на той сходкѣ, которую сама считала незаконной. О, люди, люди! ради честолюбія, ради случая говорить передъ сотенной толпой, онѣ поступали совсѣмъ безтактно и даже нечестно! Опять надо бы было мнѣ сказать объ этомъ на сходкѣ передъ уходомъ—но я такъ и не могла ничего сказать, не имѣя возможности двинуться ближе впередъ, голосъ же у меня слабый и говорить изъ толпы я не могу.

Вышла въ залъ; слоняясь безцѣльно по заламъ, говорила съ знакомыми... Около трехъ часовъ заглянула въ аудиторію: тамъ приступили уже къ голосованію, наговорившись вдоволь. Былъ поднятъ вопросъ: рѣшать ли забастовку большинствомъ $^2/_3$ голосовъ наличнаго состава сходки? Рѣшили утвердительно.

Я опять ушла внизъ. Что было дальше наверху — я не знаю, но потомъ видала подходившихъ ко мнѣ съ вопросомъ, отчего я не иду на голосованіе? — Я отвѣчала, что всякое постановленіе незаконной сходки для меня не имѣетъ значенія.

А наверху, должно быть, происходило чортъ знаетъ что... Незаконно начавшееся собраніе въ концѣ концовъ запуталось и случилось что-то невѣроятное: при счетѣ голосовъ за забастовку подали 307 слишкомъ, а противъ забастовки 40 человѣкъ. А если на сходкѣ было 525 чел.,—куда же дѣлись остальныя 178 человѣкъ?—Онѣ *не подали голоса вовсе*. Тѣ, которыя подали голосъ за забастовку — въ отчаяніи и громко обвиняли уклонившихся отъ голосованія, говоря, что въ такомъ случаѣ ихъ партія не взяла бы верхъ, т. к. 178+40=218 чел. противъ 307,—не составилось

бы $^2/_3$, необходимыхъ для забастовки, и такимъ образомъ она не была бы рѣшена. Онѣ забывали объ одномъ: разъ уклонившаяся отъ голосованія партія, слѣдовательно, вовсе не сочувствуетъ забастовкѣ и онѣ должны были бы кассировать свое рѣшеніе. Но... такъ и быть: рѣшено было 307 противъ 40,—подавляющимъ большинствомъ голосовъ за обструкцію. Но куда жъ, дѣйствительно, подѣвались эти 178 человѣкъ? Такихъ, какъ я, прямыхъ и стоящихъ на почвѣ строгой законности людей, было немного, т. е. такихъ, которыя ушли съ самаго начала; а между тѣмъ—оставались же тѣ, которыя считали сходку незаконной, но ораторствовали.

Когда я въ $2^1/_2$ ч. вошла вторично въ аудиторію, то толпа уже была вновь заряжена электричествомъ. Предсѣдательница Д—нъ громко обвиняла Д—ашъ въ непослѣдовательности, за то, что она, присутствуя на незаконной сходкѣ, говорила рѣчи. Этого я и опасалась, и наконецъ-таки заняла стулъ, съ котораго слѣзла Д—ашъ, и сказала, что дѣйствительно Д—нъ права, что съ самаго начала сходка ведена была не такъ, какъ нужно, что всѣ считавшія сходку незаконной должны были уйти, сосчитаться отдѣльно и полученную цифру нужно было вычесть изъ наличнаго состава; Д—ашъ и К. не имѣли права говорить. Толпа, раздраженная, нѣсколько разъ перебивала меня ревомъ (предсѣдательница Д—нъ за свою неумѣлость была смѣнена Д—гой передъ моею рѣчью); сказавъ, что считала своимъ долгомъ, я ушла. А затѣмъ и началась подача голосовъ...

Сейчасъ, пока пишу, вспомнила, что послѣ этого мы, считавшія сходку незаконной, собрались внизу въ 1-ой аудиторіи и насъ было около 100 человѣкъ; такимъ образомъ трудно произвести общій подсчетъ, но если 347 подавали голосъ+100 считавшихъ незаконной сходку, то останется еще около 78, вдругъ раздумавшихъ подавать голосъ почему-либо. Подобная крупная ошибка произошла отъ безтолковаго веденія сходки, такъ какъ съ самаго начала не были удалены всѣ, считавшія сходку незаконной и, слѣдовательно, оставшіяся любопытными зрительницами; когда же дѣло дошло до голосовки—онѣ не подали голоса и съ ними смѣшались и тѣ двусмысленныя или нерѣшительныя, которыя считали сходку законной, но не подали голоса. Трудно отдѣлить этихъ госпожъ отъ насъ, людей честныхъ, признающихъ законность. А все изъ-за того, что всѣ были смѣшаны въ этихъ 525. Постановившія забастовку 307 сразу почувствовали ложность своего по-

ложенія, и, обвиняя въ безсильной ярости уклонившихся отъ голосованія, чувствовали все-таки, что онѣ — 300 рѣшили такой серьезный вопросъ за 600.

Какая у нихъ происходила голосовка послѣ того, какъ я ушла — за или противъ обструкціи — не знаю... ибо не спрашивала пока никого изъ бывшихъ тамъ; знаю только, что онѣ, 307, послали объявить директору, что курсы закрыты. Насколько въ первой забастовкѣ на сторонѣ бо́льшинства была лучшая часть курсистокъ, настолько въ этой, второй, въ составъ 307 входили крайнія радикалки, неопытныя первокурсницы, вообще люди недальновидныя и не серьезнаго образа мыслей.

Несчастныя инспектрисы бродили какъ сонныя мухи; бѣдная княгиня В. еле держалась на ногахъ, и ушли онѣ лишь въ 7 час., когда уже всѣ разошлись, а оставшихся немногихъ въ раздѣвальной просили уйти. Директоръ бродилъ по залѣ съ многозначительнымъ видомъ...

Вечеромъ я поѣхала на концертъ Шевченки; пѣли много и хорошо. Послѣ концерта тотчасъ же уѣхала домой.

Устала — отчаянно.

21 марта, 12 ч. ночи.

...Что день грядущій намъ готовитъ?
Его нашъ взоръ напрасно ловитъ...

Что будетъ завтра? Вотъ вопросъ, на который всѣ мы сегодня днемъ долго и напрасно ждали отвѣта: директоръ не пріѣхалъ отъ министра домой, какъ мы надѣялись, чтобы сходить къ нему и узнать все. Корридоръ былъ полонъ народа, разбились на кучки и разговаривали...

А наверху въ это время было общее собраніе Общества для доставленія средствъ курсамъ; оно кончилось къ двумъ часамъ и члены расходились. Баронесса И., какъ всегда, изящная и щегольски, но просто одѣтая во все черное, шла по лѣстницѣ съ Е. И. М—овой... Воображаю, каковы были чувства большинства членовъ при видѣ насъ, толпой собравшихся въ корридорѣ. Конечно, курсы теперь мудрено закрыть совсѣмъ, но все-таки неопредѣленное ихъ положеніе даетъ многимъ поводъ опасаться за ихъ судьбу въ случаѣ репрессіи. А безъ сомнѣнія, она будетъ... и довольно значительная.

Университетъ профильтруютъ къ 24-му. Но что же будетъ у насъ? Во враждебномъ отношеніи партіи 300 нѣтъ и сомнѣнія: еще вчера было видно, что крайнія изъ нихъ на все пойдутъ,— то же и сегодня. Едва я вошла, какъ черненькая С—ова задорнымъ тономъ спросила меня:—„Вы что думаете предпринять теперь, Дьяконова?"—Ничего, спокойно отвѣчала я. Завтра держать экзамена я вѣдь не намѣревалась.—„Ну, еще бы!" грозно перебила она.—Да и вообще я не намѣрена была сдавать нынче экзамены,—поскорѣе отвѣтила я, чтобы отдѣлаться отъ этого неожиданнаго допроса и отошла.

Что завтра не будетъ экзамена—это очевидно, но что и сходки не будетъ—тоже очевидно. У директора въ субботу все время былъ такой видъ, какъ будто бы онъ хотѣлъ сказать: „ну ужъ, господа, какъ вы хотите, а больше собираться вамъ здѣсь не позволю. Сегодня вы еще хозяева здѣсь, завтра—я". Да и не нужно сходки: волненіе началось и будетъ продолжаться, если будутъ экзамены.

Передъ начальствомъ теперь возникаетъ еще вопросъ: что дѣлать съ партіей трехсотъ? Онѣ сами себѣ надѣли петлю на шею изъ благороднѣйшаго побужденія, онѣ пришли къ рѣшенію, но оно, къ сожалѣнію, страдаетъ отсутствіемъ законности. Какая разница: 6 марта мы толковали, 20-го—весь день бунтовали. Вотъ ужъ подлинно переживаешь дни полной неизвѣстности передъ будущимъ.

Безъ сомнѣнія, насъ могутъ закрыть и исключатъ на тѣхъ же условіяхъ, что и студентовъ, профильтруютъ, какъ и ихъ. Но вотъ вопросъ: поступятъ ли съ нами такъ же, или выдумаютъ какую-нибудь полумѣру?

Самое лучшее—это завтра вовсе не допускать никого на курсы. Партія трехсотъ и добивается именно того, чтобы курсы были закрыты подобно Университету, Технологическому и Горному институтамъ; а въ сущности самое раціональное было бы закрыть всѣ учебныя заведенія на два мѣсяца съ перенесеніемъ экзаменовъ на осень. Время, великій врачъ и все успокоилось бы. А то, въ профильтрованномъ Университетѣ на 26 опять назначена сходка, опять найдется партія, которая возстанетъ за непринятыхъ обратно товарищей... и вновь повторится взрывъ. Нѣтъ, ужъ лучше не играть съ горючимъ матеріаломъ...

А какъ посмотришь на все происшедшее—право—такъ и должно было случиться... Что-жъ изъ того, что сходка не законна'

надо было ожидать такого рѣшенія—забастовки во что бы то ни стало. Нельзя иначе—и мы по роковому закону сходства катимся по наклонной плоскости.

Борьба, борьба... страсти разгорѣлись, сколько взрывовъ гнѣва сколько разорванныхъ дружбъ, знакомствъ, хорошихъ отношеній... Пусть завтра закроютъ курсы, это единственный способъ предотвратить неминуемое столкновеніе. И завтра чѣмъ свѣтъ надо бѣжать покупать „Правительственный Вѣстникъ"—нѣтъ ли какихъ-нибудь сообщеній.

Ну, что-же теперь будетъ? И ложась спать, и засыпая—буду сознавать себя въ положеніи необыкновенномъ, вотъ ужъ подлинно, какъ передъ дуэлью:

Что день грядущій намъ готовитъ?
Его нашъ взоръ напрасно ловитъ...

22 марта.

Собрались на курсы въ 10 часовъ и ждали директора, думая, что онъ привезъ какое-либо рѣшеніе отъ министра; когда тотъ явился и пошелъ наверхъ—вся толпа, собравшаяся въ корридорѣ, бросилась за нимъ. Онъ въ недоумѣніи спросилъ меня:—„Зачѣмъ онѣ всѣ за мной бѣгаютъ?"—и на мой отвѣтъ, что ждутъ отъ него какого-нибудь рѣшенія, сказалъ, что министръ ему ничего не говорилъ и онъ пока рѣшить ничего не можетъ.

На назначенные 3 неоффиціальныхъ экзамена (ускоренный по латинскому языку, у математика и еще чей-то третій) явились экзаменаторы; большинство приготовившихся, понятно, рѣшило не держась экзамены, чтобы не вызывать взрыва, но нашлось 3, которыя явились. Въ виду благоразумія—профессора воздержались отъ производства экзаменовъ, и исчезли незамѣтно.

Мы бродили по нижнему корридору; а партія 300 собралась наверхъ на сходку съ воинственнымъ настроеніемъ, и я не знаю, что тамъ происходило. Говорили, что директоръ приказалъ инспектрисѣ переписать всѣхъ присутствующихъ на сходкѣ, заявивъ объ этомъ съ самаго начала сходки (не знаю, насколько это вѣрно). Я видѣла, какъ постепенно въ опустѣвшій нижній корридоръ начала спускаться масса народу, крикъ и шумъ росли и росли... Наконецъ, я ушла въ библіотеку, куда вскорѣ пришелъ директоръ. Разговоръ, понятно, вертѣлся все на одномъ—на на-

шемъ положеніи. Всѣ понимали, что партія трехсотъ не есть 900, и что вторая забастовка не такая, какъ первая, и что рѣшеніе этихъ трехсотъ выходитъ за предѣлы всякой законности даже въ товариществѣ, но все-таки фактъ безпорядка былъ на лицо, возбужденіе обструкціонистокъ—внѣ всякихъ сомнѣній. Возникалъ вопросъ, какъ быть дальше? Вѣдь было жаль и этихъ 300, которыя сами въ петлю лѣзли, и это опять-таки всѣ понимали.

Я вышла въ корридоръ. Спрашиваю—сколькихъ переписали?—„Съ небольшимъ 400". Это значитъ, что къ 307 прибавилось еще около 100 добровольныхъ мученицъ, пожелавшихъ „раздѣлить судьбу товарищей", такъ какъ всѣ почему-то сразу рѣшили, что ихъ исключатъ, и нашлись тотчасъ же добровольныя мученицы, которыя и на сходкѣ вовсе не были, и забастовки не желали, но „раздѣлили судьбу" по желанію. Я высказала директору свое мнѣніе относительно результатовъ его приказанія,—очень невыгодныхъ, безполезно увеличившихъ только число жертвъ.—Къ чему было переписывать? Вѣдь все равно точнаго числа вы не получили, такъ какъ нашлись добровольныя мученицы, съ упрекомъ говорила я.—„Ну, ужъ такія лица всегда неизбѣжны", спокойно отвѣчалъ онъ.—„Съ ними ничего не подѣлаешь. Желаютъ „раздѣлять судьбу"—и конецъ"... Съ этимъ мнѣніемъ, конечно, согласились всѣ знавшіе жизнь болѣе меня, но все-таки было досадно. Директоръ достаточно догадливъ: онъ нарочно допустилъ сходку, чтобы всѣхъ переписать и имѣть возможность сразу подвергнуть обструкціонистокъ какому-либо наказанію, исключающему возможность поднятія ими безпорядковъ во время экзаменовъ, которые оффиціально начнутся 26-го. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что ихъ исключатъ, на этотъ разъ намъ нечего ждать пощады... Въ библіотекѣ говорили, что сегодня состоится совѣтъ министровъ по поводу курсовъ, и милая О. К. была настроена тревожно; а я надѣюсь, что курсы потерпятъ репрессію наравнѣ съ прочими учебными заведеніями, не больше, такъ какъ всякій министръ пойметъ, что рѣшеніе трехсотъ—не есть еще рѣшеніе 900 (хотя тоже не извѣстно, какое бы рѣшеніе мы постановили, если бы собрались въ законномъ количествѣ—600). Такъ и въ университетѣ: рѣшеніе 800—неизвѣстно, согласны-ли съ ними остальныя три тысячи.

Я ушла съ курсовъ въ три часа въ столовую, оттуда къ Щ—нымъ. Тамъ Е. Н. возмутила меня наивнымъ отношеніемъ

къ такому серьезному дѣлу, своимъ ребячливымъ восторгомъ передъ рѣшеніемъ студентовъ забастовать:—„Ахъ, какъ это хорошо! Ахъ, какъ хорошо!“ и смѣялась, какъ дѣвочка. Меня взорвало.—Хорошо вамъ хохотать да восторгаться, а каково студенчеству выносить это на своей шкурѣ! Ужасъ, что за черствая душа у этой женщины! Быть съ ней теперь тяжело, я еще больше разстроилась и отъ нея поѣхала прямо къ М. П. Мя—вой, къ счастью заставъ ее дома. Она что-то говорила мнѣ, какое я время переживаю теперь и какъ обрабатывается мой характеръ. Я слушала машинально, мнѣ было просто хорошо быть съ ней, слушать ея слова... и мнѣ вдругъ хотѣлось спрятать лицо въ складкахъ ея платья, и заплакать какъ ребенокъ. Но нервы теперь у меня гораздо крѣпче стали и я легко владѣю собой... Иногда душа этой дѣвочки мнѣ кажется благоухающей розой, запахъ которой вдыхаешь съ наслажденіемъ, и хочется подольше подержать эту розу въ рукахъ, подольше ею наслаждаться.

Она дала мнѣ книгу члена „Арміи спасенія“; я прочту для ознакомленія съ этими людьми и ихъ ученіемъ; потомъ мы читали съ нею отрывокъ изъ сочиненія Джона Рескина о воспитаніи, о женщинѣ.

23 марта.

Вчера, говорятъ, въ 4 часа вывѣсили ненадолго объявленіе, что курсы закрыты. Сегодня никакого объявленія на дверяхъ нѣтъ, но швейцаръ никого на курсы не пускаетъ, за исключеніемъ тѣхъ, у кого есть дѣло въ канцелярію. Такъ какъ я потеряла свой видъ на жительство, то нужно было спросить совѣта Скрибы—въ какомъ участкѣ записана я, чтобы заявить о потерѣ. Въ канцеляріи уже были директоръ и другіе, но едва я успѣла получить отвѣтъ Скрибы—директоръ попросилъ меня ему не мѣшать, такъ какъ онъ занятъ. Интернаты были тоже разобщены съ курсами и швейцарамъ отданъ приказъ никого не пускать постороннихъ. Мнѣ нужно было повидать С., и я, забравъ швейцара, явилась къ инспектрисѣ возмущаться этою мѣрой. Само собой разумѣется, она согласилась со мной и разрѣшила войти къ С., оправдывалась своею подчиненностью... ссылаясь на уставъ. Я никогда не видывала этого устава, и прочитала съ любопытствомъ 2 § — дѣйствительно, она была права, такъ какъ болѣе ясныхъ правилъ, строго разграничивающихъ предѣлы власти на-

чальства, такъ и не было выработано, несмотря на обѣщаніе въ уставѣ. Въ прихожей же интерната всѣ письма были вынуты изъ клѣтокъ и положены на стулъ, а стулъ поставленъ между дверями, такъ что первыя были отворены, а у вторыхъ стоялъ швейцаръ съ ключемъ.

Курсы не открылись и въ два часа: почему-то разнесся слухъ, что къ этому времени кончится совѣтъ министровъ по поводу нашихъ курсовъ. Насколько все это правда—судить трудно. Мы потолкались на улицѣ и разошлись. Въ студенческой столовой кипѣла работа... Охъ, что-то будетъ?!

24 марта.

Съ утра пошла въ интернатъ, а оттуда, конечно, на курсы Было пусто. Временное правленіе уже не засѣдало. Только въ канцеляріи шла усиленная работа, да служитель таинственно тащилъ въ инспекторскую цѣлый ворохъ мелкихъ бумажекъ... Нѣсколько интернатокъ и я, черезъ интернатъ тоже, ходили по коридорамъ... Въ инспекторской засѣдали 4 инспектрисы и всѣ писали, директоръ бродилъ по лѣстницамъ и залѣ. Наконецъ, къ 12 часамъ вынесли изъ канцеляріи доску съ спискомъ: исключено 15 человѣкъ, уволено на 2 года 46, на годъ—88 и до осени—51, итого—200 человѣкъ. Я поскорѣе списала весь списокъ и передала его на улицу, гдѣ толпились курсистки, которыхъ не пускали на курсы. Списокъ исчезъ моментально среди десятка протянутыхъ рукъ. Побѣжала за другимъ.

Такъ протянулось время до 2 часовъ. Потомъ пошла въ столовую, тамъ уже ходили списки исключенныхъ курсистокъ и производили впечатлѣніе. Въ бюллетеняхъ перечисляются всѣ высшія учебныя заведенія, въ которыхъ идетъ движеніе...

25 марта.

Тѣ же небольшія группы около курсовъ. Грустно какъ-то. Я еще съ воскресенья отложила объ экзаменахъ „всякое попеченіе“, и теперь рѣшила только „слѣдить“ за всѣмъ. Въ столовой попрежнему оживленіе необыкновенное, извѣстій масса, теперь образовалось нѣчто въ родѣ журнала... Между прочимъ, Женскій медицинскій институтъ отличился курьезной сходкой: по поводу

пропажи коллекцій профессора Заболотнаго; быть можетъ, на самомъ дѣлѣ это и очень необходимо, но среди всѣхъ извѣстій эти короткія строки возбуждаютъ улыбку.

Я снялась у Мрозовской съ распущенными волосами, не то мадонной, не то кающейся грѣшницей—съ виду, но въ сущности это и есть мой первый, вполнѣ удачный портретъ: онъ выражаетъ мою духовную сущность, мое „я"... Такъ какъ никто изъ моихъ знакомыхъ хорошо меня не знаетъ, или не понимаетъ, то поэтому всѣ и удивляются этой карточкѣ...

Вечеромъ я была у Ч. Старшій братъ даже разсердился: — „Ахъ, какая вы, Е. А.! на этой карточкѣ вы совсѣмъ не та, идеализированная какая-то..."—„Ахъ, дайте еще разъ посмотрѣть на это лицо! только женщины могутъ быть такъ лживы! Нѣтъ, какова!..."—и въ то же время онъ глазъ не могъ оторвать отъ карточки. Потомъ, за чаемъ, вдвоемъ мы имѣли любопытный разговоръ: онъ пустился въ объясненія того, какъ онъ меня „понимаетъ".—„Вы—типъ любопытный. Смѣсь буржуазіи съ интеллигенціей... да, въ васъ именно и есть эта смѣсь. Воспитанная въ чисто буржуазной средѣ, вы попали въ студенческую, интеллигентную и, конечно, воспріяли многія ея воззрѣнія. Вотъ и получилась смѣсь..." Онъ долго еще говорилъ на эту тему.

Я молчала. Да, смѣсь! и какое-то горькое чувство поднималось въ груди... и казалось мнѣ, что я такая ничтожность, ничего не сумѣю, ничего не сдѣлаю въ жизни...

26 марта.

На курсахъ день перваго оффиціальнаго экзамена: на первомъ курсѣ психологія. Главный входъ былъ закрытъ во избѣжаніе обструкціи на улицѣ что-ли, не знаю; но экзаменующихся пускали лишь черезъ главный интернатъ... Обструкціонистки-первокурсницы, около 17 человѣкъ запаслись входными билетами и явились вмѣстѣ съ экзаменующимися на курсы. Когда я утромъ пришла въ интернатъ, то увидѣла такую сцену: онѣ, человѣкъ въ 10, стояли въ телефонной около двери и никого не пропускали на курсы. А наверху, на курсахъ, мнѣ разсказывали потомъ сами, дѣло было такъ. Съ входными билетами ихъ пропустили въ аудиторію, гдѣ шелъ экзаменъ по психологіи; давъ отвѣтить одной, эта группа заявила профессору, что пришла мѣшать экзамену и проситъ его прекратить. Профессоръ разозлился и сказалъ, что

экзаменовать—будетъ, погрозивъ сообщить директору. Отвѣтили еще двѣ. Тѣ продолжали выражать свое порицаніе. Вошелъ директоръ и объявилъ, что онѣ уже болѣе не курсистки и велѣлъ возвратить билеты, что онѣ и исполнили. Экзаменъ былъ прерванъ; потомъ опять возобновился. Въ это время другая группа, человѣкъ 7, добилась своего: другой профессоръ прекратилъ экзаменъ. Двѣ слушательницы третьяго курса пробовали было просить ихъ *пустить экзаменоваться* по-латыни. Вотъ смѣхъ-то! Какъ будто бы эта раздраженная группа могла исполнить такую просьбу! Эхъ, люди!

Все это мнѣ разсказывала сама бывшая въ числѣ участницъ противъ перваго профессора. Исключенныхъ навсегда 19 человѣкъ, на одинъ годъ 6 человѣкъ; въ числѣ исключенныхъ находилась и наша ярославка—Д...

Въ 2 часа по обыкновенію пошла въ студенческую столовую. Настроеніе общее сильное, увѣренное... „до послѣдняго вздоха борьба!“—такъ и звучитъ въ этихъ голосахъ юныхъ и возбужденныхъ. Изъ N получена телеграмма такого содержанія: „Выслано (столько-то) бочекъ. Складъ открываетъ союзъ. Настроеніе твердое“. Такъ иносказательно извѣщаютъ объ исключеніи товарищей. Интересно постановленіе делегатскаго собранія: всѣ высказались за то, что экзамены въ настоящее время *невозможны*, за исключеніемъ универсантовъ - обструкціонистовъ, которые сочли возможнымъ отвѣтить: „да“.

27 марта.

За попытку произвести обструкцію на экзаменѣ исключено еще шесть человѣкъ. На курсы, равно какъ и въ интернатъ, безъ билетовъ никого не пускаютъ, народу мало; около ста уходитъ съ курсовъ добровольно, беретъ свои прошенія, не желая оставаться на курсахъ „при такихъ условіяхъ“—какъ будто „эти условія“ не продиктованы поведеніемъ той же партіи 300. Я отказываюсь отъ экзаменовъ на такихъ основаніяхъ: 1) мнѣ тяжело кончать курсъ среди полнаго разгрома, 2) я считаю себя не вправѣ нравственно получить дипломъ, послѣ того, какъ я не занимаюсь два мѣсяца и наскоро выучивать лекціи къ экзаменамъ. Но директоръ пока не позволяетъ откладывать до осени. Лучше бы ужъ закрыли всѣ высшія учебныя заведенія до осени — повторю я: утихли бы всѣ волненія и прекратились бы всѣ безпорядки. Теперь же, дѣйстви-

тельно, существованіе курсовъ подверглось въ одно засѣданіе министровъ опасности, но г-да студенты храбро заявляютъ, что „есть благо выше науки“... о, да! милые товарищи, но женщинѣ для того, чтобы додуматься до этихъ благъ—все же нужно образованіе.

... Изъ N извѣстіе лаконическое: всѣ, за исключеніемъ IV курса юристовъ, рѣшили: въ институтъ не ходить, экзаменовъ не держать, зачетовъ не получать, и выразить солидарность прочимъ университетамъ. Въ NN до сихъ поръ еще не возвращены 31 студентъ.

28 марта.

Наши экзамены называютъ „позорнымъ событіемъ“. Вотъ наивность. Неужели же студенты не знаютъ, что у насъ забастовку постановили 300 противъ 600? Просто поразительно. Этакъ можно, драпируясь въ геройскую тогу, сказать и сдѣлать все, что угодно. Студенты напечатали стихотвореніе исключеннымъ курсисткамъ и озаглавили: „Студенткамъ“, подпись—„товарищи“.

3 апрѣля.

Была на вечерѣ въ Маріинскомъ театрѣ въ память Пушкина, устроенномъ Союзомъ писателей. Программа была обширна, такъ что вечеръ затянулся до 1 часа ночи. Вначалѣ артистъ Писаревъ прочелъ извѣстное стихотвореніе Полонскаго; затѣмъ были прекрасно поставлены: „Пиръ во время чумы“ и „Цыгане“,—послѣднее особенно хорошо, но обѣ пьесы производятъ болѣе сильное впечатлѣніе въ чтеніи, нежели на сценѣ. Впрочемъ, „Пиръ во время чумы“ еще ничего; но въ „Цыганахъ“ особенно рѣзко бросается въ глаза намъ, воспитаннымъ на реальныхъ драмахъ, приподнятость тона, незамѣтная при чтеніи и страшно замѣтная на сценѣ. Напр., когда старикъ послѣ убійства дочери говоритъ Алеко: „Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ“... со сцены это звучитъ почти фальшиво, такъ какъ невольно ожидаешь, что старикъ, пораженный горемъ, бросится къ трупу дочери. Да и актеры провели эту сцену довольно холодно. Апоѳеозъ вышелъ, по моему, неудачно. Бѣлая гипсовая копія съ памятника Пушкина въ Москвѣ не настолько велика, чтобы производитъ впечатлѣніе; ее поста-

вили въ глубинѣ сцены, среди зелени, довольно низко, и Муза— женская фигура въ бѣломъ, съ распущенными волосами — протягивала къ ней лавровый вѣнокъ. По программѣ значилось, что памятникъ будутъ окружать литераторы, они встали на почтительномъ разстояніи отъ памятника, на заднемъ планѣ, по обѣ стороны; хоры любителей тоже размѣстились по сторонамъ сцены. Три женскихъ фигуры въ бѣлыхъ модныхъ платьяхъ — при вторичномъ поднятіи занавѣса — скромно усѣлись на ступенькахъ у подножія памятника, держа лавровый вѣнокъ. Во всемъ этомъ— ни складу, ни красоты. Зато, въ глубинѣ сцены, по обѣимъ сторонамъ памятника блистали двѣ картины, мастерски поставленныя К. Е. Маковскимъ: „Убіеніе дѣтей Бориса Годунова“ и „Русалки“, послѣдняя особенно была хороша.

Мы сидѣли въ ложѣ большой компаніей, для меня представлявшей мало интереса. Хотѣлось бы на мѣстѣ этихъ курсистокъ видѣть другихъ людей, болѣе умныхъ, болѣе оригинальныхъ,—но видно нельзя требовать отъ жизни болѣе того, что она можетъ дать... Профессоръ Ш. пришелъ въ одинъ изъ антрактовъ въ нашу ложу и приглашалъ всѣхъ къ себѣ на второй день Пасхи. Я думаю, что навѣрно уѣду къ тому времени въ голодающія губерніи.

4 апрѣля.

Дни бѣгутъ и бѣгутъ... Волна жизни захватываетъ такъ, что нѣтъ ни времени, ни возможности писать дневникъ. Масса интереснаго, чувствуешь, что необходимо, нужно записать и... все-таки не пишешь, некогда, забываешь даже.

Утромъ 31 марта иду на курсы; передъ входомъ толпа. Думаю: гдѣ интереснѣе?—Здѣсь или около университета?—Рѣшила сначала захватить что далеко, и пошла къ университету. Тамъ масса полиціи, масса студентовъ около дверей университета и на тротуарѣ. Я шла по набережной и остановилась противъ главнаго входа.— „Барышня, проходите“, сказалъ городовой. Я не сочла нужнымъ подымать исторію и прошла мимо. Очевидно, было еще рано. Пошла домой. Навстрѣчу мнѣ, по 10 линіи, шли курсистки и сообщили, что группа собралась у дверей, съ цѣлью уговаривать шедшихъ на экзаменъ не экзаменоваться и не пускали тѣхъ, кто все-таки хотѣлъ итти; часть приходившихъ имъ удалось отговорить, а 16 человѣкъ прошли съ помощью швейцара. Была вызвана

полиція. Только что говорившая успѣла окончить этотъ разсказъ, какъ около курсовъ явились околоточные и съ ними городовые. Часть ушедшихъ вернулась опять, такъ какъ сказали, что будутъ переписывать. Перепись эта кончилась что-то очень скоро и толпа разошлась.

Я видѣла Надю Б., усердно отговаривающею какую-то молоденькую первокурсницу, шедшую на экзаменъ; глупенькая дѣвочка поблѣднѣла, и у ней были слезы на глазахъ. Я сказала Надѣ, что нельзя такъ насиловать. — „Да какое же тутъ насиліе? — воскликнула она,—мы ее только отговариваемъ!“ — Десять человѣкъ столпилось надъ глупой дѣвочкой и кричали ей въ уши; та дрожала и плакала.—Это-ли не насиліе! По-моему—не слѣдуетъ вовсе удерживать желающихъ экзаменоваться.

По обыкновенію отъ 2 до 4 пробыла въ студенческой. Но въ это время произошло событіе: 489 студентовъ были загнаны въ манежъ. Очевидно, полиціи надоѣло бездѣйствовать. Когда, послѣ обѣда, я и Саша П. пошли къ университету — манежъ представлялъ очень интересное зрѣлище. Въ окнахъ и амбразурахъ стояли группы студентовъ; фигуры въ пальто на распашку картинно выдѣлялись на мрачномъ фонѣ оконъ, и еще болѣе красиво на свѣтлыхъ стѣнахъ манежа въ амбразурахъ. Полиція стояла кругомъ; на противоположномъ тротуарѣ—нѣсколько околоточныхъ. Между манежемъ и университетомъ вдоль тротуара толпилась публика. Мы прошли мимо — разъ, два; наконецъ стали думать, что-бы имъ передать. Я хотѣла было цвѣты, но Саша болѣе практичная, рѣшила купить яблокъ. Купили. Какъ передать? Полиція никого не пропускала. Вдругъ мы увидали студентовъ, убѣгающихъ изъ-за угла манежа.—Передайте яблоки!—„Съ удовольствіемъ! мы сейчасъ туда сами папиросы передали!“... И яблоки мгновенно были ловко брошены въ окно и студенты бѣгомъ бросились удирать отъ полиціи. Мы ободрились и рѣшили купить булокъ; по дорогѣ въ булочную мы встрѣтили нѣсколько студентовъ, нагруженныхъ свертками: очевидно попытки къ передачѣ удались, и мы имъ отдали булки. На обратномъ пути встрѣтили С. съ двумя лѣсниками, изъ которыхъ одинъ мнѣ знакомъ. Они тоже захотѣли передать булки. Къ счастью, далеко не пришлось итти—попался по дорогѣ булочникъ, и у него мы живо расхватали хлѣбъ; нашъ примѣръ подѣйствовалъ на публику и студентовъ, и тѣ подошли къ намъ. Но въ это время отрядъ городовыхъ въ два ряда загородилъ улицу между Академіей Наукъ и манежемъ. Приходилось

проходить сквозь городовыхъ; стоявшіе около манежа не пропускали. Тогда студенты стали пробѣгать въ противоположномъ концѣ шеренги и, пробравшись къ манежу, бросать имъ въ окна свертки съ хлѣбомъ. Мы опять пошли за хлѣбомъ. Какой-то булочникъ уже стоялъ во дворѣ манежа, мы бросились къ нему, и студенты тоже; мы совали булочнику деньги въ руки, сами забирая у него изъ корзинки хлѣбъ; студенты подставляли намъ полы своихъ шинелей и мы складывали туда булки; а потомъ они понесли ихъ къ манежу. Ближайшіе городовые, наконецъ, смягчились: одинъ изъ нихъ сталъ принимать въ свою шинель хлѣбъ и уносилъ его къ окнамъ манежа.

Не могу не отмѣтить отраднаго факта, что въ данномъ случаѣ студенты охотно помогали намъ... на мгновеніе мы соединились въ общемъ братскомъ чувствѣ помощи, и холодныя петербургскія улицы и публика увидала живое дѣло, невиданнное, быть можетъ, давно.

Разсказывали, что среди публики, стоявшей кучкой передъ шеренгой городовыхъ, нашлась одна француженка, которая на обычное: „проходите“ отвѣчала ломаннымъ русскимъ языкомъ: —„о нѣтъ, это очень интересно! кормленіе звѣрей!“ Но „звѣрей“-то было много — 400 слишкомъ, и мы сами видѣли, что надо бы побольше имъ послать.

Въ 7-мъ часу мы пошли домой, но курсистки, проѣзжавшія мимо университета въ 11-мъ часу,—еще слышали пѣніе оттуда.

На другой день у дверей курсовъ опять толкались околоточные... но группы уже не было.

8 апрѣля.

Движеніе продолжается...

У насъ, изъ всѣхъ оставшихся 240 человѣкъ около 200 не держатъ вовсе экзаменовъ. Я 19 марта еще занималась, но на другой же день закрыла книги — не такое время настало, чтобы держать экзамены. Мы два мѣсяца не занимались, и неужели же будемъ такъ нечестны, что, не зная курса, будемъ сдавать экзамены ради правила.

. . . . . .

Недѣлю тому назадъ появилось въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ длинное сообщеніе, подробно излагавшее событія... и сегодня въ 5 часовъ закрыли студенческую столовую. Но студенты не глупы: на бумажкѣ, приклеенной къ двери столовой, написали

карандашомъ: рекомендуемъ столовую... такую-то, и она была переполнена народомъ.

9 апрѣля.

Два дня назадъ я подала въ нашу канцелярію заявленіе объ отложеніи экзаменовъ, ясное, короткое, безъ всякихъ „причинъ". Вчера былъ совѣтъ математиковъ, который разсматривалъ каждое прошеніе отдѣльно, и тѣ, при которыхъ не было приложено медицинскихъ свидѣтельствъ, оставили безъ вниманія, какъ не „мотивированныя"; слѣдовательно — на второй годъ... Сегодня утромъ прихсдитъ ко мнѣ Х. и разсказываетъ... Я вспылила: а, такъ имъ надо и мотивировку?!—ладно, я имъ ее дамъ! Сейчасъ въ канцелярію, беру обратно, вмѣсто него пишу „мотивированное", ссылаясь на участіе въ студенческомъ движеніи и сходкахъ, что мѣшало мнѣ готовиться къ занятіямъ а слѣдовательно—держать выпускные экзамены и получать дипломъ считаю нечестнымъ послѣ 2 хъ мѣсячнаго перерыва въ занятіяхъ. Откровенно до-нельзя, смѣло—очень, и поэтому понравилось всѣмъ, но Скриба, нашъ милый, всевѣдущій Скриба, ахнулъ:—„Да это вы на себя доносъ написали?!"— Я смѣялась... знаю, что много впереди предстоитъ и условностей и формальностей,—такъ неужели же нельзя разъ въ жизни, среди цвѣта интеллигенціи (позволяю такъ выразиться о профессорахъ), нельзя сказать живое слово правды? неужели же эти ученые мужи такъ поглощены канцелярщиной, что имъ выше всего условность: медицинскихъ свидѣтельствъ такая масса, что просто смѣхъ, — вѣдь каждый профессоръ знаетъ настоящую причину уклоненія отъ экзамена.

10 апрѣля.

Уже четвертый день у меня болитъ нога, и вотъ до сихъ поръ я вожусь съ ней. Опять повторяется та же исторія, что и въ прошломъ году. Теперь лежу въ интернатѣ, надѣясь хоть этимъ какъ-нибудь не дать расшириться ранкѣ. Посылаютъ на Кавказъ, на сѣрныя ванны въ Пятигорскъ. Ахъ, какъ я не люблю эти курорты! Неужели же мнѣ придется извѣдать ихъ прелесть?—никогда не думала.

Вчера вечеромъ я съ О. Ю. Ка—нской была у проф. В., который предложилъ мнѣ медицинское свидѣтельство, но я ска-

зала, что нарочно подала такое прошеніе, такъ какъ мое рѣшеніе было принято ранѣе, нежели заболѣла нога.

12 апрѣля.

Сегодня я все-таки встала и поѣхала въ редакцію „Русскаго Богатства“ — раньше никакъ не могла застать Короленку. Онъ попрежнему любезно меня принялъ, но относительно моей просьбы сказалъ, что затрудняется ее исполнить: —„Не могу сейчасъ ничего вамъ сказать... всего вѣрнѣе это вы сами узнаете по нѣсколькимъ удачамъ, или неудачамъ“. Онъ посовѣтовалъ мнѣ направить одинъ изъ разсказовъ въ „Журналъ для всѣхъ“, сказавъ, что въ такомъ журналѣ, какъ „Р. Б.“, онъ не пригоденъ, вслѣдствіе своего малаго объема. И даже предложилъ самъ передать разсказъ, на что я охотно согласилась, такъ какъ прихожу въ ужасъ при мысли о бѣготнѣ по редакціямъ. Короленко сказалъ, что по мысли — оба разсказа хороши и написаны вполнѣ литературно; но, очевидно, онъ отозвался такъ потому, что не хотѣлъ огорчить меня. А мнѣ, по правдѣ сказать, хотѣлось главнымъ образомъ одного: чтобы онъ сказалъ мнѣ—„бросьте“, и прибавилъ бы нѣсколько такихъ пояснительныхъ фразъ, при одномъ воспоминаніи о которыхъ перо выпадало бы у меня изъ рукъ, а съ нимъ вмѣстѣ пропадала бы и охота писать. Должно быть, я такая ужъ несчастная, что даже въ этой просьбѣ—и то неудача *).

18 апрѣля.

Терпѣливо лежу... Хорошо, что не дома провожу эти дни.

Вчера я заснула въ 11 часовъ... Старыя воспоминанія—о былыхъ встрѣчахъ этого праздника, о той торжественности и таинственности, которою окружена была заутреня для меня въ дѣтствѣ, о томъ умиленіи и восторгѣ, которые охватывали душу въ эти минуты—не встаютъ передо мною, такъ какъ я тщательно избѣгаю ихъ. Оттого ли, что мнѣ отъ этого больно?

Въ головѣ у меня вертится планъ ироническаго письма, въ въ родѣ „Lettres Persiennes“—Montesquieux.

. . . . . .

*) Одинъ изъ разсказовъ впослѣдствіи былъ напечатанъ; см. „Журналъ для всѣхъ“, іюль 1900 г.: „Отчего?“ эскизъ Е. Нерехтской.

Ярославль, 2 мая.

Скриба пишетъ мнѣ, что совѣтъ профессоровъ историческаго отдѣленія состоится 4-го мая. Я была весь день въ нервномъ настроеніи... А если... оставятъ на второй годъ?—мнѣ это вовсе нежелательно. Справиться у Скрибы—некогда, какъ только заживетъ нога, уѣду на голодъ.

„Бываютъ дни, когда душа пуста". Вотъ такое то время, кажется иногда, и у меня теперь: послѣ всѣхъ этихъ волненій, забастовокъ, особенно во время пребыванія въ ненавистныхъ мнѣ стѣнахъ нашей квартиры—я чувствую тоску и именно пустоту души. Хотѣлось бы видѣть около себя всѣхъ сестеръ, братьевъ, но безъ того ядовитаго раздора, который сѣетъ наша мать, хотѣлось бы, какъ страннику, прійти отдохнуть въ семьѣ, мирной, дружной; семьи этой нѣтъ—и вотъ я снова беру свои пожитки, и снова въ дорогу... И чѣмъ дальше отъ Ярославля—тѣмъ легче на душѣ. Да, сильно пострадали мои нервы за эти 4 тяжкіе года! Не возвращаться бы туда подольше...

Что-то будетъ?

По Волгѣ, по дорогѣ въ Казань, 8 мая.

Съ ранней весны я съ тревогой слѣдила за извѣстіями изъ голодающихъ губерній. Надвигавшаяся гроза студенческаго движенія на время отвлекла вниманіе отъ газетъ, но послѣ 6 марта, когда вновь начались лекціи, я снова стала усердно посѣщать читальню, за недостаткомъ помѣщенія, переведенную въ верхній залъ интерната. Въ тѣ дни я читала въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" перепечатанную изъ газеты „Курьеръ" телеграмму князя Шаховскаго изъ Уфимской губерніи о скорѣйшемъ выѣздѣ на помощь голодающимъ, и тотчасъ же, узнавъ въ редакціи адресъ газеты „Курьеръ", послала туда письмо съ просьбою указать—куда ѣхать и къ кому обращаться за указаніями по пріѣздѣ на мѣсто; когда же былъ полученъ отвѣтъ изъ Москвы—письмо потонуло въ разгарѣ исторіи чуть не въ буквальномъ смыслѣ слова: въ этотъ день былъ запертъ главный подъѣздъ (опасались натиска обструкціонистокъ съ улицы), и вся корреспонденція брошена на столъ въ коридорѣ передъ столовой, зава-

ленный жакетками и шляпами. Съ трудомъ найдя конвертъ среди платья, я прочла отвѣтъ—по пріѣздѣ въ Бугульму обратиться къ доктору Андрееву,—который уже не произвелъ на меня такого впечатлѣнія, какъ чтеніе телеграммы. Разразившаяся буря подхватила меня въ свой водоворотъ, и среди бѣготни на курсы, въ студенческую столовую за извѣстіями, къ знакомымъ со сборами денегъ на пострадавшихъ, среди этой лихорадочной дѣятельности—только изрѣдка вспоминала я телеграмму: „торопите отъѣздомъ... маршрутъ на г. Бугульму удобенъ“... Сердце готово было разорваться отъ двойственнаго сознанія: какъ часть русскаго народа, я должна была итти на помощь мужику; какъ часть студенчества, какъ человѣкъ, имѣющій свои опредѣленныя убѣжденія и признающій товарищество—не могла не принимать участія въ исторіи, не могла не слѣдить за судьбою товарищей, не могла рѣшиться уѣхать въ тотъ моментъ, когда... поднятъ былъ вопросъ о закрытіи курсовъ на три года. Я осталась въ Петербургѣ, но въ первыхъ числахъ апрѣля положеніе дѣлъ достаточно выяснилось, вывѣшено было объявленіе, что прошенія объ отложеніи экзаменовъ на осень должны быть поданы въ совѣтъ профессоровъ; теперь можно было уѣхать, но злая судьба и тутъ мнѣ поставила препятствіе, уложивъ на цѣлый мѣсяцъ въ постель. Теперь, какъ только оправилась, —я рѣшила воспользоваться тремя недѣлями, бывшими въ моемъ распоряженіи до отъѣзда на Кавказъ для лѣченія. Надо было торопиться, времени было такъ мало, и я выбрала Казанскую губернію, какъ ближайшую... Вмѣсто писемъ, которыхъ я не взяла изъ Питера, указаніями для меня будутъ №№ газетъ, гдѣ печатались письма о посылкѣ пожертвованій Купріяновой и Останкову, предсѣдателю губернской земской управы.

Съ такими свѣдѣніями выѣхала я въ Казань.

Казань, 9 мая.

Въ Адмиралтейской слободѣ я уже не застала Купріяновой, уѣхавшей въ Тетюшскій уѣздъ, не застала дома и Останкова. Въ отчаяніи отъ неудачи иду обѣдать въ Волжско-Камскую гостиницу, читаю „Новое Время“, и изъ него узнаю, что проф. Высоцкій тоже организуетъ помощь голодающимъ; не сообразивъ того, что, быть можетъ, онъ, какъ лицо оффиціальное, состоитъ

въ Красномъ Крестѣ...—я отправилась тотчасъ же къ нему, чтобы получить свѣдѣнія о частныхъ организаціяхъ помощи голодающимъ. Онъ спалъ, пришлось снова зайти черезъ часъ.

Въ небольшой комнатѣ стоялъ высокій господинъ въ мундирѣ министерства народнаго просвѣщенія, съ сердитымъ лицомъ. Не подавая руки, онъ привѣтствовалъ меня лаконически:—„Что вамъ угодно?“ Я отвѣтила, что желаю работать въ голодныхъ мѣстностяхъ.—„Видите ли я представитель Краснаго Креста; я предсѣдатель медицинской комиссіи; быть можетъ, вы обратились ко мнѣ, думая, что я устраиваю частную помощь“. — Вотъ тебѣ и разъ! подумала я, но, вспомнивъ, что времени у меня мало, а К. и О. дома не застала,—сказала, что мнѣ все равно, гдѣ бы ни работать — въ Красномъ ли Крестѣ, или частной организаціи, такъ какъ времени у меня немного, 3 недѣли.—„Три недѣли?! въ такомъ случаѣ совершенно не стоитъ и ѣхать!“ авторитетно воскликнулъ проф. Высоцкій.—„Помилуйте, вы откроете столовую и вдругъ уѣдете! Да вы знаете ли, какъ у насъ работаютъ?! оттуда пріѣзжаютъ вѣдь, какъ тѣни; вы что думаете—это не шутка работать въ голодныхъ мѣстностяхъ!“ горячился онъ. Недоумѣвая о причинѣ такой рѣзкости, я объяснила ему, что не поѣхала раньше по болѣзни. — „Въ такомъ случаѣ вамъ и вовсе не слѣдуетъ сюда ѣхать, я, какъ врачъ, совѣтую ѣхать вамъ спокойно въ Пятигорскъ“... нахмурившись объявилъ профессоръ. Я вѣжливо замѣтила, что мое рѣшеніе неизмѣнно, и врачей не всегда можно слушать. Я второй годъ хочу сдѣлать хоть что-нибудь для голодающихъ; въ прошломъ году не удалось, нынче — опять неудача, неужели я такая парія судьбы, что она не дастъ мнѣ удовлетворенія законнѣйшаго изъ желаній? Относительно же того, что на три недѣли не стоитъ ѣхать, я указала на газетныя корреспонденціи, гдѣ сообщали, что многія ѣздили на мѣсяцъ...—„Да вѣдь есть такія любительницы, которыя сюда ѣдутъ, воображая, что это такъ легко работать,—ѣдутъ не надолго; нѣтъ, намъ такихъ любительницъ не надо“, — уже совсѣмъ разсердился профессоръ, принявъ меня, должно быть, за одну изъ такихъ „любительницъ“ модныхъ поѣздокъ.—„Впрочемъ—онъ вдругъ смягчился—если вы такъ хотите, я могу васъ послать не въ качествѣ самостоятельнаго лица, а въ качествѣ помощницы: ко мнѣ завтра пріѣдетъ одна медичка, человѣкъ опытный, работавшій уже и ранѣе на голодѣ, я переговорю съ ней—вы можете ѣхать, какъ помощница“.— О, конечно, съ радостью согласилась я. Мнѣ было рѣшительно

все равно, ѣхать въ качествѣ прислуги, лишь бы ѣхать скорѣе, и я только спросила, когда онъ мнѣ сообщитъ отвѣтъ.—„Приходите ко мнѣ въ канцелярію завтра въ 10 час. утра. Не можете? Ну тогда я телефонирую вамъ въ гостиницу часовъ въ 12 или 12½. А если вы хотите работать въ частной организаціи, то обратитесь къ редактору „Казанскаго Телеграфа“ Ильяшевичу, у него всѣ свѣдѣнія“.

Я откланялась и вышла съ облегченіемъ. Нельзя сказать, чтобы это свиданіе произвело благопріятное впечатлѣніе.

10 мая.

Не получивъ до часу никакого увѣдомленія, я отправилась въ редакцію „Казанскаго Телеграфа“. Долго искала я вывѣски—Казанскій Вѣстникъ, а Телеграфа—нѣтъ. Гдѣ же онъ? въ отчаяніи спрашиваю городового.—„А вонъ тамъ, вывѣска-то старая!“ Вошла въ крошечную, низкую комнату, дрянную, но съ телефономъ; за столомъ сидѣло нѣсколько человѣкъ, фигура редактора выдѣлялась среди нихъ. Онъ любезно сообщилъ, что въ настоящее время дѣло частной организаціи помощи голодающимъ сосредоточено у Петра Матвѣевича Останкова. Наученная опытомъ, я предварительно сообщила ему, что дольше трехъ недѣль работать не могу...—„Вполнѣ достаточно“, успокоительно сказалъ онъ и сталъ телефонировать въ земскую управу; ему отвѣтили, что О—въ тамъ.—„Вы поѣзжайте прямо туда“, посовѣтовалъ Ильяшевичъ.

Нѣсколько ободренная явилась я въ городскую управу. Шло засѣданіе; земцы горячились, говорили, разумѣется, о деньгахъ, и, конечно, на кого-то негодовали, говорили, что писали шесть разъ о 40 тысячахъ и напрасно, а Курбатовы счета шлютъ, требуютъ... словомъ, засѣданіе было въ разгарѣ, и я слушала его, стоя въ ожиданіи у конторки. Предсѣдатель, очень симпатичный, пожилой господинъ, подошелъ ко мнѣ, узналъ о цѣли пріѣзда и тотчасъ же далъ письмо къ своей женѣ, которая тоже принимала дѣятельное участіе въ работѣ для голодающихъ.

Черезъ ½ часа я уже сидѣла въ гостиной г-жи Останковой. Эта дама безъ лишнихъ словъ объявила мнѣ, что они ѣдутъ сегодня къ себѣ въ имѣніе и отвезутъ меня на своихъ лошадяхъ вмѣстѣ съ Ж., молоденькой, очень славной курсисткой-педагогичкой изъ Москвы; она ѣхала въ дер. Большія Нырсы, татарскую,

на 2½ мѣс., я же была направлена въ село Б. Меретяки въ помощь батюшкѣ, такъ какъ, въ виду краткости времени, мнѣ одной столовую поручить было неудобно. Мнѣ оставалось только собраться; черезъ два часа мы уже были въ пути.

День былъ жаркій; до Елани—имѣнія гг. Останковыхъ—было около 35 вер. Я съ любопытствомъ смотрѣла на встрѣчныя деревни, и, проѣзжая черезъ одну изъ нихъ, невольно ахнула, увидѣвъ на маленькой избушкѣ надпись: земское училище.—„Еще и хуже бываютъ!“ отозвалась моя спутница, болѣе меня знакомая съ деревней. Невольно защемило сердце при мысли, что еще не то увидишь... И вспомнилась мнѣ видѣнная гдѣ-то на выставкѣ картина, изображающая комнату сельской учительницы: я тогда была на первомъ курсѣ и мечтала стать народной учительницей. Увидѣвъ эту картину, эту бѣдную обстановку—я остановилась, и какой-то смутный страхъ наполнилъ душу... я испугалась предстоящей бѣдности, отреченія отъ того комфорта, къ которому привыкла отъ рожденія. Помню, какъ мнѣ потомъ стало стыдно, и какъ я нарочно долго стояла передъ картиной, чтобы глазъ могъ привыкнуть къ этой обстановкѣ. Такъ и теперь, при замѣчаніи Ж., мнѣ опять стало стыдно. Я перевела разговоръ на педагогическіе курсы въ Москвѣ.

Къ вечеру пріѣхали мы въ Елань. Большой старый барскій домъ былъ оживленъ; часть семьи О—выхъ уже переѣхала туда, и дѣти бѣжали на встрѣчу матери. Усталыя, мы съ удовольствіемъ думали объ отдыхѣ, намъ отвели отдѣльную комнату.

12 мая.

10-го утромъ проснулась я рано. Всѣ спали. Хотѣла выйти въ садъ—двери заперты; недолго думая—въ окно, при чемъ сломала нечаянно одну изъ скамеекъ для цвѣтовъ, проклиная свою несчастную способность вѣчно сдѣлать что-нибудь не такъ. Утро было чудное; садъ, прудъ, поэтическая обстановка, среди которой не вѣрилось даже, что ѣдешь на голодъ.

Мнѣ страшно хотѣлось ѣхать поскорѣе, но выѣхали только во 2-мъ часу дня въ другое имѣніе — Гремячку, куда пріѣхали только къ вечеру; тамъ мы должны были тоже переночевать, и уже оттуда выѣхать въ наши деревни.

Вчера утромъ, передъ отъѣздомъ, въ открытой здѣсь столовой мы попробовали кушанье, и оно показалось намъ очень

вкуснымъ: пшено, капуста, съ приправою изъ масла, луку, перцу и лавроваго листа.

Пока мы разсуждали о предстоящей работѣ, пришли сказать, что двѣ бабы изъ с. Большіе Меретяки просятъ милостыни.— „Вотъ оно, начинается!“ подумала я, и пошла въ сѣни. Двѣ бабы бросились въ ноги. Ошеломленная неожиданностью, я стала ихъ поднимать. Бабы говорили плачущими голосами, перебивая одна другую. Я могла разобрать только, что у одной 6, а у другой 7 человѣкъ дѣтей, что онѣ голодаютъ, что въ столовой не всѣ записаны...

Мы дали бабамъ по двугривенному. Пора было ѣхать. Пріѣхалъ управляющій имѣніями О—выхъ—П—ковъ, который и долженъ былъ отвести насъ на мѣсто; помѣщица снабдила насъ рекомендательными письмами къ священнику и къ студенту, командированному Краснымъ Крестомъ, въ участкѣ котораго находились наши деревни.

Намъ оставалось какихъ-нибудь верстъ 15. По дорогѣ мы останавливались въ деревнѣ Шебулатово (русская), управляющій хотѣлъ показать намъ столовую,—раздача еще не начиналась, но приварокъ былъ готовъ. Онъ оказался совсѣмъ прѣснымъ. Хозяинъ отговаривался тѣмъ, что забылъ послать за солью; П—ковъ сдѣлалъ ему замѣчаніе, велѣлъ послать за солью; сѣли и поѣхали дальше. Въ Шамкахъ столовая Краснаго Креста, ею завѣдывала монахиня. Гдѣ смѣхъ, а гдѣ горе. Бѣдная „шамковская матушка“ очутилась по-истинѣ въ безотрадномъ положеніи: въ татарской деревнѣ, у муллы! Сначала она проливала горькія слезы, потомъ привыкла. Г. П—ковъ спросилъ о ней у муллы:— „а что матушка дѣлаетъ?“—„Да ничво; сначала плакалъ, теперь смѣялся“. Мулла и не подозрѣвалъ всего остроумія своего отвѣта.

Мнѣ вспомнилось, съ какимъ самодовольнымъ видомъ развертывалъ проф. Высоцкій отчетъ Краснаго Креста. Здоровый народъ кормится въ такихъ столовыхъ: на 20 человѣкъ 1 фунтъ пшена (позже, въ день нашего пріѣзда, прибавили по фунту капусты) и только. Мы попробовали жиденькій приварокъ и вздохнули. Командировано 50 монахинь... 50 монахинь! Какъ это звучно. А какъ онѣ ѣхали, сколько слезъ пролили, хороши ли были эти подневольныя работницы—отчетъ умалчиваетъ... Съ самаго начала работа не внушала къ себѣ довѣрія.

Село Большія Меретяки только въ 2 верстахъ отъ Шамковъ; мы поѣхали прямо въ деревню Большія Нырсы—за 3 вер., чтобы

тамъ оставить Ж. и повидаться съ Ш., завѣдывавшей столовой. Пошелъ дождь; мы сѣли за чай, когда вышла высокая, стройная дѣвушка съ лицомъ простымъ, но симпатичнымъ, въ мокромъ платьѣ,—это и была Ш. Мы поздоровались. Управляющій началъ вести съ нею разные счета и соображенія относительно столовыхъ; я сначала слушала съ интересомъ, наконецъ, и самой захотѣлось поскорѣе на мѣсто... Непривычная азіатская обстановка нѣсколько развлекла вниманіе. Я торопила П—кова ѣхать скорѣе, чего, повидимому, ему не очень хотѣлось.

Днемъ мы пріѣхали и были у батюшки. Я подала ему письмо г. О., познакомилась съ матушкой; подали чай... Батюшка, изъ крещеныхъ татаръ, еще очень молодой, оказался очень любезнымъ и предложилъ мнѣ переночевать у себя. Завѣдываніе столовыми онъ не счелъ удобнымъ для себя сдавать мнѣ, такъ какъ на три недѣли стоитъ ли сдавать, да потомъ опять принимать?— совершенно резонно разсудилъ онъ, предложивъ мнѣ заняться больными.

13 мая.

Нанявъ квартиру у одного изъ „уцѣлѣвшихъ" отъ голодовки мужиковъ, я съ батюшкой утромъ отправилась въ столовую. Она помѣщалась въ избѣ довольно просторной, народъ начиналъ собираться. Поклонившись хозяевамъ, я сѣла на лавку и не безъ внутренняго смущенія осматривала этихъ голодающихъ. Ничего ужаснаго не было. На дѣлѣ оказалось все гораздо проще, нежели представлялось издали, при чтеніи газетныхъ корреспонденцій. Въ углу стоялъ столъ, за которымъ сидѣлъ мужикъ среднихъ лѣтъ съ тетрадкою въ рукахъ и вызывалъ: „Владиміръ Ерофѣевъ, на 3, полтора фунта,—получай!" Другой мужикъ, замѣчательно красивый старикъ, отвѣшивалъ хлѣбъ и выдавалъ. У печки съ двумя котлами пожилая баба, въ красномъ сарафанѣ, степенно разливала ковшами приварокъ. Каждый получившій хлѣбъ подходилъ съ своей кринкой къ бабѣ, и та наливала въ нее порцію на троихъ, на двоихъ, смотря по количеству записанныхъ въ столовую. Остальные, по большей части, ребятишки, нѣсколько бабъ и 2—3 мужика дожидались своей очереди.

Вдругъ одна изъ женщинъ, которой только что выдали обѣдъ, бросилась мнѣ въ ноги: „спасибо, кормите вы насъ!" — потомъ встала и ушла, удовлетворивъ свой порывъ благодарности; а мнѣ

было очень стыдно принимать невольно изъявленія чувствъ, не сдѣлавъ еще ни шагу на помощь крестьянамъ.

Я потихоньку разспрашивала батюшку, кто это читаетъ, какъ устроена столовая и проч. Такъ какъ батюшка самъ лично, разумѣется, не могъ присутствовать при раздачѣ каждый день, то назначали довѣренныхъ изъ крестьянъ; и надо ему отдать справедливость — онъ выбралъ ихъ очень удачно, особенно этотъ мужикъ — былъ грамотный и единственный въ селѣ любитель „почитать“, выписывавшій „Сельскій Вѣстникъ“. Далѣе узнала, что столовая открыта была на 200 человѣкъ (всего надѣловъ въ с. Б. М. 319), впереди предстояло сдѣлать прибавку на 50 человѣкъ, но батюшка, уже давно получивъ увѣдомленіе отъ помѣщиковъ, никакъ не можетъ найти большихъ размѣровъ котелъ. Я, конечно, предложила пойти поискать самой, онъ любезно вызвался сопровождать меня, и мы отправились въ дер. Удѣльные Меретяки, 6½ в. отъ села; тамъ были двѣ столовыхъ—отъ Краснаго Креста на 45 чел. и отъ Останковыхъ на 66—67 чел. (надѣловъ 84, сколько же душъ - точное число батюшка не могъ мнѣ сообщить; отъ Кр. Кр. въ Б. М. столовой не было, но выдавали на 165 чел.).

Уд. Меретяки—маленькая деревенька; пока мы шли туда, раздача уже окончилась. Искали котла, ходили по избамъ, но нигдѣ не было подходящаго. Возвратясь домой, рѣшила продолжать поиски, и послѣ обѣда пошла въ дер. Верхніе Меретяки съ о. діакономъ (тоже изъ крещенцевъ). Это крещено-татарская деревня. Меня уже предупредили раньше, что татары крещеные не признаютъ себя за татаръ, но, не зная русскаго языка, не считаютъ себя русскими, а весьма оригинально—крещенцами.—„Они обидятся, если вы назовете ихъ татарами“,—говорила мнѣ матушка, а я не вѣрила, пока не увидала на дѣлѣ.

Верхніе Меретяки—большая деревня на открытой безлѣсной мѣстности, какъ и первыя двѣ. Рѣчки тоже нѣтъ, но зато много ключей и овраговъ; поэтому здѣсь мѣстность сырая и много хворающъ лихорадкой. Дорогой я разспрашивала о. дьякона о столовой, о крестьянахъ, приходѣ. Здѣсь столовыя помѣщаются въ 6 домахъ — 3 отъ Краснаго Креста и 3 отъ Останковыхъ. Во всѣхъ столовыхъ Останковыхъ кормились 186 чел. (надѣловъ 248) и отъ Краснаго Креста—160 чел.

Такъ какъ теперь было много больныхъ, то мы пошли прямо къ старостѣ, у котораго просили списокъ. Староста, бойкій и по-

движный мужикъ, такъ и разсыпался передъ нами; доставленъ былъ списокъ, мы пошли по избамъ, мнѣ хотѣлось ознакомиться хотя немного съ положеніемъ больныхъ. Не обладая никакими медицинскими знаніями, я, конечно, не могла ничѣмъ помочь, но могла заключить, что цынга должно, быть, здѣсь есть.

Что меня поразило во всѣхъ видѣнныхъ деревняхъ—изобиліе крестовъ на улицахъ и кругомъ деревни. Ставятся кресты такіе, какъ на кладбищахъ, только весьма внушительныхъ размѣровъ, или же похожіе на часовни: на столбахъ иконка, прикрытая крышей и внизу болтается нѣчто въ родѣ „пелены“ изъ полотна или платка. Я спрашивала и батюшку и о. дьякона о причинѣ такого явленія—оба объяснили это религіозностью народа, которая здѣсь, молъ, очень сильна, такъ какъ они окружены иновѣрцами. Точно также меня удивило и то, что всѣ деревни, всѣ села были окружены околицами; читая книжки, я, разумѣется, слыхала о нихъ, но, не видавъ ничего подобнаго въ фабричныхъ деревняхъ Ярославской и Владимірской губерній, думала почему то, что ихъ теперь уже не дѣлаютъ; здѣсь же мнѣ объяснили, что безъ нихъ нельзя—скотина въ поле выходитъ...

Внутренность избъ отличается отъ русскихъ большими нарами, которыя вездѣ занимаютъ половину избы, да большимъ количествомъ подушекъ въ разноцвѣтныхъ наволочкахъ. У женщинъ характерный головной уборъ—нѣчто въ родѣ наушниковъ, унизанныхъ монетами и красный платокъ, завязанный сзади, уши открыты. Платье въ видѣ длинной голубой рубашки домашняго тканья обязательно съ красными ситцевыми оборочками, съ глухимъ воротомъ, а шею плотно охватываетъ коралловое ожерелье съ подвѣсками изъ старинныхъ серебряныхъ рублей, числомъ иногда до 8 штукъ (у бѣдныхъ не менѣе 5); попадаются иногда и очень старинные—временъ Петра II, Екатерининскіе и Елизаветинскіе рубли почти у каждой бабы. Широкіе рукава рубашки засучены по локоть; вмѣсто подвертокъ на ногахъ носятъ толстые шерстяные бѣлые валеные чулки и лапти. Одежда мужчинъ ничѣмъ не отличается отъ русскихъ.—„Нашъ крещтенскій норма (форма) такой“—отвѣчали мужчины, когда я ихъ спрашивала, отчего носятъ эти наушники. Женщины за самыми ничтожными исключеніями вовсе не говорятъ по-русски, объяснялись кое-какъ, но почти постоянно переводчикомъ былъ о. дьяконъ.

17 мая.

Вотъ уже четвертый день, какъ я „знакомлюсь съ экономическимъ положеніемъ народа". Впечатлѣній много, и всѣ неотрадныя. Я знала заранѣе, отправляясь сюда, что не имѣю понятія о настоящемъ русскомъ мужикѣ, такъ какъ наши ярославцы народъ очень развитой, бойкій и „просвѣщенный" той полу-городской, полу-фабричной культурностью, которая такъ соблазнительна по внѣшности, такъ мало симпатична по своему содержанію. И вотъ, читая въ газетахъ, журналахъ о мужичкѣ, я видѣла всю разницу между нашимъ ярославцемъ и мужикомъ изъ земледѣльческихъ губерній.

... Тьма-то, тьма-то кромѣшная!

Народъ здѣсь благодушествуетъ во время урожая и бѣдствуетъ при неурожаѣ,—та же первобытная зависимость отъ природы и безпомощность, что и въ доисторическія времена. Эти взрослыя дѣти съ трогательною наивностью отвѣчаютъ на вопросы: отчего не идете на заработки? — „Мы портняжимъ (въ Верхнихъ Меретякахъ), почитай, вся деревня... въ Чистопольскій уѣздъ ходимъ, ну, а нынче и тамъ заработки-то плохіе, потому и тамъ голодъ... ну, мы и вернулись". А куда-нибудь итти въ другое мѣсто, приняться за другое дѣло—имъ и въ голову не пришло и не умѣютъ.

Кто виноватъ?

Даровая помощь развращаетъ народъ, говорятъ. Отчасти я это вижу и здѣсь: ко мнѣ приходятъ такъ, попрошайничать зря, а что дѣлается въ Большихъ Нырсахъ со столовыми, сколько тамъ злоупотребленій, какъ народъ обкрадываютъ, обвѣшиваютъ, варятъ жидкую кашицу, какъ врутъ и изворачиваются,—объ этомъ знаетъ лишь завѣдующая столовой. Въ голодъ 1891 года, когда здѣсь была одна англичанка и оказывала помощь хлѣбомъ и одеждой, ее обманывали безъ зазрѣнія совѣсти и потомъ надъ нею же смѣялись.

21 мая, днемъ.

Въ столовой шумъ... нѣчто похожее на битье въ набатъ, когда полдеревни сгорѣло... Всѣхъ, конечно, не прокормишь, а та часть, которая кормится, все равно дѣлится своимъ приваркомъ съ прочими членами семьи, разбавляетъ его водой; по настоящему сытъ никто, навѣрно, не бываетъ, но и не голодны.

Народъ въ силу своего невѣжества не можетъ правильно смотрѣть на столовыя и вообще на подобнаго рода помощь; даровая раздача чего-либо представляется ему чѣмъ-то обязательнымъ для всѣхъ, несмотря на разницу положенія семьи. Сегодня, напримѣръ, пришелъ ко мнѣ бѣдный „крещеникъ“ просить картошки для посѣва въ огородѣ, одновременно съ нимъ пришелъ и состоятельный съ такою же просьбою; хорошо, что хозяева предупредили меня, а то выдала бы деньги совсѣмъ зря. Въ Большихъ и Малыхъ Нырсахъ—татарскихъ деревняхъ—еще того хуже: кража, ложь и общее замалчиваніе всякаго мошенничества, сплоченіе массы, дѣлающее очень затруднительнымъ борьбу съ этимъ зломъ. Русскіе еще скорѣе выведутъ на свѣтъ лганье, но татары стоятъ другъ за друга и не выдадутъ ни вора, ни плута, а поддержатъ его.

Мало-по-малу меня охватываетъ какая-то усталость отъ сознанія безплодности своей работы. Ясно сознаешь, что въ концѣ концовъ вышло болѣе пользы изъ этой поѣздки для себя лично, для опытности и знакомства съ положеніемъ народа, но для него, для народа-то... врядъ ли что-нибудь сдѣлала...

Вотъ и теперь: больные у меня въ деревняхъ, — что я могу для нихъ сдѣлать?—раздавать лѣкарства, которыхъ очень мало и въ аптекѣ-то (въ с. Казыляхъ), чай, сахаръ и лимонъ? Бѣлый хлѣбъ?—но, вѣдь, его такъ немного, 5 пуд. 30 фунтовъ уже раздала, а всего-то по $^1/_2$ ф. въ день на человѣка,—много ли этимъ поможешь? Вотъ и студентъ, командированный отъ Краснаго Креста, говоритъ, что его цынготные пока поправляются, а его командировка кончается 10 іюня и столовая Краснаго Креста закрывается.—Что же потомъ? Онъ пожимаетъ плечами: — „Потомъ, быть можетъ, начнется та же цынга... что-жъ я сдѣлаю?“

Стоило ли ѣхать сюда на три недѣли, много ли пользы я принесла?—И въ то же время не можешь не сознаться, что если-бъ не поѣхала, кто бы позаботился о здѣшнихъ больныхъ? А выздоровѣютъ ли?

25 мая, дер. Верхнія Меретяки.

Завтра день великаго праздника народа русскаго, а я—открываю питательный пунктъ здѣсь для цынготныхъ больныхъ. Такимъ образомъ сбылось, хотя и помимо всякаго содѣйствія съ моей стороны, желаніе одного писателя, который, вмѣсто торжествъ, стоющихъ большихъ денегъ, предлагалъ въ этотъ день кормить

голодающихъ „именемъ Пушкина“. Помню это письмо въ „СПБ. Вѣдомостяхъ“; оно мнѣ понравилось, и я отправила его автору тотчасъ же сочувственное письмо, безъ подписи.

А все-таки хотѣлось бы, ахъ, какъ хотѣлось бы въ этотъ день въ Москву, въ Святыя Горы поклониться могилѣ его, посмотрѣть на выставку Пушкинскую. Грустно, грустно проводить этотъ знаменательный день здѣсь, среди полнѣйшей азіатчины, среди тьмы невѣжества, бѣдствія и съ сознаніемъ слабости своихъ силъ

Тѣмъ не менѣе я не колебалась въ выборѣ: вмѣсто Москвы, или Святыхъ Горъ, или Петербурга поѣхала сюда, желаніе „послужить народу“ переломило всякія эгоистическія соображенія, и я здѣсь; но вотъ въ этотъ день—моя прежняя страсть къ литературѣ просыпается, почитаніе Пушкина, увлеченіе его твореніями съ дѣтства—все вспоминается мнѣ и я переживаю борьбу, запоздалую, конечно, но все-таки борьбу...

Дня три назадъ полученъ здѣсь сборникъ избранныхъ сочиненій Пушкина, изданный редакторомъ „Русскаго Чтенія“, составленный довольно плохо, но я и ему обрадовалась: точно благоуханіемъ повѣяло на меня при чтеніи этихъ геніальныхъ страницъ, полныхъ поэзіи, такой поэзіи, выше которой врядъ ли что-либо есть на свѣтѣ... Я перечитала его уже два раза, выбирая отрывки для чтенія крестьянамъ, которое намѣревалась устроить завтра—въ день рожденія поэта. Но вчера, встрѣтившись въ Большихъ Нырсахъ съ И—товичемъ, получила отъ него предложеніе устроить столовую и чайную для больныхъ цингой въ Верхнихъ Меретякахъ; въ виду предстоящаго скораго отъѣзда; надо было спѣшить пользоваться временемъ, и вотъ вчера я наняла квартиру, сегодня я переѣхала и открыла чайную...

Какъ досадно, что это крещено-татарская деревня, гдѣ почти никто не говоритъ по-русски! Будь это среди своихъ мужиковъ—я непремѣнно бы сообщила имъ въ этотъ день о Пушкинѣ. Отъ мысли же устроить чтеніе все-таки не отказываюсь: 27-го Вознесеніе и народъ свободенъ — только бы успѣть мнѣ накормить моихъ больныхъ—и между обѣдомъ и чаемъ будетъ промежутокъ времени, достаточный вполнѣ, чтобы прочесть нѣсколько стихотвореній, двѣ-три сказки и нѣсколько главъ изъ „Капитанской дочки“, словомъ—все то изъ сборника, что выбрано безъ доморощенныхъ сокращеній. Даже досадно за нахальство составителей книги: за 25 коп. не могли они дать цѣльнаго „Руслана и Люд-

милы", болѣе толково написанной біографіи и болѣе умѣло выбранныхъ отрывковъ...

Завтра, въ первый день столовой, много хлопотъ, ляжешь усталая, а Шурка въ это время навѣрное будетъ пожинать актерскія лавры, читая на гимназическомъ вечерѣ „Братьевъ-разбойниковъ".

Мнѣ хотѣлось бы посѣтить могилу Пушкина ночью, остаться хоть минуту наединѣ съ дорогимъ памятникомъ. Надо бы еще посѣтить могилу Лермонтова—это тоже моя мечта. Досадно, что не пришлось нынче же весною окончить курсы,—тогда „Пушкинскій выпускъ" связалъ бы меня навѣки съ воспоминаніемъ о Пушкинскихъ дняхъ.

Какое противное лицо у матери Пушкина! Черствое, грубое, чувственное, въ немъ есть что-то животное. По характеру своему взбалмошному, упрямому — она напоминаетъ мнѣ мою собственную мать: она тоже любила дуться и не говорить послѣ ссоры...

26 мая, 10-й часъ вечера.

Громко плачетъ ребенокъ, внучекъ моей хозяйки „крещенки"... Движеніе въ деревнѣ замѣтно, я одна, покончивъ со всѣми дѣлами по столовой и чайной, составила примѣрную программу для чтенія Пушкинскихъ произведеній крестьянамъ завтра, въ праздникъ. Просматриваю и волнуюсь: удастся-ли, оповѣститъ-ли батюшка народъ о чтеніи послѣ обѣдни, какъ я попросила?.. Будь я вполнѣ свободна—не полѣнилась бы обойти все село Б. Меретьки и созвать народъ Да некогда теперь...

Мысли мои были далеко-далеко, въ Москвѣ, въ Святыхъ Горахъ, въ Питерѣ, въ Ярославлѣ... Цвѣтъ русской интеллигенціи чтитъ память великаго поэта, а здѣсь, въ Азіи, собирается голодный и больной народъ поѣсть въ „столовыя", по здѣшнему произношенію.

Грустно! За эти дни сердце притупилось къ страданію, чему болѣе всего способствовало попрошайничество и обманъ самихъ же несчастныхъ, которымъ помогаешь. Привезешь, напр., доктора въ дер. Большія Меретяки, пропишетъ лѣкарство и бѣлый хлѣбъ—за нимъ ходятъ аккуратно, а въ аптеку не посылаютъ. Я прихожу навѣстить—больная не поправляется. Отчего?—Сознаются, что еще ничего не брали изъ аптеки—изба полна народу. Строго

взглядываю на рослую дѣвку и говорю: иди завтра же въ Казыли!— „Боюсь!"—Что-о? средь бѣла дня? Я, барышня, и то хожу вечеромъ одна, а ты днемъ боишься? Иди безъ разговоровъ! Внушительный тонъ производитъ впечатлѣніе; идутъ, и такъ еще въ нѣсколькихъ домахъ... Руки опускались при сознаніи безплодности всей своей работы, и я очень обрадовалась когда И—товичъ предложилъ мнѣ открыть здѣсь питательный пунктъ Краснаго Креста: здѣсь, по крайней мѣрѣ, будешь сознавать пользу работы, будешь знать, что хорошая пища — для цинготныхъ спасеніе, а то — не угодно-ли наблюдать за лѣченіемъ такихъ больныхъ, какъ лихорадочные, съ разными таберкулезными и желудочными заболѣваніями, которыя кромѣ пищи требуютъ и лѣкарства, — аптека же далеко, а земскій врачъ И—товичъ нагналъ почти панический страхъ на этихъ первобытныхъ дѣтей природы. Въ концѣ концовъ боишься помогать, всякая помощь вызываетъ только попрошайничество, опротивѣетъ и слушать просьбы и не является желанія ихъ удовлетворить...

11-й часъ... Въ то время, какъ по всей интеллигентной Руси еще не замолкли звуки празднества—другая Россія, темная, полудикая, мирно спитъ въ своихъ лачужкахъ, съ тѣмъ, чтобы завтра—начать снова то же темное, полуголодное существованіе...

Я принадлежу къ тому классу, который издавна, отъ дѣдовъ, унаслѣдовалъ пренебреженіе къ дворянскому сословію; встарь— купцомъ они помыкали, а теперь къ нему пошли на поклонъ. Помню разсказы, слышанные въ дѣтствѣ о любви дворянъ къ богатымъ купеческимъ невѣстамъ, и глубокое пренебреженіе къ тунеядству этихъ баръ—всосалось въ мою кровь, теперь же вдругъ всплыло съ необыкновенною ясностью при видѣ народнаго бѣдствія, тьмы и невѣжества...

Петербургъ, 15 августа.

Сегодня мнѣ исполнилось 25 лѣтъ. Страшно написать эти слова... сколько въ эти годы можно было бы сдѣлать, если-бъ я была рождена свободнымъ человѣкомъ! если-бъ я давно могла окончить курсы и вступить въ жизнь! Ровно 4 года тому назадъ въ этотъ знаменательный для меня день я чувствовала то внутреннее перерожденіе, которое совершилось во мнѣ при сознаніи и неизбѣжности близкой борьбы. А теперь, черезъ мѣсяцъ—15 сен-

тября—я окончу курсы и... съ пристани должна буду отправиться въ плаваніе по волнамъ моря житейскаго. Общественная жизнь нашего времени уже требуетъ образованныхъ дѣятелей; частной иниціативѣ—въ дѣлѣ образованія народнаго и средняго—дана извѣстная возможность дѣйствія. Я знаю, что здѣсь я могла бы принести пользу,—и не какую-нибудь, а настоящую, солидную пользу. Съ мыслью стать народной учительницей поступила я на курсы,—согласно съ нею была и моя научная подготовка и избранный мною факультетъ. Но... четыре года назадъ, наканунѣ этого самаго дня, за всенощной въ Ярославскомъ соборѣ, въ темномъ углу--стояла пламенно-молящаяся дѣвушка; черезъ 4 года, сегодня—за столомъ сидитъ она... и только внѣшность осталась прежняя,—я бы хотѣла, чтобы кто-нибудь мнѣ указалъ,—что въ лицѣ осталось прежнее. Не даромъ одинъ родственникъ называлъ меня Татьяной; да я стала ею невольно въ области мысли; вмѣсто кающейся грѣшницы—холодный скептикъ съ усмѣшкой говорилъ „que sais je?“, взамѣнъ прежней полусознанной вѣры скептицизмъ и холодный анализъ; жаркую молитву—замѣнили тяжелыя раздумья... Я пришла къ убѣжденію, отъ котораго уже невозможно отказаться, и разъ оно ясно сознано и подтверждается самою жизнью, что причиною долгаго и упорнаго существованія религій,—причина существованія вѣры вообще—смерть.

Мы можемъ познать все земное, открыть всѣ тайны земли и неба, и никогда не можемъ познать тайны собственнаго существованія. Наука безсильна предъ лицомъ смерти; смерть—вотъ граница знанія, и начало вѣры: мы знаемъ все до ея предѣла, мы не знаемъ ничего за этимъ предѣломъ. И такъ какъ онъ для каждаго изъ насъ неизбѣженъ, то невольно въ душѣ индивида встаетъ вопросъ: а что же потомъ? И вотъ, въ разныя времена въ разныхъ мѣстахъ земного шара—возникали разныя ученія, удовлетворявшія массу, которыя жили, вѣруя слѣпо, но твердо, потому что иначе онѣ не могли бы жить, а жить было надо въ силу жизненнаго инстинкта. Отчего въ наше время такъ часты самоубійства? Оттого, что интеллигентный человѣкъ—не вѣря—ясно видитъ невозможность рѣшенія загадки, и если онъ не особенно цѣнитъ жизнь, если онъ не одушевленъ никакою идеей—тогда его ничто не удерживаетъ отъ смерти.

Отравилась нынче въ мартѣ медичка I курса Юлія Цингеръ застрѣлилась нынче въ іюнѣ въ Кіевѣ наша слушательница II-го курса, прелестная Наталія Дебогорій-Мокріевичъ, чудные глаза

которой и драматическій талантъ производили на всѣхъ, видѣвшихъ ее, неизгладимое впечатлѣніе... Какъ сейчасъ вижу ее—на Пушкинскомъ праздникѣ, въ роли Маріи въ сценѣ сумасшествія съ Мазепой... „Подумай, эта голова совсѣмъ не человѣчья, а волчья, видишь какова?“—слышится въ залѣ низкій грудной голосъ и забываешь обо всемъ, глядя на эту прелестную малороссіянку съ дивными глазами и распущенными волосами... Съ какой картины сошла она?... Теперь жаль ихъ обѣихъ... А почему жаль?—вѣдь онѣ ушли отсюда потому, что были рѣшительнѣе насъ, которыя живутъ, не зная цѣли жизни. Обѣ были молоды, красивы, развиты, умны; не знаю Цингеръ, но у Д.-М. была чудная душа, которая отражалась въ ея неземныхъ глазахъ... Почему же мнѣ ее такъ жаль? Я хотѣла бы, чтобы она наслаждалась радостями жизни, которыхъ она вполнѣ достойна... но къ чему и радости жизни? Ахъ—que sais-je, que sais-je!!

Всѣ попытки научныхъ доказательствъ бытія Божія—безсильны, потому что иначе—человѣкъ былъ бы лишенъ свободнаго выбора, его воля была бы несвободна въ признаніи Бога. Христіанство же однимъ изъ первыхъ своихъ постулатовъ ставитъ—свободный выборъ человѣческой личности между вѣрою и невѣріемъ. Поэтому напрасны всѣ теоретическіе споры. Они противорѣчатъ коренной основѣ вѣры. Какая была бы свобода воли, если бъ могли намъ доказать бытіе божіе? Если мнѣ дадутъ неопровержимыя доказательства бытія Бога, то я, даже противъ воли, вынуждена буду признать его существованіе, я буду *знать*, что онъ есть и подобно тому, какъ будетъ нелѣпостью сказать: я научно *знаю*, что $2\times2=4$, но не *вѣрю*, что оно$=4$, такъ и въ этомъ вопросѣ невѣріе было бы окончательно устранено, если бы было *знаніе*. Но *знать* намъ невозможно, и остается свободный выборъ воли. И доказательство истинности христіанской религіи не должно вовсе состоять въ теоретическихъ отвлеченныхъ спорахъ. Нѣтъ; ея превосходство и дѣйствующую въ ней божественную благодать,—скорѣе можно было стараться доказывать въ соціальныхъ формахъ,—въ сферѣ общественной жизни, въ содержаніи человѣка, въ его духовномъ обликѣ. Вотъ, о соч. Неплюева „Что есть истина?“, проф. Шляпкинъ отозвался:—„все онъ говоритъ о вѣрѣ, но *не указываетъ, какимъ путемъ* пріобрѣтается эта вѣра?“. По моему, и не надо, да и нельзя доказать: вѣру свою всякъ пріобрѣтаетъ въ большинствѣ случаевъ не изъ теоретическихъ споровъ, а самъ по себѣ; но истинность то ея доказывается самою жизнью, ея дѣятельностью, ея плодами.

Я очень рада, что судьба меня столкнула именно сегодня съ членомъ Неплюевскаго братства—Иваномъ Саввичемъ Н—ко. Мнѣ очень нравится этотъ юноша, и я съ удовольствіемъ всегда бесѣдую съ нимъ. Удивительно, какъ интересно и непринужденно идетъ бесѣда съ человѣкомъ, хотя и разныхъ убѣжденій, но хорошимъ душевно. Если у Неплюева и всѣ такіе воспитанники, то можно, безъ сомнѣнія, назвать его однимъ изъ первыхъ русскихъ педагоговъ.

18 августа.

Сегодня узнала, что не будутъ разрѣшены экзамены ни одной изъ тѣхъ 140, которыя нынче весною добровольно ушли съ курсовъ, и теперь возвращаются съ прошеніями. Мѣра довольно строгая, но—говоря откровенно—заслуженная. Члены этой партіи просто осрамили ее глупыми, дѣтскими выходками: изъ нихъ уходили безъ возврата очень немногія, чуть ли не 20 человѣкъ только, остальныя же, подавая бумаги, спрашивали Скрибу—„а когда намъ можно будетъ вернуться?“ Если бы эти умницы были вполнѣ солидарны съ партіей исключенныхъ, какъ онѣ заявляютъ, то не должны были бы подавать прошенія ранѣе, нежели ихъ товарки будутъ возвращены; а онѣ всѣ явились съ прошеніями теперь же... Да, не умно, совсѣмъ не умно. И такая глупость не можетъ проходить безнаказанно, только этимъ путемъ мы и поучаемся чему-либо.

Сегодня-же узнала ошеломляющее извѣстіе: К—евъ и Г—съ ушли съ курсовъ и изъ Университета.

Въ К—евѣ мы теряемъ „имя“, въ Г—сѣ—человѣка. Какъ человѣкъ и какъ профессоръ даже, К—евъ для насъ былъ малозначителенъ; за всѣ 4 года я не припомню ни одного случая, чтобы у насъ съ нимъ были оживленныя отношенія, чтобы ему апплодировали, какъ Г—су. Я бы хотѣла у него заниматься, но, боясь его тяжеловѣснаго многорѣчія, у меня право не хватаетъ мужества на подвигъ—выдержать съ нимъ даже получасовую бесѣду, хотя онъ и любезенъ вообще въ обращеніи, но холоденъ. Весь ушедшій въ книги, въ ученость, человѣкъ, составившій себѣ имя—онъ только и замѣчателенъ этимъ. А какъ живое существо—онъ недоступенъ намъ.

Г—съ наоборотъ—для курсовъ большая потеря, какъ незамѣнимо-умѣлый, одушевленный преподаватель, учитель науки и руководитель семинаріи.

Магистрантъ, еще безъ всякаго „имени“ (да врядъ ли онъ и составитъ его: онъ не отличается талантливостью), у насъ онъ былъ уже значительнымъ лицомъ: къ своимъ лекціямъ и занятіямъ онъ относился всегда съ большою энергіею и любовью; онъ стремился сблизиться съ нами, сплотить насъ въ кружокъ, читая ежегодно вступительныя рѣчи о значеніи науки, которыя жадно слушали не однѣ его слушательницы II курса,—все это придавало ему большое значеніе среди нашихъ профессоровъ. Правда, его многія упрекали въ холодности, въ исключительности отношеній—„хорошъ лишь съ тѣми, кто у него занимается“. Я, лично не зная его, замѣчала у него всегда нѣкоторый недостатокъ во вступительныыъ рѣчахъ: говоря о значеніи науки, вмѣсто того, чтобы обрисовать намъ значеніе различныхъ семинарій — не призывая насъ къ работѣ — онъ, казалось, находилъ единственно нужное для насъ только въ одномъ своемъ убѣжденіи, что было уже странно, такъ какъ странно было бы всѣмъ 200 — 300 сразу усердно окунуться въ море средневѣковья; поэтому отчасти я и не входила въ сношенія съ нимъ. Непонятно тоже, что онъ, постоянно твердя намъ о Фюстль-де-Куланжѣ,—ни разу не упомянулъ о Василевскомъ, своемъ учителѣ, о которомъ по смерти написалъ очень симпатичную, хорошую статью въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Я даже не знала, чей онъ ученикъ,—это мнѣ сказала Е. Н. Щ — на, и на мое удивленіе, отчего онъ никогда не упоминаетъ намъ о немъ въ своихъ рѣчахъ, отвѣтила очень рѣзко... Да, очевидно, нѣтъ идеала на землѣ.

На-дняхъ я кончила свой рефератъ о М. Стюартъ. Думаю, что во всякомъ случаѣ тонъ взяла вѣрный, и питаю честолюбивую надежду, что исполнила работу удовлетворительно; хотя, по сравненію съ моей работой, которую мнѣ нынче пришлось исполнить у Л.-Данилевскаго, — сущая игрушка, — просто пересказъ содержанія „Histoire de régne de Marie Stuart“ Philippson. Вся моя забота была о слогѣ, а онъ у меня плохъ, совсѣмъ не умѣю писать... Вотъ то ли дѣло письма Плинія Младшаго! Какъ обработаны, какъ тщательно отдѣлано! Я отъ нихъ въ восторгѣ, хотя вовсе не съ восторгомъ предъ предстоящимъ экзаменомъ.

19 августа.

Что такое жизнь? Жизнь есть творчество, — отвѣтила бы я, еслибъ мнѣ кто-нибудь задалъ такой вопросъ. Творчество—непре-

рывное, въ немъ радость, въ немъ счастье... Самое высшее счастье—обладать творческою способностью въ области духа; въ этомъ нѣчто священное,—болѣе священное, нежели всѣ чудеса природы. Есть нѣчто невыразимо-прекрасное въ минутахъ вдохновенія, когда эта сила разгорается и уноситъ далеко-далеко...

Мнѣ пришлось пережить только разъ въ жизни подобную минуту: я была на II курсѣ и писала конецъ одной сказки, посвященной вопросу о смыслѣ жизни. Я сама не помню, какъ меня охватило это удивительное настроеніе, но знаю, что лучше этихъ минутъ я ничего не переживала. И когда я кончила—точно спустилась съ неба на землю.

Смотрю сегодня на милое личико своей именинницы — и мнѣ такъ живо представляется радость матери при видѣ своего ребенка, его постепенномъ ростѣ, его попыткахъ говорить, его медлительное знакомство съ міромъ. Намъ доставляетъ наслажденіе воспроизвести въ другомъ существѣ и видѣть, какъ оно переживаетъ ту часть жизни, о которой мы сами не въ состояніи помнить...

Воспроизведеніе жизни вездѣ—въ природѣ, въ человѣчествѣ—есть простѣйшій и всѣмъ доступный даръ творчества.

29 августа.

Завтра свадьба Тани съ Д. Соединеніе двухъ родственныхъ душъ, двухъ туманныхъ мистиковъ, двухъ больныхъ дѣтей нашего болѣзненнаго времени, полнаго всякихъ аномалій. Будетъ ли она съ нимъ счастлива, какъ думаетъ? Ахъ, отчего такъ мало на свѣтѣ сильныхъ духомъ, отчего такъ мало героевъ, отчего такъ мало борцовъ за идеи?! Отчего?!

Изъ всего курса римской литературы я прихожу въ восторгъ только отъ поэмы Лукреція „De natura rerum“. Это геніальное произведеніе! какая мощь мысли, какое величіе и истинная скорбь разлита въ немъ! Еслибъ я застрѣлилась, то не иначе, какъ съ этою книгою въ рукахъ...

Felix qoud potuit rerum cognoscere causas
Atque metus omnis et inexoribile fatum
Subiecit pedibus strepitumque Acheronis avari.
(Verg.).

Мрачное и глубокое познаніе, познаніе природы, отрицающее всякія религіозныя прикрытія—человѣкъ смѣло подошелъ къ завѣсѣ,

отдернулъ ее,—все увидѣлъ, позналъ и... не нашелъ въ этомъ ни радости, ни счастія, прежняя вѣра разлетѣлась, какъ дымъ, но и лицомъ къ лицу съ познаніемъ — человѣкъ не удовлетворился... До чего все старо въ мірѣ! То, отчего стрѣляются теперь — сказано уже тысячелѣтіемъ раньше...

Мнѣ скучно, бѣсъ...

29 августа.

Все изученіе Канта сразу выскочило изъ головы, при извѣстіи объ осужденіи Дрейфуса.

Что теперь! Совершилась величайшая историческая несправедливость! Позорное обвиненіе остается въ силѣ... да падетъ на голову этихъ подлецовъ-судей вся кара земли и неба! Право,— послѣ этого, если и стоитъ жить, то развѣ лишь для того, чтобы бороться во имя торжества правосудія. И что за дѣло обвиненному, если его приговорили къ 10 годамъ заключенія, вмѣсто пожизненнаго?!

Осудить послѣ самоубійства Анри, послѣ того какъ были опровергнуты всѣ показанія противъ Дрейфуса, послѣ оффиціальнаго заявленія Германіи, послѣ разоблаченія всѣхъ темныхъ сторонъ и злодѣйскихъ махинацій этого дѣла—осудить! Ничѣмъ инымъ не можетъ быть мотивировано это осужденіе, какъ только боязнью судей-офицеровъ—оправданіемъ Дрейфуса—осудить своихъ генераловъ, „честь арміи“. Что долженъ переживать несчастный, его семья, Лабори, Деманжъ, Золя, благородный писатель, который такъ довѣрчиво и преждевременно радостно привѣтствовалъ пересмотръ? Совершенно справедливо г-жа Дрейфусъ говорила: радоваться еще рано!

— „Новости“ или лекціи?—тамъ стенографическій отчетъ, а тутъ—субстанціи, категоріи... Право, я не въ состояніи буду сдать экзаменъ, до того меня взволновало это событіе, хотя изъ предыдущаго № уже можно было предвидѣть исходъ. И точно нарочно до экзамена остается одинъ день, а у меня повторенъ всего 21 билетъ изъ 59, при чемъ труднѣйшій отдѣлъ остается за флагомъ—весь Кантъ...

Вотъ 2 мѣсяца, изо-дня въ день, съ напряженнымъ вниманіемъ читаешь газеты... Неужели же правосудіе остается побѣжденнымъ, неужели на порогѣ XX столѣтія исторія Франціи будетъ заклеймена преступленіемъ?! Справедливость!—вотъ моя религія,—религія справедливости! Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, первое, что стало

выдѣляться въ моемъ сознаніи—была справедливость; во имя ея я отстаивала и боролась за свое человѣческое право образованія, во имя ея выносила массу всевозможныхъ непріятностей съ родными, когда видѣла угнетеніе слабаго сильными, во имя ея—протестовала вмѣстѣ съ товарищами въ первой студенческой забастовкѣ, во имя ея—отстаиваю и буду отстаивать права человѣческой личности. И все, что нарушаетъ эту справедливость, малѣйшее посягательство на мою богиню, нарушеніе священныхъ правъ ея — возмущаетъ меня до глубины души. И теперь — какъ же я могу быть спокойна, когда совершилось такое вопіющее, такое безобразное нарушеніе всѣхъ ея началъ! Нѣтъ!

Конечно, Введенскому нѣтъ никакого дѣла до такихъ разсужденій, и онъ съ логической точки зрѣнія правъ, если поставитъ мнѣ двойку; но вѣдь жизнь-то построена не на одной логикѣ.

Да, не малое требуется мужество, чтобы жить на этомъ свѣтѣ! Я бы не прочь умереть, съ условіемъ достовѣрнаго знанія того, что меня будетъ ожидать послѣ смерти. Если бы оказалось хоть на іоту лучше, чѣмъ здѣсь—умерла бы съ радостью, сію же минуту.

Дрейфусъ осужденъ; а тутъ—передъ глазами программа: почему субстанцію можно назвать монадой? Что представляетъ собою монада??

31 августа.

Сегодня сдала—философію. Отвѣчала о формулахъ нравственнаго закона—хорошо, но гораздо хуже, нежели знала на самомъ дѣлѣ, даже на одинъ изъ вопросовъ, касающихся психологіи Канта, совсѣмъ не отвѣтила. Введенскій поставилъ 4, онъ былъ боленъ, и поэтому экзаменовалъ небрежно. Къ сожалѣнію, я была лишена того спокойствія духа, которое мнѣ необходимо для занятій... и чуть—было не сказала объ этомъ Введенскому. Стыдно было передъ нимъ за свое незнаніе, но подѣлать съ собой ничего не могу,—способности, должно быть, у меня плохія. Гдѣ та быстрота соображенія, острая проницательность сужденій, умѣнье сразу схватывать и приводить въ связь однородное... гдѣ все это?... Способности!—что онѣ у меня есть, доказывается, впрочемъ, тѣмъ, что я, несмотря на сильную нейрастенію на первомъ курсѣ, все-таки сдала экзамены въ общемъ на 4, на II—на $4^1/_2$ (Скриба вретъ, впрочемъ, баллы навѣрное выше), на III — на 5... Мнѣ просто смѣшно писать эту градацію балловъ, которую Скриба предупре-

дительно сказалъ мнѣ, едва только мы увидѣлись послѣ лѣта. Я его и не спрашивала, но онъ добросовѣстно сообщилъ, что мнѣ экзамены—разрѣшены, ибо у меня въ общемъ итогѣ баллъ болѣе $4^1/_2$—признаннаго балла нашими учеными мужами для допущенія къ экзаменамъ тѣхъ дерзкихъ, которыя подали прошеніе безъ медицинскаго свидѣтельства. Какъ глупо, какъ глупо!

Да, осужденіе Дрейфуса отзывалось на моихъ занятіяхъ, и теперь мнѣ досадно за такой непростительный промахъ на экзаменѣ; но... въ то же время—дѣло Дрейфуса слишкомъ великаго значенія, чтобы я не проводила драгоцѣнныхъ часовъ наканунѣ экзамена за газетами, вмѣсто повторенія лекцій. Немудрено, что, когда я шла на экзаменъ у меня вмѣсто стройной системы былъ хаосъ, хаосъ знанія, не приведеннаго въ систему, отъ котораго я сама первая отвернулась съ ужасомъ.

Сегодня—только что сдала экзаменъ—бѣгу внизъ, на столѣ лежатъ „Новости“ и тамъ защительная рѣчь Деманжа. Читаю ее съ замираніемъ сердца—все окружающее какъ бы не существуетъ для меня, и когда спросилъ кто-то—сдала-ли экзаменъ—я даже удивилась.

На этихъ дняхъ получила письмо отъ Ч., который пишетъ, что интересуется Таней,—она существо необыкновенное, оригинальное, сфинксъ, влекущій къ себѣ. Грустно даже стало, какъ подумаешь—до чего люди любятъ строить воображаемыя существа! Утонченный эгоизмъ на подкладкѣ изящныхъ искусствъ — вотъ истинная сущность Тани, вотъ ея сокровенное „я“. Она, правда, много выстрадала, но изъ этого страданія унесла не любовь къ несчастнымъ, не горечь негодованія, а одно страстное желаніе личнаго счастія, желаніе, въ сущности, вполнѣ законное, но у нея возведенное на степень какого-то культа, утонченнаго до болѣзненности со страшными слѣдами надломленности. Она создана, чтобы такъ прожить, о чемъ сама говорила мнѣ:—„Я знаю, что не проживу долго, и хочу въ данное время которое мнѣ дано судьбою—испытать счастіе“. И, смотря на ея наружность, я невольно молчала, я не возражала ей: да, пожалуй, она долго не проживетъ! И она права, стремясь къ наслажденію,—отчего жъ?—вѣдь отъ жизни надо братъ все, что она можетъ дать. Ахъ, Таня, Таня! если бъ ты могла любить меня, какъ я тебя, если-бъ ты на минутку вышла изъ своего индивидуализма и была способна понять чью-нибудь душу, кромѣ своей собственной!...

Нѣтъ, не суждена мнѣ дружба ни въ родственномъ кругу, ни

въ товарищескомъ... Несчастная странница—одинокая душа—чего же ты ищешь?

И невольно приходитъ въ голову сюжетъ для повѣсти или разсказа... Содержаніемъ книжки служило бы все пережитое за эти годы: знакомство съ міромъ науки, потомъ—исканіе чего-то, неудовлетворенность, потеря вѣры, знакомство съ Неплюевскимъ братствомъ, описаніе этого уголка, гдѣ жизнь построена на идеальныхъ основахъ; наконецъ, — ясное сознаніе невозможности какой бы то ни было вѣры, двойственное сознаніе — привязанности къ этимъ людямъ идеи, и невозможность вполнѣ слиться съ ними— приводящая къ самоубійству надъ книгою Лукреція „De natura rerum". Это было бы въ своемъ родѣ „Годы странствованія", но не Вил. Мейстера, а никому невѣдомой курсистки.

Мнѣ страшно сдѣлалось, когда я увидѣла, какую волю дала я своей фантазіи. Еще разсказъ небольшой написать — позволительно,—но чтобы потратить столько времени даромъ, чтобы написать нѣчто большее, нежели разсказецъ,—это ужъ никогда! никогда! И всего досаднѣе, что разыгравшаяся фантазія отрывала отъ занятій, отъ философіи и уносила далеко-далеко, дѣйствительно—„въ міръ идей",

Если бы „вѣчное блаженство", о которомъ такъ твердятъ всѣ религіи, состояло въ творчествѣ — о, тогда я понимаю его! Это, дѣйствительно, блаженство, и человѣкъ, обладающій этимъ блаженнымъ даромъ, блаженъ уже и въ этой жизни.

Если бъ я могла написать все, что приходитъ въ голову! Да бѣда въ томъ, что все только и ограничивается игрою фантазіи, а съ перомъ въ рукахъ—выходитъ сущій нуль.

Это значитъ, что я ни къ чему не пригодна.

15 сентября.

Вотъ и мѣсяцъ прошелъ, а я все еще не кончила экзамены. Мнѣ даже какъ-то страшно думать, что уже мѣсяцъ прошелъ: кажется, время остановилось, живешь — точно въ пустомъ пространствѣ, день за днемъ тянутся однообразные, похожіе одинъ на другой, какъ двѣ капли воды — все за книгами. Я нигдѣ не бываю, и ко мнѣ приходятъ очень немногіе, да и то ненадолго, такъ какъ некогда. Лѣто, проведенное безъ занятій, дало себя знать, пришлось усиленно заниматься, и каждый потерянный часъ очень чувствительно отзывается на ходѣ занятій.

4-го мы всѣ приготовились къ новой исторіи, но профессоръ не приходилъ; за нимъ посылаютъ, онъ отказывается экзаменовать, такъ какъ теперь уже не имѣетъ каѳедры на курсахъ. Я въ этотъ день долго повторяла лекціи и, наконецъ, кончивъ всю программу очень поздно—около 4 часовъ, пошла на курсы въ полномъ убѣжденіи, что опоздала, что экзаменъ конченъ, и хотѣла только просить профессора проэкзаменовать меня въ слѣдующій разъ. Встрѣчаю Скрибу у самыхъ курсовъ: объявляетъ, что экзамена... не было. Больно было услышать еще разъ напоминаніе о потерѣ К—ева, но чувствовала также и нѣкоторое облегченіе, такъ какъ слишкомъ было бы тяжело держать экзамены, сознавая, что отвѣчаешь человѣку, котораго уже нѣтъ въ храмѣ науки... И вотъ, всѣ 30 человѣкъ, сдающихъ экзамены, напрасно прождавъ нѣсколько часовъ,—разошлись, а экзамены отложили до совѣта, который рѣшитъ—у кого намъ держать и „быть или не быть“ экзамену.

Черезъ нѣсколько дней, вечеромъ, была на курсахъ. Счастливая Б., вышедшая замужъ нынче лѣтомъ, сбѣгала съ лѣстницы, спѣша домой, такъ какъ утромъ уѣзжала въ Севастополь къ мужу; внизу В—цева и Х—стова были съ нею. Прощаясь, мы всѣ цѣловались и я, за всѣ четыре года не сказавшая съ ней ни слова, вообще не имѣвшая съ ней никакихъ сношеній,—все-таки чувствовала какую-то грусть... Это было знакомъ, что мы скоро-скоро, черезъ нѣсколько дней, всѣ разстанемся и разсѣемся на всей Россіи.

Грустно думать о разлукѣ; всѣ товарки—знакомыя-ли, незнакомыя-ли—всѣ кажутся мнѣ теперь дорогими, четыре года связывали насъ одна аудиторія, одни профессора, однѣ науки, общее стремленіе къ образованію. И вотъ теперь, на порогѣ разлуки, тяжело и жаль какъ-то разстаться. Хотя среди нихъ, среди этой массы не нашлось у меня ни одного друга, ни одной души, которую я съ восторгомъ признала бы родственною себѣ и слилась бы съ нею въ одномъ братскомъ чувствѣ, хотя грустное чувство одиночества постоянно живетъ въ моей душѣ—все-таки, по отношенію ко всѣмъ товаркамъ—могу сказать, положа руку на сердце, у меня нѣтъ и тѣни озлобленія. Среди нихъ было много, съ которыми я хотѣла сойтись и дѣлала попытки сближенія сама первая, но имъ, должно быть, я не нравилась какъ человѣкъ, и онѣ явно старались не сближаться со мною, иногда даже нисколько этого не скрывая, какъ, напримѣръ, Д—ашъ...

Да и могло-ли быть иначе? Жестокая нейрастенія, мучившая меня страшно еще и до курсовъ, усилилась съ поступленіемъ сюда, вслѣдствіе перенесенныхъ потрясеній я чувствовала себя положительно больною, мучилась и страдала невыразимо отъ душевной боли и страшной, угнетающей душу тоски, ища, какъ спасенія, хоть искры любви и дружбы, которыя однѣ могли бы исцѣлить мои душевныя раны, и... не нашла ничего. Я не могла нравиться людямъ своею нервностью, рѣзкостью, которую принимали за грубость и которая съ перваго знакомства произвела дурное впечатлѣніе; я видѣла, что моего общества избѣгаютъ, гордость же заставляла скрывать свои душевныя страданія—и заставила, наконецъ, замкнуться въ себѣ. Позднѣе, курсѣ на третьемъ, когда я немного начала оправляться, то же чувство гордости, разумѣется, мѣшало мнѣ снова искать сближенія съ прежними, а новыя какъ-то не являлись. Мнѣ было очень смѣшно, когда нѣкоторыя изъ первыхъ приходили ко мнѣ съ заявленіями, что моя репутація перемѣнилась къ лучшему, что я стала не такъ рѣзка и проч.; я усмѣхалась: мнѣ просто стало физически лучше, нервы поуспокоились, и вотъ, измученный, больной человѣкъ началъ оправляться и съ дружескимъ чувствомъ смотрѣть на міръ. „Ларчикъ просто открывался"—и всѣ толки о моемъ дурномъ характерѣ оказались мыльнымъ пузыремъ.

Я не пріобрѣла такой извѣстности и вліянія, какъ, напримѣръ, Д—ашъ, но и не старалась добиться этого. И теперь, даже противъ тѣхъ, которыя мнѣ казались умнѣе, интереснѣе другихъ и которыя не захотѣли сойтись со мною—и противъ этихъ у меня нѣтъ озлобленія... Чего же мнѣ претендовать на нихъ? Что онѣ не поняли меня?—Но какъ же можно требовать отъ людей, чтобы они поднялись выше самихъ себя? Можно жалѣть лишь о томъ, что мало на свѣтѣ истинно-проницательныхъ людей—и теперь на сердцѣ остается только тихая грусть... Рядомъ съ нею уживается пламенная ненависть... ко всѣмъ обскурантамъ, принижающимъ духъ человѣческій и, вмѣстѣ съ этимъ, благоговѣйное почитаніе борцовъ за идеи, за человѣчность, свободу, науку—словомъ всѣхъ, кому мы обязаны тѣмъ, что стали лучше, нежели были, всѣхъ, кто двигалъ и двигаетъ впередъ человѣчество въ области духа; и живетъ во мнѣ въ то же время грустный скептицизмъ во всемъ, глубоко скрытое недовѣріе, вѣчно замаскированное совѣстью, которая обязываетъ меня относиться хорошо къ людямъ и не оскорблять ихъ ничѣмъ.

18 сентября, 10 ч. веч.

Я окончила курсы. Сегодня вечеромъ совѣтъ профессоровъ долженъ былъ рѣшить, быть или не быть экзамену новой исторіи на нашемъ курсѣ; постановили освободить всѣхъ, кто доволенъ отмѣткою, полученною при переходѣ съ III на IV курсъ,—желающія повысить отмѣтку могутъ экзаменоваться у Форстена, но такихъ врядъ ли кто найдется. Слѣдовательно, мы кончили.

Теперь мы на порогѣ жизни... среди полнаго разгрома вступаемъ въ нее. Точно молнія ударила и разбила нашъ курсъ,—и и вотъ, кто куда...

Вчера я была въ библіотекѣ и долго бесѣдовала съ Б—новой, у которой находится пока бюро для присканія занятій окончившимъ. Весною кончило человѣкъ 27, осенью 30 слишкомъ, изъ ста остальныхъ—нашего курса исключены 32, прочія вышли. Теперь требованій получается много, и такъ какъ кончившихъ мало, то очень многія получаютъ мѣста часто на выгодныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Напримѣръ, требуется помощница начальницы гимназіи въ Читу—600 руб. при готовой квартирѣ и безъ уроковъ, въ Пермскую губернію—учительницей математики въ старшихъ классахъ—жалованья 1.000 руб., но на эти мѣста—удивительное дѣло—не нашлось желающихъ. А сколько вышло замужъ нынче весною! На экзаменѣ латинскаго языка я просто считала кольца обручальныя... Нынѣшнее студенческое движеніе много способствовало сближенію учащихся и повело къ бракамъ...

Между нашими идутъ оживленные споры: сначала поднялся вопросъ объ адресѣ К—еву и Г—су, потомъ вопросъ отъ адреса перешелъ къ проекту устроить обѣдъ и пригласить на него ихъ же и В—нскаго. Поднялись возраженія: отчего не пригласить и другихъ профессоровъ? Мнѣнія раздѣлились, и вопросъ, кажется, провалился, такъ какъ приглашать всѣхъ, изъ которыхъ очень многіе не стояли въ непосредственной связи съ курсистками—не нашли удобнымъ, а пригласить только двухъ уволенныхъ профессоровъ не рѣшались, потому что одинъ изъ нихъ далеко отстоялъ отъ насъ, и контрастъ между отношеніями нашими къ нему и другому рѣзко бросился бы въ глаза. Словомъ, какъ всегда и вездѣ, въ нестройно сложенномъ организмѣ идетъ разладъ. Мы не привыкли быть солидарными. А мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы поскорѣе былъ рѣшенъ вопросъ объ адресахъ: хочется видѣть ихъ готовыми при себѣ и подписаться на нихъ.

Сегодня И. А. Шляпкинъ сообщилъ мнѣ, что изъ нашего коллективнаго перевода небольшой книжки „Скандинавская литература и ея современныя тенденціи“, Маріи Герцфельдъ *), цензура не пропускаетъ 8 страницъ, а ихъ-то всего съ небольшимъ сто, или даже меньше; ужасно досадно стало. Воспользовавшись случаемъ я спросили И. А., когда можно будетъ пріѣхать къ нему проститься—и голосъ мой вдругъ задрожалъ... Я едва могла выслушать его приглашеніе къ себѣ въ имѣніе и поспѣшила отойти въ сторону, къ вѣшалкамъ, чтобы скрыть слезы, невольно выступившія на глаза.

Придя домой, я заперлась, и заплакала. О чемъ?—право, трудно сказать. Экзамены какъ-то заслонили разлуку съ курсами, и когда я сама сказала слово „проститься“—вдругъ поняла, что вѣдь я разстаюсь съ курсами, съ студенческою жизнью, съ первымъ свѣтлымъ лучомъ, окрасившимъ мою тяжелую жизнь... И я плакала безъ стыда, такъ какъ не стыдно оплакивать то, что хорошо, и что проходитъ... Да, странна психологія человѣка: пока я не сказала этого слова—точно завѣса какая-то скрывала отъ меня близкое будущее... и вотъ, при словѣ „проститься“—я какъ бы отодвинула ее, и вдругъ увидѣла, что предстоитъ...

Изъ профессоровъ ближе всѣхъ знала я только И. А. Друзей среди товарищей—у меня не было, но, тѣмъ не менѣе, врядъ-ли кто-нибудь болѣе меня привязанъ къ курсамъ; я такъ люблю и цѣню ихъ, такъ люблю всѣхъ остальныхъ товарищей, знать которыхъ физически не мыслимо, но они дороги мнѣ уже тѣмъ, что являются моими товарищами по стремленіямъ къ знанію. Въ этомъ смыслѣ у меня взглядъ на товарищество самый идеальный и съ нимъ далеко не многія согласны, особенно тѣ, которыя стремятся провести узко-партійные взгляды и признаютъ равными себѣ лишь такихъ, кто одинаково съ нимъ мыслитъ.

Когда я вчера читала книгу В. В. Стасова о Надеждѣ Васильевнѣ Стасовой—меня наполняло доброе и радостное сознаніе успѣховъ въ дѣлѣ созиданія курсовъ. И невольно мысль переносилось на Москву, и хотѣлось положить всѣ силы, всѣ способности на созиданіе высшихъ курсовъ тамъ. Мнѣ почему-то кажется, что я способна на выполненіе этой задачи. Живая фантазія тотчасъ же рисовала картины борьбы, неудачъ, среди кото-

*) Переводъ слушательницъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ подъ редакціей И. А. Шляпкина, Спб. 1899 г.

рыхъ только растетъ моя энергія, прибавляются силы и, наконецъ, цѣль достигнута—курсы созданы, и я—одна изъ самыхъ дѣятельныхъ участницъ ихъ созиданія... Всякіе планы полѣзли въ голову: захотѣлось ѣхать къ Герье, справиться у него—почему не были открыты курсы нынче осенью, какъ предполагалось? хотѣлось сказать ему, что я всю жизнь мою готова посвятить на это дѣло... представляла уже себѣ, что отвѣтитъ мнѣ Герье, какъ я буду дѣйствовать,., и такъ далѣе, и такъ далѣе... Вотъ глупо! Безъ средствъ, безъ связей и знакомствъ соваться въ такое дѣло! Хорошо, что трезвый разумъ указываетъ границы мечтамъ и моментально сбрасываетъ на землю, когда ужъ слишкомъ далеко заберешься въ воздушные замки... И, вмѣстѣ съ тѣмъ, я гораздо болѣе интересуюсь женскимъ вопросомъ во всѣхъ его ступняхъ, нежели на одной какой либо частности, моя мысль всегда стремится къ политическимъ правамъ женщины, не успокоиваясь на одномъ высшемъ образованіи... невольно подымается въ груди горькое чувство негодованія на ограниченность свободы женщины, ея правъ.

Мнѣ душно, мнѣ хочется простора, широкой дѣятельности. Моя натура *никоіда* не уляжется *добровольно* въ узкія рамки жизни, развѣ жизнь сама ее уложитъ, и это, конечно, вѣроятно. „И погромче насъ были витіи“, а ты чего носишься съ широкими планами, вѣчно думаешь о большихъ задачахъ!

20 сентября, вечеромъ.

Весь день сегодня въ бѣготнѣ. Всѣ наши разъѣзжаются съ каждымъ днемъ, дѣло же съ адресами профессорамъ стоитъ, и я написала рѣшительное письмо къ Д—ашъ, заявивъ, что всѣ хлопоты относительно художественной стороны обоихъ адресовъ могу взять на себя, и найду художника. Гдѣ, какого?—я еще не знала, но знала, что найду, такъ какъ надо найти.

У меня уже раньше сложился въ головѣ проектъ адреса К—ва, сегодня передала его, кому слѣдуетъ, побѣжала искать художника и покупать картонъ для адресовъ...

22 сентября.

Сейчасъ только что вернулась съ товарищеской вечеринки... что же написать?

Собралось насъ человѣкъ 40. Прежде мы съ трудомъ помѣ-

щались въ маленькихъ аудиторіяхъ—теперь же совершенно свободно въ ботаническомъ кабинетѣ: исключенныя—партія „крайнихъ“—въ большинствѣ всѣ не пришли, и вотъ „обломки“ собрались здѣсь въ послѣдній разъ. Рѣчей не говорили. Я сперва намѣревалась сказать о женскомъ вопросѣ, о курсахъ, о нашей обязанности всегда и всюду являться защитницами и поборницами правъ женщины, но когда пришла и увидѣла общее настроеніе—рѣшила не говорить ничего; вечеринка носила, дѣйствительно простой, симпатичный, съ виду совсѣмъ задушевный характеръ.

Мы собрались вмѣстѣ—*въ послѣдній разъ*. Я немного отвлекала себя отъ грустныхъ мыслей тѣмъ, что собирала подписи для адресовъ, но скоро это было кончено, и... я осталась одна. Всѣ собравшіяся—за исключеніемъ двухъ—были мнѣ симпатичны, къ нимъ я чувствовала дружеское, хорошее отношеніе, но душевной связи не было. Одиночество развило во мнѣ глубину чувства, вдумчивость и поэтому большія требованія къ людямъ, большія, нежели они могутъ дать.

Но я уже привыкла не думать о своемъ „я“, и теперь мнѣ все-таки хотѣлось произнести страстную рѣчь „къ товарищамъ“ побѣдить ихъ силою своего слова... и вдругъ насмѣшливый скептицизмъ шепнулъ мнѣ въ ухо: будто и впрямь можно?—въ нѣсколько минутъ людей вновь не воспитаешь, и если имъ покажется страстность—фразами, а женскій вопросъ ихъ интересуетъ не такъ глубоко, какъ тебя,—то стоитъ тратить слова зря?... И какая то смутная увѣренность говорила во мнѣ, что я когда-нибудь непремѣнно это скажу, не устно—такъ въ печати, и онѣ, мои товарки, все таки услышатъ о моихъ мнѣніяхъ.

Да, будь у меня литературныя способности—онѣ мнѣ доставляли бы большое нравственное утѣшеніе въ моемъ одиночествѣ. Во мнѣ уже нѣтъ острой, щемящей тоски, мучившей меня попослѣдніе годы жизни дома и на курсахъ, нейрастеническое состояніе, очевидно, немного улеглось, теперь мнѣ физически лучше, я отношусь къ своему одиночеству трезво и спокойно—ясно, и какъ опытный анатомъ произвожу вскрытіе своей души...

Первыя годы моей молодости прошли въ тяжкой нравственной и физической неволѣ, послѣдующіе—тоже не принесли мнѣ счастливаго настроенія, сознанія полнаго, глубокаго нравственнаго и умственнаго удовлетворенія, чудной гармоніи ума и сердца,—что жъ, могу ли я изъ-за этого со злобою смотрѣть на міръ?—И съ грустной улыбкой смотря на окружающихъ, я думала: твое

„я“ такъ ничтожно въ сравненіи съ великимъ міровымъ цѣлымъ,—ты такая маленькая частица его; вотъ почему въ единеніи лежитъ сила; она малыхъ въ отдѣльности соединяетъ въ одну большую величину. Великіе умы и въ одиночествѣ велики сами по себѣ.

Эти грустныя мысли лишали меня возможности подходить къ тѣмъ группамъ, гдѣ шли веселые разговоры—такихъ, впрочемъ, было немного, и я, по старой памяти, рѣшила бесѣдовать съ Д—ди. Вскорѣ Д—ашъ прервала общій разговоръ, предложивъ чокнуться съ тѣми, которыя скоро уѣзжаютъ, ихъ нашлось девять человѣкъ,—преподавательницы гимназій, на частныя мѣста или домой. Вина, конечно, не было, смѣясь чокнулись стаканами чая. Послѣ затѣяли пѣніе, оно удалось плохо, но все же слушали. Товарищи уже незамѣтно расходились, осталось человѣкъ 20. Д—ашъ опять позвонила и произнесла небольшую рѣчь, отчаянно путаясь въ словахъ, о томъ, что мы собравшись, здѣсь все же не относимся дурно къ „извѣстной партіи“, не пожелавшей въ большинствѣ быть съ ними и поминаемъ добрымъ словомъ Б. (кассиршу), К. и С. (бывшихъ депутатокъ, исключенныхъ безъ права поступленія). Всѣ молчали, только одна изъ насъ заплакала, отвернувшись къ шкафу... Мнѣ вдругъ вспомнилась Надя „Бибиша“, теперь—учительница въ школѣ. Милая, хорошая дѣвушка, съ душою честною и открытою: четыре года назадъ мы въ этотъ день всѣ мирно сидѣли подъ общей кровлей интерната, не предчувствуя, какъ печально будетъ наше вступленіе въ жизнь.

Да, на нашей вечеринкѣ было оживленіе, но не было того торжественнаго приподнятаго настроенія, которое несомнѣнно явилось, еслибъ мы собрались въ полномъ составѣ, съ профессорами, если-бъ говорились интересныя рѣчи. Наше собраніе было назначено лишь сегодня утромъ; обѣдъ, сначала предполагавшійся съ нѣкоторыми профессорами, провалился, такъ какъ они несочувственно относились къ ресторану; на курсы мы не хотѣли приглашать ихъ, такъ какъ тогда приглашеніе директора становилось неизбѣжнымъ, а изъ-за этого пропала бы вся прелесть вечеринки—онъ явился бы постороннимъ элементомъ; устроить же вечеринку въ частномъ домѣ при современномъ положеніи дѣлъ нельзя было вовсе,—никто, конечно, не далъ бы своей квартиры. Вотъ почему мы и принуждены были собраться однѣ, безъ профессоровъ, 40 человѣкъ,—съ сознаніемъ грустныхъ событій, и на этотъ разъ явно разрозненные.

Ни у кого во весь вечеръ не было хорошо на душѣ, если вдуматься глубже: всѣ знали, что *въ послѣдній разъ* видятся вмѣстѣ...

Всѣмъ товарищамъ, всѣмъ вамъ говорю искреннее пожеланіе—сдѣлать возможно больше добра, внести больше свѣта въ тьму провинціи и имѣть побольше силъ для борьбы со зломъ. Прощайте! Всѣ вы такъ и не узнали меня, но вы одинаково со мною стремились къ свѣту знанія, и всѣ одинаково дороги мнѣ... Время насъ соединяло четыре года, оно насъ раздѣляетъ теперь, оно же и вновь соединитъ. Чрезъ сто лѣтъ оно не только давно вычеркнетъ всѣхъ изъ ряда живыхъ—оно загладитъ и память о насъ. Да, интересно бы знать, о комъ изъ насъ она станется?

И вотъ сказывается несвобода женщины. Мужчины могутъ строить широкіе планы, мечтать о будущемъ, имъ принадлежитъ политическая власть. Нынче, напр., окончилъ въ университетѣ братъ нашей Н—де, и поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ; ему предстоитъ блестящая будущность,—онъ очень способенъ, уменъ, имѣетъ связи. Онъ можетъ шире мечтать о своей дѣятельности, и такое самосознаніе много помогаетъ при работѣ.

Мы же—можемъ двигаться только узкими, ограниченными путями, поэтому у насъ не можетъ быть такого широкаго политическаго горизонта мышленія, у насъ нѣтъ дороги къ власти, мы все-таки въ концѣ-концовъ—рабы.

Мы—существа безъ правъ, безъ широкой перспективы наши пути,—какъ покорно введенныя въ хомутъ лошади должны плестись по узкой колеѣ...

Будь я свободна всегда—у меня могли бы создаваться иные планы относительно педагогической дѣятельности; я знаю, что я выдвинулась бы изъ среды педагоговъ—кончи я курсъ студентомъ, а не курсисткой. А теперь самое большее, на что могу я надѣятся—это сдѣлаться начальницей гимназіи и только, такъ какъ вліять на жизнь глубже, сильнѣе—переработкою всего учебнаго строя, его главнаго основанія—мы не можемъ, насъ никогда не назначаютъ членомъ совѣта какихъ-нибудь комиссій для пересмотра программъ. И мы принуждены вѣчно изворачиваться, какъ бѣлки въ колесѣ, чтобы въ отведенныхъ намъ узкихъ рамкахъ дѣятельности—сдѣлать нѣчто такое, что исправляло бы основные недостатки системы. Сколько уже тратится силъ на устраненіе ихъ, но не производительно, а почему? — Потому что господа мужчины считаютъ себя непогрѣшимыми авторитетами въ области мысли, и, благо-

даря ихъ косности, ихъ невѣжеству, ихъ рутинности—у насъ вся учебная система ни къ чорту не годится, наше просвѣщеніе движется еле-еле, точно арба какая съ отчаяннымъ нестройнымъ скрипомъ немазанныхъ колесъ, и люди въ ужасѣ отъ этого скрипа затыкаютъ уши и жмутся, не хотятъ ни смазать колесъ, ни придумать новый экипажъ.

Я увѣрена, что въ будущемъ, въ Россіи роль женщины будетъ интересна: въ странѣ утвердится мысль о высшемъ женскомъ образованіи и явится цѣлый рядъ женщинъ, способныхъ къ участію въ управленіи страною. Но вдругъ, послѣ будущихъ историческихъ событій—мы будемъ вновь уничтожены отнятіемъ у насъ этого драгоцѣннаго права,—неужели мы сдадимся безъ борьбы?

— Нѣтъ! нѣтъ, товарищи! Если мнѣ жизнь поставитъ veto на работу,—то пусть останется этотъ дневникъ и послужитъ памятникомъ моего самосознанія.

23 сентября.

На обоихъ адресахъ профессорамъ вчера подписались: Левенецъ, Мерцъ, Н. Діомиди, А. Коробицина, С. Платонова, А. Шапалова, А. Сулимъ, Е. Дьяконова, В. Васильева, Ю. Малюга, В. Докучаева, А. Вакулина, А. Обломкова, Л. Уварова, В. Резанцева, И. Стрекалова, В. Николаева, М. Хаскина, Ел. Афанасьева, О. Чернышева, Н. Карпинская (только на адресѣ Гревсу), М. Левдикова, А. Савицкая, А. Тихонравова, Завадская, Гургеньскова, Т. Казакова, И. Уткина, О. Добіашъ, Прохорова, Котляревская, Красильникова, Н. Нилло, А. Мелентьева, Е. Матерно, О. Виноградова, З. Чернякова, Бурэ; четыре человѣка—Ступина, Кремлева, Киселева и Исаева — не подписались, такъ какъ часто бываютъ на курсахъ. Значитъ на вечерѣ было 42 человѣка.

Никто не возразилъ противъ проекта адреса К—еву, и онъ былъ принятъ молчаливымъ согласіемъ всѣхъ присутствовавшихъ, при чемъ привычка Д—ашъ первенствовать дошла до смѣшного: когда всѣхъ присутствовавшихъ надо было ознакомить съ моимъ проектомъ этого адреса и вообще сообщить о предполагаемомъ внѣшнемъ видѣ адресовъ—она, съ моихъ словъ, развязно начала сообщать присутствовавшимъ объ этомъ, хотя сама хорошо ничего не знала и только подъ конецъ просила меня объяснить подробнѣе. А проектъ адреса она просто взяла у меня, говоря, что сама прочтетъ его: „мнѣ сдѣлать это будетъ удобнѣе, нежели

вамъ". Я только усмѣхнулась и плечами пожала—до какихъ мелочей можетъ дойти честолюбивый человѣкъ! Она сама не понимала, какъ это было смѣшно съ ея стороны читать то, что не она писала, не будучи никѣмъ уполномоченной брать у меня безцеремонно мое же созданіе...

Адресъ Г—су до сихъ поръ еще не составленъ, несмотря на то, что давно бы надо сдѣлать это. Въ сравненіи съ ученымъ слогомъ Д—ашъ—адресъ К—еву написанъ такъ ясно, просто и кратко, что не только никто ничего не возражаетъ, но даже мнѣ самой иногда кажется, не черезчуръ ли это просто,—не лучше ли было бы написать иначе, болѣе изящно? Адресы эти стали моимъ дѣтищемъ. Я не могу довѣрить никому переговоровъ съ Шнейдеръ. Третьяго дня Ки—ва ходила вмѣсто меня, но она такъ грубо не поняла идей художницы, что передала все въ извращенномъ видѣ, и мнѣ стоило не малаго труда среди этой путаницы понять истинныя мысли художницы.

27 сентября.

Заказала сегодня дипломъ, по счету 59; 22 (съ математичками)—кончили весной, 37, значитъ,—осенью. А всѣхъ насъ было принято на первый курсъ—150 человѣкъ ист. отд. и 50 математичекъ; допустимъ, что ушло 40 человѣкъ, все-таки осталось—160. Гдѣ же остальныя 100? Исключены, ушли послѣ этой исторіи.

28 сентября.

Надо спѣшить приведеніемъ въ исполненіе плановъ, надъ которыми я давно думала...

Сперва я рѣшила поѣхать въ деревню, заниматься физическимъ трудомъ, изучать народную жизнь, заниматься съ крестьянскими ребятами, отдохнуть — и такъ жить до весны, а потомъ уѣхать заграницу; приведеніе въ исполненіе этого плана затрудняется только тѣмъ, что у меня нѣтъ ни одного знакомаго помѣщика, не къ кому ѣхать въ имѣніе, а забраться въ глухую деревню и жить по-крестьянски, да еще учить дѣтей безъ надлежащихъ „разрѣшеній" — это значитъ навѣрняка подвергнуться подозрѣнію...

Другой планъ—дѣлать попытки проникнуть на поприще юридическое. Подать прошеніе на Высочайшее имя государынѣ Але-

ксандрѣ Ѳеодоровнѣ о разрѣшеніи сдавать экзамены параллельно со студентами-юристами.—Этотъ планъ, разумѣется, не столько практическій, сколько теоретическій: мнѣ не разрѣшатъ никогда быть адвокатомъ, но къ небольшому ряду женщинъ, добивавшихся этого права—пусть прибудетъ еще одно имя. Надо быть хоть застрѣльщикомъ, если судьбою не суждено принять участіе въ настоящемъ сраженіи. При этомъ нельзя забывать, что уже 30 лѣтъ назадъ три женщины добивались высшаго сельско-хозяйственнаго образованія. Имъ было отказано. Черезъ 30 лѣтъ вопросъ не только поднятъ, онъ уже рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, и скоро возникнетъ, сельско-хозяйственный институтъ. Такъ и здѣсь. Отчего же не проложить женщинѣ новый путь?

Или: ѣхать за границу теперь же, на осенній семестръ—запасшись, конечно, рекомендательными письмами профессоровъ. Затрудненіе въ этомъ намѣреніи только одно—денежное, такъ какъ я ничего не хочу просить у матери.

Или: остаться здѣсь, практиковаться въ школахъ и продолжать занятія по русской исторіи у Лаппо-Данилевскаго. Это самый простой, не представляющій никакихъ затрудненій планъ; практически даже очень полезный, такъ какъ даетъ мнѣ возможность пріобрѣсти необходимый педагогическій навыкъ. И на этотъ разъ препятствіемъ является только моя личная воля.

Я всегда говорила, что для меня по окончаніи курса не такъ будетъ важенъ вопросъ „что дѣлать“, а „*какъ* дѣлать“, такъ какъ я уже при поступленіи рѣшила быть народной учительницей; теперь же оказывается не то: мои воззрѣнія на жизнь и предметъ воспитанія окончательно измѣнились и дѣлаютъ для меня невозможнымъ не только поступленіе на казенное мѣсто, но и открытіе собственной школы въ селѣ, гдѣ такъ близко приходится сталкиваться съ „батюшкой“...

Вотъ и еще планъ: открыть частную гимназію въ Ярославлѣ, съ солидною программою и съ педагогическимъ персоналомъ исключительно изъ курсистокъ. Такая гимназія необходима, такъ какъ у насъ всюду раздаются жалобы на недостатокъ вакансій въ обѣихъ гимназіяхъ, конкурсъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Дѣло только въ деньгахъ... А было бы хорошо, очень хорошо.

Словомъ, я въ концѣ-концовъ очутилась въ затруднительномъ положеніи. Изобрѣтательный умъ создаетъ одинъ планъ за другимъ, — точно утѣшить хочетъ за то, что по окончаніи курсовъ все-таки являешься не вполнѣ свободнымъ человѣкомъ.

12 октября.

Надняхъ, въ пріемный день, я отправляюсь къ министру юстиціи, какъ къ высшей инстанціи для выясненія вопроса, хотя знала заранѣе, что мнѣ будетъ навѣрное отказано. Никогда въ жизни я не бывала ни въ какомъ министерствѣ. Поднимаясь по лѣстницѣ большого дома министерства юстиціи на углу Екатерининской улицы, я ясно ощущала ту атмосферу казенщины, казарменности, которую мужчины съ такимъ необыкновеннымъ искусствомъ вводятъ всюду, гдѣ только простирается ихъ власть. Поднявшись во второй этажъ на длинной площадкѣ, я замѣтила, какъ одна изъ дверей была отворена и изъ нея входили и выходили одѣтые въ полную форму чиновники...—Гдѣ пріемная? Мнѣ сказали—здѣсь, и я прошла въ эту же дверь. Высокая комната въ одно окно была полна народомъ. Въ слѣдующей большой комнатѣ было нѣсколько дамъ смиреннаго, запуганнаго вида съ прошеніями въ рукахъ; всѣ онѣ были не молоды, иныя стары. За столомъ сидѣлъ молодой человѣкъ, записывалъ фамиліи, пришлось сказать ему свою. Нѣсколько мужчинъ сидѣло у стѣны на стульяхъ, другіе ходили по комнатѣ и разговаривали. Я встала у дверей, ни одинъ изъ сидѣвшихъ не тронулся предложить мнѣ свой стулъ. Очевидно, здѣсь, въ присутственномъ мѣстѣ, эти господа забывали свою пресловутую „вѣжливость къ дамамъ“ и, видя въ нихъ только смиренныхъ просительницъ, не стѣснялись. Среди сидѣвшихъ въ мундирахъ я замѣтила одного молодого, миловиднаго брюнета во фракѣ и почему-то подумала, что, навѣрно, онъ умѣетъ ухаживать за барышнями, а вотъ здѣсь, небось,—сидитъ и не уступитъ мѣста.

Я съ любопытствомъ наблюдала. Мундиръ, некрасивый, одного покроя, придавалъ чиновникамъ какой-то однообразный, казенный видъ: это были точно ходячія присутственныя мѣста. У всѣхъ плечи спускались почти подъ прямымъ угломъ, у всѣхъ мундиръ сидѣлъ безукоризненно, какъ на манекенѣ, и спина сзади чинно вытягивалась. Полная невѣжда въ чинахъ и знакахъ звѣздочекъ на погонахъ, я и не знала, конечно, кто именно представлялся министру. Высокая комната съ сѣрыми обоями, казарменная мебель вдоль стѣнъ, сѣрый свѣтъ петербургскаго осенняго дня и эти казарменнаго вида люди—все это вмѣстѣ взятое производило угнетающее впечатлѣніе. Передо мной вдругъ раскрылась незнакомая доселѣ страничка жизни—чиновничество и, какъ свѣжему

человѣку,—показалась невыносимой. Я съ гордостью сознавала, что происхожу отъ людей независимыхъ, что и братья мои по своимъ склонностямъ не годятся въ чиновники и ближайшіе родственники—тоже не имѣютъ въ средѣ своей чиновниковъ.

У дверей къ министру стояли вытянувшись два курьера съ медалями; одинъ изъ чиновниковъ бѣгалъ съ какою-то запиской, суетился и, наконецъ, подлетѣлъ ко мнѣ.—„Вамъ что угодно? подать прошеніе?“—Нѣтъ, отвѣчала я.—„Въ такомъ случаѣ, о чемъ же вамъ нужно просить министра?“ Мнѣ не хотѣлось говорить этому господину о своемъ личномъ дѣлѣ, но видѣла, что иначе нельзя.—Мнѣ нужно знать, позволено ли будетъ сдавать въ Россіи государственный экзаменъ по юридическимъ наукамъ.—„Въ такомъ случаѣ вамъ лучше обратиться въ министерство народнаго просвѣщенія“.—Нѣтъ, кромѣ того, мнѣ важно знать, возможна ли будетъ какая-либо практика,—возразила я. Чиновникъ молча улетѣлъ къ слѣдующей дамѣ.

Дверь отворялась и затворялась, въ нее входили разные люди, но толпа судейскихъ все ждала. Вдругъ бѣгающій чиновникъ съ бумагой опять подлетѣлъ къ мужчинамъ и началъ ихъ выстраивать полукругомъ. Мнѣ было смѣшно и странно видѣть этихъ взрослыхъ бородатыхъ мужчинъ, которыхъ устанавливали какъ школьниковъ и вытягивали полукругъ ровнѣе, а они—повиновались, какъ автоматы. Наконецъ, выстроились. Дамы же остались сидѣть (я уже перешла къ нимъ въ большую комнату). Все затихло. И отъ этой тишины у меня невольно замерло сердце. Мнѣ было смѣшно.

Вотъ оно,—вотъ эта игра съ психикой человѣка; какъ она дѣйствуетъ даже на человѣка независимаго, философски настроеннаго; что же говорить объ этихъ бѣдныхъ просительницахъ, объ этихъ несчастныхъ чиновникахъ? Весь порядокъ развиваетъ большое благоговѣніе къ власти и дѣйствуетъ такъ, что человѣкъ гораздо легче ей подчиняется, а власти только того и нужно...

Вдругъ двери распахнулись, и быстрою походкой вышелъ Н. В. Муравьевъ въ сопровожденіи двухъ чиновниковъ. Онъ началъ обходъ съ ближайшаго молодого человѣка,—задалъ ему вопросъ; я услышала слово „слѣдователь“, вопросъ „котораго участка?“—затѣмъ видѣла короткій поклонъ министра, и молодой человѣкъ съ поклономъ удалился. Такъ было и съ слѣдующими. Походка министра, при высокой, видной фигурѣ, его властная манера говорить, короткіе, быстрые вопросы—все такъ и говорило, до какой степени онъ проникся сознаніемъ своей власти, до какой степени

отожествлялъ себя съ нею. И двѣ фигуры сопровождавшихъ его чиновниковъ, подобострастно наклоненныя впередъ, точно ловившія каждое его слово, и съ записками въ рукахъ, и этотъ безмолвный полукругъ чиновниковъ, вытянутыхъ въ струнку, и эти бѣдныя просительницы—были для него вполнѣ соотвѣтствующей декораціей... Шла власть неумолимая, краткая и твердая въ своихъ рѣшеніяхъ...—Откажетъ! думала я,—нечего и спрашивать!—но уходить было невозможно. Министръ все приближался къ концу полукруга, гдѣ стояла я. Вотъ онъ подошелъ къ молодому человѣку во фракѣ, совсѣмъ близко отъ меня, и отрывки разговора могла слышать ясно.—„Я явился сказать вашему высокопревосходительству, что все заявленное обо мнѣ... ложь...“ тихимъ взволнованнымъ голосомъ заговорилъ проситель. Министръ не далъ ему продолжать:—„Позвольте... вы уже на второмъ мѣстѣ... и о васъ я снова слышу жалобы... вы ни съ кѣмъ не можете ужиться“. Молодой человѣкъ перебиваетъ, возражая что-то, я не могу разобрать его словъ... но рука властно подымается:—„Позвольте!.. итакъ, я не могу принять васъ болѣе на службу по министерству юстиціи; а пособія въ видѣ выдачи годового оклада жалованья—нигдѣ и никогда не выдается при такихъ случаяхъ“. Короткій поклонъ, и молодой человѣкъ проходитъ мимо меня, лицо его спокойно, но почемъ знать?—какую бурю унесъ онъ въ душѣ, каково чувствовалъ онъ себя послѣ двойного отказа: не выслушали его оправданія и не дали денегъ? Очевидно, и то и другое было для него не существенно важно. Но я вспоминаю, какъ этотъ же самый субъектъ сидѣлъ передо мною, и чувствую вдругъ нѣкоторое удовлетвореніе, что одинъ изъ этихъ имѣющихъ преимущества передъ женщинами и такъ явно ихъ здѣсь высказывающій—сверженъ, лишенъ части своихъ правъ, и уходитъ побѣжденнымъ. Виноватъ ли онъ, или нѣтъ,—трудно сказать; его миндальная физіономія не внушаетъ довѣрія, министръ же судилъ безпрекословнымъ тономъ...

Стоявшая со мной дама просила его о помилованіи, онъ тотчасъ же отпустилъ ее, и обратился ко мнѣ. Нѣсколько путаясь отъ желанія высказать какъ можно короче, я спросила его о юридическомъ образованіи женщины, и возможно ли примѣнить свои познанія къ дѣлу.—„На это я могу вамъ отвѣтить справкой изъ закона, по которому женщинамъ запрещается заниматься адвокатурой. Кромѣ того, этотъ вопросъ разсматривался въ Комссіи и былъ рѣшенъ отрицательно“. Я сочла нужнымъ объяснить ему,

что спрашиваю потому, что осенній семестръ начинается заграницей, и тратить даромъ время на изученіе юридическихъ наукъ мнѣ бы не хотѣлось.—„Вотъ, можете сами справиться въ законѣ. Во всякомъ случаѣ я бы вамъ не совѣтовалъ",—закончилъ разговоръ министръ, направляясь къ другой дамѣ. Я поклонилась и вышла.

На душѣ было смутно, скверно и тяжело отъ сознанія своей зависимости, своего рабства... „Запретили"... мужчинамъ легко рѣшить этотъ вопросъ. Но отчего запретили?— Потому что мы— женщины? — и въ эту минуту я готова была ненавидѣть свою любовь къ родинѣ, удерживающей меня здѣсь. Она одна мѣшаетъ мнѣ перемѣнить подданство, уѣхать въ ту страну, гдѣ женщина наиболѣе свободна. Мнѣ вспомнились образованные крѣпостные: не въ такомъ ли положеніи отчасти находимся и мы? Не даромъ же намъ не даютъ изучать правъ.

12 ноября.

Вчера вечеромъ скончался М. Н. Капустинъ. Я была сегодня. на панихидѣ... Лицо покойнаго нисколько не измѣнилось. Вотъ онъ лежитъ спокойный, неподвижный,—и та рука, которая подписала разъ рѣшеніе на моемъ прошеніи о поступленіи на курсы,— уже не шевельнется болѣе. Съ какимъ-то невыразимо-глубокимъ чувствомъ смотрѣла я на лицо умершаго; мнѣ вспоминалось близкое прошлое, всего за 4 года назадъ, вспомнился мой разговоръ съ нимъ,—и все тяжелое время передъ поступленіемъ на курсы. Чувство благодарности живо въ моей душѣ, хотя и сознаю, что Капустинъ, въ сущности, *обязанъ* былъ принять меня на курсы, и онъ сдѣлалъ только-то, что долженъ былъ сдѣлать; но его два письма къ матери, его старанія добиться ея согласія — все это глубоко тронуло меня, и я никогда въ жизни не забуду свѣтлый, благородный образъ дѣйствія Капустина.

Согласно послѣдней волѣ покойнаго на гробъ не возлагается вѣнковъ, но они все-таки есть и сложены сбоку, у стѣны; среди нихъ и отъ университета, и „отъ профессоровъ, администраціи и слушательницъ В. Ж. Курсовъ".

У меня всегда было желаніе имѣть его фотографическую карточку съ автографомъ; но этому желанію, какъ и многимъ моимъ сильнымъ желаніямъ, не суждено было осуществиться: два года назадъ, на актѣ, я лично просила Капустина дать свою карточку—

онъ любезно согласился, и потомъ, конечно, забылъ. Теперь пріобрѣту сама его портретъ и поставлю на свой письменный столъ.

10-го, вечеромъ, во Псковѣ я гуляла съ Л—тинымъ и разсказывала ему свое поступленіе на курсы; я никогда и ни съ кѣмъ не говорю объ этомъ—и вся взволновалась, и тяжело было мнѣ вновь коснуться душевной раны и, оказывается, въ это время М. Н. уже умиралъ... И всегда у меня было какое-то предчувствіе, что съ окончаніемъ курсовъ — кончится и жизнь того, съ кѣмъ связано такъ тѣсно мое поступленіе на нихъ...

Спокойствіе смерти... хорошо оно, когда человѣкъ умеръ, проживъ жизнь не даромъ... Капустинъ... не знаю о немъ, какъ объ администраторѣ, но для нашихъ курсовъ онъ сдѣлалъ много: сколько курсистокъ обязаны ему своимъ пріемъ сверхъ комплекта! при немъ число слушательницъ дошло до 900 слишкомъ—немного не хватало до прежней цифры.

Онъ умеръ; но что жъ? Вѣдь мое благодарное чувство къ нему умретъ со мною. Это своего рода молитва... Поклонясь гробу—я перекрестилась... зачѣмъ?

14 ноября.

Завтра надо пойти на выносъ.

Смерть вызываетъ на размышленія о безсмертіи души. Если оно есть, то представленія о загробной жизни у насъ, интеллигенціи, должно складываться сообразно нашему умственному и нравственному развитію. Вѣдь также, сообразно своей культурѣ, складывали представленіе о раѣ народы всѣхъ временъ. Я представляю себѣ загробную жизнь какъ высшее, непрерывное удовлетвореніе всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ стремленій, близость того идеала, который мы называемъ словомъ „безсмертіе“, а вѣрующіе—Богомъ; глубокая гармонія духа, происходящая отъ внутренней удовлетворенности, вѣчная любовь, преображеніе душъ, совершающееся подъ вліяніемъ этой любви, дѣлаетъ для людей доступнымъ тотъ идеалъ братства и равенства, который недостижимъ здѣсь на землѣ. И эта божественная гармонія, эта дивная музыка души, единеніе всѣхъ людей, возвысившихся, облагороженныхъ—чужды всей грязи, которая остается на землѣ вмѣстѣ съ оболочкой тѣла—вотъ такое представленіе о блаженствѣ должно бы создаться у насъ. Это вѣдь своего рода религія...

Прочла какъ-то въ воспоминаніяхъ Пассекъ, что Герценъ въ дѣтствѣ былъ очень религіозенъ и съ утратою дѣтской вѣры —

онъ обратилъ всю свою энергію, всю любовь своей души, всѣ ея силы на служеніе человѣчеству. Я, конечно, далека отъ мысли сравнивать себя съ такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, но сущность-то души часто бываетъ сходна у людей: не я одна была религіозна—и потомъ, отказавшись отъ прежней вѣры, обращала свои духовныя силы на мысли объ общемъ благѣ. Натуры не религіозныя въ дѣтствѣ, холодныя, спокойныя — не могутъ понять этого переворота. И вотъ я чувствую, какъ мои душевныя силы незамѣтно обращаются на работу для идеи, справедливость—моя религія, вѣра въ прогрессъ—моя вѣра...

Я не могу жить, какъ живетъ Ч., съ яснымъ сознаніемъ неспособности отвѣтить на вопросъ о причинѣ своего существованія и все-таки жить,—нѣтъ, я не могу! У меня долженъ быть свой идеалъ, въ немъ и сказалась религіозность моей натуры. Что-жъ! я отъ этого не отрекаюсь...

Первымъ шагомъ къ осуществленію своихъ мыслей была моя статья, которую я написала ровно двѣ недѣли тому назадъ, о женскомъ образованіи, гдѣ я разбираю вопросъ о средней женской школѣ. Теперь какъ разъ своевременно поднять его,—идутъ толки о реформѣ средней мужской школы, а о женской никто ничего не пишетъ; вотъ я и написала эту статью въ силу неудержимаго внутренняго стремленія—изложить свои мысли, поднять вопросъ существенный, важный, необходимый. Что выйдетъ изъ этого—не знаю, но мой нравственный долгъ обязываетъ сказать то, что я считаю нужнымъ сказать. Эту статью прочли Ч. и педагогъ Н. Ѳ. Ар—евъ, сказавъ оба, что годится для печати, послѣдній же посовѣтовалъ направить ее въ „Женское Дѣло“. Я сегодня была въ редакціи, передала ее А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой, и она обѣщала помѣстить въ декабрѣ или январѣ. А впрочемъ вдругъ не напечатаютъ? *).

17 ноября.

Я получила изъ Ярославля 100 руб. и внесла ихъ, какъ пожизненный взносъ, въ Общество для доставленія средствъ курсамъ; мнѣ такъ хотѣлось къ дню акта быть уже въ числѣ членовъ, что прямо съ почты съ деньгами я отправилась въ канцелярію, внесла ихъ директору и получила квитанцію.

---

*) См. журн. „Женское Дѣло“, дек. 1899 г.: „Женское образованіе“, Е. Дьяконовой.

21 ноября.

На курсахъ было большое торжество: открытіе новаго зданія, въ которомъ помѣщаются: актовый залъ на 1.000 человѣкъ, библіотека, большая аудиторія на 600 человѣкъ, двѣ поменьше, профессорская и инспекторская. Домъ еще не былъ вполнѣ готовъ, но залъ, съ прилегающими къ нему инспекторской и профессорской, были отдѣланы и обставлены вполнѣ, большая аудиторія также.

Сегодня же была назначена отправка депутацій къ Г—су и Ка—еву. Къ Г—су, какъ водится, ѣхали всѣ депутатки — отъ каждаго курса по одной представительницѣ, къ Ка—еву же отправили четырехъ не назначенныхъ депутатокъ, въ числѣ которыхъ была я. Сборъ былъ назначенъ въ комнатѣ одной изъ насъ къ 12 часамъ. Я пришла раньше, вынула адресы и все приготовила къ отправкѣ. Вскорѣ одна депутація уже уѣхала, къ Ка—еву же нечего было спѣшить, такъ какъ онъ живетъ на той же линіи, гдѣ и курсы.

Юленька М. принарядилась и, по обыкновенію, болтала безъ конца; изящная, тонкая и высокая Д—рова вполнѣ подходила въ качествѣ депутатки, и К. тоже; я одѣлась въ темное платье съ кружевнымъ шарфомъ на шеѣ,—должно быть было вполнѣ корректно, такъ какъ заслужила замѣчаніе Д—вой, что изъ всѣхъ ихъ у меня наиболѣе депутатскій видъ. А между тѣмъ, я никогда не была депутаткой... но смутное чувство увѣренности, что я смогла бы быть представительницей и защитницей интересовъ товарищей не оставляла меня. Рѣшено было, что я скажу сначала нѣсколько словъ профессору, передамъ адресъ Юленькѣ для прочтенія и передачи. Нельзя сказать, чтобы на душѣ у меня было хорошо: за адресъ Г—су мнѣ нечего было бояться — онъ былъ исполненъ безукоризненно съ художественной стороны, и текстъ, хотя и длинноватый, дышалъ теплотою и искренностью; текстъ другого адреса былъ написанъ мною, и я ясно сознавала всѣ его недостатки: „Николай Ивановичъ! Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія узнали мы, что Вы принуждены прекратить чтеніе лекцій въ университетѣ и на курсахъ. Мы теряемъ въ Васъ не только профессора, выдающагося представителя науки, но и человѣка, въ которомъ всегда находили сочувственный откликъ наши нравственныя и матеріальныя нужды. Примите, глубокоуважаемый профес-

соръ, выраженіе нашей искренней признательности за все сдѣланное Вами для русской науки и учащейся молодежи". Написано было сдержанно, ясно, кратко и, въ сущности, вполнѣ честно, безъ всякаго преувеличенія выражало наши чувства по поводу потери Ка—ева, но, пожалуй, уже черезчуръ кратко; кромѣ того, не было подчеркнуто значеніе его сочиненій, не было сказано, что они навсегда останутся для насъ источникомъ знанія и проч., — это все надо было бы сказать, да не было сказано.

Мы пришли и раздѣлись въ прихожей. Ка—евъ вышелъ къ намъ, и войдя въ залъ, я обратилась къ профессору съ коротенькой рѣчью, содержаніе ея приблизительно было такое: „Въ день нашего курсового праздника, въ который мы привыкли видѣть Васъ среди насъ, глубокоуважаемый профессоръ, мы приходимъ къ Вамъ, чтобы выразить чувство безконечнаго сожалѣнія о томъ, что Ваша долголѣтняя связь съ молодежью... теперь прекращена". Я хотѣла сказать это какъ можно глаже, лучше, но, какъ водится, послѣдняя фраза вышла у меня не очень-то литературно сказанной, и я поспѣшила окончить: „Мы являемся къ Вамъ въ качествѣ депутаціи отъ всѣхъ нашихъ товарищей". Прибавивъ еще какія-то слова, передала адресъ Юленькѣ—та спокойнымъ тономъ прочла адресъ.

Ка—евъ, слегка наклонивъ голову, заложивъ руку за бортъ сюртука, неподвижно стоялъ передъ нами; онъ былъ, какъ всегда, величественъ и спокоенъ, и я тщетно старалась уловить на его лицѣ слѣды какого-нибудь душевнаго движенія. Юленька передала ему адресъ, онъ пригласилъ насъ сѣсть.—„Да, я надѣялся, что еще буду продолжать чтеніе лекцій на курсахъ, предполагалъ даже открыть спеціальный курсъ, и вотъ... не пришлось", сказалъ онъ. Такъ какъ изъ всѣхъ присутствовашихъ онъ зналъ только одну меня немного въ лицо, то и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что дѣлается у насъ на курсахъ? Я отвѣчала, что лекціи г-на Г. посѣщаются мало, что мы никакъ не можемъ забыть нашей потери; передъ каждой вечеринкой поднимается исторія— пригласить или не приглашать г-на Г., такъ какъ, къ сожалѣнію, среди нашихъ товарокъ находятся люди, готовые пригласить на томъ только основаніи, что онъ читаетъ лекціи. Мнѣ было стыдно сказать эту правду, но Ка—евъ, конечно, могъ понять, что эта кучка не велика во всякомъ случаѣ.—Вопросъ былъ рѣшенъ такъ, продолжала я: ему продали билетъ на вечеринку на общемъ

основаніи, но вамъ и Г—су будутъ присланы почетные билеты на домъ.—„Будьте такъ добры, скажите той, которая будетъ у меня съ билетомъ, чтобы она оставила мнѣ свой адресъ“,— сказалъ профессоръ. Потомъ заговорили объ актѣ...—„Хотя я и получилъ приглашеніе, но вы понимаете, конечно, что не могу быть у васъ. Жена моя будетъ, какъ членъ комитета. Но я не пойду, такъ какъ могу же встрѣтиться съ тѣми, встрѣча съ которыми невозможна“. Мы высказали сожалѣніе, что не увидимъ его. Разговоръ продолжался еще нѣсколько минутъ... Всегда нетерпѣливая и церемонная Юленька поднялась первая, мы тоже всѣ встали и простились.

Московская Центральная Публичная библиотека

НОВАЯ КНИГА:

ДНЕВНИКЪ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ.

(Парижъ 1900—1902).

Съ портретомъ автора и біографическимъ очеркомъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія въ типографіи Министерства Путей Сообщенія, Фонтанка, 117.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ **ТРЕТІЙ** ТОМЪ СОЧИНЕНІЙ:

Е. ДЬЯКОНОВА

ДНЕВНИКЪ

(1886 — 1895).

Очерки и Разсказы. — Статьи.